КІЕВСКАЯ СТАРИНА.

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ТРЕТІЙ.

ТОМЪ LXXXV.

1904 г.

МАЙ.

КІЕВЪ.
Типографія Императорскаго Университета св. Владиміра
Акц. Общ. Н. Т. Корчакъ-Новицкаго, Меринговская, № 6
1904.

Дозволено Цензурою. Кіевъ, 14 апрѣля 1904 г.

Михаилъ Петровичъ Старицкій.

Объявленіе о преміяхъ.

Редакція журнала «Кіевская Старина» рѣшила на текущій годъ объявить преміи за лучшіе разсказы и повѣсти по-украински. Условія премій слѣдующія:

1) Представляемые на премію разсказы и повѣсти должны быть оригинальные, а не переводные и передѣланные [1].

2) Авторамъ предоставляется свободный выборъ темъ и сюжетовъ.

3) Премированный разсказъ или повѣсть печатается въ «Кіевской Старинѣ» и оплачивается по разсчету 100 руб. за печатный листъ въ 16 страницъ.

4) Срокъ представленія разсказовъ и повѣстей не позже 1 ноября 1904 года.

5) Рукописи должны быть представлены переписанными не рукою автора и безъ имени его, а только съ девизомъ, при чемъ нужно въ запечатанномъ конвертѣ, съ надписью того-же девиза, указать свой точный адресъ (имя, отчество, фамилія и почтовая станція).

---

1) Драматическія пьесы на премію не принимаются.

Генеральный судья Иванъ Чарнышъ и его родъ.

(Окончаніе [1]).

Надѣясь на поддержку Малороссійской Коллегіи, рѣшился напомнить о себѣ и Кицешъ. «Неспокойный турбаторъ» въ январѣ 1723 года билъ челомъ въ Коллегіи, прося ускорить теченіе его дѣла съ Чарнышомъ. Изъ этой челобитной мы видимъ, что въ 1722 году розыскъ былъ, наконецъ, учиненъ Скорняковымъ-Писаревымъ и генеральнымъ есауломъ Жураковскимъ, пославшими отъ себя въ Ковалевку: первый—«оффѣцера» Ивана Мордвинова, а второй—бывшаго гадяцкаго атамана Ивана Десятника, но рѣшеніе по розыску не состоялось. Спрошенный объ этомъ Жураковскій отвѣтилъ Коллегіи, что въ декабрѣ 1722 года былъ онъ на «коммиссіи Почепской», по возвращеніи съ которой уже было приказано канцеляристу составить приговоръ по дѣлу генеральнаго судьи съ Кицешемъ, но на бѣду послѣдняго, Скорняковъ-Писаревъ былъ вытребованъ въ Москву, а Жураковскій единолично «не смѣлъ» утвердить приговоръ. Кромѣ того, розыскъ

[1]) См. Кіев. Стар. 1904 г., № 4.

Мордвинова и Десятника былъ не полонъ, вслѣдствіе нахожденія многихъ свидѣтелей въ Терковскомъ и Ладожскомъ походахъ. Основываясь на этихъ показаніяхъ Жураковскаго, Малороссійская Коллегія, промеморіею своею отъ 14 февраля 1723 года, предложила Войсковой канцеляріи разобрать это дѣло, на что та черезъ три дня отвѣтила, что Кицешеваго дѣла въ настоящее время, «за слабостію здоровя господина судіи Івана Чарниша, въ которомъ онъ нинѣ найдуется, вершити невозможно; развѣ когда оздоровѣетъ онъ судья—въ ту пору помянутому дѣлу в Войсковой Енералной Канцеляріи рѣшеніе учинится». Кромѣ того, генеральная канцелярія была въ затрудненіи, не зная, кто будетъ участвовать въ составленіи и утвержденіи приговора вмѣсто Скорнякова-Писарева. Наконецъ, въ мартѣ 1723 года, было приступлено къ новому розыску. Отъ войсковой канцеляріи высланы были въ Ковалевку: полтавскій полковой обозный Лаврентій Никитовичъ, войсковой товарищъ Яковъ Новицкій и войсковой канцеляристъ Василій Забѣла, а отъ Коллегіи—полковой квартермистръ Гаврила Карташовъ. Но «розыщики» встрѣтили затрудненія; во-первыхъ,—дѣло было передъ праздникомъ Пасхи, и потому они «для слѣдуючихъ святъ в доми свои розехалися»; во-вторыхъ,—многихъ потребныхъ для опроса лицъ, живущихъ въ другихъ полкахъ, не было, почему Никитовичъ, Забѣла и Новицкій просили выслать нужныхъ свидѣтелей въ Ковалевку къ 23 апрѣля; кромѣ того, «ковалювцѣ, бравшіе имѣніе Кицешево, свѣдителей не могучи къ розиску представити: що взялъ кто и за що,—присягою разводитися хотятъ,—которихъ (спрашивали слѣдователи) чи належитъ до присяги приводити, или ни? Такихъ, на которихъ доводится, же неслушне худобу чолобитчика Кицеша взяли, или Кицешъ противъ ихъ присягнетъ, то у тихъ: чи истую принимать, или сугубо, жебы за протори и убитки, черезъ сѣмъ лѣтъ роненніе, стало, отбирати?»

Эти недоразумѣнія, вызванныя неясностью инструкціи, данной слѣдователямъ, были, въ концѣ концовъ, устранены, и 20-го мая 1723 года розыскъ пришелъ къ концу. Имъ было установлено что почти все забранное ковалевскими обывателями имѣніе

Кицеша было взято у него ими на основаніи рѣшенія генеральнаго суда 1717 года и бывшій ковалевскій сотникъ примирился почти со всѣми изъ нихъ. Такимъ образомъ Кицешъ могъ требовать съ Чарныша лишь вознагражденія за «бой» и возвращенія взятаго имъ имущества якобы на своихъ племянниковъ, но и здѣсь ковалевскіе обыватели показывали, что Кицешъ, пріѣхавшій въ 1713 году въ Гадячъ, «по аффектаціи» былъ удержанъ Чарнышомъ при себѣ, а затѣмъ поселился въ Ковалевкѣ, куда «самъ-другъ на двохъ коняхъ пріѣхавши, стоялъ господою у козаковъ ковалювскихъ, именно у Юска Стрилниченка и у Рядка Коваля, где жаднихъ у его, Афанаса Кицеша (опрочъ двохъ коней, суконъ добрихъ, оружя порядочного и нѣсколко талярей битихъ) имѣнія не было; а когда зась з ласки его милости пана судіи енерального оженилъся з братовою и зосталъ сотникомъ, то в той часъ знатное число явилося бидла и прочей худоби». Кицешъ, правда, спорилъ съ ковалевцами противъ ихъ показанія, утверждая, «же не два, але три конѣ (у него было)» и что «квартируючи въ Коваловцѣ, и грошей доволно при себѣ мѣлъ, тилко грошей никому не показовалъ», — но все-таки выходило, что генеральный судья былъ правъ, отбирая на своихъ племянниковъ имущество Кицеша по той причинѣ, что оно было получено имъ за женою.

Розыскъ этотъ касался лишь вопросовъ о забраніи имущества Кицеша самимъ Чарнышомъ и ковалевцами, и по нему Кицешъ уже не могъ требовать вознагражденія отъ генеральнаго судьи. Другихъ сторонъ дѣла, именно «боя» и «увѣчья» розыскъ совершенно не касался, и потому Кицешъ нетерпѣливо ожидалъ полнаго вознагражденія за обиды отъ генеральнаго судьи. Еще въ началѣ 1723 года, недовольный медленнымъ ходомъ его процесса, онъ писалъ Меньшикову, прося его послать свой указъ въ Коллегію къ Скорнякову-Писареву о скорѣйшемъ рѣшеніи его дѣла. «А все то», пишетъ Кицешъ про свое увѣчье отъ Чарныша, «безъ указу покойного гетмана, з ненависти своею властію такъ мнѣ мученіе не по христіанску (Чарнышъ) чинилъ; а все для того, что мы, чужоземцѣ—верніе імператорского величества зостаемъ слуги, и ненавидячи насъ, чужоземцовъ, през килка годъ

на гадяцкого полковника Михаила Милорадовича земстилъ, и с завзятой ненависти своей и судомъ своимъ неправеднимъ мене напраспо обѣдилъ»... Далѣе Кицешъ прямо указываетъ на то, что дѣло его «залежалось» въ Коллегіи изъ-за «великихъ дарунковъ» какъ самого Чарныша, такъ и «гетмановой» [1]), вслѣдствіе чего и его самого «для наилучшаго доношенія» въ Москву не пускаютъ. Письмо это, кажется, осталось безъ отвѣта, и выведенный изъ терпѣнія судебной волокитой, Кицешъ 20 іюня пишетъ небольшое по объему, но значительное по содержанію въ немъ угрозы, письмо къ генеральной старшинѣ, изъ которой Полуботокъ, Савичъ и Чарнышъ въ это время уже были по пути въ Москву:

«Велможніи мцѣ панове старшина енералная. Понеже дѣло мое з паномъ Чарнишемъ, судією енералнимъ, отъ семи лѣтъ точитись зачатое, до сего часу укончитись не можетъ, чрез що до крайнего, тутъ въ Глуховѣ справуючися, прихожу разоренія и нищеты,—того ради прошу велможностей вашихъ о таковий себѣ благопризрѣтелний респектъ, жебы тотъ заводъ албо тутъ по грамотѣ Імператорского величества, чрез мене принесенной, былъ успокоенъ,—или мнѣ дать свѣдителство, зачимъ оное дѣло не вершено, з которимъ бы я могъ, *заехавши въ Санктъ Пітербурхъ, високонравителствующому Сенату быть чоломъ и просить милости*. Велможностей вашихъ нижайшій слуга Афанасъ Кицешъ». Моментъ, избранный Кицешемъ для подачи этого прошенія, былъ удаченъ; въ Глуховѣ не было ни Полуботка, ни Савича, ни самого Чарныша; оставшаяся генеральная старшина въ лицѣ Жураковскаго и Лизогуба имѣла мало значенія, и въ концѣ декабря 1723 года дѣло, наконецъ, было разобрано Коллегіей и генеральной старшиной, а 3-го февраля 1724 года состоялся и приговоръ по нему, изъ котораго приводимъ пункты: 1) Просьба Кицеша о возвращеніи ему сотничества была отклонена по той причинѣ, что универсала гетмана на этотъ урядъ онъ не имѣлъ, а Демьянъ Ивановичъ таковой представилъ; 2) Относительно розданнаго Чар-

---

[1]) Вдова гетмана Скоропадскаго, мать второй жены Чарныша.

нышемъ имѣнія ковалевскаго сотника обывателямъ, судъ, основываясь на розыскѣ, изъ котораго оказывалось, что Кицешъ призналъ почти во всѣхъ случаяхъ правильность декрета генеральнаго судьи 1717 года, предложилъ Кицешу самому доискиваться убытковъ на тѣхъ, «хто у него что побралъ» и съ кѣмъ онъ еще не «поквѣтовался»; 3) Что же касается забраннаго Чарнышемъ имѣнія на своихъ племянниковъ, то судъ, «подлугъ права, в Саксонѣ на листѣ 325 под дикціею «поссессіа» написаннаго: судья отъ поссессіи нѣкого отдаляти не маетъ, правомъ его не переконавши, хочъ бы вѣдавъ, же то неслушне держитъ,— да в той же книзѣ Саксонъ на листѣ 99 написано: добра чужіе хто безправне держитъ, а потомъ отдати если оніе правне муситъ,—тогда тое з отложенемъ вини и нагородити маетъ»,—присудилъ Кицешу забранное у него Чарнышемъ имѣніе: «конь сивій (25 руб.), кобыла (13 руб.), конь вороній (55 р.), конь гнѣдій с сѣдломъ и уборомъ (26 р.), свиней двое (2 р. 13 алт. 14 д.), товару рогатого осмеро, овецъ сорокъ двѣ, козъ з козлятами восемь, пчолъ старихъ 12 (12 р.), мѣхъ лисій кгарловій (36 руб.), тулупъ чорній бараній, подбитъ зайцами (26 р.), коцъ, килимъ; да в скриняхъ, до его, судіи, взятихъ, которіе были запечатани: коберець новій турецкій болшій (10 р.), три коберци настолніе (45 р.), полотна швабского кусокъ (5 р.), три скатерти кгданскихъ добрихъ (18 р.), блюдъ болшихъ дюжинъ, талѣрокъ дюжинъ и ложекъ оловянихъ два дюжини (5 р.), и три чарки срѣбнихъ (3 р. 20 алт.),»—признавъ, что это имѣніе было Кицеша; 4) Изъ отобраннаго же женинаго имѣнія («скоту рогатаго трое, свиней с поросятами двадцять») Кицешу предоставляется «доправить» на судьѣ четвертую часть; 5) За «похвалки» Кицешъ не понесъ никакой кары, такъ какъ «по унѣверсалу гетманскому, до его (судіи) з Санктъ-Питербурга присланному, при которомъ унѣверсалѣ и особливій его імператорского величества указъ з іностранной Коллегіи до полковника Шарфа в прошломъ 1718 году, іюля в 19 день присланъ о сиску и отсилци в Санктъ-Питербурхъ разного званія малороссійскихъ людей в великомъ царственномъ дѣлѣ,—в которомъ указѣ его Кицешового імени не

виражено». Такимъ образомъ труды Чарныша по собиранію «сказокъ» о «продерзливыхъ» словамъ Кицеша пропали даромъ; 6) Такъ какъ Кицешъ въ «великомъ царственномъ дѣлѣ» замѣшанъ не былъ, то Чарнышъ не могъ оправдать и своего надъ нимъ «боя и увѣчья», «противъ чого в Статуту, в роздѣлѣ 11-мъ, в артикулѣ 27-мъ, написано: кто-бы кого, на зелживость стану шляхетского, кіями былъ, албо бити казалъ,—за таковій кождій бой, албо зелживость, маетъ быть навязки плачено 40 копъ грошей; да в томъ же Статутѣ, роздѣлѣ 4-мъ, артикулѣ 63-мъ: если бы которій судія и другій урядникъ кгвалтъ мѣстцу нашему государевому и суду учинилъ, а кого на судѣ ранилъ,—таковій урядникъ горло тратитъ, а навязка з імѣнія его совито (вдвое) быть имѣетъ плачена. И потому за бой и увѣчче, ему, Кицешу, отъ него, судіи Чарниша, пополненное, доправить на немъ, судіи, навязки денегъ 40 рублей»; 7) «А что о блудодѣяніи противъ челобитія его Кицеша, о напрасномъ руганіи, судья Чарнишъ подалъ къ дѣлу на оного Кицеша о справедливости подъ іменемъ імператорского величества чолобитную, в которой обявилъ, что тую дитину з Кицешевою женою не онъ, судія, прижилъ, але Яковъ Карика, которій до того блудодѣянія и самъ признался,—и то надлежитъ не къ мирскому, но духовному суду»... Такъ закончилась семилѣтняя борьба Кицеша съ генеральнымъ судьей, къ торжеству перваго изъ нихъ [1]).

---

[1]) Такъ какъ намъ съ Кицешемъ придется еще встрѣтиться, то считаемъ не лишнимъ сообщить дальнѣйшія его странствованія. Получивъ отказъ на просьбу свою о ковалевскомъ сотничествѣ, Кицешъ въ 1725 году, въ мартѣ, просилъ генеральную канцелярію «за его вѣрніе служби пожаловать его сотничествомъ, гдѣ вакансъ показуетъ, а именно въ полку Гадяцкомъ, у Зѣнковѣ, на мѣстце сотника Рожанскаго», прибавляя, что съ 1718 года, когда отставилъ его отъ сотничества Чарнышъ, онъ скитается «межъ двори и нѣякого себѣ опредѣленія» не имѣетъ. Генеральная канцелярія просила на челобитную резолюціи у Коллегіи, а та, въ свою очередь предложила учинить ее Канцеляріи. Послѣдняя навела о Рожанскомъ справку, изъ коей оказалось, что сотникъ Рожанскій «въ прошломъ году любо

Въ то время, когда дѣло Кицеша рѣшалось окончательно, генеральный судья уже былъ далеко отъ Малороссіи, вызванный еще въ іюнѣ 1723 года въ Петербургъ совсѣмъ по другому дѣлу. Несомнѣнно, что ходъ его дѣла съ Кицешемъ былъ въ полной зависимости отъ личнаго пребыванія Чарныша въ Малороссіи и отъ тѣхъ «дарунковъ», о которыхъ упоминалъ Кицешъ въ своемъ письмѣ къ Меньшикову и которые прекратились съ отъѣздомъ Чарныша изъ Малороссіи. Мы не будемъ останавливаться по-

---

болѣзненъ билъ на очи, однакъ гражданскіе и сотенніе порядки радѣтелно правилъ, а нынѣ, благодареніе Господеви, далеко лучшое над прежное очесамъ своимъ имѣетъ полегченне и оніе порядки правитъ же»... Получивъ такую справку отъ второго зѣньковскаго сотника Мелетія Жадка, канцелярія оставила челобитную Кицеша безъ отвѣта; но тотъ былъ нетерпѣливъ и не получивъ «указу», въ іюлѣ того же года вновь просилъ о сотничествѣ, извѣстясь, «что гадяцкого полку в опошанской сотнѣ отъ походу дербентского сотника бить не имѣется»... Вновь генеральная канцелярія навела по этому поводу справки, и наказной полковникъ гадяцкій Мартинъ Штишевскій писалъ генеральной канцеляріи въ отвѣтъ: «Якъ оного Кицеша въ здѣшнемъ полку найменшой службы не бувало, толко една прослуга, и не малая, явилася (за что и сотницства ковалювского позбулъ), з которихъ его збродних поступковъ нѣкоторіе мунѣмента малѣйшіе до вѣдома в енералную канцелярію и нынѣ посилаю, а болшіе документа о крадежу килканадцятъ коней и протчіего виступку,—всѣ на сей часъ въ благороднаго его милости пана полковника нашего и пана Григорія Кграбянки, судіи полкового гадяцкого обрѣтаются... Однакъ (пишетъ далѣе Штишевскій), лучше ему, Кицашовѣ, гдѣ прислуга была—тамъ и о мѣстце старатися, нежели опорочившися доволно, еще на такое знатное мѣстце промоватися, которое гараздъ совѣстнѣйшого и справнѣйшого ожидаетъ себѣ человѣка,—в семъ да благоволитъ енералная войсковая канцелярія милостиво разсмотрѣть и отъ такого непостоянца и обыдителя, паче же шкодци людского, якій не чину, но наказанія за свои поступки достоинъ,—сотнянъ опошанскихъ избавити»... Канцелярія согласилась, по всей вѣроятности, съ аттестаціей, данной Кицешу Штишевскимъ, такъ какъ Кицешъ никуда на сотничество опредѣленъ не былъ и въ 1729 году служилъ «ротмистромъ ландмилицкихъ полковъ».

дробно на причинахъ вызова для отвѣта въ Петербургъ Полуботка, Чарныша и генеральнаго писаря Савича [1]). Скажемъ только, что однимъ изъ поводовъ, которые выставлялись правительствомъ, какъ причина учрежденія Коллегіи—были безпорядки въ генеральномъ судѣ, отправленіе правосудія въ которомъ при судействѣ Чарныша совершенно прекратилось [2]).

Генеральный судья подолгу уѣзжалъ изъ Глухова въ свои маетности гадяцкаго полка и, само собой разумѣется, что въ его

---

[1]) См. монографію А. М. Лазаревскаго въ «Русскомъ Архивѣ» 1880 г., кн. I: «Павелъ Полуботокъ, очеркъ изъ исторіи Малороссіи XVIII вѣка», и Н. И. Костомарова «Павелъ Полуботокъ» въ «Русской Старинѣ» 1876 г., т. XV, стр. 137—209.

[2]) Уже указомъ 14-го ноября 1721 года гетману предписывалось «судебную канцелярію, въ которой дѣла отправляетъ генеральной судья Иванъ Чернышъ, учредить и привести въ доброй порядокъ» (Маркевичъ, IV, 1842 г., стр. 360), а въ грамотѣ отъ 29-го апрѣля 1722 года къ Скоропадскому объ учрежденіи Коллегіи сказано: «Понеже одъ Малороссійскаго народа о налогахъ, непорядкахъ, какъ отъ генеральнаго суда и отъ старшины, такъ и отъ полковниковъ, многія жалобы до насъ доходятъ, а именно, первое: въ судѣхъ генеральныхъ чинятся ради взятковъ и великихъ накладовъ, многіе неправды, одъ чего бѣдные козаки, кому болше наложить нечего, и съ правдою обвинены бываютъ,—того ради нынѣ мы указали въ Глуховѣ быть при васъ брегадиру нашему Степану Вельяминову, да съ нимъ шести человѣкамъ штапъ-оффѣцерамъ, перемѣняясь изъ гварнизоновъ украинскихъ». Получивъ эту грамоту, Скоропадскій пробовалъ оправдаться передъ царемъ и тѣмъ отвратить учрежденіе Коллегіи, что «тое (насилія старшины и неправды въ судѣ)—большъ по ненависти и злобѣ вашему величеству донесено, завидя милостивому монаршему вашего императорскаго величества издревлѣ являемому къ намъ призрѣнію, ибо, хочай въ судѣхъ енералномъ и полковыхъ бываютъ иногда въ спорныхъ дѣлахъ и наклады, однакъ при вершеніи тихъ дѣлъ я тое челобитчикамъ возвращати велю,—и развѣ за вину якую знатную, вмѣсто штрафу, часть нѣкоторая зъ тихъ накладовъ удержится». (Діаріушъ Ханенка, стр. 52—54).

отсутствіе дѣлъ въ судѣ никакихъ не вершилось. На это обращалъ вниманіе Головкина уже Милорадовичъ, желавшій избавиться отъ присутствія Чарныша въ его полку и писавшій объ этомъ, какъ мы видѣли, къ канцлеру въ началѣ 1716 года. Наилучшей характеристикой Чарныша, какъ судьи, можетъ служить подробно разобранное нами дѣло его съ Кицешемъ: въ немъ отлично видны тѣ всѣ средства, которыя употреблялъ генеральный судья съ цѣлью обойти законъ, и его взглядъ на свою должность,—лишь какъ на средство личнаго обогащенія. Со смертью Скоропадскаго, положеніе Чарныша нѣсколько пошатнулось, но наказной гетманъ Полуботокъ, отлично знавшій о злоупотребленіяхъ въ генеральномъ судѣ, открыто поднять руку на генеральнаго судью не рѣшался, ибо Чарнышъ—былъ генеральной «особой», а Полуботокъ, ища булавы и желая найти поддержку въ генеральной старшинѣ, выставлялъ себя защитникомъ интересовъ сей послѣдней. Вскорѣ же по прибытіи въ Глуховъ президента Коллегіи Вельяминова, Полуботкомъ полученъ былъ указъ, коимъ запрещалось употреблять козаковъ въ частныя работы и взимать съ нихъ наклады, когда они «къ суду являются». Наказной гетманъ немедленно же разослалъ въ полки пространный универсалъ, въ которомъ старался по возможности упорядочить судебную власть въ гетманщинѣ [1]). Можно все-таки думать, что въ низшихъ судахъ (полковыхъ, сотенныхъ) взятки не достигали большого распространенія въ виду того, что судъ здѣсь состоялъ изъ нѣсколькихъ лицъ; что же касается до генеральнаго суда,—высшей апеляціонной инстанціи,—то онъ находился въ вѣдѣніи одного человѣка—Чарныша, пріобрѣвшаго къ тому же репутацію человѣка съ крайне продажной совѣстью. Каковы были взимаемы Чарнышемъ «наклады», видно изъ слѣдующихъ примѣровъ. Погарскій сотникъ Галецкій жаловался гетману Апостолу, что Чарнышъ «при расправѣ дѣла его въ генеральномъ судѣ съ погарцями, насильно побралъ у него многія взятки: златоглавами, поясами дорогими, конми и прочимъ, *на тысячъ шесть съ лишкомъ*, а суду

---

[1]) См. «Русскій Архивъ» 1880 г., I, стр. 150—151.

справедливаго не далъ»; въ 1724 году Генеральная Канцелярія донесла Малороссійской Коллегіи, что Чарнышъ «въ оную Канцелярію прислалъ серебряную кружку, да нѣсколько шнуровъ перелъ, да зо два портища матеріи, 100 рублей денегъ, которые взялъ было себѣ въ накладъ отъ Лукьяна и Тимоѳея Силенковъ въ ту пору, когда судилъ ихъ съ Петромъ Валькевичемъ».

Желая хоть сколько-нибудь избавиться отъ нареканій на безмѣрную волокиту въ генеральномъ судѣ, Полуботокъ, не желавшій вредить Чарнышу, ограничился лишь полумѣрой: онъ въ помощь генеральному судьѣ придалъ четырехъ второстепенныхъ судей, называвшихся «ассесорами». Эти судьи, назначавшіеся изъ наиболѣе образованныхъ бунчуковыхъ товарищей, могли и въ отсутствіе Чарныша быть въ Глуховѣ и хоть нѣсколько двигать впередъ дѣла, находившіяся въ полной зависимости отъ мѣстопребыванія генеральнаго судьи [1]). Но эта мѣра не принесла желательныхъ результатовъ: Чарнышъ продолжалъ совершенно пренебрегать своими обязанностями, понимая, что Полуботокъ не имѣетъ ровно никакого значенія на ряду съ Коллегіей. Угрозы Полуботка Чарнышу оставались безъ послѣдствій, хотя наказной гетманъ упоминалъ въ нихъ почти всегда Коллегію. Такъ, 6-го мая 1723 года онъ писалъ Чарнышу, чтобы тотъ «крайне увѣдомилъ, если по должности своей судейскаго званія впредь до судовыхъ дѣлъ пріймется и оныя отправлять будетъ, или уже совсѣмъ намѣренъ отъ дѣлъ судейскихъ устраниться»? Отвѣтъ нуженъ, поясняетъ далѣе Полуботокъ, намекая на Коллегію,— «чтобъ знать, что отвѣчать, когда гдѣ спросятъ»... По всей вѣроятности, и это письмо Полуботка осталось безъ отвѣта, такъ какъ уже 16-го апрѣля былъ присланъ указъ, по коему Полуботокъ, Савичъ и Чарнышъ вызывались въ Петербургъ, и послѣднему надо было собираться въ дорогу, а не думать о судѣ: «Что же полковникъ и старшина», говорилось въ этомъ указѣ,

---

[1]) Въ Глуховѣ у Чарныша былъ «на валу» свой домъ съ домовою церковью; въ немъ жилъ князь Шаховской во время управленія своего Малороссіею (А. Лазаревскій, Опис. Стар. Малор., т. II, стр. 432).

«не взирая на данные имъ указы, послали нѣкоторые указы безъ совѣту съ президентомъ Коллегіи, того ради велѣно для отвѣта быть сюда полковнику Полуботку и изъ старшины—Савичу и Чарнышу» [1])...

Чарнышъ выѣхалъ вмѣстѣ съ Полуботкомъ и Савичемъ изъ Глухова 13-го іюня и съ этихъ поръ фактически пересталъ быть генеральнымъ судьей, хотя и именовался имъ почти до самой своей смерти. По пути въ Петербургъ, Чарнышъ останавливался въ Москвѣ недѣли на двѣ, вмѣстѣ съ Полуботкомъ, желавшимъ разузнать у своихъ патроновъ о причинѣ вызова его съ товарищами въ Петербургъ. Сюда старшина прибыла лишь 3-го августа и остановилась въ домѣ князя-папы Бутурлина, а 6-го она представлялась царю на островѣ Котлинѣ. Какъ отъ Полуботка, такъ и отъ его товарищей никакихъ объясненій не требовали, и по всему было видно, что ихъ вызвали изъ Глухова лишь съ той цѣлью, чтобы они своими противодѣйствіями не помѣшали Вельяминову приводить въ исполненіе указъ 6-го апрѣля, коимъ отмѣнялись нѣкоторые сборы въ пользу старшины и послѣдняя обязывалась платить налоги наравнѣ со всѣми. Полуботокъ, однако медлилъ подачей привезенныхъ имъ челобитныхъ, не рѣшаясь этого сдѣлать, но ободренный ласковымъ пріемомъ царя и вельможъ, подалъ ихъ 13-го сентября въ Иностранную Коллегію и Сенатъ. Въ подачѣ этихъ челобитныхъ, домогавшихся уничтоженія Малороссійской Коллегіи, участвовалъ и Чарнышъ, и «уже съ того часу видѣли быть Монарху загнѣваннаго», говоритъ Черниговская лѣтопись [2]).

Генеральную старшину, о которой знали, что она злоупотребляетъ именемъ народа, привлекли къ допросу въ Тайную Канцелярію. Полуботка и его товарищей спрашивали, главнымъ образомъ, о розыскѣ устрашительныхъ универсаловъ для крестьянъ, а также объ ассесорахъ, причемъ Чарнышъ большею частью уклонялся отъ отвѣтовъ подъ разными предлогами. Кромѣ того, для

---

[1]) „Русскій Архивъ“ 1880 г., кн. I.

[2]) Черниговская лѣтопись по новому списку, стр. 33.

изслѣдованія на мѣстѣ, въ какихъ размѣрахъ принималъ участіе въ составленіи челобитныхъ Полуботка простой народъ, въ Малороссіи былъ наряженъ маіоръ преображенскаго полка Алексадръ Румянцевъ. Но пока Румянцевъ собирался уѣзжать, прибылъ въ Петербургъ съ такъ называемыми Коломацкими челобитными посланецъ отъ Апостола и подалъ ихъ 10-го ноября. Чаша терпѣнія царя, которому безпрерывно докучали вопросами о гетманствѣ и прочемъ, переполнилась и съ этого момента участь Чарныша и его товарищей была рѣшена. Черниговская лѣтопись [2]) такъ описываетъ подачу челобитныхъ посланцемъ Апостола—Романовичемъ. Челобитная была подана имъ «до рукъ самому імператорскоту величеству, зъ церкви святой Тройци по служби Божой идучому, ноеврія 10 числа,—такъ заразъ въ кофейный домъ увойшовши и вичитавши, и вишедши зъ того дому того-жъ моменту, изводилъ приказать своими устами генералу маэору и гвардіи преображенскаго полку маэору Андрею Ивановичу Ушакову, зъ великимъ гнѣвомъ и яростію, взять подъ караулъ полковника Павла Полуботка, судію енералного Ивана Чарныша, Семена Савича—писаря енералного, тамъ-же при кофейномъ домѣ стоявшихъ,—и всѣхъ хто за ими ассистовалъ, отъ которыхъ и отъ всѣхъ отвязавши своими руками шаблѣ, тотъ же енералъ Ушаковъ велѣлъ всѣхъ попровадити въ замокъ муровaній петербургскій, где съ перваго часу порознь были всѣ за карауломъ посажени, потимъ—по 4 человѣка случени, а далѣй знову недѣль у килка поединцемъ розведени». Имѣнія генеральной старшины были описаны и конфискованы тотчасъ же послѣ ареста ея. Хотя Коломацкія челобитныя исходили не отъ Полуботка, а отъ Апостола, тоже мечтавшаго о гетманской булавѣ, но пришлось отвѣчать за все Полуботку и его товарищамъ.

Немедленно послѣ ареста Чарныша, Полуботка, Савича и другихъ, выѣхалъ въ Малороссію Румянцевъ, прибывшій туда въ концѣ ноября 1723 года. Переѣзжая изъ города въ городъ, Румянцевъ опрашивалъ народъ о степени участія его въ составле-

---

[1]) ibid., стр. 33—34.

ніи челобитныхъ Полуботка; попутно ему во многихъ мѣстахъ подавали жалобы на старшину, между прочимъ, и на Чарныша, который, пользуясь своей властію и положеніемъ, имѣлъ почти всѣ средства въ своихъ рукахъ, чтобы на него жалобы не появлялись. Но теперь, когда онъ сидѣлъ въ крѣпости, жалобы подавались на него во множествѣ какъ Румянцеву, такъ и въ Генеральную Канцелярію. Такъ, напримѣръ, въ ноябрѣ 1724 года била челомъ въ Канцеляріи вдова Гадяцкаго полковника—инокиня Тарасія Криницкая, жалуясь, что еще въ 1709 году Чарнышъ, будучи гадяцкимъ полковникомъ, «завладѣлъ напрасно лѣсъ и лугъ мой подъ селомъ Крутками, надъ рѣкою Псломъ, такожъ футоръ, греблю, на которой была мелныца съ чотирма колами, за которой мой кгрунтъ давано мнѣ двѣстѣ шестьдесятъ рублей, а оной Чарнышъ (пишетъ Криницкая далѣе) хитростною обманою за помянутой мой кгрунтъ поступилъ сыну моему чинъ писарства полкового и маетность, или сотництво въ томъ полку гадяцкомъ, такожъ и пятъсотъ золотихъ дати—и врознь всѣхъ денегъ за тотъ мой кгрунтъ тылко далъ четирыста золотихъ чрезъ его людей. А что обѣщалъ чинъ сотныцтва или писарство, такожъ и маетность,—то того и не учинылъ, а помянутимъ кгрунтомъ завладѣлъ». Кромѣ этой жалобы, Криницкая одновременно подала и другую, изъ которой оказывается, что въ 1713 году продала она Якову Потребычу-Гречаному мельницу на рѣкѣ Пслѣ, «двѣ колѣ мучныхъ, а едно ступное» за сто рублей; мельница была во владѣніи Гречанаго два года, затѣмъ на нее обратилъ вниманіе Чарнышъ и пожелалъ ее пріобрѣсти. Съ этою цѣлью онъ «прызвавши мене (пишетъ Криницкая) предъ себе, силно ворочалъ мнѣ сто рублей денегъ за тотъ проданній млинъ, аби я ему, Якову Гречаному, возвратила, которыхъ денегъ помянутой Гречаній не прынялъ и млина неуступилъ, а Чарнышъ оніе денги мнѣ отдалъ насилно за тотъ проданній млинъ». Однако, купить этотъ млинъ Чарнышу не удалось, и онъ сумѣлъ возвратить деньги, данныя имъ Криницкой, «змисливши» на сына Криницкой «непотребне» дѣло, по которому отобралъ отъ нея ихъ въ видѣ пени и «описовалъ до покойного митрополита кіевского Кроковского

сына моего неправедно; и по тому его опису неблагословеніе митрополитанское сыну моему било и до церкви Божіей запрѣщено ходить» [1]). Далѣе Криницкая жалуется еще на Чарныша о томъ, что онъ 1) «особно кгрунта мои, лугъ, луки, садовину и по розныхъ мѣстцяхъ много поля пахатнаго взявши и давши мнѣ 20 рублей, силно завладѣлъ»; 2) «чолобитствовала я», пишетъ Криницкая, «покойному гетману Iллѣчу Скоропадскому на Трощинскую, бившую гадяцкую полковницу, за зрубаня оною моего лѣса, и дано било мнѣ до оной гетманской указъ, дэби мнѣ двѣстѣ рублей за утрату мою наградила, но генералной бившій судья не казалъ по тому указу помянутой Трощинской мнѣ уплачивать и еще прыказалъ своимъ подданымъ на потребу его останокъ того лѣса зрубать, а до двору моего прысилалъ онъ же Чарнышъ чотирохъ слугъ своихъ зъ обухами, аби мене вбили»; 3) «по шведской руинѣ взялъ в мене онъ-же Иванъ Чарнышъ пару воловъ и коней пару, которихъ и по сее время не отдалъ»; 4) «я за тіе всѣ года чолобитствуючи, такожъ и на произдъ витратила денегъ сѣмъ сотъ сорокъ золотихъ и чтири злотіи»; 5) «сего текущого 1724 году оного Чарниша староста сарскій послѣднимъ моимъ пахатнимъ въ розпихъ мѣсцяхъ полемъ завладѣлъ напрасно»...

5-го мая 1725 года Евдокія Онофрѣенкова, жителька города Опошняго, писала въ Генеральную Канцелярію, что еще въ 1715 году Чарнышъ, будучи гадяцкимъ полковникомъ, призвалъ ея мужа къ себѣ въ село Борки, «наклоняючи по половину з нимъ салитраній одправовати заводъ», и хотя мужа ея отъ того «от-

---

[1]) Обвиненіе, выставленное Чарнышемъ противъ сына Криницкой, было настолько серьезно, что изъ Кіева высланы были по этому дѣлу особые слѣдователи: игуменъ кіевскаго Кирилловскаго монастыря Самборовичъ и префектъ Пиковскій, которые, по свидѣтельству Криницкой, «нѣ в чемъ вини сына моего необискали, за то старшину полковую гадяцкую оніе розисчики наказовали за напрасное сына моего оклеветаніе, и тогда сына моего разрѣшили и велѣли за благословеніемъ архіерейскимъ въ церковь Божію ходить».

мовлялся», однако «радъ—не радъ мусѣлъ чинити его волю», причемъ Чарнышъ обязался присылать къ майдану «завше доволство козаковъ ради опасности одъ голтяйства запорозского». Но Чарнышъ слова своего не сдержалъ, и результатомъ этого было то, что «гультяйство запорожское» майданъ разорило, забрало одинъ изъ казановъ Чарныша, а другой ея мужа, и увело воловъ. Воспользовавшись этимъ случаемъ, Чарнышъ забралъ отъ Онофрѣя всю селитру, которая была добыта послѣднимъ не только «сполно» съ полковникомъ, но и его «власную», полученную изъ третьяго казана, привезъ всю ее въ село свое Сары и тамъ «неслушне передѣлилъ». «Да еще ис тоей з нашой части», пишетъ далѣе Онофрѣенкова, «за визиченніе мужемъ моимъ пять сотъ золотихъ грошей, без уваги восемдесятъ трохъ каменій, тридцятъ фунтовъ, десять лотовъ и два золотника, ценою камень по два таляри, взялъ», велѣвъ мужу ея принять эту селитру по десять золотыхъ за камень. Сообщая далѣе еще нѣкоторыя изъ насилій Чарныша, Онофрѣенкова проситъ о вознагражденіи за убытки.

Между тѣмъ, Румянцевъ возвратился изъ Малороссіи и привезъ извѣстіе, что народъ не принималъ никакого участія въ составленіи Полуботковскихъ челобитенъ, почему старшина, а въ числѣ ея и Чарнышъ, была привлечена къ отвѣту за подлогъ челобитныхъ, поданныхъ 13-го сентября 1723 года. Къ сожалѣнію, допросъ старшины и ея отвѣты—неизвѣстны [1]). Чарнышъ вмѣстѣ съ товарищами, былъ оставленъ въ крѣпости до дальнѣйшаго времени и лишь 6-го февраля 1725 года, вслѣдъ за кончиной Петра Великаго, они всѣ были освобождены изъ-подъ караула съ возвращеніемъ сабель и съ повелѣніемъ жить всѣмъ въ Петербургѣ до указа [2]). При этомъ имѣнія ихъ имъ были тоже возвращены [3]). Живя въ Петербургѣ, Чарнышъ принужденъ былъ удовлетворять Кицеша и многихъ другихъ челобитчиковъ, успѣвшихъ въ отсутствіе его добиться праведнаго надъ генеральнымъ

---

[1]) «Русскій Архивъ» 1880 г., I, стр. 208.

[2]) Черниговская лѣтопись, стр. 34—35.

[3]) Дневникъ Маркевича, I, стр. 217.

судьей суда. Полуботокъ и Савичъ умерли, не дождавшись еще свободы, и такимъ образомъ Чарнышъ лишился и своихъ товарищей по невзгодѣ. Въ февралѣ 1728 года ему позволено было поселиться въ Москвѣ, куда въ маѣ пріѣзжалъ навѣстить его сынъ Иванъ [1]), а 30-го декабря того-же года Чарнышъ окончилъ свою бурную жизнь. Въ дневникѣ Марковича это событіе записано слѣдующимъ образомъ: «Іоаннъ Чарнишъ, судія енералній, преставился передъ полуднемъ, зъ поврежденнихъ внутренностей, гдѣ Александръ Левицкій, его сундуки позносивши на гору, своею печаттю позапечатовалъ, куда и ми зъ родителемъ и многіе зъ нашихъ малороссіянъ, пріехали, а оставивши тамъ Матвѣя, панеи слугу, и нашихъ двохъ: Скридловского и Семена Цилюрика для лутшой певности, и надъ тѣломъ священниковъ читающихъ устроивши, поехалисмо». Узнавъ о смерти своего зятя, гетманша Скоропадская, гостившая въ это время у своеи дочери Толстой въ селѣ Яковлевѣ, пріѣхала въ Москву, а 3-го января состоялось погребеніе Чарныша «въ монастиру Новодѣвичомъ, въ большомъ склепу, подъ великою церквою, къ трапезѣ стоячимъ, где и многіе зъ високихъ фамилѣй погребаются. При погребеніи его была панѣ (гетманша) зъ нами и многіе зъ малороссіянъ нашихъ, а отъ чина духовного—Архиерей Крутицкій Леонидъ, архимандритъ Берло и проч. По погребеніи обѣдали у квартирѣ покойника духовенство все, а по обѣдѣ разехалися всѣ, и по розездѣ, Александръ, слуга панеи, зъ отцомъ Василіемъ, позапечатовавши сундуки, побрали зъ собою до двора панеи (гетманши) сундуки, чили скринки и три шуби» [2]).

Для полной характеристики Чарныша намъ необходимо еще очертить его какъ «державцу», хотя уже можно предполагать, что его «подданнымъ» жить было не легко. Но мы приведемъ два эпизода изъ его жизни, которые еще ярче очертятъ намъ генераль-

---

[1]) Каталогъ музея Тарновскаго, стр. 273.

[2]) Дневникъ Марковича, II, стр. 266—8.

наго судью въ этомъ отношеніи. Чарнышъ былъ однимъ изъ самыхъ тяжелыхъ «державцевъ» для своихъ «подданныхъ». Объясняется это тѣмъ, что Чарнышъ стоялъ въ исключительныхъ условіяхъ при сравненіи съ другими урядниками: онъ, въ цѣляхъ наживанія богатствъ, пользовался не только своею властью, какъ вообще всякій урядникъ, причемъ эта власть въ концѣ гетманства Скоропадскаго, въ силу различныхъ стѣсненій, налагаемыхъ на гетмана, достигла въ рукахъ старшины наивысшаго своего развитія,—но и своимъ положеніемъ близкаго родственника гетмана, который, не отличаясь, какъ извѣстно, силой и твердостью характера, во многомъ зависѣлъ отъ своей супруги—Настасьи Марковны. Первый изъ приводимыхъ нами эпизодовъ относится къ 1722 году, т. е. ко времени учрежденія Малороссійской Коллегіи, и возникъ по жалобѣ бывшаго митченскаго старосты Чарныша Пискуненка. Послѣдній жаловался наказному гетману Полуботку, что Чарнышъ «турбуетъ его совершенно невинно», и разсказывалъ, что въ бытность свою старостой, онъ получилъ однажды отъ Чарныша изъ Глухова письмо съ приказаніемъ «забить въ колодку» гайворонскаго козака Куценка, а скотъ его (2 коровы и 11 овецъ) отослать въ Гайворонскій хуторъ самаго Чарныша. Приказъ этотъ Пискуненкомъ былъ исполненъ, а затѣмъ, когда однажды Чарнышъ пріѣхалъ въ свой Гайворонскій хуторъ посмотрѣть на скотъ, то Пискуненко посовѣтовалъ Куценку, чтобъ онъ просилъ «пана» о возвращеніи отобраннаго у него скота. Но генеральный судья прогналъ Куценка, ничего ему не возвративъ и въ свою очередь посовѣтовалъ ему подать жалобу о забранномъ скотѣ въ Коллегію,—не на себя конечно, а на Пискуненка! Разсказывая объ этомъ, Пискуненко проситъ Полуботка защитить его, указывая на то, что Чарнышъ и его ограбилъ достаточно, забравъ всю его «мизерную субстанцію», т. е. одежду, сундуковъ два, скотъ, лошади, овцы, свиньи, котелъ винокурный, пчолы и, наконецъ, дворикъ... За четыре года своей службы у Чарныша Пискуненко все «прослужилъ», такъ что, по его словамъ, ему не на что и хлѣба купить... Заключаетъ свою челобитную Пискуненко слѣдующимъ любопытнымъ обращеніемъ: «Помилосердствуй,

вельможный добродѣю, надъ нами сиротами! Гдѣ намъ на его суда искать?» [1]).

Другой случай представляетъ собой подробности хозяйственныхъ операцій Чарныша въ Гайворонскомъ хуторѣ (корибутовской сотни, Прилуцкаго полка). Подъ Гайворономъ находился громадный «степъ», и Чарнышъ обратилъ на него свое вниманіе, желая присоединить его къ своимъ маетностямъ. Чтобы имѣть возможность выпросить впослѣдствіи гетманскій универсалъ на все село, Чарнышу необходимо было сперва скупить около него нѣсколько грунтовъ, завести на нихъ хуторъ, а затѣмъ уже просить и о всемъ селѣ вмѣстѣ со «степомъ». Чарнышъ такъ и началъ дѣйствовать, причемъ ему много помогла занимаемая имъ должность генеральнаго судьи. Въ 1718 году ему пришлось судить «за нечаянное убійство человѣка» красноколядинскаго жителя Василія Салогуба, который и далъ ему въ видѣ взятки «гай въ островѣ» между Гайворономъ и рѣчкою Зарукавною, вслѣдствіе чего и былъ оправданъ. Это случайное пріобрѣтеніе Чарныша въ Гайворонѣ и обратило, по всей вѣроятности, вниманіе его на богатство тамошнихъ земель. Въ слѣдующемъ году еще четверо гайворонцевъ: Бордоносъ, Матвѣенко, Пащенко и Ляшенко, продали генеральному судьѣ за 40 таляровъ свои «дѣдизныя сѣножати», находящіяся въ Бѣловѣжской степи, у вершины Остра, а двоюродный братъ Салогуба, Иванъ, продалъ Чарнышу за 100 золотыхъ свой хуторъ, «въ самомъ Гайворонѣ стоячій»,—«аще би

---

[1]) При отдачѣ въ 1726 году Меньшикову батуринской волости, часть митченскихъ крестьянъ также была приписана къ этой волости; быть можетъ, это были подсосѣдки изъ козаковъ, на которыхъ отдатчики батуринской волости не признали за Чарнышемъ права. Впослѣдствіи эти крестьяне были отписаны на «ея императорское величество». Захватывалъ Чарнышъ грунты и въ сосѣднемъ съ Митченками селѣ Красномъ. По описи 1726 года здѣсь показаны, среди частныхъ владѣній, генеральнаго судьи два двора, причемъ замѣчено, что первый дворъ «взятъ Чарнышемъ за покражу Васикову», а во второмъ—«мужикъ на своемъ живетъ, щитится протекціею Чарнышевою» (А. Лазаревскій, Опис. Стар. Малор., т. II, 278, 279, 283).

не уистился до назначоного термѣну», т. е. не оправдался по дѣлу убійства Василіемъ Салогубомъ человѣка. На этихъ то грунтахъ Чарнышъ и сталъ заводить свой хуторъ. Но не только земля пріобрѣталась имъ здѣсь черезъ покупку—большая часть грунтовъ захвачена была насильно... Насилія эти были такъ велики, что гайворонцы принуждены были въ 1720 году обратиться съ жалобой на Чарныша къ Скоропадскому, который, какъ это водилось, передалъ «супплѣку» самому генеральному судьѣ, а тотъ жалобщика—атамана гайворонскаго—«билъ кіями нещадно». Послѣ такого неудачнаго исхода челобитной, гайворонцы снарядили своего атамана въ Москву, а затѣмъ обратились съ жалобой къ бывшему тогда въ Малороссіи и отлично знавшему о насиліяхъ Чарныша Меньшикову, который и выдалъ атаману и козаку Кондрату Пархоменку «за рукою княжою приказъ, абы имъ разореній и обидъ нихто не чинивъ». Явившись съ этимъ «приказомъ» къ гетману, гайворонцы безъ труда уже получили 1-го октября 1720 года защитительный для себя универсалъ, на основаніи котораго Чарнышъ изгонялся изъ Гайворона и долженъ былъ возвратить жителямъ этого села все, что пріобрѣлъ у нихъ насильно: «По занесенной отъ гайворонскихъ войскового и посполитаго стану жителей жалобъ о починенныхъ имъ, черезъ построеніе тамъ футора пана судіи нашого войскового енералного, утискахъ, посылалисмо двукратне туда на розискъ, где поневажъ, обома разами, показалося, же панъ судія енералній мало щось тамъ купивши грунту, болшъ насиліемъ людскіе поля, сѣнокосы и степъ, здавна до Гайворона належній, самъ велѣлъ, а старости его позаѣздили, чрезъ что немалое тамошнимъ гайворонскимъ людямъ сталося утѣсненіе: теди мы, по тихъ розискахъ, приказавши пану судіи енералному оттоль зъ Гайворона новоустроенній свой знести футоръ и пасѣку, и що колвекъ у гайворонцевъ насилно отнято—все бы тое непремѣнно кождому восцять возвратилъ, впредь не имѣючи туда жадного вступу. Для крѣпчайшого гайворонцамъ приверненними ихъ грунтами и степу по прежнему владѣнія, велѣли зъ канцеляріи войсковой сей нашъ выдать унѣверсалъ, которымъ всѣмъ обще гайворонскимъ жителемъ пахатніе

и сѣнокосніе ихъ грунта власніе, издавна ими заживаемій степъ и лѣсъ также давній, мирскій,—въ безпрепонное онимъ стверждаемъ користованне, такъ, аби впредь нѣхто зъ околичнихъ, особливе панъ судія нашъ войсковій енералній, знесшися одтоль, якъ и више намѣнилисмо, зъ пасѣкою, зъ футоромъ, самъ и старости его, не важилися уже гайворонцамъ жадного въ тихъ ихъ грунтахъ и степу чинити утиску, препятія, озлобленія и найменшой трудности, пилно рейментарско впоминаемъ и приказуемъ»...

Но, повидимому, строгій приказъ гетмана не былъ въ точности исполненъ Чарнышемъ; весьма вѣроятно, что гайворонцы жаловались или хотѣли жаловаться объ этомъ Вельяминову, какъ это можно предполаґать изъ одного документа 1722 года, въ которомъ извѣстный уже намъ Василій Салогубъ, разсказывая о томъ, какимъ образомъ онъ получилъ у генеральнаго судьи «милость» за «нечаянное убійство человѣка», свидѣтельствуетъ, что гай, данный имъ судьѣ за свой поступокъ «знову привернен» ему судьею и что даже тотъ «хуторецъ, въ самомъ Гайворонѣ стоячій», который двоюродный братъ его Иванъ Салогубъ «заставилъ былъ его жъ велможности панской за сто золотыхъ, аще би не уистился до назначоного термѣну;—и тотъ мнѣ хуторецъ зо всѣмъ полемъ, по великой своей милости панской *даровалъ, да еще 50 золотыхъ далъ*, чому я нынѣ будучи велце благодаренъ, не повиненъ ни я самъ, ни жена моя, ни дѣти, вѣчними часы, у жадного права и суду ни его велможности панской, нѣ велможной панѣ его, а нѣ благородныхъ чадъ его панскихъ, турбовати и права изчинати, а се предъ годними и честними людми добримъ словомъ всегда вспоминати и за его велможность панскую и весь домъ его панскій непрестанно Бога прохати, что для лѣпшой вѣри и певности, даю его велможности панской сіе мое доброволное писаніе при людехъ зацнихъ и вѣри годнихъ..»[1]). Конечно, Чарнышъ не безъ давленія свыше *даровалъ* Салогубу хуторъ, да еще далъ въ придачу къ нему 50 золотыхъ. Несо-

---

[1]) А. Лазаревскій. Опис. Стар. Малор., т. III, стр. 280—3.

мнѣнію, это была взятка, но только данная уже самимъ генеральнымъ судьей жалобщику....

Своими всевозможными «утисками» Чарнышъ былъ извѣстенъ во всей Гетманщинѣ и, какъ мы видѣли, двѣ его попытки основаться въ другихъ, кромѣ гадяцкаго, полкахъ—окончились неудачей, ибо оба раза онъ оттуда довленіемъ Москвы изгонялся... Когда, въ началѣ 1724 года, въ Малороссіи распространились вѣсти, что Полуботокъ и Чарнышъ посажены царемъ въ «темницу», крестьяне села Подолковъ говорили: «Не станемъ панщины робыть, годи уже! Полуботка и Чарныша немашъ, то и сихъ пановъ не будетъ, которымъ теперь приказано начальство!» Такъ народъ былъ увѣренъ въ томъ, что съ отсутствіемъ Полуботка и Чарныша жизнь его измѣнится къ лучшему, и не будетъ ни «пановъ», ни «подданныхъ»! [1])

Таковы собранные нами факты изъ жизни генеральнаго судьи Чарныша. Мы нарочно старались очертить эту типичную для эпохи Скоропадскаго личность возможно подробнѣе. Хотя почти всѣ (за очень малыми исключеніями) урядники этого времени представляютъ собой людей, стремящихся лишь къ обогащенію и соединяющихъ въ себѣ алчность съ крайней неразборчивостью въ средствахъ, однако Чарнышъ представляетъ собой наиболѣе яркій типъ изъ нихъ и остальные стяжатели (Михаилъ Милорадовичъ, Полуботокъ, Танскій, Галаганъ и другіе) передъ нимъ блѣднѣютъ... Чѣмъ же объяснить появленіе такихъ личностей въ Малороссіи первой половины XVIII вѣка? Съ одной стороны, причиной тому было то обстоятельство, что козачество къ этому времени, подъ вліяніемъ историческихъ условій, совершенно переродилось и стало не только козаками, но «панами» и «подданными», а съ другой—русское правительство постоянно урѣзывало предѣлы гетманской власти и вмѣшивалось во

[1]) Русскій архивъ 1880 г., I, 29. Записки Черниг. Стат. Комитета, I, 58. С. Подолки принадлежало шурину Чарныша—Ѳеодору Гречаному, назначенному однимъ изъ правителей генер. канцеляріи послѣ ареста генеральной старшины.

внутреннія дѣла управленія Гетманщины, назначая, напримѣръ, туда полковниковъ по своему выбору. Такихъ царскихъ ставленниковъ гетманъ не могъ не только смѣщать съ урядовъ, но и судить, и хотя Чарнышъ и не принадлежалъ къ числу ихъ, но зато онъ былъ зятемъ гетманши, и это положеніе позволяло ему надѣяться на полную безнаказанность. Изъ очерка жизни Чарныша видно и положеніе правосудія въ Малороссіи того времени, которое можно назвать безнаказанностью для сильныхъ родствомъ и богатствомъ, и полное безправіе (безъ вмѣшательства русскаго правительства) для людей образованныхъ и мало замѣтныхъ [1])...

Скажемъ теперь нѣсколько словъ о семьѣ Чарныша и судьбѣ собранныхъ имъ съ такими трудами и насиліями богатствъ.

Чарнышъ оставилъ послѣ себя вдову Евдокію Константиновну Голубовну съ восемью дѣтьми, изъ коихъ отъ перваго брака генеральнаго судьи было два сына Иванъ и Петръ, а отъ второго три сына—Иванъ, Семенъ и Яковъ, и три дочери—Анастасія, Анна и Елена. Положеніе вдовы было трудное, такъ какъ имущественныя дѣла генеральнаго судьи остались послѣ его смерти довольно запутанными. Какъ мы видѣли выше, большинство насилій Чарныша открылось лишь въ послѣдніе годы его жизни, и потому расплачиваться за нихъ пришлось его вдовѣ; кромѣ того, многіе изъ натерпѣвшихся «подданыхъ» генеральнаго судьи по его смерти вздумали освободиться изъ «послушенства» его вдовѣ, и послѣдней пришлось много хлопотать по этому поводу. Такъ, ей пришлось жаловаться на неповинованіе митченскихъ крестьянъ гетману Апостолу, который въ 1729 году выдалъ слѣдующій универсалъ: «Тебѣ войту митченскому, съ посполитими, симъ нашимъ объявляемъ универсаломъ, ижъ пре-кладала намъ жалосне пани Евдокія Иванова Чарнышева, вдовствующая судиина енералная, что вы, взявши предъ себе нѣякуюсь легкомислность, подданническаго ей не чините послушенства, (и) въ томъ просила нашего разсмотренія. Теди вамъ грозно и

[1]) Портретъ Ивана Чарныша находится въ музеѣ В. В. Тарновскаго въ Черниговѣ.

пилно приказуемъ, абысте оной панеи Чарнышовой въ кошеню сѣна, въ ораню поля и въ прочихъ обикновенныхъ работахъ, также въ отбуваню подводъ въ далекіе посылки,—чинили всякое послушенство, не показуючи жадного огурства и противности. А если-бы вы мѣли быть въ томъ ослушны, то, за повторною отъ еи на васъ жалобою, прислана будетъ на васъ экзекуція, и повторе рейментарско упоминаемъ» [1]).

Аѳанасій Кицешъ тоже безпокоилъ Евдокію Константиновну, требуя съ нея уплаты долга мужа ея, и въ своемъ челобитьѣ къ Апостолу писалъ, что долженъ былъ ему Чарнышъ за пограбленное имущество всего 630 руб. 84 коп., а выплатилъ всего лишь 267 руб. 16 алт. 4 деньги, остальныя же деньги (363 р. 91 коп.) до сихъ поръ не отданы ему вдовой генеральнаго судьи. Кромѣ того, Кицешъ просилъ возвратить ему «скринѣ съ платемъ женскимъ, якіе скринѣ и нынѣ імѣются у оной Чарнышихи», подкрѣпляя свою просьбу тѣмъ, что онъ «вовся разорився и въ крайнюю нищету пришолъ у таковихъ превеликихъ волокитахъ у судѣ енералномъ; а стало мнѣ убытку двѣстѣ пятдесятъ рублей, доходячи зосталнихъ денегъ отъ 1726 году, марта 7 дня, о чемъ росписка показуетъ,—того ради всепокорственно и слезне прошу ясневелможности вашей своимъ поважнимъ рейментарскимъ указомъ оную Чарнышиху наказать, чтобъ вышепомянутіе денги оная Чарнишиха уплатила мнѣ и скринѣ с платемъ отдала». Извѣстная уже намъ Тарасія Кринѣцкая, старица монастыря Великобудисскаго Полтавскаго, въ 1730 году просила гетмана о слѣдующемъ: «Въ прошломъ (писала она) 1726 году имѣлося в мене, нижей подписанной, в енералной войсковой канцеляріи заводное дѣло з бывшою судіиною енералною панѣю Чарнишовою о завладѣніи и отнятю мужемъ еи футора моего з двома греблями, з дубровою, полемъ и лугомъ, в Гадяцкомъ полку, подъ селомъ Крутками найдуючогося, да за млынъ на рецѣ Пслѣ о трохъ колахъ стоячій, з сѣнокосами, лугомъ и садомъ, тамъ же будучимъ; такожъ за греблю з ставомъ, на Вовчой долинѣ лежачую, и за

[1]) А. Лазаревскій. Опис. Стар. Малор., т. II, стр. 279.

другіе грунта, поля, луки и сѣножати, по разныхъ мѣсцяхъ в томъ же полку найдуючіеся,—которое дѣло мое в прошломъ 1727 году в той канцеляріи вершено и велено за тіе моѣ всѣ вышепрописанные млыны, кгрунта и другія угодія помянутой панѣ Чарнышовой нагородить тысячу золотыхъ, якіе я денги по суду отъ еѣ паней Чарнышовой и приняла, а за проторы и убытки, мною отъ 1723 году з нею, пани Чарнышевою, и мужемъ еи, в Глуховѣ правуючись, роненіе, и по сее число неуплатила. Того ради—велможность вашу прошу повелѣть рейментарскій свой выдати мнѣ до еи, панеи Чарнышовой, указъ, дабы она—за проторы и убытки, на якіе, запозычившись у многихъ людей, немалое число денегъ, таскаючи по чужихъ углахъ отъ 723 году, в Глуховѣ утратила,—подлугъ уваги ясневелможности вашей нагородила».

Помимо этихъ непріятностей, сопряженныхъ съ большими расходами, вдова Чарныша испытывала много тяжелаго отъ своихъ пасынковъ, которые не могли никакъ раздѣлиться съ ней отцовскимъ имѣніемъ. Между пасынками и мачехой происходили постоянные раздоры, которые привели, наконецъ, къ тому, что дѣло о раздѣлѣ имѣній генеральнаго судьи дошло въ 1730 году до генеральнаго суда. Однако, Иванъ и Петръ Чарныши, въ томъ же году, подали гетману просьбу, въ которой говорили, что хотя они и «сысканы указомъ 1730 года въ Глуховъ, въ генеральный судъ, для раздѣлки вышъ писанныхъ добръ, однакъ по должности нашей сыновской, не хотячи нарушити чести ея материнской судовимъ позорищемъ, при обятіи ногъ рейментарскыхъ, всенижайше» просили гетмана: «Прежде суда в всѣхъ тѣхъ вышенамѣненныхъ добрахъ по своей отческой обиклой к сиротамъ висококопризрителной милости—приказать между нами черезъ нарочнихъ медіаторовъ полюбовную учинить роздѣлку безобѣдно, а якую в той роздѣлки имѣемъ претенсію,—тую при сей нашой предлагаемъ суплѣцѣ, себе же при доземномъ уклонѣ на стопахъ ногъ вашихъ панскихъ повергаемъ». Дѣло въ томъ, что Иванъ и Петръ Чарныши надѣялись при помощи «медіаторовъ» учинить такой раздѣлъ, чтобы не былъ принятъ во вни-

маніе «записъ», выданный ихъ отцомъ при взятіи въ замужество Евдокіи Голубовны (см. выше): по этому «запису» большую часть своихъ имѣній генеральный судья записалъ своей второй женѣ и дѣтямъ отъ второго брака, на дѣтей же отъ перваго брака приходилась лишь четвертая часть. Въ приложенной же при послѣднемъ прошеніи «претенсіи» Иванъ и Петръ просили гораздо большаго, а именно: 1) «приданое за покойною маткою нашею, недвижимое и движимое имѣніе, при насъ би било немарушне,—нижайше просимъ; 2) грамоту монаршую, унѣверсали гетманскіе и протчіе всѣ крѣпости имѣючіеся, а особливе отъ покойного отца з Москви присланная записная книга и другіе папери, з Москви присланніе жъ подъ печатю,—обявить безъ утайкы, такожъ и шкатули, при немъ будучіе, а по смерти покойного отца нашего многихъ особъ печатмы утвержденніе, и все движимое имѣніе, отъ мала и до велика, в самую сущую правду на лице да будетъ показано без всякого укривателства,—нижайше просимъ; 3) что колвекъ покойній отецъ нашъ прежде брачного сочетанія з второю маткою нашею, движимого и недвижимого имѣнія заслужилъ и нажилъ,—тое-бъ безраздѣлно при насъ би зоставало,—ныжайше просимъ; 4) особливе, что покойній отецъ нашъ, з второю маткою нашею живучи, з движимого и недвижимаго имѣніа заслужилъ и нажилъ, з того обикновенную часть ей, матцѣ нашой, видѣливши, намъ и тѣмъ сынамъ, а нашимъ братямъ, которіе с нею сположенны, з недвижимого и движимого имѣніа,—видѣлить всякому по рôвной части, такожъ и ея дочерямъ, а нашимъ сестрамъ, обиклую, з чего надлежитъ, видѣлить же ровную часть,—нижайше просимъ».

По просьбѣ Ивана и Петра Чарнышей гетманомъ были высланы «медіаторы», которые должны были подѣлить Евдокію Константиновну съ пасынками. Но когда передъ высланными отъ гетмана лицами былъ предъявленъ его «записъ» 1710 года, то пасныки «законтровали и (пишетъ въ своемъ челобитьѣ по этому поводу вдова Чарныша) медіяторами мененной роздѣлки чинить не похотѣвши, якъ прежде—такъ и теперь, без жадной турбаціи при спокойномъ владѣніи маетностями напрасно время умедлѣ-

ваютъ. А я (пишетъ она далѣе) всѣ челобитческіе дѣла, в судѣ войсковомъ енералномъ на покойного отца ихъ, а мужа моего, имѣючіеся, сама безъ помощи ихъ отбуваю,—якъ и теперь на челобите Казѣмѣрово, указомъ суда енералного, моего человѣка подъ карауломъ взято и нынѣ подъ карауломъ имѣется. Такъ и всегда мене толко самую во оний енералний судъ влекутъ ко отвѣтствію противъ турбаторей, чрезъ якую я волокиту з сиротами моими в послѣднее прихожу разореніе».—Поэтому «осиротѣлая вдова» просила гетмана «властію рейментарскою» между нею и пасынками возможно скорѣе «в имѣніи приказать учинить роздѣлку». Такимъ образомъ, пасынки Евдокіи Константиновны намѣренно затягивали дѣлежъ отцовскаго наслѣдства, поводомъ къ чему, помимо желанія съ ихъ стороны до совершенія дѣлежа заставить свою мачеху расплачиваться съ кредиторами, послужилъ и «записъ» 1710 года.

Большое участіе принималъ въ спорахъ относительно раздѣла имущества генеральнаго судьи Яковъ Марковичъ, приходившійся вдовѣ Черныша—двоюроднымъ братомъ. Въ его «Дневникѣ» постоянно встрѣчаются замѣтки о ходѣ дѣлъ относительно подѣла. Между прочимъ, въ мартѣ 1731 года имъ отмѣчено: «писалемъ по предложеню княжомъ (князя А. И. Шаховского) до сестри пани Чарнишовой, чтобъ пріѣздила сюда въ Глуховъ миритись съ пасинкомъ своимъ Петромъ Чарнишомъ» [1])—значитъ дѣло дошло уже, по жалобѣ Евдокіи Константиновны, вновь до суда. По этому письму она пріѣхала въ Глуховъ, но пасынки ея стояли на своемъ и не хотѣли при раздѣлѣ принимать во вниманіе «записъ» ихъ отца. Въ это время вдовѣ Черныша пришлось платить еще по иску князя Крапоткина 1643 рубля [2]), а раздѣлъ все еще не былъ совершенъ. Въ чемъ заключалась причина иска—неизвѣстно, но она едва не потеряла изъ за него Подолова: въ ноябрѣ 1731 года это имѣніе ея было арестовано,

---

[1]) Дневникъ Марковича, изданіе «Кіевской Старины», т. III, стр. 93.

[2]) Ibid. III, 142, 144, 151.

и она спасла его тѣмъ, что послала челобитную въ Москву,—и Подоловъ былъ за нею оставленъ. Около этого времени одинъ изъ пасынковъ Евдокіи Константиновны—Петръ—скончался и вопросъ о раздѣлѣ сталъ клониться къ разрѣшенію: въ іюнѣ 1733 года былъ составленъ проектъ раздѣла [1]), по которому вдова Чарныша все имѣніе своего покойнаго мужа (села: Борки, Митченки, Сары, Цѣпки, Сватки и Крутки) раздѣляла на двѣ части: одну половину—пасынку Ивану, а другую—своимъ дѣтямъ; себѣ же оставляла лишь свое «внесене», т. е. Подоловъ. Но этотъ проектъ не осуществился. Полный и послѣдній подѣлъ имущества генеральнаго судьи совершился лишь въ іюнѣ 1735 года: 1) Иванъ Чарнышъ получилъ село Борки, за которое въ то время шла между нимъ и Гречаными тяжба, но на случай проигрыша спора онъ получалъ ровную со своими братьями часть въ Митченкахъ,—движимое приданое матери и «внесенне зъ дому Захаревскаго» [2]); 2) вдова со своими дѣтьми получила Митченки и дворъ кіевскій, равно какъ движимое имѣніе покойнаго судьи, «алмазніе вещи, денги и протчое, что надлежитъ до женска пола»; 3) надлежащее же «до мужеска полу мужнее имѣніе, плате, часи, ружья и конскій уборъ»—должно быть подѣлено по ровной части между всѣми дѣтьми Чарныша; 4) долгъ Крапоткину въ 1643 рубля обязывались всѣ платить поровну; 5) остальныя маетности, коими владѣлъ генеральный судья, были въ это время уже кѣмъ-то отобраны, но тѣмъ не менѣе Ивану Чарнышу предоставлялось право искать и стараться объ Сарахъ и Круткахъ, а остальнымъ дѣтямъ—доискиваться Сватковъ и Цѣпковъ.

Выдѣливъ пасынка и своихъ дѣтей, вдова поселилась въ Подоловѣ, гдѣ и занималась веденіемъ хозяйства. Умерла она 31-го мая 1743 года и погребена въ Кролевцѣ, завѣщавъ Подоловъ сыну своему Якову. Всѣ дѣти ея отличались врожденной

---

1) Любецкій архивъ графа Милорадовича, стр. 6—10.

2) Елена Степановна Гречаная, мать Ивана Чарныша, была родною племянницею харьковскаго полковника Ѳедора Захаржевскаго-Донца.

хилостью и изъ нихъ только трое пережили свою мать. Изъ дѣтей ея Иванъ—умеръ холостымъ въ 1741 году; Семенъ, служившій въ 1737—39 годахъ канцеляристомъ генеральной войсковой канцеляріи, умеръ въ 1742 году тоже холостымъ; Анастасія, бывшая замужемъ за Забѣлой, умерла бездѣтной въ 1742 году; Елена—умерла дѣвицей въ 1745 году; Анна, умершая въ 1745 году, была замужемъ за бунчуковымъ товарищемъ Андреемъ Ивановичемъ Войцеховичемъ,—и только одинъ сынъ ея Яковъ, унаслѣдовавшій Митченки, явился продолжателемъ рода. Яковъ Чарнышъ служилъ канцеляристомъ въ генеральной канцеляріи и былъ такимъ-же хилымъ и больнымъ человѣкомъ, какъ его братья и сестры. Женившись зъ 1744 году на дочери извѣстнаго богача въ Стародубщинѣ и внукѣ Стародубскаго войта, Марфѣ Степановнѣ Ширай, онъ въ слѣдующемъ уже году составилъ духовное завѣщаніе, въ которомъ, между прочимъ писалъ слѣдующее: «Понеже Создатель мой Христосъ Господь даровалъ мнѣ скалѣченемъ ноги моея немалую болѣзнь, которою я съ 1744 году, отъ августа мѣсяца по мѣсяцъ декабръ сего 1745 года былъ одержимъ, а съ декабра мѣсяца, не ощущая здоровья и не уповая болше жить, но еще и въ болшой чехотной отъ кашлю болѣзни будучи—тѣло мое по христіанскому обычаю погребсти въ мѣстечку Кролевцѣ близъ костей матки моей и учинить надлежащее помянованіе женѣ моей Марфѣ Шираевнѣ». «Хотя» (писалъ онъ далѣе въ тестаментѣ) нѣкоторіе денги по смерти покойной матки моей остались были и содержались въ Даніила, священника протопопіи Кролевецкой села Подолова—тѣ всѣ денги за аккуроване мене и за лѣчбу скалѣченной ноги издержаны, такъ что и нѣчего изъ денегъ не осталось, въ чемъ вѣсть Христосъ Богъ». Подоловъ, Митченки и другія свои имѣнія Яковъ Чарнышъ завѣщалъ своей женѣ, но со слѣдующей оговоркой: «Понеже по исчисленію моему съ упомянутою женою моею явилось тое, что уже тому пазадъ мѣсяцей съ четире, какъ оная жена моя отъ мене стала обремененна, для того всѣмъ добрамъ, по природному наслѣдію на мене спадаючимъ (зверхъ записѣ отъ мене женѣ моей определеннимъ),—буть за нею жъ,

женою моею Марфою Шираевною и за наслѣдіемъ отъ мене понесшимъ, а ею родячимся,—вѣчно»; если же «налсѣдіе» умреть, то все имѣніе должно было достаться вдовѣ, но при условіи невыхода вторично замужъ; въ противномъ же случаѣ—имѣніе должно было перейти ближайшему родственнику завѣщателя, и этоть послѣдній обязывался «наградить» вдову за ея «внесенне» [1]).

Тестаментъ Якова Чарныша написанъ былъ 27-го декабря 1745 года, а на слѣдующій день онъ умеръ. Въ 1746 году у его вдовы родилось «наслѣдіе»—дочь Анна, а сама вдова вскорѣ послѣ этого (1747) вышла вторично замужъ за вдовца, генеральнаго подскарбія Михаила Васильевича Скоропадскаго. За малолѣтствомъ дочери всѣми имѣніями управляла сама Марфа Степановна, причемъ въ 1760 году едва не потеряла Митченокъ. Въ этомъ году производилась отдача пожалованныхъ Разумовскому земель, между коими была и Батуринская волость, въ число селъ которой назначенные сенатомъ «отдатчики»—полковникъ Шишкинъ и подполковникъ Семеновъ—включили и Митчинки. Основываясь на томъ, что Митченки «за преждебывшихъ гетмановъ и за гетмана Скоропадскаго принадлежали до ратуши Батуринской» и что грамота о пожалованіи генеральному судьѣ этого села, данная изъ Иностранной Коллегіи, «собственною его императорскаго величества рукою не подписана», отдатчики увѣдомили Марфу Степановну, «дабы она впредь реченнымъ селомъ Митченками не владѣла и во владѣніи онимъ селомъ его ясневельможности никакого препятствія не чинила». Но этотъ приказъ не особенно смутилъ ее, такъ какъ она не сомнѣвалась въ подлинности царской грамоты 1718 года, зная, что всѣ жалованныя грамоты того времени подписывались не самимъ царемъ, а государственнымъ канцлеромъ графомъ Головкинымъ. Поэтому немедленно же по полученіи извѣщенія Шишкина и Семенова, вдова Якова Чарныша подала въ Сенатъ прошеніе, въ которомъ, жалуясь на рѣшеніе «отдатчиковъ», просила о возвращеніи Митченокъ. Удовлетворенія этого ходатайства Марфа Сте-

[1]) Любецкій архивъ, стр. 10—20.

пановна не дождалась, такъ какъ 28-го февраля 1764 года умерла, переживъ и своего второго мужа, умершаго въ 1758 году.

Анна Яковлевна, оставшись послѣ смерти матери круглой сиротой, была взята въ опеку родною своею теткой по матери—Прасковьею Степановною Ширай, бывшей въ замужествѣ за новгородсѣверскимъ сотникомъ Степаномъ Судьенкомъ, и—роднымъ дядей, подкоморіемъ Стародубскаго повѣта, Михаиломъ Шираемъ. Имѣніе, оставшееся послѣ ея матери, было точнымъ образомъ описано и принято «въ безутратное содержаніе» дядей Шираемъ и теткой Судьенковой. Но тетка не безкорыстно приняла на себя обязанности опекунши. Въ послѣдующемъ своемъ прошеніи, Анна Чарнышевна разсказываетъ подробно о притязаніяхъ тетки на ея имѣніе и вообще о всемъ томъ, что ей пришлось вытерпѣть отъ нея и ея сына Ивана Судьенка. Оказывается, что когда тетка ея, вдовствующая Прасковья Судьенкова, и сынъ ея Иванъ Судьенко привезли ее въ домъ свой, то «зачали съ угрозами, разными досадами и многими устрашеніями принуждать ее продать имъ хуторъ свой, имѣючійся въ сотнѣ воронежской, прозиваемый Красной» (это былъ одинъ изъ лучшихъ Чарнышевскихъ хуторовъ), утверждая, будто мать ея при своемъ «скончаніи» говорила, чтобы она, Анна, тотъ хуторъ «неотмѣнно» продала или самой Судьенковой, или ея сыну Ивану и чтобы «денги за оной хуторъ употребленни-бъ были на поминовеніе оной умершей матери ея». Анна Чарнышевна отказывалась отъ этой продажи, не вѣря словамъ своей тетки, за что та вмѣстѣ съ сыномъ «ожесточась, бранили ее, безпремѣнно устрашая, что она всѣми людьми будетъ за проклятую признана, если не сохранитъ матернего якоби въ продажи имъ хутора приказанія, именуя оное якоби приказаніе, или сказаніе рѣчи, нѣякимсь важнымъ завѣщаніемъ». Несмотря, однако, на это обстоятельство, выставляемое Судьенками, Анна Яковлевна наотрѣзъ отказалась совершить имъ продажу хутора Краснаго и заявила, что если ее и силой заставятъ подписать актъ продажи, то все равно, когда она выйдетъ замужъ, то этотъ хуторъ «отобрать мѣетъ». Этотъ отвѣтъ еще болѣе разсердилъ Судьенковъ, и они

стали грозить Чарнышевнѣ, что ее «посмерть въ замуже не отдадутъ». А когда Анна Яковлевна на это возразила, что уже имѣетъ жениха и безъ ихъ выдачи пойдетъ за него, то Иванъ Судьенко «зъ немалими укорителствами бранилъ ее и ругалъ, стращая разними бѣдствіями, отъ какихъ нападеній и угроженій она (Анна) занемогла и чуть било не умерла»...

Однако, Прасковья и Иванъ Судьенки не теряли надежды вынудить у Анны Чарнышевны продажу имъ хутора Краснаго, держали ее все время «въ строгомъ береженю», никуда не выпускали одну («когда случалось одному съ нихъ куда отлучиться, то другимъ безотлучно она бережена»), и, въ концѣ концовъ, «разними обнадеживаніями, что оное письмо о продажи того еи имъ хутора въ немалую и весьма нужную матери еи ползу сдѣлано, а наонслѣдокъ грозными устрашеніями», довели ее до того, что она, наконецъ, подписала актъ о продажѣ своей теткѣ хутора Краснаго... Для дѣйствительности купчей необходимы были еще свидѣтели, и Судьенки заставляли Анну Яковлевну просить о подписи разновременно пріѣзжавшихъ въ ихъ домъ лицъ. Оставалось теперь, когда подписи были собраны, лишь заставить Анну Чарнышевну «персональне» подать свою продажную запись для засвидѣтельствованія въ земскій судъ. Съ этою цѣлью, тетка ея Прасковья Судьенкова съ сыномъ своимъ Иваномъ, разгласивъ заранѣе о поѣздкѣ вмѣстѣ съ нею въ Подоловъ и не взявъ нарочно бывшихъ при ней людей, кромѣ двухъ конюховъ, «нагло, несмотря на тогдашнюю великую стужу, въ откритихъ саняхъ, повезли еи (Анну) не въ Подоловъ, но прямо въ Глуховъ, куда и привезши поздно ввечеру, зъ жесточайшими надъ прежніе устрашеніями, изневоляли ее, Анну, во всю ночь ихать съ ними до судьи земскаго повѣту глуховского господина Дергуна и все, что имъ угодно и отъ нихъ еи, Аннѣ, приказано о продажѣ имъ оного хутора, говорить велѣли, сказивая,—когда ихъ волѣ согласно будетъ чинить, то счастливою, а въ отмѣнномъ надъ волю случаи—несчастливою могутъ ее, Анну, вѣчно сдѣлать». На слѣдующій день Иванъ Судьенко, «не спуская еи зъ глазъ, даби она ни съ кимъ не могла видѣться и о своей такой крайней

бѣдности пожаловаться»,—разбудилъ ее рано поутру и повезъ на квартиру къ Дергуну—«знать съ такимъ намѣреніемъ, чтобъ она зъ своихъ рукъ персоналне подала оное писмо, на которомъ принудили ее подписаться». Но Анна Чарнышевна этого не сдѣлала, и тогда Иванъ Судьенко заставилъ ее подписаться на доношеніи, въ которомъ содержалась отъ ея имени прозьба объ утвержденіи продажи,—и земскій судъ утвердилъ купчую...

Изъ тяжелаго положенія въ домѣ тетки своей Судьенковой Анну Яковлевну выручилъ Григорій Григорьевичъ Фридрикевичъ, женившійся на ней въ 1765 году; о немъ, повидимому, Анна Яковлевна и упоминала выше, какъ о своемъ женихѣ. Фридрикевичъ уже и въ это время былъ извѣстенъ какъ дѣлецъ, а потому замужество это очень было полезно для осиротѣлой наслѣдницы богатыхъ имѣній, изъ-за которыхъ ей пришлось столько вытерпѣть отъ своихъ опекуновъ, захватившихъ въ свои руки ея хуторъ Красный и многое изъ движимаго имѣнія. При помощи своего мужа Анна Яковлевна добилась въ 1769 году возвращенія Митченокъ и хутора Краснаго, но въ этомъ-же году она по какимъ-то причинамъ, намъ неизвѣстнымъ, уступила всѣ свои движимыя и недвижимыя имѣнія бунчуковому товарищу Ивану Степановичу Леонтовичу, мать котораго вторымъ бракомъ была замужемъ за бунчуковымъ товарищемъ Григоріемъ Криштофовичемъ Фридрикевичемъ, отцомъ мужа Анны Яковлевны. По этому «вѣчистому запису» Иванъ Леонтовичъ получилъ: Митченки съ хуторомъ Сѣжковскимъ, мельницу подъ Батуриномъ, мельницу и сукновальню въ селѣ Поповкѣ (Нѣжинск. полка), земли въ селѣ Гайворонѣ (Прилуцк. п.), с. Подоловъ съ слободкою Голубовкою, мельницы на р. Ретѣ и Свидпѣ, хуторъ Падалковскій, дворы въ Кролевцѣ, хуторъ Красный съ мельницами на р. Османѣ (Нѣжинск. п.), два хутора Голота и Ягодное (Стародубск. п.) и много мелкихъ угодій, а также всю движимость [1]). Возможно, что Григорій Фридрикевичъ стѣснялся взять имѣніе жены непосредственно

[1]) Любецкій архивъ, стр. 35—38; А. Лазаревскій, Опис. Стар. Малор., т. II, стр. 282—3.

на свое имя и потому былъ составленъ актъ, передающій имѣніе—его брату по матери—Леонтовичу, который былъ бездѣтенъ [1]). Вслѣдъ за передачей своего имѣнія, Анна Яковлевна умерла; имѣніемъ ея пользовался Иванъ Леонтовичъ до своей смерти, а когда онъ умеръ, то оно перешло къ его братьямъ: полковнику Степану и бунчуковому товарищу Василію Леонтовичамъ. Послѣдній изъ нихъ духовнымъ завѣщаніемъ 1791 года, уступилъ какъ свое, такъ и полученное имъ Чарнышовское имѣніе—Григорію Фридрикевичу, который, такимъ образомъ, сталъ обладателемъ и имѣній своей умершей жены и Леонтовичевскихъ. Изъ послѣднихъ ему достались: переяславскаго уѣзда дер. Золотоношка, хут. Трактирный, мельница въ Гельмязовѣ, с. Нехайки и хут. Криштоповскій. Фридрикевичъ, бывшій въ 1787 году предсѣдателемъ Черниговской Казенной Палаты и дослужившійся до рѣдкаго въ то время въ Малороссіи чина дѣйствительнаго статскаго совѣтника, умеръ въ 1797 году бездѣтнымъ и свое богатое имѣніе завѣщалъ родственникамъ: Настасьѣ Степановнѣ Полуботокъ (рожд. Леонтовичъ), Пелагеѣ Степан. Раковичъ (рожд. Леонтовичъ, женѣ маіора Лаврентія Раковича), дѣтямъ надв. сов. Василія Иванов. Силича (женатаго на Екатер. Степ. Леонтовичъ), дѣтямъ бунч. товар. Павла Иванов. Лисенка (женатаго на Аннѣ Степ. Леонтовичъ), Софьѣ Васильевнѣ Леонтовичъ (рожд. Дунинъ-Борковской, вдовѣ полковника Степ. Степанов. Леонтовича), коллеж. ассес. Антону Адреев. Войцеховичу (его мать—Анна Ив. Чарнышъ, сестра Якова Черныша) и Ульянѣ Конст. Енько, двоюродной сестрѣ своей) [2]).

Намъ осталось еще сказать о дѣтяхъ генеральнаго судьи отъ перваго брака; ихъ было два сына: Иванъ и Петръ, изъ которыхъ Петръ, женившійся на вдовѣ давняго врага своего отца Михаила Милорадовича—Ульянѣ Степановнѣ Бутовичъ, дочери

---

[1]) А. Лазаревскій, Опис. Стар. Малор., т. II, 281—2.

[2]) Любецкій архивъ, стр. 38—49.

генеральнаго есаула, получилъ за нею въ приданое с. Бутовку, Городницкой сотни, Черниговскаго полка, и въ началѣ 1730 годовъ умеръ, не оставивъ потомства. Продолжателемъ рода явился братъ его Иванъ, во многихъ отношеніяхъ походившій на своего отца. Числясь бунчуковымъ товарищемъ (универсалъ на это званіе имъ былъ полученъ позже, именно въ 1735 году), онъ скупалъ земли въ Сваткахъ и, главнымъ образомъ, въ Боркахъ [1]), позволяя себѣ при этомъ многія насилія. Въ 1731 году вдова полкового гадяцкаго сотника Прасковья Пѣратинская писала Апостолу, заступаясь за своихъ крестьянъ села Подставокъ, «крайне обидимыхъ отъ пана Ивана Чарныша, ибо ихъ собственніе кгрунта во владѣніе отбираетъ, а сколко они на своихъ сѣнокосахъ сѣна уготовили,—то онъ, панъ Чарнышъ, позабѣралъ, да и многихъ до полусмерти позабивалъ за ихъ-же доброе,—въ якомъ крайнемъ своемъ бѣдствіи якъ козаки, такъ и посполитіе сами ѣдутъ до милостиваго и високоразсмотрителного милосердія вашей ясневелможности»... Черезъ два года жаловался на Ивана Чарныша гетману Афанасій Бардакъ; разсказывая о тѣхъ насиліяхъ, которыя пришлось ему претерпѣть отъ генеральнаго судьи и, между прочимъ, отъ подданнаго судьи—Романа Коровника, укравшаго у него вола, Бардакъ пишетъ: «Сего 1733 года, сватковскій житель Иванъ Марченко когда вишпрописанного вора, прозиваемого Коровника, за свою нѣякуюсь шкоду зловилъ былъ,—въ ту пору, пошедши до оного Марченка, хотѣлъ я на немъ, Коровнику, за свою шкоду доправить,—то помянутій Чарнишъ, сынъ покойного судіи Чарныша, набѣгши въ село Сватки з слугами и подданними своими и вхвативши мене з братомъ Алексѣемъ и оного Марченка въ его, Чарнишово село Борки,—далъ мнѣ *полтораста кіевъ* невѣдомо за что, такожъ и брата моего тиранско былъ, отъ якого бою и нынѣ к первобытному здоровю прийти не могу... Отъ якихъ мнѣ обидъ и разореній не могучи я болше въ селѣ Сваткахъ жить, мусѣлъ, всю худобу свою оставивъ, перейти на житло в Гадячъ»...

---

[1]) Каталогъ музея Тарновскаго, стр. 275, 276, 278, 279.

А вотъ еще одно любопытное дѣло, героемъ котораго является тотъ-же Иванъ Ивановичъ Чарнышъ. Началось оно въ 1729 году по слѣдующему поводу. Жители села Апанасовки издавна владѣли степомъ «Загрунскою долиною», сѣно съ котораго «кошувалось на рейментаровъ»; на эту долину обратилъ свое завистливое око генеральный судья и, «маючи силу», завладѣлъ ею еще въ бытность свою гадяцкимъ полковникомъ. Сыновья его Иванъ и Петръ, разумѣется, стали ею владѣть уже по наслѣдству отъ отца, имѣя съ нея «немалую собѣ денежную корысть» черезъ отдачу степи въ наемъ «многимъ купеческимъ людямъ, которіе товаръ рогатій скуповаютъ». «А мы», писали апанасовцы, «едно—въ виставленю фуража на консистенти, а другое—за частими переиздами великороссійскихъ и малороссійскихъ людей, немалую за неимуществомъ сѣна узнавали и нынѣ узнаемъ нужду»... Дѣло касалось маетности, «надлежащей до замку гадяцкого», т. е. принадлежавшей гетману, и потому, тотчасъ же послѣ жалобы жителей села Апанасовки, былъ наряженъ на розыскъ о неправильномъ владѣніи Чарнышами Загрунской долиной—полковой гадяцкій обозный Григорій Грабянка съ господаремъ гадяцкаго замка Иваномъ Ломиковскимъ. «Зъѣхавши въ село Апанасовку», слѣдователи узнали слѣдующее. «Лука, на которой шесть скиртъ становилось сѣна—вся вытолочена», причемъ слѣдъ столоки шелъ отъ Чарнышеваго хутора... Увидѣвъ эту «шкоду» войтъ капустянскій далъ «черезъ писмо вѣдать въ замокъ гадяцкій, и оттуду (разсказываетъ онъ) получилемъ указъ взять за шкоду изъ стаднини (Чарнышей), якій грабежъ и держать, поколь шкоды Чарныши не нагородятъ». Съ этою цѣлью войтъ взялъ городничаго гадяцкаго замка—Өедора, Лукьяна Жолнѣра и еще человѣкъ съ десять, и съ ними поѣхалъ въ поле, но такъ какъ тамъ стада, принадлежащаго Чарнышамъ уже не было, то повернулъ въ хуторъ Чарнышевскій, гдѣ «безъ жадного ссору взялисмо стаднини числомъ девятнадцатеро,—понеже меншого числа не могли отъ стада отлучить и не на узди брать для дикости». Забравъ «стаднину», войтъ капустянскій пригналъ ее съ бывшимъ при ней Чарнышевскимъ пастухомъ «до замку», приставилъ къ ней двухъ новыхъ пастуховъ и вы-

пустилъ въ поле пастись. Но Чарныши лишь наружно выказали покорность рѣшенію господаря гадяцкаго замка. О томъ, какимъ образомъ они вернули себѣ обратно скотъ, пастухи разсказывали слѣдующее: «Пріѣхалъ къ намъ одинъ человѣкъ верхомъ и сталъ у насъ просить огня на люльку, которому и дализмо»; послѣ этого этотъ человѣкъ «сталъ стаднину и лошатъ пересмотровать», потомъ, занявши всю—погналъ скоро шляхомъ»... Пастухи гнались за угнавшимъ стадо, но не могли его догнать и вернулись «до дворца», не видавъ болѣе никого. Но другой свидѣтель, житель апанасовскій, разсказывалъ, что вѣялъ онъ «на току гречку—ажъ ѣдутъ осмь человѣка людей Чарнышевихъ, якоби ку Онанасовцѣ, потомъ, въ скоромъ часѣ,—женуть два стадники Чарнышевы стаднину назадъ и повернули берестовскимъ шляхомъ, потомъ еще шесть человѣка мимо мене апанасовскимъ шляхомъ назадъ поѣхали». Между этими людьми свидѣтль замѣтилъ и самого Петра Чарныша, котораго опозналъ «по чапраку, на конѣ будучомъ, якій чапракъ и прежде сего не разъ подъ нимъ видалемъ»...

При этомъ, жители села Апанасовки опять жаловались слѣдователямъ на Чарнышей за завладѣніе ими и отцомъ ихъ части «степу», который и до сихъ поръ находится въ ихъ владѣніи и который они отдаютъ «великороссійскимъ купчинамъ» подъ пастбище. Грабянка, произведя розыскъ, посылалъ «до пановъ Чарнышевъ, даби или сами ку отвѣту приихали, или кого отъ себе присилали». Но Чарныши поспѣшили уѣхать въ другія свои маетности, и Грабянка доносилъ гетману: «Ихъ, Чарнышовъ, посланній въ дому не засталъ, а изъ служащихъ—нѣхто ку отвѣту не пріѣхалъ; также другимъ и третимъ разомъ до ихъ, дворовихъ Чарнышевихъ, посилали, и они отказали, же господаръ и староста, и слуги—всѣ за паномъ у слободи отъѣхали»... Такъ Грабянкѣ на мѣстѣ и не удалось добиться отвѣта Чарнышей; чѣмъ кончилось это дѣло—къ сожалѣнію, неизвѣстно.

Отбывъ въ 1737 году Очаковскій походъ, Иванъ Чарнышъ отъ похода 1739 года уволился «за болѣзнью» и остальное время своей жизни провелъ въ селѣ Боркахъ, гдѣ и умеръ въ 1756 году.

Женатъ онъ былъ два раза: первый—на Татьянѣ Осиповнѣ Костенецкой, дочери конотопскаго сотника, а второй—на Зиновіи Якимовнѣ, и оставилъ послѣ себя трехъ сыновей: Ивана, Даніила и Александра. Изъ нихъ Иванъ—въ 1754 году былъ войсковымъ канцеляристомъ и отъ брака съ Настасьей Романовной (бывшей во второмъ замужествѣ за Ѳедоромъ Петровичемъ Войной, служившимъ въ 1762 году—гадяцкимъ полковымъ судьей, а въ 1778—81 г.г.—предводителемъ шляхетства полковъ Гадячскаго и Миргородскаго) имѣлъ единственнаго сына Василія и умеръ до 1769 года. Два брата Ивана—Данило и Александръ были живы въ 1754 году и умерли оба до 1769 года; Данило былъ женатъ на какой-то Пелагеѣ (жива 1784), Александръ—въ 1754 году былъ малолѣтнимъ.

Василій Ивановичъ Чарнышъ, правнукъ генеральнаго судьи, родился въ 1759 году, началъ служить въ 1775 году и 13-го апрѣля 1784 года былъ произведенъ изъ войсковыхъ товарищей Гадячскаго полка—въ бунчуковые; въ этомъ году у него было 1952 души въ Гадячскомъ уѣздѣ. Женатъ онъ былъ на дочери Полтавскаго полкового писаря (1768)—Аннѣ Петровнѣ Бѣлухѣ. Въ 1797 году Василій Ивановичъ былъ маршаломъ Гадяцкаго повѣта, а когда (въ 1802 году), при генералъ-губернаторѣ князѣ А. Б. Куракинѣ, прежде бывшая малороссійская губернія распалась на двѣ—Черниговскую и Полтавскую, то въ должность перваго Полтавскаго маршала оказался избраннымъ уѣздными предводителями, при предварительномъ ихъ съѣздѣ передъ открытіемъ губерніи, въ декабрѣ 1801 года въ Полтавѣ,—онъ-же. Въ 1803 году Чарнышъ назначенъ былъ генеральнымъ судью 1-го Департамента, а на его мѣсто выбранъ былъ С. М. Кочубей. Въ 1809 году Чарнышъ оказался вновь Полтавскимъ маршаломъ и пробылъ имъ до 1812 года, когда его замѣстилъ Д. П. Трощинскій; послѣдній разъ Чарнышъ занималъ эту должность въ 1818—20 годахъ, уступивъ свое мѣсто извѣстному В. В. Капнисту [1]). Чарнышъ былъ въ перепискѣ съ А. И. Чепой, который соста-

---

[1]) «Кіевская Старина», 1893 г., янв., стр. 41—49.

вилъ въ 1809 году по его порученію «Записку о преимуществахъ чиновъ малороссійскихъ», напечатанную въ «Кіевской Старинѣ», 1897 г.. т. LIX, приложенія, стр. 23—39, и умеръ вскорѣ послѣ 1820 года.

Василій Ивановичъ Чарнышъ оставилъ послѣ себя двухъ сыновей: Петра (род. въ 1771 г.. въ 1798 году—капитанъ Сѣверскаго драгунскаго полка) и Дмитрія (род. въ 1795 году) и пять дочерей: Ульяну (род. 1785), Анастасію (р. 1787), Анну (р. 1788), Анастасію 2-ю (род. 1790) и Екатерину (род. 1797) [1]; сыновья его умерли, кажется, бездѣтными; послѣдней въ родѣ была Н. В. Чарнышъ († 1871), которая передала въ 1860-хъ годахъ изъ села Беева, иначе называемаго Чарнышовкой или Чарнышовой слободой (бывшій хуторъ генеральнаго судьи Біевцы) въ мѣстную приходскую церковь ту семейную икону, передъ которой въ 1706 году молилась жена генеральнаго судьи и къ которой въ 1710 году были вырѣзаны приведенныя выше вирши [2]. Громадныя имѣнія, собиравшіеся всѣми членами рода Чарнышей, разошлись въ другія руки—частью черезъ браки и родственныя связи, частью черезъ продажу.

В. Модзалевскій.

---

[1]) «Архивъ Полтавскаго Двор. Депут. Собранія. Приносимъ свою глубокую благодарность за доставленіе оттуда справокъ—А. А. Грановскому.

[2]) «Кіевская Старина», 1897 г., т. 59.

ЧУДНЫЙ.

(Оповидання).

Гарнои осиннеи днины узялыся молодыци до конопель: плоскинь давно вже була выбрата, а теперъ и маткы достыглы. Пора-пора,—насиння вылузуеіся, горобци хмарамы перелитають зъ одного ґорóда въ другый, по-пры коринни на земли чымало сиріе лузгы—не вбереглы хазяйкы конопель! Схаменулысь молодыци, уси разомъ кынулысь тягаты матокъ. Дарма пробигавъ увесь вечиръ и ранокъ прыказчыкъ зъ двору, загадувавъ до машыны: ни одна тоби душа и не двыгнулася, хыба сами пидлиткы, або зайви дивчата, зъ тихъ дворивъ, де по двое-трое ихъ у матери було.

Сонце пече, зъ высокого сынёго неба неначе льется, ажъ мыготыть у тыхому повитри, оттакъ якъ цукоръ таючы у води. По садкахъ повно скризь пташыного гомону: горобци, щыглята, чыжы та коноплянкы посидалы на вышневому гылли тай радять неспокійну раду: що то буде дали, колы люде коноплі заберуть зовсимъ? Ось уже й теперъ невильно: постановлено горсткы у копы, понакрывано зверху кулямы та ряднамы, та ще й сами люде скризь вештаются та ганяють бидне птаство.

Нарадятся пташкы, знимутся зграею, перелынуть на инче мисце—и тамъ такъ само.

И лыне день, весь перенятый спекою, важкымъ духомъ конопли, повный пташыного щебету та жиночого спиву.

Въ такый день по мьякій куряви пискуватого шляху весело ступавъ босымы ногамы стомляный, спитнилый, закуреный подорожній. Одежа на ему була салдацька, старенька, за плечыма мишокъ, та на ломаци высилы чоботы. По всему выдко було, що здалеку простуе чоловикъ, а проте чогось весело выглядало червоне спитниле облыча, гралы усмишкою на вси бокы и смажни вуста, й сири очи, а ногы тюпалы весело, якось жартовлыло, неначе у малого хлопчыка. Не разъ очи займалыся то радистю, то здывовано, скоро зъявлялася якась прыкмета давнознаемои краини: онъ—маленька гребелька, онъ—зеленый порубъ на мисци колысь густого лису, онъ вузенька рудка, за нею пишла бокуючы межа панськыхъ грунтивъ, просто потяглысь вузькымы смугамы людськы нывы.—Недалеко! Ось, знае винъ: перейде тильки оту рудку—заразъ шляхъ поверне круто въ-праворучъ, выдерется на косогиръ, а тамъ заразъ выткнутся чорно-зеленою гребинкою ялыны панського двору. Скоро! скоро!

Сонце пече, у роти пересохло, йисты хочется, ногы болять, але винъ вже не сяде, не розвьяже торбы, бо винъ дуже радый, що свое село блызько и що зъ-заду далеко осталося те, що винъ покынувъ: и двадцять верстовъ шишкы, й зализныця, й городъ и казарма,—взагали вси пьять рокивъ салдацькои службы. Все бо воно одризувало его одъ ціеи риднои рудои земли, порослои по обнижкахъ жовтымы коровьякамы, одъ цего сынего-сынего лису, що залигъ на обріи и неначе дыхае ажъ звидты прохолодою, одъ цихъ показныхъ гостроверхыхъ ялынъ панського «огруду», що застуе собою непоказну, сиру, але безмиры любу ридну слобидку

И ще бадёрище ступають натруджени ногы, а очи не зводятся—пыльнують.

И ростуть передъ нымы гостри ялыны; уже до половыны ихъ выдко... уже й верхи сирого частоколу пидъ нымы... уже й стежка буйного бурьяну по-пидъ частоколомъ.

Жовтою гадючкою повылася дорога помижъ зеленымы бурякамы, закрутылася и сховалася за гострымъ рижкомъ паркану, за якымъ шыроко розсивсь панськый тикъ. Пышни жытяни

скирты сяють, мовъ золото, пшепышни—ажъ червоніють, гречаный стижокъ чорніе, онде—ячминь, а онъ то настобурчылась незграбна горохова скырта.

Скоро! Ось подыхнувъ зъ «огруду» витрець, запахло мылымъ знаемымъ духомъ розигритои жывыци, и всякого зилля. Ось и коловоритъ.

Рыплять стари ворота, рясни ялыны тыхо и ласкаво махають своимы зеленымы рукавамы, нижно шепочуть.

Вулыця. Якъ одтыспулыся на глыбокій куряви, такъ и лежать нерухомо слиды копытъ, глыбоки коліи, людськи ступини. Панськый паркапъ, за нымъ панськый будынокъ... о дывы: вже не червоный, а побиляный! и дахъ на ёму не зеленый, а сирый—повына!

— О, дывы: нова конюшня, нова официна! Квитныкъ якый велыкый! Десь багатіе нашъ панъ!

— Оттакъ бубоныть соби подорожній, але цилкомъ безъ жадпои заздросты, радіе и будивли, и панови. Але те все мымо! Осталася вже позаду и панська оселя, и чорный двиръ, и довга коровария и разомъ зъ-за іи прычилку такъ и подыхнуло на ёго гострымъ важкымъ духомъ конопли, щебетомъ пташокъ та спивамы жиноты.

На вулыцяхъ никого. По дворахъ тежъ никого, собакы—и ти десь по холодкахъ поховалыся.

Ось Семенова хата... ось Терешкова... Панасенкова—(серце заколотылось)—ось Загныбидына... (серце ще дужче тикается, а ногы наче зализни)... онъ Павлышына кучерява верба та крыслата груша! Ще-ще трошкы—и ёго Карпове Тарасенкове дворыще.

Рукы тремтять, ніякъ каблучкы зъ воритъ не скынуть. Кынувъ ихъ—такъ и перескочывъ черезъ плитъ. Рябенькый куцый собачка озвавсь зъ-пидъ коморы; сполохани куры выскочылы зъ-пидъ куща, де порпалысь у мьякому пороси, и зъ голосомъ подалыся на городъ. Рябко загавкавъ сердыто, бентежно.

Карпо наблыжывсь до хаты. Двери пидперти килкомъ—никого нибы нема; спустывъ торбу зъ плечей, скынувъ кашкета и сивъ на прызьби, утыраючы пить.

Рябко залывався чимъ-дужъ и все то прыскакувавъ до Карпа, то одскакувавъ, здывованый, що чужынець не боится ёго и не тикае.

«На-на, дурный!» Карпо выйнявъ сухаря и кынувъ собаци, але добрый песъ наче образывся, одскочывъ ще дали и заголосывъ ще дужче.

«Хазяйськый песыкъ!»—сказавъ Карпо и мылуючысь ставъ оглядаты усе свое дворыще.

«Эге! Колы-жъ це Мотря таку гарну повитчыну справыла? Молодець баба! Выдко и коривчына йе; а ось и телятко: ачъ сытеньке, нивроку! И Карпове серце зигрилось ще бильшъ, згадуючы свою хазяйновыту молодыцю. Ни, винъ не пиде іи гвалтувать,—нехай сама зненацька застане ёго оттутъ; то-жъ то здывуется, люба!

А невгомонный Рябко ришывъ, мабуть, що такъ ничого не вдієшъ зъ упартымъ чужынцемъ, и зъ голосомъ подавсь на городъ.

Небавомъ учувсь дытячый голосокъ: «ня-ня! Лябко! Цу-цу! А чого ты здуливъ чы що?»

Рябко зрадивъ, замахавъ хвостомъ та, гавкаючы, поверну̀въ знову до хаты; дивчынка за нымъ. Ось вона вырынула зъ высокыхъ зеленыхъ кущивъ нехворощу и непаче прыкыпила на мисци: сыви очи шыроко вытрыщилыся, рученята мовъ прыросли до кущивъ, яки вона розводыла, щобъ пролизты, и рота не встыгла закрыты,—такъ и дывылася на незнаемого.

«Тетяно! Тетянко—це ты? Иды, манько, сюды! чы це не Тетяна? вагаючысь заклыкавъ Карпо и вже пидвився зъ прызьбы. Дивчынка, побачывшы тее, злякалася и мыттю зъ голосомъ кынулася въ кущи; скоро вчулося, якъ по сухій стежци заляпотилы боси ноженята и тремтивъ на бигу перерывчастый плачъ дивчынкы.

— «Чого ты, Насте! Що тоби?»—Озвалася Мотря у высокыхъ конопляхъ. Що такого? Оце ще мени рева! Та мовчы, бо ще Вивдю мени збудышъ! Робота зъ вамы!»

Дивчына змовкла, тильки хлыпаючы кынулася до матери.— «Ма-амко! боюся!»

— Ну, чого бо ты?

«Мошкаль»...

— Якый тамъ у лыха москаль? Чы не Иваненкивъ? Сама пытается Мотря, а въ самои щось такъ и шпыгнуло въ думкахъ.

«Ни! чужый»... И дивчына зновъ захлыпала. Мотря пополотнила: «такъ, це такъ! не дурно серце озвалося,—це винъ!»

Мотря озырнулася навкругы, мовъ чого шукала, хапала то за хвартухъ, то за голову. Горсткы повыпадалы у неи зъ рукъ и безсыло перехылылысь до-долу ряснымы головкамы. Але Мотря вже набралася духу. «Цыть мени заразъ! Сядь отуто, гляды дытыны, та не зрушъ зъ мисця, а то—я тоби!»

Хочъ и посварылася мамка, але дивчынка одразу набралася смилывосты: о, вона знае, що мамка займе отого клятого москаля, щобъ не ходывъ до ихнёи хаты, не лякавъ іи, малу Настю! Зъ певнистю въ мамчыній сыли, дивчына поважно сила надъ малою дытыною, що спала на свытци пидъ калыновымъ кущемъ. Маты жъ, важко ступаючы, пишла вгору по стежци. Зъ кожнымъ ступинемъ вона важко вгрузала въ пухку землю, бо вже й не бачыла, що збылася зъ стежкы и простуе картоплыщемъ; въ голови у неи все крутылося: «Якъ же це воно буде? Що теперъ станется?» Два облычча по-черзи або й разомъ крутылыся у неи передъ очима! Карпове, таке самисиньке, якъ вона его бачыла, провожаючы у некруты, и—Квицинського, панычa зъ економіи. Воны мыгтилы, перелывалыся, навить усмихнени, але ій було страшно, и чуе вона—мовъ іи тягне хтось сыломиць, але утекты въ неи нема ни сылы, ни охоты.

Дійшла Мотря до свого квитнычка, де такъ и жеврилы повнякы и кадылы навкругы васылькы, спынылася передъ кущамы нехворощу,—перехрестылася и разомъ розсунула кущи.

Передъ нею, увесь залляный сонцемъ на прызьби пры билій стини сыдивъ Карпо—не такый, якымъ выряжала, а здоровый, гладкый, зъ ряснымъ вусомъ на червоному, засмаглому об-

лычки. Винъ іи не бачывъ ще: винъ спокійно и радисно оглядавъ свое дворыще. Мотря ажъ духъ затаила,—такъ ій шкода стала руйнуваты той спокій. Але хвылына та й сама надбигла: Карпа немовъ прытягъ до себе іи пыльный поглядъ, и винъ раптомъ повернувсь всею постаттю. «Мотрую!» скрыкнувъ винъ и кынувсь до неи. Мотря й не зрушылася зъ мисця.

«Мотрю! голубко! не пизнала? Ачъ злякалася!»—выгукувавъ Карпо, прытыскуючы іи до грудей. Мотря ледви-ледви поцилувала его билымы холоднымы вустамы, насылу дійшла до прытомносты, и слёзы,—звычайна пидпомога жиноты,—такъ и порынулы зъ очей. Чулый Карпо ще бильшъ зрадивъ на таке витання, обнявъ молодыцю и тыхо повивъ до хаты.

Мотря вже передъ самымъ порогомъ одразу чогось здригнулася и одразу втерла очи. «Ни-ни», сказала: «у хати душно и мухы! Ходимо краще у садокъ. Я тоби вынесу подушку и полудень—покрепляйсь та спочынь. Ачъ, здорожывся якъ! Пылюкы якои на выду!» И моторна молодыця упадлыво оглядала чоловика, всмихалася, балакала. Прыйшлы у вышныкъ; вона стягла зъ гылякы ряденце, сама кынулась до хаты, вынесла здорову рябу подушку и скатертыну, де вгорнена була паляныця. Простелыла, покраяла хлибъ, оглянула, чы добре гостеви сыдиты, и забигалася то въ хату, то въ лёхъ—такъ и мелькала іи ставна постать у червоній старенькій спидныци, у грубій, трошкы лышъ поцяцькованій сорочци.

Скоро на скатертыни вже рясно стоялы и глечыкъ зъ кыслымъ молокомъ, и мыска зъ солоными огиркамы, грудка сыру, четвертына сала, ще й купка грушокъ, що на прыкинци высыпала вона зъ хвартуха.

— Та сядь! годи вже тоби! чы то-жъ я усе оте зйимъ?

— Та годуйся-годуйся, на здоровьячко!

Смашно йисть Карпо; здается, ще николы такъ не йивъ; та весело ёму, та любо!

— Чомъ же ты сама не полуднуешъ?

— Та за мене малый клопитъ,—ось Ивася выглядаю, чы не надбижыть—попойивъ бы.

— А винъ де!—певне гуси вже пасе?

— Де тоби! вже ягнята!—всмихнулася Мотря: ще ось тутъ недалечко по за городамы...

— А то що за дивчинка—невже Тетянка?

— Що це ты! ихня Тетянка вже у скарбѣ ходе, по пивзлотци заробляе! а то наша Настя!

— Настя? Це вже така Настя выросла? дывы-дывы! А я Мотре, неначе цихъ пьять годъ спавъ, або мертвый бувъ, а вы, бачъ, безъ мене тутъ вси повыросталы! и ты, Мотре, ачъ яка! огрядна стала!

Карпо прысунувсь до Мотри.

Зновъ настала тяжка хвылына и зновъ на вызволъ нагодылысь слёзы.

— Ой, Карпыку, голубчыку! Якъ же ты довго дома не бувъ! Нащо ты насъ кыдавъ безъ жаднои висточкы? Я-жъ тоби лыста подавала не-разъ, не-два,—чомъ же ты й разочку не одпысавъ? А я, Боже мій, плакала, плакала, вже й въ думку не клала побачытысь. Такъ и люде казалы: або вмеръ, або зъ війська втикъ та дѐсь у мандрахъ...

И вона зновъ залылася дрибнымы.

Карпови-жъ ти жинчыни слёзы здавалыся за найкращи ликы; воны спадалы на душу и разомъ змывалы зъ неи уси болячкы его салдацького жыття, и винъ не спынявъ жинкы, тильки стыха прыгорнувъ та гладывъ рукою по спыни, мовъ малу дытыну, що хлыпае потыхеньку. Мотря раптомъ обтерла слёзы, бо згадала щось.

— Ну, Карпыку, лежы-жъ, спочывай, а я пиду горсткы поставлю та понакрываю, бо гаспыдськи горобци чысто вытолочать.

— Добре, добре, господыне моя!—Карпо солодко позихнувъ, вывертаючысь на рядныни. Напивзакрытымы очима винъ ще стежывъ за моторнымы рукамы чепурнои й дужои молодыци, ловывъ шелестиння іи ходы́ промижъ вышнямы, а дали все почало ёму въ очахъ мишатысь: и червона спидныця, и червони рожи,

и зелене лыстя зъ зеленымъ хвартухомъ, и лагидне небо, и щось.. щось... чого ніякъ не може уловыты дримотна думка.

«Заснувъ!»—тыхо промовыла Мотря, ще трохы простояла:—«заснувъ!» И одразу іи лыце злыняло, усмихъ збигъ зъ вустъ, очи, що доси сыпалы искры, змиііылыся зъ болючымъ выразомъ. Тыхо выйшла вона зъ садка; наче кризь сонъ іи ногы прынеслы въ хату, стоить вона посередыни и оглядае іи, мовъ вперше побачыла.

«Теперъ що? теперъ отъ що... ага! теперъ колыску треба сховаты... треба Вивдю кудысь подиты .. Куды-жъ ты іи подинешъ?! Уже-жъ ти сусидонькы давно ціеи хвылыны чекалы... ой. буде-жъ мени буде! Господы, нащо-жъ винъ до того ще такый прыемный та гарный? Ой бидна головко моя!»

Такъ шопотила соби Мотря, кыдалась по хати, не знать для чого то знимала зъ жерткы одижъ, то зновъ вишала, выймала и зновъ становыла на мысныку посудокъ, а потимъ такы вхопыла колыску, одчепыла и вынесла у сины, ажъ за дымаръ запхала. Потимъ того налляла у горнятко молока, врізала хлиба и подалася на городъ.

«На, Насте, полуднуй!»

— А винъ тамъ?—злякано спытала дивчынка.

«Тамъ, тамъ,доню!» И вхопывшы малу Вивдю прытысла до себе и почала годуваты. Дытына жадибно ссала груды, а нудьга за серце ссала ще дужче. И такъ Мотри схотилося одкынуты одъ себе це мызерне, слабе дытяче тило, що нагадувало іи неславу, стояло ввичю докоромъ и вищувало ій блызеньке несчастя. И нема сылы одирваты ёго, кынуты геть, якъ цуценя, а воно все ссе, ссе, наче сылу высысае зъ неи.

«Боже! дежъ порада? А вже ти сусиды мабуть и вуха и очи насторочылы, и зубы нагострылы. А ридня!» Ссе дытына, заспокоюется, мрукае кризь сонъ, а нудьга не стыпуется—ни! ще гирше діймае, крыкомъ крычыть на всю душу.

Погодувала Мотря, тыхо поклала прыспану дытыну.

«Хочъ бы воно до смерку спало, не плакало! Гляды-жъ мини, Насте, дытыны, добре пыльнуй!» Настя покирно сила, пидобгала поженята, почала бавытысь коноплынкою, колы не колы кыдаючы поглядомъ на матирь.

А Мотря шукала розрывкы въ роботи.

Швыдко, зручно тягае стеблыну за стеблыною, мицно стыскае ихъ ливою рукою (оттакъ бы ворогивъ своихъ стыснула!), сердыто звязуе ихъ перевесломъ и щильно становыть у высоку копу. Кыпыть робота, збигае часъ. Сонце вже зайшло за гостроверхи ялыны панського садка, надало всёму кругомъ рожевозолоту хварбу; на чыстому неби десь набралыся хмаркы, палають що выще у гору; на схидниму обрію залягла суто-сыня смуга.

Тягае Мотря и не бачыть!

Цвириенькалы горобци; спивала жинота по городахъ,—не чуе Мотря, знай одно—тягае! Ще й небагато осталось, поридшалы конопли,—знай соби тягае.

Оглядилась вже передъ пидметомъ, де сывила отара голо ватои капусты.

«Господы! невже це я сёгодня усе поробыла? Ото! мабуть зъ пересердя чы що! колыбъ ще й не наврочыты себе!»

Такъ дывуючысь на себе, метушылася Мотря, збирала останни горсткы, встановляла, накрывала копы одъ пройистлывыхъ птахивъ.

Зъ ричкы потягло вильгостю, далеко зъ-за села котылася хмара курявы, а зъ-за неи все блыжче и чутнище лупалы ризноголоси выгукы пастушкивъ, ревъ худобы, мекання овець, ягнятъ, телятъ, рохкання свыней.

«Ой леле! Вже й коровы за того прыйдуть зъ поля!—Мотря жваво метнулася до бурякивъ, похапкы наламала гычкы повну пелену и бигцемъ подалася до двору. Выкыдавшы гычку у ясла, выбигла вона за ворота, и геть вулыцею розлигся ии дзвинкый, дужый голосъ: «маню-маню-маню!»

Зъ рудои хмары, що вже вплыла и въ ихню вулыцю, видгукнулося знаёме муу!—теля забрыкало пидъ повиткою. Мотря чекала коло ворить, розчыныла, впустыла рябу корову и по-

бигла за дойныцею, бо теля вже прожогомъ прыскочыло и намынало, ажъ запинылося, свою матку.

Пидъ Мотрынымы жвавымы пальцямы весело циркае молоко, неначе вона выграе до танця, а думкы невесели тымъ часомъ снують-обсновують серце, мовъ павутынямъ. Подоила Мотря, почала поратысь коло хаты. За плотомъ ляснуло батогомъ, свыснуло—и заразъ черезъ плить перескочывъ засмаленый хлопчыкъ.

— Ивасю! а йды-но сюды!

Иванъ убигъ до матери.

— Ивасю, батько зъ війська повернувся...

— А! де?—зрадивъ хлопець: де воны? И въ мундыри?

— Та онъ тамъ у вышнику спочывае--пиды, вже часъ и збудыты, бо щобъ часомъ пропасныци не прыспавъ: сонце сило.

Хлопець кынувсь у садокъ. Справди: на рядни лежавъ чоловикъ и спавъ.

— Якый же це батько?—думавъ Ивась, и ёму здалося, що маты одурыла ёго.

А тымъ часомъ винъ стыха пидкрався и схылывся надъ самымъ Карпомъ;—той одразу кынувсь. Ивась хотивъ уже тикаты.

— Це ты Ивасю?

— Я!

— Иды-жъ, сынку, до мене—яжъ твій тато! не пизнаешъ? а ты-жъ ледащо! Батько цилувавъ и тулывъ ёго, а Ивась ажъ почервонивъ и, радіючы ласкамъ, прыдывлявсь до Карпа.

Э, та ты, бачу, зовсимъ у дядька свого, у Васыля вдався!

Хлопець насупывъ бровы.

— Ни! я такъ не хочу! я не люблю того дядька!

— Чому?

— А такъ... не здавався одразу сынъ.

Оттакъ розмовлялы соби батько зъ сыномъ, тильки прыглядаючысь одынъ до одного, покы Мотря поралась зъ вечерею, забувшы за своихъ менчихъ дитей. А пидъ калыною маленька Настя свято додержувала мамыного наказу, глядила малу Вивдю, бавыла якъ знала, бо боялася йты до хаты. Нажувала вона й

жуйкы, звертила соску малій сестрычци,—зовсимъ тоби стара, тай годи. Попосмоктала дытына и стышылася, а тымъ часомъ стало здорово тягты вохкистю одъ рички; обыдви—и нянька и лялька—трохы померзлы и, стулывшысь у одну купочку, поснулы пидъ мамыною свыткою. Мотря стала гукаты до вечери.

Батько зъ сыномъ поважно ходылы по надвирью, и молодый хазяинъ показувавъ и росповидавъ про усяку дрибныцю старому, а старый тишывся хазяйновытымъ хлопцемъ.

У хати на стовпи коло прыпичку вже блымала гаснычка, на столи лежавъ покраяный хлибъ, ложкы и мыска кулишу.

Батько зъ сыномъ силы вечеряты. Мотря не сидала—метушылася коло печи, колы оце Ивась, вкынувшы до рота ложкы зо дви, зразу поклавъ ложку.

Мамо! а де-жъ це наша дытына? а Настя де? Мотря здригнулася и заразъ закрычала на хлопця: «та йижъ-бо швыдче та лягай спаты! а то знову заспышъ, то ще бытымуть!»

Хлопець засоромывсь, почавъ йисты швыдче, зъ-пидъ лоба поглядаючы на матирь, потимъ обтерся, помолывся и пишовъ вкладатысь. «А, це певне баба узяла до себе дытыну!»—думавъ хлопець:—«а я й не догадавсь! тильки чого це маты таки сердыти, чы воны не ради батькови? А я такъ радый! Оттеперъ хай зачепыть Грыцько або Хведь!»—таке снувалося у малій голивци. Карпови-жъ ложка якъ выпала зъ рукъ пры сыновому пытанни, такъ и сыдивъ непрытомный.

Мотря нешвыдко вернулась въ хату.

«Мотря! а де-жъ це справди Настя»?—Мотря благаюче глянула на його и повела очима на Ивася и нибы сварячысь заговорыла: «та кинчай-бо! нерано, а мени ще дижку вчынять, ще й мукы насіяты... гаснычкы треба до коморы». Карпо помолывсь и выйшовъ зъ хаты.

У синяхъ Мотря стояла, вхопывшысь рукамы за дымарь.

— Мотря! скажы-жъ мени...

Мотря прожогомъ кынулася на двиръ.

— Иды!—поклыкала вона увиходячы у клуню.

Карпо увійшовъ важкою ходою, мовчкы.

— Ну, теперъ пытайся! Пытайся-жъ, кажу! робы, що знаешъ: хочь бый, хочь карай, якъ знаешъ, абы диты не бачылы!—ришуче сказала вона.

— Що це ты, Мотря! Та хиба я...

— Карпо, не край мого серця! Беры швыдче та бый, чы що: кажу-жъ мій грихъ... не крыюся и не просюся! карай, якъ ось стою!

Карпо хытнувся: уся кровъ ёму вдарыла въ голову, зашумила, заколотылося серце, вся клуня поплывла передъ очима; палючый биль пройнявъ душу и спопелывъ усю тыху радисть мынулого дня.

И стоить Карпо, обперся на соху и неначе здалека чуе, що хтось плаче, щось ёму говорыть... а що—не розбере.

Прыйшовъ до прытомносты одъ того, що хтось ухопывъ ёго руку и вкрывъ іи поцилункамы. Нахылывсь и побачывъ проты мисяшного проминня, що то була Мотря; навколюшкахъ, заплакана, очипокъ іи злизъ и не вкрывавъ буйныхъ кучерявыхъ кисъ, и выдно—довго вже плакала вона, що й не звертала увагы на себе.

Така була вона незвычайна, така гарна и разомъ така биднабидна! Карпови ажъ боляче стало дывытысь на неи, а вуста щей доси булы мовъ запечатани.

— Що-жъ ты мовчышъ! Що-жъ ты мовчышъ, Карпо! Убый мене, тильки не мовчы!

— Богъ... Богъ зъ тобою!—ледви пробубонивъ Карпо, нахылывсь и пидвивъ іи зъ земли.

Винъ пидводывъ іи, а вона рвалася зъ рукъ, падала ёму до нигъ. Всылу вже винъ довивъ іи до засторонкы и посадывъ на куляхъ соломы, самъ сивъ и почавъ розпытуваты.

Усе росповила, ни рискы не втаила Мотря: и якъ жыла, покы ще свекиръ бувъ жывый, и якъ ій довелося самій бидуваты, и якъ посылала ёму лысты та не мала на ныхъ одповиди, якъ прынесено ій кимсь звистку, що Карпо вмеръ, и вона почала свое вдовыне гирке жыття; потимъ, якъ учепывся до неи паничъ зъ экономіи, запомогавъ ій у іи сырицьтви, а тамъ, якъ и Вивдя

знайшлася... Усе розсказала, ничого не потаила, навить про свій замиръ стратыты дытыну, колы сусиды вже дуже допеклы та ще на останци прынеслы звистку, що Карпо жывый и незабаромъ прыйде.

Карпо усе слухавъ мовчкы, тилькы, якъ вчувъ за дытыну,—такъ и скочывъ.

— А дежъ дытына?

— Боже-жъ мій! Вона й доси на городи!—скрыкнула, ажъ въ долони сплеснула Мотря.

— А ты-жъ дурна! Бижымо-жъ швыдче, а то щобъ чого ще не сталося ій,—дывы, якымъ холодомъ тягне! И забувшы усю розмову, обое подалыся городомъ до берегу.

Диты, якъ вузлыкъ, зибгалыся пидъ свытою и спалы соби, а свыта уся була мокра одъ росы. Мотря вытягла Вивдю, Карпо взявъ на рукы Настю, и обое вернулыся до хаты

Дитей нагодовано, покладено спаты. А сами Карпо та Мотря такъ и не лягалы, и очей не звелы за всю ничъ.

Ще й ще розповидала Мотря зъ усима подробыцямы про свое жыття, про свою неславу и наругы, якыхъ зазнала видъ усихъ сусидивъ.

Розсказавъ и Карпо про свои прыгоды, про свою службу, якъ винъ своею журбою не хтивъ жинци журбы завдаваты тай не пысавъ; потимъ того якъ лежавъ слабый, дали—якъ его израдывъ товарышъ и що ёму за те було, а найкраще про те, якъ у ихній-таки роти зъявывся чудный чоловикъ, отъ неначе-бъ-то ихнеи виры, та тилькы якыйсь инакшый, и якъ винъ зибравъ коло себе ихъ, салдативъ, мовъ квочка курчатъ, ставъ имъ замисць батька. Мотря вже не плакала, бо дуже цикавылася. На іи запыты Карпо ще розсказувавъ, якъ той чоловикъ усе знавъ, и всю сылу й мудристь знаходывъ у Евангеліи.

Мотря набожно зитхнула, але все-жъ подумала: «та ось и у насъ въ церкви що-службы іи чытають, а що зъ того»?

Карпо ухвалювавъ того чоловика, а Мотря думала, «ще чы не штундарь бувъ? Бо й ти усе знай-тоби носятся зъ Евангелію»...

Другого дня Карпо пислякбезсоннои ночи ще спавъ. Мотря попорала вже й коровы, и куры, и снидаты наварыла.

Настя прокынулась, жахлыво глянула на Карпа, полизла на пичъ и заснула, бо матери блызько не було,—жалитысь було никому.

Мотря зъ видрамы бигла до крыныци. Тамъ промижъ густымы вербамы вже манячыла чыясь червона спидныця и журавель скрыпивъ пидъ чыеюсь рукою.

— Здорова, Мотре!

— Дай Боже здоровля, Ганно!

— А що—прыйшовъ!

— Прыйшовъ...

— И ничого?

— Ничогисинько!

— Це кумедія! Певне не знае.

— Де тамъ! Усе знае!

— Одъ кого-жъ почувъ? Невже сама прызналася?

— Сама...

— И ничого?

— Кажу-жъ, ничогисинько!

— Це сторія! А може, сестрычко, це винъ духу набирается. Ой колы-жъ те бувало, щобъ нашій сестри дурно мыналося? Ще визьме свое—на те-бо й чоловикъ! Ще й наплачешся, й наголосышся, бидна головко! ой-ой-ой!

У Мотри по облыччу неначе тини бигалы,—такъ змиинялося воно.

— Я й то кажу!—нарешти обизвалася й вона до кумы:—нехай бы вже бывъ одразу, не тягъ-бы мене за душу. Та нехай бы вже заразомъ натишылыся мои ворогы,—може-бъ швыдче й забулы!..

Подругы набралы воды й розійшлыся.

— Ганно!—зъ дорогы гукнула Мотря.

— А що?—охоче звернулася та.

— Ну, та не треба!—обійдется й такъ.

— Та що? що? кажы голубко!

— Ни, не треба!—И Мотря швыдкою ходою подалася додому. И все ій мымохить тыслося у думкы, що прыйде ще часъ,—выверне до неи Карпо кожуха. Що отъ-отъ, може тильки вона на поригъ, а винъ вже чекае... Це винъ тильки сгарячу вчора не хтивъ заводыты колотнечи—перемигъ себе на часъ.

Але ще знадвору почула вона:

Люли-люли-люли,
Чужимъ дитямъ дули,
А нашому калачи...

Карпо, очевыдячкы, узявся за няньку и весело выводывъ своимъ баскомъ колысковои. Зъ синей чуты було, якъ скрыпила плетяна колыска и тыхо мрукала засынаючы дытына.

А дежъ це Настя? Карпо спивавъ, колыска скрыпила, а десь мабуть за коминомъ на печи вчувалося тыхеньке хлыпання.

— Чого ты, дурненька?—озвався Карпо.

Дивчына дывылася, але хлыпала усе дужче.

Мотря покынула нидслухы, знарошне грякнула коромысломъ, постановыла видра и ришуче вступыла до хаты.

— А чого це ты—га!—дзвинко крыкнула вона до дивчыны, що кужелемъ скотылася до неи.

— Ма-амо! мошкаль дытыну бере-е!

— Цыть мени дурна! То не москаль, то твій батько! Годи жъ, годи! Подывысь на татка!

Дивчына вырячыла оченята не спыняючы слизъ, дывылася, тильки грудынята двыгтилы въ неи.

— На́, Мотря, погодуй! а то щось мене не дуже слуха!—сказавъ Карпо и спынывъ колыску.

Мотря нахылылася годуваты, а Карпо розвьязавъ свою торбу и почавъ доставаты гостынци. Але дыку дытыну не такъ то й легко було прымануты, й довгенько впадавъ коло неи Карпо, покы вона такы взяла пирныка.

Мынувъ день, другый—и Карпо потроху-по-малу увійшовъ у звычайне сильське жыття.

Салдацькый мундыръ бувъ схованый про оказію; била сорочка, шыроки штаны та чорна свыта зробылы ёго неначе ще ширшымъ у плечахъ, ще кремезнійшымъ; трычи-рябый поясъ стягавъ высокый станъ, повне облычча писля спочывку ажъ горило румьянцемъ. Мотря й надывытысь не могла на свого здорового, гарного чоловика: «це не Квитныцькый»—думалось ій.

Мынувъ и тыждень. Побувавъ Карпо и въ церкви, и въ росправи, и по де-якыхъ родычахъ—усе гараздъ. Сусидкы чекалы нетерпляче, щожъ наришти винъ зробыть Мотри, и вже ажъ сердылыся.

— Невже такы ничого! ничимъ ничогисенько? Це добре! Це выходыть зразокъ усимъ нашимъ невисткамъ? Ой дурный же бисовои души москаль! Кваша—не чоловикъ! Десь зовсимъ у москаляхъ глузду позбувся!—репетувалы бабы:—и то не взяты-бъ за косы, не пополупыты добре, щобъ знала, паплюга, що то соромъ, що то гри-ихъ! Пороспускають ёлопы жинокъ, а тоди черезъ ихъ матиркамъ хочъ зъ свиту зійды на старости-литяхъ!

Чоловикы бильшъ мовчалы: яке, мовлявъ, мени дило! Тильки якось пидъ пьяну руку одынъ зъ прыятеливъ у корчми озвався: «а що, брате, прызнайся, добре повчывъ ты свою гладку?.. Гарна, стерво, що й казаты! Не дыво, що й панычъ». Але ёму не довелося скинчыты. Карпо такъ мицно ухопывъ ёго за баркы и такъ прытысло сказавъ ёму, що и тому, и другымъ заципыло вразъ.

— Чы погана--моя, чы хороша—моя! а тоби зась! Що було—мынуло, а хто іи теперь зачепыть—мене зачепыть! а я-бъ не раявъ...

Винъ ще разъ струсонувъ прыятелемъ и выйшовъ зъ корчмы.

— Оце такъ!!

— А що, Лукашу, зачипатымешъ у-друге?

— Тай здоровый, бисивъ сынъ! Выбехкався на казённому харчи!

Попосміялысь, погомонилы чоловикы та такъ и покынулы:—лизты никому не прыпадало на думку. Бабы пащекувалы, зачы-

палы зъ-пидъ тыха Мотрю, але якъ вона не дрочылася зъ ными, то й вони втыхомырылысь.

Тыхо-спокійно плывло жыття у Карповій хати. Щоденна праця йшла дружно, кыпила пидъ мицнымы рукамы обохъ; малый Ивась тежъ не разъ встрявавъ до роботы. Карпо засіявъ поле, хочъ и пизненько, прыпайнявъ у пана ще клапоть земли, впоравъ на-зябъ, прыкупывъ пару до того быка що вдома бувъ, облагодывъ загороду, клуню, пересыпавъ лёхъ.

На другый ярмарокъ посчастыло ёму продаты быки й купыты пару коней и бузымкивъ: однихъ—щобъ выгодуваты за зиму, другыхъ—щобъ на зиму статы пидъ стосы.

Все йшло добре. Карпо спокійно и ривно працювавъ, радый, що тратыть сылу не на муштру, а на бажану ридну працю, що вильный винъ, незалежный хазяинъ. У вечери бавывся зъ дитьмы, розмовлявъ зъ Мотрею про те, що бачывъ, що чытавъ. Мижъ люде ходыты не любывъ; одне, що скучывъ дуже за своею оселею, въ москаляхъ бувшы, друге—осоружылы ёму люде своимы намовкамы за Мотрыну провыну. Отъ и сыдивъ дома и все що дали—все бильшъ звертавъ на того чоловика, що ёго просвитывъ, чытавъ Мотри и самъ Евангелію. Але Мотря щось не дуже була берќа до того, якось въ іи думну, хазяиновыту голову не мистылыся святи глаголы.

Такъ ишлося до Риздва. На самый святъ-вечиръ чогось заслабъ Ивась: на гарячому тили щось вывернуло, у горлянци заклало. За нымъ облягла и Настя.

Свято не въ свято було Карпови й Мотри. И коло дитей треба, и коло хазяйства, и до роду питы не можна, а тутъ ще Карпо—неначе насило на ёго: каже, що неможна никого до хаты пускаты, щобъ не заразылыся.

Такъ и мусила уси свята Мотря сыдиты зъ нымъ та зъ дитьмы, навить до церквы не ходыла.

Одвидувала іи тильки маты та баба Оляна, що шептала та зиллямъ напувала слабыхъ дитей.

Однакъ нищо не помагало. Саме на Меланкы пойихавъ Карпо на мистечко, впрохавъ дохтора, але той якъ прыйихавъ, тильки глянувъ—сказавъ, що вже пизно по ёго прыйихалы: у Ивася була застуджена скарлатына, въ грудяхъ зробылося запалення легкихъ и хлопець мае умерты не сёгодни, такъ завтра.

Наче серпомъ пидризало Мотрю.

Проводыла дохтора то вже ни до чого не могла взятысь, тильки одно—плакала та впадала коло слабого хлопця. Вона годыла усякому ёго бажанню, вона-бъ рада була, щобъ ти выгадкы булы найхымернищи, щобъ ихъ було безмиры, безличъ, и вси-бъ, вси вона ихъ сповныла, абы вырваты свого любого чорнявого Ивася зъ пазуривъ смерти. Але хлопець зробывся якыйсь суворый, розумный, неначе зовсимъ дорослый: ни жалощивъ, ни пустошлывыхъ забавъ, ничого не чула одъ ёго Мотря: винъ тильки пронызлыво дывывся ій у вичи та сердыто загадувавъ часамы перевернуты себе на другый бикъ, чы що. Мотря голубыла ёго, цилувала, плакала прымовляючы, а винъ або одвертався, або зацытькувавъ іи. Даремне Настя стогнала и клыкала матирь, даремне Вивдя заходылася, ажъ сынила одъ крыку—вси Мотрыни думкы булы наче прыкути до одного Ивася.

Якось у вечери Ивась поклыкавъ матиръ. Та ажъ стрепенулася.

— Мамо!—а вы-жъ гарно мене поховаете?

— Ивасыку!!

— Эге, Ивасыку!—перекрывывъ той. Я вже вамъ нажывся й наробывся, такъ глядить же поховайте добре: и сыву шапку, и чобиткы нови, не жалуйте! А сорочку нову та щобъ вымережаный комиръ гарно-гарно. Титку Лысавету або хрещену матирь поклычте, хай заразъ прыйдуть, а то сами не вправытесь. Я завтра помру...

— Ивасыку, серце, що це ты говорышъ!..

Мотря кынулась до сына, мицно тулыла, тормосыла, неначе справди вырывала его зъ кощуватыхъ обіймивъ смерти.

Ивась крывывсь и здрыгувавъ.

Карпо тыхо взявъ Мотрю за плечи.

— Одійды! Онъ тамъ у тебе ще двое. Доглянь тихъ. Я самъ поседжу коло ёго!

Спокійный, твердый батькивъ голосъ наче свижою водою скропывъ Ивася.

— Тату, вы—молодець! Вы й на війни булы тату? И туркивъ былы? У васъ и шаблюка була, и рушныця? якъ выросту и я буду... разъ-два, разъ-два... бый ихъ! чого попалазылы!..—плутавъ у гарячци Ивась. Мотря хлыпаючы стояла надъ колыскою и ніякъ не могла второпаты, чого одъ неи вымагае слаба Настя, а въ колысци Вивдя ажъ лука ставала, крычучы. Насылу вчула іи Мотря и люто стрепенула колыскою.

— А Господы! оттака погань и не вытягнется, а що краще, те й забырае Господь!..

— Цыть, Мотре, Ивась одходыть!.

Мотря скамьянила

Ивась справди, одходывъ. Слаби грудци то высоко здіймалыся, то вразъ опадалы, зъ ныхъ вылитало хрыпиння, хлопець сылкувався, драпавъ по грудяхъ, наче щось ловывъ. Карпо нахылывсь, тильки стыха гладывъ мокру вприлу головку.

Часамы вырывалося:—таточку! и шапку... и чобиткы... я молодець, татку...

— Добре, добре сынку! Спочывай зъ Богомъ!—шопотивъ ёму на вухо Карпо, и маленьки очи вдячно позыралы и зновъ сплющувалысь.

А це заразъ груды знялысь высоко-высоко, у горли щось заклекотило—и хлопець выпроставсь.

— Вмеръ!!—скрыкнула Мотря и, одирвавшы одъ грудей Вивдю, кынулась до Ивася.

Вона цилувала ёго, повертала, прыслухалася—дарма!

— Ивасыку, дытыно моя! Що-жъ це ты зо мною робышъ? Нащо ты насъ покынувъ? Чимъ тоби мы не догодылы? Чимъ Господа прогнивалы?..

А недбало кынена дытына зайшлася одъ плачу, слаба Настя хрыпила, и въ хати було такъ повно крыку, що ажъ кризь затуляни викна й двери винъ перелывавсь на вулыцю.

— Це, лыбонь, Ивась сконавъ!—догадалыся сусиды. Батько й маты не помитылы, якъ вразъ перервався вразлывый плачъ Вивди: то вона, плазуючы, докотылася до краю и бебехнула зъ колыскы объ землю.

Оглянувсь Карпо: лежыть дытына доли сыня, очи пидъ лоба пустыла.

— Охъ, що це? Мотре, воно убылося!—скрыкнувъ Карпо.

— А, хай бы ёго швыдче чорты вхопылы, байстря невирне! Оттутъ мени болыть, оттутъ мое горе! Ивасыку мій коханенькый!..

— Бога бійсь, Мотре!—Але Мотря ничого вже й не слухала.

Карпо струсювавъ дытыну, перевертавъ, хукавъ—ничого. Дали скочывъ у синци, прынисъ кухоль воды, збрызнувъ—воно здрыгнулося, клыпнуло очыма и зайшлося не плачемъ, а тыхымъ пронызуватымъ стогономъ. Той стогинъ, той облудный поглядъ оченятъ вразывъ Карпа ще глыбше, нижъ Ивасева смерть, до самого дна пройнявъ душу.

Маты убывалася надъ мертвымъ сыномъ, а батько тулывъ до грудей чужу дытыну, втыхомырювавъ, якъ умивъ, абы повернуты до жыття.

Небавомъ сусида зазырнула у викно и заразъ же вбигла въ хату, почала розважаты.

Згодомъ зибралыся родычи, почалы поратысь, наряжаты Ивася на смерть.

Мотря мовъ учадила, ходыла, робыла, шо іи загадувалы, але до дытыны й не наверталася. Дытя плакало, йисты просыло—але въ матери одъ горя й покорму не стало въ грудяхъ, та вже чыясь молодыця погодувала.

Тыхо стало въ хати. Тильки Настя постогнувала, хрыпила Вивдя у колысци, та цвиркунъ за пиччю ляскотивъ. Мотря, Явдоха—іи маты, кума—Ганна, та баба-бранка сыдилы мовъ камья-

ни,—души доглядалы. Воскова свичечка блымала передъ богамы, мысочка зъ водою (щобъ души ополоснутысь) стояла биля Ивасыка,—що лежавъ на лави у билій сорочецци, зъ розстибнутою пазухою, кругомъ заквитчаный сухыми васылькамы, мьяткою, и повнякамы.

Вернувся и Карпо, шо доси помагавъ дядькови Павлови тесаты домовыну. У хати наче прояснило трохы. Карпо заразъ спытавъ за Вивдю. Мотря тильки плечыма здвыгнула и перевела очи зновъ на Ивася. Вытягъ Карпо зъ скрынькы псалтыря й узявся чытаты (вопо бъ такому малому вмерцеви й не треба, та его охота була). Голосно и выразно вымовлявъ Карпо велычни слова,—а бабы хыталы головамы, хочъ не розумилы й десятого слова. Одна Мотря и не вслухалася въ таемно-велычни слова: думкы порвалыся и шматочкы ихъ крутылыся ій у голови, якъ отамъ за викномъ метелыця.

И плыне-плыне чытання. И крутятся-крутятся снижынкы за викномъ...

«Земля бо еси и въ землю отъидеши».

— Такъ-такъ—земля! и въ землю одійдешъ—правда истынно! сказано святе пысьмо! Ой, Боже-жъ нашъ!—зитхаючы озвалась баба-бранка.

Мотрю мовъ струсонуло: вона вразъ кынулась и заголосыла.

— Годи, молодыце! Такъ Богъ прыказавъ! Що вдіешъ проты Его святои воли?—

Вивдя въ колысци заскиглыла. Баба узяла іи, пиднесла до Мотри.

— На, прыгорны: твоя-жъ кровъ и це!..

— А дайте мени покій зъ цимъ байстрямъ—бодай воно луснуло! И нащо я ёго на свитъ породыла! И нащо сама я на свити держусь! Нема жъ мого Ивасыка, нема мого мисяця ясного, мого сонечка красного...

— Годи бо! Мертвому грибъ, а жывому—хлибъ!—вмовляла баба, але нищо не помагало: якъ одцуралася, такъ и одцуралася маты дытыны.

Третёго дня одбулы тильки похоронъ (щобъ не начынаты нового року похорономъ). Уже-жъ и наплакалася, й накрычалася Мотря: де-вже якыхъ прымовокъ, якого голосиння не вчулы одъ неи—де въ неи тильки й бралося! Стари бабы тай то здывувалыся, ажъ сварытысь почалы, що за малымъ не гараздъ такъ тужыты, якъ ина覚е за батькомъ-матирью. Але Мотря була якъ не пры соби. Поховалы Ивасыка. Вернулася Мотря зъ цвынтаря—и мовъ зацыпыло: ни слёзыны зъ очей, ни пары зъ вустъ и третёго дня и въ девьятыны—ни-чичиркъ.—Зновъ знаючи бабы ремствувалы, що лыбонь и Мотрю Карпо перевивъ на бо-зна якый ладъ. Запеклася, тай годи.

А тутъ обыдви дивчынкы слаби. Потроху Настя почала й оклыгуваты, а Вивдя все скніе тай скніе. То до Насти Мотря жывымъ духомъ дыше, а до малои ніякъ:—не можу, каже, хочъ вбый, не можу!—Такъ и забравъ Карпо Вивдю на свои рукы и такъ стало забравъ, що ажъ сусиды уси здывувалыся.

— И чого-бъ то ёму такъ упадаты за дытыною! Адже жъ не свое, жырове! Якъ-бы Богъ прынявъ, то було-бъ найкраще!—миркувалы бабы.

Не втерпилы, колысь и Карпови самому закынулы таке пытання.

Подывывсь, подывывсь на ихъ Карпо, спершу було повернувся иты, а потимъ зновъ пыльно-пыльно глянувъ, тай каже:—у церкви буваете? чувалы таке: «хто прыйме дытя во имья мое, той мене прыймае»? А ще таке: «сихъ бо есть царствіе Божіе»? То-то бо й йе!—Замовкъ и пишовъ зъ дытыною до хаты. Бабамъ зацыпыло, але не зовсимъ. У ихнихъ неспокійныхъ головахъ ранишъ крутылася думка: якъ-то Карпо не поповчывъ жинкы за нажырованну дытыну, а теперъ: якъ такы, щобъ серце прывернулося до ціеи дытыны дужче, нижъ до своихъ? Незабаромъ прычепылась ще й третя: чы не штундарь часомъ випъ? Не дурно-жъ усе длубается у кныжкахъ та на очи заразъ Евангелію тыче?

Доказомъ, хоча й невыразнымъ, було те, що якось Карпо не по людськы поводытся: до коршмы николы не пиде, до суду тежъ

не пишовъ за свидка, хочай мусывъ за те штрафу 5 карб. оддаты, звычаивъ якось не дуже держытся, все своимъ розумомъ жыве, навить лайкы, якои усякый хрещеный вжывае, нихто одъ ёго не чувавъ. А хто-бъ що ни почавъ розсказуваты—винъ, гляды, потроху и зведе на святе пысьмо, и то не тильки въ недилю або свято, а й у будень и на всякому мисци. Чы не штундарь часомъ потаемный!

Потроху диты очуняли. Здоровисенька Настя росла—налывалась, якъ те яблучко, а слабовыта Вивдя хырила, скнила, а все не хтила вмираты.

Неразъ и сусиды, и Мотря нарикалы: и колы вже тебе Богъ оберне чы туды, чы сюды!

— Не рушъ!—спынявъ Карпо: Вивдя моя!—не нарикай: може насъ тильки черезъ неи Богъ и на свити держыть?—На такый доказъ Мотря не мала що й казаты, але Вивди не любыла.

Настала весна, за нею й лито. Оджыла Мотря на свижому повитри пидъ гарячымъ сонцемъ, невпынною працею переборола свою нудьгу. Зновъ и щокы налылыся, якъ калына, рукы набралыся тіеи-жъ моторнои сылы, очи сыпалы искрамы, а голосъ, дзвинкый та перелывчастый, лявкотивъ на все подвирья, лунавъ у вербахъ на левади и далеко одбывався у лиси.

— Король-баба!—казалы за неи парубкы и чоловикы, та тильки слынкы ковталы: Мотря була гостра на языкъ и на руку важка, а навить въ самихъ іи бровахъ густыхъ, що зрослыся до купы, сыдило щось таке, що хочъ и не пидступайся! Передъ однымъ Карпомъ ти бровы розходылыся, и ясный, безкраю ясный та глыбокый поглядъ свитывся зъ-пидъ тихъ бривъ.

Карпо любывъ свою красуню-жинку, пышався нею й жалувавъ; що ярмарку прывозывъ іи гостынця,—то хустку, то очипка, то хвартуха.

— Добро тій Мотри, ій-бо!—завыдувалы сусидкы:—гладка якъ корова стала! А винъ іи годыть якъ болячци! Ще й дытыну самъ бавыть!

— Ой смихота! иду я, сестроньки, учора повзъ ихъ плить, а винъ, голубонькы, сыдыть та бавыть оту безногу: ляльку зъ онучи звертивъ,—котка спивае!

— А воно?

— А воно—чуете—горнется до ёго, тулытся, белькоче!

— Що то дытына! хто прыголубыть, той и ненька.

— Эге, чуете! А Мотря а ни гадочкы! Накынула чоловикови байструка, видсахнулася видъ ёго, наче то не іи провына, тай похожае соби, мовъ та королывна!

— Та цытьте: радіе, що другои дытыны сподивается! за цю, мовлявъ, не выбыватымуть очи.

— Такивська, щобъ далася! Сама усякому жывцемъ выдере зъ лоба: я, мовлявъ, теперь мужня жона!—Судылы, судылы сусидкы, а якъ запрохалы ихъ Карпо та Мотря на хрестыны, то не вагаючысь пишлы. Та таки любьязни та прыемни. Нанеслы Мотри и курей, и яець, и пшона, и сами такъ и ныжуть очыма, такъ и снують на вуха, прымичають усе, що й якъ идется у чудній «штундарській» хати.

И не дурно.

Ще на родынахъ Карпо здывувавъ и навить образывъ бабивъ: винъ таки-такъ и не выйшовъ зъ хаты, зоставсь пры жинци, то колышучы Вивдю, то звертаючысь до Мотри. Ёму тяжко було слухаты іи стогинъ, бачыты іи мукы, але винъ не видходывъ и потишавъ іи, чимъ можна: то воды подасть напытысь, то за рукы подержыть, то збрызне водою, якъ вона зомліе. Тяжке таки родыво було. Нарешти знайшовся хлопець головатый, сыній, пивмертвый,— всылу вже баба оджывыла ёго, нахукуючы та наплескуючы бидне голеньке тило. Бабы страшенно метушылысь: готувалы купиль, шукалы сокыры, щобъ на ій пупа ризаты, вуздечкы шукалы. А тымъ часомъ знесыляна породиля зомлила й захолола. Карпо глянувъ—и не своимъ голосомъ крыкнувъ на бабивъ, щобъ кынулы оти никчемни забобоны та рятувалы слабу. Це вже було цилкомъ негречно, и баба-бранка зовсимъ було роспрындылась. Але робыты ничого: зъ Карпомъ не жарты, и вона сякъ-такъ опорядыла слабу жинку. Карпо сивъ коло неи, байду-

жый вже до того, що тамъ выробляли бабы, зибравшыся коло ночовъ, якъ воны зъ усякымы прымовкамы купалы, повывалы дытя, вгадувалы на кого воно схоже, згадувалы, шо саме сталося, яко воно знайшлось! Чы пивень кукурикнувъ, чы зъ полыци горщыкъ упавъ, чы собака завывъ за викномъ. Одна вчула одне, друга—друге, третя не чула ничого. Вси тры сперечалыся, а Карпо смiявсь, ажъ за бокы брався.

— Отъ повыгадувалы бабы! Чы то-жъ справди законъ?..

— Та тоби-бъ усе законъ та святе пысьмо! Преподобывся!— сердыто одгрызалыся бабы:

— Отъ бувъ чоловикъ, якъ чоловикъ; зъ москаливъ прыйшовъ—пивтора людського: усе не такъ, усе ёму смишно та чудно!

Якъ охрестылы хлопця, зновъ не безъ чуда: прынеслы ёго батькови, винъ узявъ, навить поцилувавъ, а дали й забувъ и зновъ тягавъ на рукахъ безногу Вивдю. Гости пылы, йилы, Карпо балакавъ, прыпрошувавъ, частувавъ, якъ слидъ. А колы вже баба подавала квиткы и пишло пыття вже въ складчыну, колы повезлы бабу на колешни та почалы выпываты усяки выпывкы, якъ бува на похрыстынахъ,—смырный Карпо чогось обурывся.

— Чы то такъ уже варто вси оци забобоны сповняты? Чы то комусь потрибно, корысно? Хиба Юдкови самому?

Мотря вмовляла, благала чоловика, щобъ не ображавъ людей, бо то-жъ такъ поводытся, то звычай такый.

— А колы поводытся и тоби до вподобы, то ты-жъ сама и панькайся зъ нымы, а мени протывно навить дывытысь на ихни пьяни пыкы! Не хочу я отого паскудства въ своiй хати бачыты!

Карпо загорнувъ безногу у свыту и подавсь ажъ на другый кутокъ, до свого дядька.

Але и въ дядька ёго не ухвалено: дежъ-такы! оказiя въ хати, люде, а винъ тикае, неначе одъ неславы!

Що це винъ самъ проты всихъ, уси звычаи зломыты хоче?

Але Карпо своеи проводывъ и вернувся до-дому тильки тоди, колы мыру вже не выдно было коло ёго хаты.

Мотря швыдко очуняла й тишылась своимъ головатымъ Мыколкою и сама вона наче росла и мицнищала день пры дни. О, вона теперь вже не спускала очей передъ Карповымы, не замовкала, колы винъ почынавъ розбираты кожне зъявыще и до всего прыкладаты слова зъ св. пысьма.

— Ну, то що?—обзывалася вона:—то пысання, а то мы... де вже намъ зъ праведнымы огиркы йисты, хочъ бы розсолу далы! Одынъ Богъ б езъ гриха, а мы люде гришни! Добре отимъ ченцямъ та попамъ зъ святымъ пысьмомъ носытысь, а въ насъ гараздъ нема ёму де й мисця прыбраты: корпаемось у земли, у гнояци, потомъ улыти, пыломъ прыкрыти... Хиба Мылосердный не бачыть и такъ насъ усихъ! Наша доля, мужыцька, вже звисно яка; одно—робы, та ще такъ робы, щобъ и самому зъ диткамы добре було, и люде щобъ не судылы. Та и що ты соби у голови покладаешъ? Ты-жъ одынъ, а проты тебе усе село! Чы ты-жъ дужчый, чы розумнищый одъ усихъ, отакъ мудруючы? Гляды-но, Карпе: не осуружуй людей, зъ нымы-бо въ сусидьстви викъ жыты доведется?—Такъ видмовляла Мотря на Карпови занадто праведни речи.

Але не такою оберталася вона до селянъ, яки часомъ дратувалы іи, натякаючы на штундаря. О, тоди й вона згадувала клаптыкы зъ св. пысьма, и вона вмила нымы повертаты такъ само зручно, якъ и всима одвичнымы селянськымы прымовкамы— и балакучымъ бабамъ зациплювало.

— Та вже й ты розумна! Не дурно й Карпыха!

— Та Карпыха-жъ!--одгрызалася Мотря:—не крыюся зъ тымъ! А чимъ вамъ Карпо въ горлянци застрявъ? Тымъ, що пысьменный? Отже усяке скаже, що правда, бо тяжко-пысьменный—чы до чытання, чы до пысання, чы до рахунку. А выгадкы оти ваши дурни!

— Та то винъ вміе!—ехыдно протягувала якась.

— Або що? або винъ робыты не вміе? Чы на поли, чы вдома, чы зъ сокырою? Адже—кого-жъ клычуть сусиды, кому заробляты дають?

— Та розумный же, розумный; якъ турбивськи штундари! Ти те-жъ тяжко-пысьменни, и непьющи, и працёвыти—ге-ге!

— Ну й ироды! А хиба-жъ мій до церквы не ходе? не говіе? Дитей не хрестыть?—крычала вже Мотря. Та онде ввійдить до хаты та гляньте по образахъ:—дывится, бодай вамъ повылазыло!

Але якось Мотря такъ умила зъ людьмы лаятысь, що и до Карпа не доводыла. Вона, наче старша сестра, берегла ёго одъ ихнихъ нападивъ. А особлыве стыщувалась Мотря передъ тымъ кохапнямъ та пестощамы, якымы Карпо надилявъ іи безногу Вивдю

— Господы, якый винъ!—зитхала вона соби, хоча й въ хати верхъ бувъ іи и скризь чувся іи дужый владный голосъ.

Рокы плывлы. Пидросла Настя, почала выривнюватысь на гарну дивчыну, пидрисъ и Мыколка и жваво бигавъ, ляскаючы батогомъ; у хати лазыло й пыщало ще зо-двое, а Вивдя такъ и лышылася «малою Вивдею,» безногою каликою. Воно, сказаты, и ногы у неи булы, та тильки вона не орудувала ными, воны булы нибы пároвткы, ото якъ часамы картопля у лёху попускае. Та и зъ себе була щупла, тоненька, якъ былыночка, а гарна-прегарна и до всёго велыка здильныця: чы померажаты, чы пошыты, чы намалюваты, пряха зъ неи на все село була, а вже пысанокъ нихто такыхъ було не намалюе. И де въ неи бралося! Та й те сказаты: не жалувавъ батько ничого, щобъ потишыты бидну калику: и грамоты вывчывъ, и кныжокъ накуповувавъ, малюнкивъ роздобувъ то на ярмаркахъ, то у двори въ панивъ, а що було трапытся вильна хвылына, чы свято прыйде, то розсказуе про все, що самъ бачывъ, чытавъ, чы одъ людей чувъ. Дитвора було коло неи горнется, бо такыхъ казокъ ни одна баба на сели не вмила, та ще якись новитни, и такъ було каже, шо неначе вона сама пры тому була, сама те все на соби одчула.

Тильки що року худла й худла дивчына, а очи ій ставалы сынищи та бильши, а густа русява коса обважнювала гарну головку. Маты зитхала, ублячы надію, що дивчына колысь одужае, и зъ жахомъ прыдывлялась до облычча донькы, де такъ и вымалювався красень-Квицинськый, що вже тоди вмеръ.

— Кара Божа!—зитхала нышкомъ Мотря.

— Мылость Божа!—называвъ іи у голосъ Карпо.

— И колы вже тебе Богъ оберне чы туды, чы сюды!—казалы байдужи здорови люде. Имъ, яки звыклы до праци, й цинувалы по-надъ усе сылу та здоровля, здавалося, що ця хвора дивчынка зовсимъ никчемна, дурно на свити жыве, и воны тильки дывувалысь, де це въ неи берется стильки красы въ іи безкровному лычку, де набырается стильки розуму въ малій голивци, що винъ ажъ черезъ край перелывается, свитыть зъ сынихъ очей, дзвеныть у розумнихъ не по дытячому речахъ?

Воны якось не зважувалы, що не дурно-жъ Карпо вси свои думкы, вси занехаяни людьмы речи перелывъ мымохить у малу дытячу душку. Часто-густо було батько и дочка безъ ричей дывылыся одне одному въ-вичи, наче мовчкы розмовлялы зъ собою. Карпо и дывувавъ и радивъ, що до всёго спрытна ёго кохана донька, а тильки не разъ боляче ёму тёхкало серце, що недовго вона нажывется на свити та натишыть ёго своею янгольською вдачою.

И правда, на 12-му роци, колы Настя вже дивувала й на досвиткы ходыла, стала Вивдя дуже швыдко вьянуты, тануты, мовъ свичка. Иначе нищо й не болило ій, а тильки сылы все меньшало и мала голивка на тонкій шыи хылылася пидъ грубымы косамы, мовъ неполыта квитка.

Мотри зъ болемъ прокынулося серце: вчула вона, що недовго нажывется дытына и сумлиння точыло іи, мовъ шашиль, що мало зазнала Вивдя одъ неи ласкы. Мотря, палка якъ и завше, одразу хтила надолужыты и тильки гирше турбувала слабу.

Пойихавъ якось Карпо зъ хурою каменю у Кыивъ. Довго чогось не було ёго, а Вивдя, якъ иначе та пташка пидстрелена,—кыдается, роспытуе, чы скоро прыйиде батько.

— Та що тоби, Вивде! Може болыть що?

— Ни!

И зновъ до викна, и зновъ ажъ стрепенется, колы вчуе здалека воза.

Клыче колысь матиръ.

— А що мамо, жалуватымете, якъ я вмру?

— Що це ты, Богъ зъ тобою, дытыно!

— Та ничого... Тильки якъ мене не буде,—матусенько, жалуйте татка, ой жалуйте ихъ!.. Оги мали не пожалують, якъ я... не вміють.

— Та звидкы ты знаешъ, що помрешъ?—дывуется Мотря.

— А то мени янголомъ звисточку дано.

Такъ и не допыталася маты, яка то звисточка. А тильки батько на поригъ, дивчына, ажъ засяяла.

— Отъ,—каже—я й знала, що такы диждуся! Батько ій навизъ и намыста, и стричокъ, и хрестыкивъ, усякого гостынця. Подывылась.—

— Ще, каже, виночка бракуе!—

Здывувавъ батько, що не радіе, иначе не догодывъ. Однакъ третёго дня пойихавъ до миста (до коваля дило було), купывъ уже ій, якъ хотила, гарного винка. Прывизъ,—та ажъ затрусылася. Вбралася; усе поначипляла: и стричкы, и намисто.

— Що,—каже:—гарна я?

— Гарна, гарна! Та и колы жъ це моя Вивдя не була гарною?

— А скоро ще кращою буду!—загадано сказала вона.

Маты десь була на чужій роботи; Настя на вгороди поралася, диты бигалы на двори,—Вивдя и клыче батька.

— Ось сидайте лышъ тату, та слухайте: оце жъ я вамъ помру, скоро-скоро помру, я й то черезъ сылу оци дни выжыла, покы вы йиздылы до Кыива.

Карпо тильки похнюпывся мовчкы.

— Помру, тату, любый! Тильки вы не плачте: якъ любыла тутъ, такъ и на тимъ свити любытыму. Тутъ мени не гараздъ було—тамъ краще буде, бо тамъ же Винъ. Хрыстосъ! тамъ уси ти труждающіися и обремененніи, що винъ заспокоивъ. Туды, татку, и вы колысь прыйдете, Винъ васъ прыйме, бо знае, що и вамъ важко, хочъ вы й не скаржытесь... може зъ цёго села васъ одного тильки и прыйме! а я васъ чекатыму, любый, дорогый! Одне мени болыть, що никому буде безъ мене васъ розважыты.

Та що це я!—У васъ Евангелія:—чытайте іи, тату, чытайте и другымъ дитямъ, якъ мени чыталы, навчайте ихъ, може ти нерозумни швыдче й лучче васъ послухають, бо за розумныхъ шкода!

Не плачте-жъ, таточку, не обважувайте моеи души. А теперъ поклычте матиръ и Настю.

Карпо гукнувъ Настю, пославъ іи по матиръ.

Вивдя лежала и важко дыхалы; часамы іи дуже схоплювало за серце, часамы одпускало, ставало зовсимъ легко, слаба пидводылась и дывылася, пыльно дывылася въ садокъ, де пахущи яблуни тыхо роныли цвитъ на яро-зелену высоку траву. Сонце вже стояло въ вечирнимъ упрузи.

Мотря вбигла въ хату, якъ несамовыта.

— Донечко моя! зирочко моя! Що це ты надумала! Вивдя зблидла, наче хто одразу выссавъ ій усю кровъ, и затремтила. Мотря прыпала до подушкы.

— Тыхо! не рушъ!—сказавъ Карпо.

Ледви-ледви, якъ шелестиння былыночкы, вчувся вгасаючый голосокъ:

— Мамо! тато! Насте! уси простить!..

Ясно усмихнулася, шыроко одкрыла сыни очи та такъ и затыхла. Сыни очи дывылыся, все дывылыся, тильки выдко було, що вже не бачылы воны и зъ ихъ помалу сходывъ той жывый поломинь, що завше жеврившъ и усякого зогривавъ своею ласкою...

Сонце сидало. Червонымъ сяйвомъ залыло воно всю хату, такъ що й стины, помащени зеленкою, повеселищалы, били подушкы на полу рожевилы, а Вивдыне лычко на тихъ подушкахъ ажъ палало. Тильки въ ёму вже не було жыття. Сило сонце. Зелени стины зновъ набралы свого мертвого колиру, а покійныця въ билыхъ подушкахъ лежала, мовъ жовта воскова свичечка.

Мотря и Настя голосылы навзаводы.

— Не рушъ! не турбуй!—тяжко озвався Карпо,—не вмила любыты, вмій хочъ поховаты, якъ слидъ! Тильки й було ёго слова, але яку сылу винъ у ихъ вклавъ! Мотря якъ стояла, такъ неначе іи въ землю ввигнало ковальскымъ молотомъ, ажъ прысила якось.

Гарно ховалы Вивдю: вбралы іи въ найкращу сорочку, що вона-жъ сама вышывала; голивку іи рясно облягавъ гарный винокъ, пышни косы булы перевыти барвыстымы стёжкамы. Дивчата поназносылы безличъ пахучого зилля й квитокъ, обклалы кругомъ, усю труну засыпалы квиткамы, щобъ и мертва тишылася нымы, якъ за жывота тишылася. Остапа, найкращого зъ сусидськыхъ хлопцивъ, обралы за молодого, прышылы квитку й ёму, подружкы, не то зъ свого кутка, а трохы не зъ цивъ-слободы, зибралыся провожаты сумне весилля безногои Вивди. Карпо не боронывъ жадному зъ тихъ дитклывыхъ звычаивъ:—винъ бувъ наче далеко десь, наче стежывъ очима за душею доньки, що незрымо для всихъ, окримъ ёго, одлитала.

— Ой гарно-жъ ховають Вивдю! Дай Боже усякому!—дывувалы люде.

—Такъ-такъ!—хыталы бабуси головамы:—погано жыло, такъ хочъ умерло гарно! Такъ це ій, сердешній, Богъ давъ! на все Ёго свята воля!

— Ой сестрычкы! Я хочъ-бы й заразъ умерты, абы мене такъ гарно поховалы!—обзывалась то та, то друга дивчынка.

День бувъ гожый; сонце гыскрило на хрести, на лыхтаряхъ; тыхый витрець маявъ корогвамы, птахы спивалы по вышневыхъ садкахъ и не лякалыся, колы поузъ ихъ тыхо-прыстойно йшовъ похоронъ. Батюшка правывъ такъ проныклыво, ажъ за душу брало, школяри зъ дякамы гарно спивалы. Народъ мовъ за плащаныцею сунувъ набожно за малою труною.

Мотря голосыла такъ жалибно та прыкладно, що уси бабы, молодыци и дивчата хлыпалы.

Одынъ Карпо морщывся, чухавъ иноди чупрыну та часомъ сипавъ Мотрю за полу.

— А годи тоби верещаты! Потрибна іи души оцятвоя нисенитныця!

Але Мотря сердыто вырывала полу и зновъ заводыла у голосъ. Тай якъ-же: уси дывылыся на неи! Дытыну-жъ ридну, не цуценя ховае! Тай самъ же сказавъ: «не вмила любыты, умій поховаты»! То чого-жъ винъ ще вымагае одъ неи, отой премудрый?!

Карпо нарешти не выдержавъ лементу жинкы та дитей, выпередывъ похороны, выпередывъ навить хлопчыкивъ, що биглы попередъ процесіи, наче винъ поспишавъ, щобъ скорище позбутысь покійныци. Це вже якось не годылося.

— Ну, тай невигласъ!

— Справди, наче штундарь якыйсь!—гомонилы подекуды.

Поховалы Вивдю, вернулыся до-дому. Сидаты-бъ обидаты,—батька нема. Клыкалы, шукалы, чекалы, та такъ и мусилы сидаты безъ ёго: не одпускаты-жъ батюшкы та й весь мыръ безъ обиду!

Вже потимъ прыбигъ хтось зъ хлопцивъ тай каже!—а тамъ дядько Карпо на могыльци, та плачуть! Такъ пла-ачуть! Ажъ туга по цвинтарю йде! я ажъ злякався—втикъ!

Мотри николы було плакаты: треба було гостей частуваты, прыпрошуваты, самій до всёго кынутысь, бо хазяина въ хати не було. И звывалася молодыця, якъ на вытушци—то до столу, то до печы, то въ комору, не глядючы на те, що й помишныци булы. Не безъ того вже, що якъ заведе хто розмову жалибну про померлу Вивдю,—той скотытся слёзына, якъ той бибъ, але що робыты? Швыдче втре іи Мотря и зновъ до людей звывайся! Досыть вже, що той начудотворывъ.

Другого лышь дня вернувся Карпо до-дому. Прыйшовъ, узявся до роботы. Усе пишло, якъ и доси йшлося: праця змынялася працею, клопоты надіямы, ти—зновъ клопотомъ. Диткы рослы, якъ зъ воды. Мотря такъ само порядкувала у хати. Але Карпо зъ того часу одминывсь: схудъ—не схудъ, а тильки неначе пыломъ прыпавъ: ни ясного погляду, ни веселои усмишкы на выду, ни краснои та прыкладнои промовы на вустахъ.

— Чого це ты тужышъ—га? Чого ходышъ, якъ тума тая? Ще, хай Богъ мылуе, прытужышъ соби покійныцю! а въ тебе-жъ диткы маленькы!--вмовлялы було ёго бабы.

— Этъ, выгадкы! Прытужышъ! Та я-бъ може й радый прытужыты, хай-бы прыйшла та забрала мене у свій тыхый рай. Колы-жъ годи: мертвый зъ гробу не встае! Хочъ бы прыснылася колы!

— Чы бачылы таке!—сплискувалы въ долони бабы.

— Прытужыты бажае! И перелёту не боится! Це вже, Духъ Святый пры насъ,—Богъ ёго знае що й таке!

— Та ты-бъ помолывся за іи душу!—параилы ёму старисыви диды:—и ій легше було-бъ на тимъ свити, тай тоби трохы-бъ смутку одибрало.

— Молытысь за оту праведну янгольску душу?! Та нехай краще вона за насъ Богу молыть! Наши молытвы гришни и брудни проты неи!

И що ни казалы, вже й дякъ вмовлявъ, и чорныця Горпына, щобъ молывсь та на часточку подававъ або щось на сорокоустъ пожертвувавъ,—одно тоби правыть:—не буду я за неи молытысь! не вартый того!

— Ну, чы не штундаръ же?—ще бильше пишла поголоска по всёму селу.

А той, кого звалы штундаремъ, не разъ сыдивъ зъ розгорненою Евангелею и, забувшы те, що заразъ прочытавъ, усе перевертавъ думку, що цвяшкомъ засила ёму въ голови: «возьмите иго мое, ибо иго мое благо и бремя мое легко есть».

Не легке було ёму те бремя, бо здается-жъ робывъ винъ такъ, якъ Богъ прыказавъ: проты кровы, проты души своеи робывъ, переборовъ усе гришне—людське у соби и легшало було, але отъ бачъ! Не слухають ёго, сміются, якъ винъ, проповидныкъ, оттеперъ самъ соби рады не дасть. И такый винъ самотній, такый нерозрадный, навить у ридній своій родыни!

Якось прыснылася ёму Вивдя: вона зъ ласкавымъ докоромъ нагадала ёму, якъ просыла ёго прыхылытыся душею до малыхъ и имъ выкладаты проповидь Хрыстову.

Ажъ прояснивъ Карпо.

Незабаромъ, якъ тильки вnорався трохы зъ оранкою, зъ зяблею,назбиравъ дитворы до своихъ двохъ, почавъ учыты ихъ чытаты-пысаты, молытовъ, а тымъ часомъ розказувавъ имъ про Хрыста та про ёго святыхъ. Знову повіяло мыромъ и злагодою у Карповій хати: Мотря тишылася, якъ менши диты берутся грамоты, яки воны, нивроку, розумненьки. Ій було краще прылягало до серця, колы мале у голосъ выводе яку молытву, нижъ самъ Карпо. Люде не боронылы Карпови, ще й ради булы, що грошей не бере, и диты не пустують, и сами набывалыся дитьмы.

Днипрова Чайка.

Житье—бытье лубенскаго крестьянина[1].

(Продолженіе).

Семья.

Хозяинъ и хозяйка, предметы ихъ вѣдѣнія и отношеніе ихъ между собою. Престарѣлые хозяева. Сыновья, невѣстки, дочери. Искусственная семья. Семейныя пѣсни. Заключеніе.

Предки украинцевъ должны были пережить, какъ и другіе народы, постепенно различныя формы семьи, начиная съ матріархальной, въ основаніи которой лежитъ отношеніе матери къ ребенку, а сущность заключается въ установленіи родства по матери, потому что въ групповомъ бракѣ отчество опредѣленно и достовѣрно лишь въ нѣкоторыхъ случаяхъ, материнство же всегда очевидно [2]). «La maternité,—говоритъ Жиро-Телонъ,—est toujours une donnée indiscutable et la seule: la paternité au contraire une simple fiction juridique» [3]). Доказательствами прохожденія предками малороссіянъ матріархальной ступени семьи слу-

---

[1]) См. „Жит.-быт. луб. крест." въ Кіев. Стар. 1902 г. IV, VI, X и 1903 г. II, III и VII—VIII.

[2]) Герб. Спенс. Развит. полов. отнош. С.-Петерб. 1899 г. 77—79, Ю. Липпертъ. Истор. культ. II, 146, П. Бартъ. Филос. истор. какъ соціол. С.-Пет. 1900, 505.

[3]) Les origines de la famille. 1874., 54.

жать: указаніе лѣтописи на отсутствіе у нѣкоторыхъ славянскихъ племенъ, напр. древлянъ, постоянныхъ браковъ и брачнаго сожительства, каковое отсутствіе, при неизвѣстности, неопредѣленности отца, вело къ господству дяди по матери въ семьѣ [1]). Другимъ доказательствомъ матріархата является сохранившееся въ брачномъ обрядѣ преобладаніе роли матери и брата [2]); также величаніе матери въ народныхъ пѣсняхъ, иногда въ ущербъ отцу [3]).

Къ смѣнившему материнство патріархату привело частью размноженіе материнской семьи, прекратившее возможность родичамъ, разошедшимся на далекое разстояніе, оказывать покровительство женщинѣ и вынудившее послѣднюю, вмѣстѣ съ дѣтьми, искать ближайшей опоры въ мужѣ [4]); преимущественно же расширеніе хозяйства, обнявшаго рабовъ и животныхъ, покоренныхъ и прирученныхъ мужчиной, какъ воиномъ и охотникомъ. Поэтому сущность патріархальной семьи выразится въ преобладаніи отеческой власти надъ лицами и вещами, и самое слово familia означаетъ собственность: поле, домъ, деньги, рабовъ, а не

---

[1]) М. Ковалевскій. Очеркъ происх. семьи и собств. С.-Петерб. 1895 г. 34.

[2]) В. Охримовичъ. Знач. малор. свадебн. обряд. въ Этн. Обозр. 1891 г. XI и 1892 г., IV и рецензія на этотъ трудъ въ Кіев. Стар. 1892 г. V, 276—277.

[3]) Напр. въ погребальномъ плачѣ мать называется: моя правдонько, моя покровонько! (въ моихъ «Нар. обр. и пѣсн. луб. у., 190 и слѣд.), а въ поговоркахъ о ней говорится: „Матинка ридна лучче всёго свиту, нема роду риднійшого надъ матиночкы. Що тато, то не мама". (Номисъ. Укр. Пр. 180). Тотъ же смыслъ имѣетъ и записанная мною пословица: „Батько дытяти, якъ бугай теляти". Но малорусскій матріархатъ былъ древнѣйшей формой семьи, и утвержденіе Макъ-Ленанна, а за нимъ: Жиро-Телона (Les orig., 15) и Ш. Летурно (Соціол., основ. на этногр. Ш, 75), что у запорожцевъ генеалогія шла по женской линіи, особенно направильно и странно, такъ какъ въ Сѣчи никакой семьи не было и запорожцы приходили въ Сѣчь отовсюду.

[4]) М. Ковалевскій. Очер. происх. сем. и собств. 41.

происхожденіе [1]). «Ce que les romaines entendaient par familia,—говоритъ Жиро Телонъ,—ne réveillait ni l'idée de generation, ni celle de parenté physique, et ne signifiait rien autre chose, que la propriété» [2]).

Но если отдаленный матріархатъ оставилъ, какъ пояснено выше, довольно опредѣленные слѣды въ малорусской семьѣ, то тѣмъ болѣе глубокое вліяніе долженъ былъ оказать на нее патріархатъ. Въ самомъ дѣлѣ патріархальное міросозерцаніе, вытекающее изъ экономическаго прогресса, отразилось и на малорусскомъ народномъ воззрѣніи на жизнь и на идеалъ жизни, какъ на сомобытную хозяйственную дѣятельность, представляющуюся малороссу не только средствомъ, а какъ бы даже самой задачей существованія. Многочисленныя народныя пословицы и изреченія, разбросанныя въ сборникахъ Номиса и Чубинскаго [3]), указывающія на предпочтеніе хозяйственной дѣятельности всякой другой; колядки, щедривки и другія пѣсни, величающія хозяйство; самыя сло́ва: хазяинъ, хазяйка, хазяйській сынъ, хазяйська дытына, звучащія похвалой,—все свидѣтельствуетъ объ указанномъ народномъ идеалѣ. Поэтому изученіе мѣстной крестьянской семьи удобнѣе начать съ представителей: хозяина и хозяйки.

Первому принадлежитъ важнѣйшая, существеннѣйшая сторона хозяйства, заключающаяся прежде всего въ сохраненіи порядка, т. е. совокупности пріобрѣтенныхъ средствъ существованія, и въ направленіи ежедневной жизни, сообразно времени года и другимъ условіямъ. Хозяинъ долженъ съ вечера нарядить каждаго семьянина на опредѣленую работу въ полѣ, на усадьбѣ

---

[1]) Энгельсъ. Происх. семьи, собст. и гос. С.-Петерб. 1899 г., 47. Фюстель Куланжъ. Древн. Общ. 151.

[2]) Les orig. de la fam. 206.—Въ старинномъ словарѣ Thesauri pol.-lat.-graeci, слово фамилія переведено на польскій какъ czeladz, maiętność, dziedzictwo. Итальянское famiglia означаетъ также составъ хозяйства, дома, домашнихъ и прислугу.

[3]) Онѣ сгруппированны въ ст. В. И. Василенка: „Земледѣл. по укр. нар. воззр.“, вмѣстѣ съ цѣнными наблюденіями автора надъ народно-хозяйственною жизнью.

или послать на ярмарку, въ лѣсъ и т. д. Но кромѣ поддержки хозяйственнаго состоянія, хозяину принадлежать также и заботы о постоянномъ и временномъ улучшеніи хозяйства: прикупка земли, устройство мельницъ, олейницъ и другихъ построекъ, пріобрѣтеніе орудій производства, напр. желѣзнаго плуга, вѣялки и т. п., подготовка кредита. Для осуществленія такихъ задачъ хозяинъ, по народному понятію, долженъ обладать организаторскими способностями: собственнымъ почином и самостоятельностью. Онъ не долженъ часто совѣщаться—«позычать розуму»; только въ болѣе важныхъ случаяхъ необходимо ему посовѣтоваться съ семьей. Онъ долженъ быть трудолюбивымъ [1]), умѣлымъ,

---

[1]) Здѣсь кстати будетъ привесть нѣсколько пословицъ и поговорокъ, записанныхъ въ лубенскомъ уѣздѣ, о богатствѣ, бѣдности и ихъ причинахъ:

Нехай йимъ завысть, а намъ корысть.

У кышени усёго багато, тильки батька нема.

Багатый я? Багато де чого нема.

Хома, Хома! чого въ тебе нема?

У васъ и вода зъ рыбою, а въ насъ и борщъ писный.

Таки злыдни, съ чого потягты?

Злыдни просылысь на тры дни, а за тыждень не вырядышъ (Вар. у Чубинскаго. I, вып. I, 254).

Ни трисне, ни лусне—нема хлиба й окрайця.

Хлиба на брязку.

Хлиба шо въ души, а одежи шо на хребти.

Хто раньше вставъ, той и вдине (такъ мало одежды).

Такый зъ тебе хазяинъ, якъ изъ жыда.

Я й не коваль, та лучче бъ ухнали затесавъ.

Ну й пораетця, товчется, мовъ дурень зъ ступою.

Дурный пинъ, дурна ёго й ричъ (вар. у Чубинскаго. I, 280 и у Манжуры. Сб. Хар. Ист. Фил. Общ. II, 165).

Казавъ бы Хома, такъ сливъ нема.

Радуйтесь! ракъ зъ неба спускается.

Обицанка дурному радисть.

Дае, та зъ рукъ не пускае.

спокойнымъ, дѣло дѣлать безъ суетливости и хвастовства. «У хорошого хазяина у горóди чысто, хлиба чымало, худоба сыта. Дру-

---

Якъ дома пообидаешъ, той въ гостяхъ дадуть.

Робить, йижте! Будете робыть, будете йисты!

Якъ получышъ горе, буде й добро.

Нажывы легко—пропаде, нажывы зъ горемъ—буде.

Хто рано встае, тому Богъ дае.

Не тоди хортивъ кормыть, якъ иты на вловы, а попереду (вар. Чубин. I, 272).

Зроблю на мамай (на авось).

За схоткы—охоткы.

Поривняй, Господы, пизнёго зъ ранимъ!

Спы—доспышся, робы—доробышся, гуляй—догуляешся.

Сонъ та очи наймыльнійши чоловику.

Якъ бы хлибъ та одежа, то сыды въ хати та йижъ лежа. (Вар. Чуб. т. I, в. II, 264, Василенко. Землед. по укр. нар. воззр. 10).

Мгычка лошя зйила. (Чоловикъ не вставъ и не пишовъ до коней, що мрячка, а вовкы лошя зйилы).

Чого ты такъ тыхо идешъ, якъ лынъ по дну? (вар. Номисъ. Укр. прык. 65, въ другомъ смыслѣ: будь тихимъ).

Пупци та гробци ведуть у старци. (Издержки на родинахъ и похоронахъ разоряютъ).

Горилка свичи не поставыть, а звалыть.

Пье ледащо, бо въ ёго йе защо, а мы бъ и добре пылы, такъ у насъ низащо (вар. у Комарова. Нова збир. Одес. 1890, 70).

Вредныя послѣдствія пьянства выражаетъ и слѣдующая козацкая пѣсня:

Ой хмелю мій, хмелю, тонкая хмелыно!
Треба зъ тобою, хмелю, зъ розумомъ жыты:
Не по повній чари медъ-горилочку пыты,
Бо горилочка тума зведе парня зъ ума.
Ишовъ парень у корчму якъ панська дытына,
Выйшовъ парень изъ корчмы, якъ мать народыла,
Бодай же ты, корчмо, сю ничку згорила,
Якъ ты мене молодого, изъ свита зьялыла!

(Отъ кр. м. Снѣтина Маріи Галавуровой).

гому пиде, шо й пышо робыть, а въ хазяйстви хороше. Другый товчется, товчется, а дила не выходыть». Рискъ и соединенныя съ нимъ предпріятія не одобряются. «Рысковытый—не гарно: чы поймае, чы ни? Бува такъ шо вдвое покыне. Прасолъ иноди заробыть рубъ, або два, а бильшъ доложыть. Ни одынъ не розжывся зъ прасольства. Прасолы не хороши хазяины: не забожысь дурно, ничого не выгра и не одурыть чоловика. И чумакы не дуже гарни. Чого бъ же хазяинъ пойихавъ пидъ фуру, хыба въ його нема дила? Найлучше хто копается у земли». Такимъ образомъ кругъ хозяйственной дѣятельности хозяина обнимаетъ преимущественно поле [1]) и все то, что съ нимъ прямо или косвенно связано. Какъ раньше описано [2]), съ Благовѣщенья начинаются яровые посѣвы. Обсѣявшись, хозяинъ пашетъ огородъ, поправляетъ кровли, плетни и очищаетъ усадьбу, вывозя навозъ. Затѣмъ, пашетъ на просо и позже на гречку. Начинаются лѣтнія работы: косовица и жатва [3]), съ промежуткомъ для пахоты на паръ. Убравъ хлѣбъ съ поля, хозяинъ старается обмолотить его ранней осенью и пашетъ на зябъ. Свозитъ огородныя овощи, копается въ саду и обставляетъ хату на зиму. Зимой же хозяинъ домолачиваетъ остатки хлѣба въ клунѣ и возитъ его молотить: подряжается иногда на разныя поставки; ухаживаетъ за скотомъ: плететъ ясли, подкладываетъ кормъ и очищаетъ навозъ. Къ веснѣ подготовляетъ орудія производства. Занимаясь такъ существенно хлѣбопашествомъ и соединеннымъ съ нимъ скотоводствомъ, хозяинъ долженъ располагать и доходомъ отъ нихъ, именно деньгами отъ излишка хлѣба, половы, соломы, сѣна; также выгодой отъ продажи и перепродажи крупнаго и мелкаго скота, приплода, щетины, шерсти и сукна. Какой доходъ хозяинъ издерживаетъ на нужды семьи: платежъ податей, наемъ земли и сѣнокоса, прокормленіе, одежду и обувь; также на праздничныя, свадебныя и

---

[1]) См. М. Ганенко. Семейн. имущ. отнош. населен. въ елисаветгр. уѣздѣ въ сбор. «Степъ». Хер. 1886., 139.

[2]) «Жит.-быт.» въ Кіев. Стар. 1903 г., III, 349—377.

[3]) Ib.

т. п. угощенія и на разныя случайности. Однимъ словомъ «вси платежи на ёго голови». Въ обремененіи этой отвѣтственностью за все и кроется главное отличіе хозяина отъ другихъ членовъ семьи, даже и отъ хозяйки.

Съ древнѣйшихъ временъ на хозяйку возложено домоводство и домашнія работы: поддержаніе огня, приготовленіе пищи, одежды, доеніе коровъ. Въ домѣ она труженица по преимуществу и справедливо уподоблена Ксенофонтомъ пчелѣ [1]). Такія же обязанности и малорусской хозяйки [2]); на ея рукахъ: домъ, огородъ, корова, птицы, дѣти. «Щобъ було наварено, напечено и прыбрано». Вслѣдствіе одинаковости положенія, нашей женщинѣ ставятся въ заслугу тѣ же качества, что и древней римлянкѣ; она должна быть pudica, domiseda, lanifica. «Хороша хазяйка усёго глядыть, все робыть сама и замышля робитныцямы, копается у хазяйстви, дома сыдыть, пряде, сама шые, не дае людямъ, а ледача зъ осени прыдбае, а до весны розмарчыть на пивмиткы, на вышывкы, а то почуе случай: хрыстыны, та туды пиде, а птыци и свыни голодни» [3]). Хозяйка должна ранней весной обмазать

---

[1]) Спенсеръ. Основ. соціол. 761., Летурно. Эвол. рабства. Міръ Бож. 1897 г., VI., 116. М. Ковалевскій. Происх. сем. 80. „Уваж. къ женщ. Соврем. 1866 г., II, 281.

[2]) Хозяйка въ дому́—покрова всёму. (Номисъ. Укр. Пр. 197). См. также: Чубинскій. „Очер. нар. юрид. обыч. по гражд. праву", въ VI т. Тр. Экс. 33, Богдановичъ. Свѣд. о полт. губ. 158, и Ганенко. Семейн. имущ. отнош. 138.

[3]) Въ лубенскомъ уѣздѣ записаны мною слѣдующія замѣчанія о дурныхъ хозяйкахъ:

Се така баба, шо пидсыткомъ сонце ловыла. (Изъ анекдотовъ о глупцахъ, см. изслѣдов. Н. Ѳ. Сумцова въ Сб. Харьк. Ист. Фил. Общ. т. 11-й, 150, 209 и 212).

Була въ мене баба та така вдаха, якъ пекла паску, такъ така добра вдалася, у ничъ якъ сажала, той на сажень тяглася, а якъ съ печи выбирала, той копаныци добувала.

Нащо мени корова, якъ я сама ворона.

Хивря заризала пивня.

хату, привесть въ порядокъ вокругъ и внутри послѣдней. Затѣмъ, она, какъ описано въ предыдущихъ очеркахъ [1]), моетъ къ свѣтлому празднику бѣлье и приготовляетъ пасхальный столъ. Одновременно она начинаетъ посадку и посѣвъ на огородѣ, которымъ и занимается все лѣто: полетъ гряды, сапуетъ, окучиваетъ картофель; въ полѣ прополетъ пшеницу и просо. Въ маѣ же стрижетъ овецъ, паритъ и моетъ шерсть. Въ Петровку до косовицы ткетъ и бѣлитъ полотно. Въ жатву—жнетъ или вяжетъ за хозяиномъ [2]). Лѣтомъ выбираетъ плосконь, потомъ матирку, намачиваетъ ихъ. До холодовъ она должна опять обмазать хату и повитки. Съ наступленіемъ короткихъ дней и безконечныхъ осеннихъ и зимнихъ ночей, крестьянскій будень располагается слѣдующимъ образомь. Съ пѣтухами просыпается главная хозяйка: мать, свекруха. «Вона руша, свитыть свитло и всихъ будыть. Якъ свекруха дуже стара, тоди невистка». Женщины тотчасъ садятся прясть или шить; молодица вышиваетъ рубашку мужу. Дѣвушки—дочери еще прядутъ на досвиткахъ. Затѣмъ, невѣстка

Якъ сама въ хати не дасть рады кошеняти.

За цилый день и кишци хвоста не завьяже (вар. у Номиса. Укр. прык. 213).

У еи въ печи горыть, якъ жука смалыть.

Комари повыгоняла, а мухы тамъ зосталысь.

Пишла по масло, въ печи погасло.

Іи тильки по смерть и посылать, бо нажыться можна.

Топчется на мисти, якъ мара.

Галаса по хати, якъ курка зъ яйцемъ.

Чы чула, мачула!

Ай, головка бидна, забула!

Пекла Кулына пырогы и ворота въ тисти (вар. у Ном. Укр. пр. 211).

Обтёпана, облёпана, неакуратна, неоковырна.

Напыла—ни зиму, ни лито.

Напряла—тамъ сукъ, а тамъ болячка.

[1]) Жит.-быт. въ Кіев. Ст. 1902 г., VI и X.

[2]) Ib. въ Кіев. Ст. 1903 г. II и III.

идетъ въ погребъ за картофлей и буряками, чиститъ овощи, растапливаетъ печь и, нагрѣвъ помои, выноситъ ихъ съ другой женщиной свиньямъ и кормитъ птицъ. Между тѣмъ возвращается молодежь, прежде парень, который и вноситъ топливо. Невѣстка съ помощью свекрови приготовляетъ пищу. Позавтракавъ и прибравъ въ избѣ, женщины садятся шить или прясть до обѣда, а мужчины, какъ сказано, молотятъ, подкладываютъ кормъ скоту, вывозятъ навозъ. Послѣ обѣда женщины опять прядутъ и шьютъ до ужина, приготовленіе котораго также возлагается на невѣстку. Опять женщины кормятъ свиней и птицъ. Послѣ ужина мужчины крутятъ коноплн на веревки или принимаются чинить одежду, обувь, упряжь, женщины же садятся на гребень. Очеркнутымъ кругомъ занятій опредѣляется и доходъ хозяйки, заключающійся въ деньгахъ, вырученныхъ отъ продажи птицъ съ ихъ приплодомъ[1]), молока и произведеній изъ него, овощей и огородныхъ сѣмянъ, пряжи и сотканныхъ изъ нея: полотна, хустокъ, рушниковъ, ряденъ, также сотканныхъ изъ шерсти поясовъ и запасокъ. Часть этого дохода затрачивается на разныя хозяйственныя мелочи: горшки, соль, керосинъ, платки дѣтямъ и т. д.

Такъ складывается въ Лубенщинѣ внѣшняя, хозяйственная сторона крестьянской семейной жизни, внутренняя же ея сторона, отношенія мужа и жены часто бываютъ довольно хорошими, что зависитъ прежде всего отъ выработаннаго вѣками народнаго характера. Дѣло въ томъ, что малорусскій характеръ разсудочный, а не эмоціональный. Въ немъ преобладаетъ спокойствіе, сдержанность, холодность, способность обдумать, взвѣсить извѣстное положеніе. Сужденія малоросса часто превышаютъ его бытъ и образованіе [2]). Скрытность и гордость заставляютъ подавлять семейныя неприятности въ самомъ зародышѣ, недопуская ихъ распространяться, согласно пословицѣ: «якъ лыхо—тупы тыхо». Се-

---

[1]) Какъ и у другихъ народовъ. (Спенсеръ. Основаніе соціол. 161).

[2]) Характеристика полтавцевъ приведена у Арендаренка: Зап. о полт. губ. II, 169 - 172 и у Богдановича. Сбор. свѣд. о полт. губ. 156, 157.

мейное счастіе во многомъ зависитъ и отъ достоинствъ малорусской женщины, по словамъ покойнаго П. А. Кулиша, болѣе даровитой и порядочной, чѣмъ мужчина [1]). И. С. Аксаковъ даетъ о ней слѣдующій отзывъ: «Природная грація, вкусъ къ изящному, художественный складъ мысли, утонченность, доведенная до-нельзя въ области чувства—равно присущи всѣмъ малороссіянкамъ и заслоняютъ недостатокъ образованія» [2]). Малороссіянка равноправна, часто забираетъ главенство въ домѣ [3]). И мѣстная женщина не лишена указанныхъ качествъ: она мила, привѣтлива, женственна, скромна, нѣсколько мечтательна, любитъ напѣвать печальныя пѣсни. Бываютъ «молодыци, якъ тыхе лито» [4]), покорныя родителямъ мужа, не жалующіяся, не осуждающія, отклоняющія мужей отъ пьянства. «Вона за весь викъ „брешешъ“ мени не сказала»,—хвалился счастливый мужъ своей женой.

Но, конечно, ссоры мужа съ женой всегда возможны, особенно на первыхъ порахъ, пока супруги еще не привыкли другъ къ другу, не обтерпѣлись. Семейныя несогласья вызываются различными причинами: подстрекательствомъ свекрови, непривычкой новобрачной къ новой обстановкѣ, неумѣніемъ приготовлять пищу, недостатками мужа, сплетнями [5]) и ревностью, когда напримѣръ на свадьбахъ развеселившійся мужъ моргнетъ на чужую моло-

---

[1]) Возсоедин. Руси. С. Пет. 1874, 331.

[2]) Изслѣд. объ укр. ярмар. С. Пет. 1858 г., 7.

[3]) Богдановичъ. Сбор. свѣд. 158.

[4]) Номисъ. Укр. прык. 162.

[5]) О сплетницахъ записаны мною слѣдующія выраженія:

Встромыла пыку въ викно (подслушиваетъ).
Не язычься, а то буде и намъ напалка.
Абы не зъ моеи губы выпало.
Наплутала такого, шо безъ попа й не розберешъ.
Ну й бреше, ажъ у роти не протовпытся!
Ляпа языкомъ, мовъ собака хвостомъ.
Годи тоби языкомъ тыны городыть!

дицу или жена улыбается постороннему [1]). Начинаясь легкой перебранкой ссора доходить, разгораясь, до проклятій и побоевъ [2]).

---

[1]) Малороссы вообще не очень ревнивы; между прочимъ Билый Полянынъ, когда его жену укралъ Сухобродзенко (См. Чубинскій. Тр. эксп. II, 320), говоритъ коню: «Нехай утикае; а мы ще выоремо, посіемо жыто, выжнемо, зберемо, змелемо, наварымо пыва, напьемось и тоди пойидемо й доженемо й отберемо Настасію».

[2]) Брань и проклятія, относясь къ мелкимъ словеснымъ произведеніямъ, также записываются этнографами (См. Номисъ. Укр. прык.). Вотъ нѣкоторые образчики, слышанные и записанные мною отъ женщинъ, о которыхъ выражаются:

«У еи ажъ губа торохтыть лаяться»:

1., Собако!

Псюго!

Сукына дочка.

Стерво сибирне!

Падло!

Халѣра!

Манія! (Тѣнь, призракъ. Manes—души у римлянъ (Ф. Куланжъ. Древ. Общ. 23), mânia—мать ларовъ (М. Мюллеръ. Наука о яз. 356.), англійское и нѣмецкое manes, Manen).

Mарá, марюко! (Призракъ, привидѣніе (Основа 1861 г. XI и XII Объясн. словъ. 5). Малор. и бѣлорус.—духъ, потемняющій разсудокъ (Чубин. Тр. Экс. I, 196) живущій на кладбищѣ (Романовъ. Бѣлор. Сбор. IV, 7), фламандское Maare, Mare, Nachtmaare, англійское the Nightmare—ночной духъ (Is. Teirlink. Le folkl. flam. 124). По Литре тоже понятіе входитъ въ слово cauchemar. Въ Индіи и у славянъ (Маранна, Mařena, Marzana)—богиня смерти. (Потебня. Объясн. малор. и сродн. пѣс. 205. Nowosiel. Lud Ukr. 1, 125). «Mara—dieu dela mort». (Louis de la Vallée Poussin. Bouddhisme. London. 1898, 43). Персидское mard, армянское mart, означаетъ смертный. (Vanden Gheyn. Ess. de Myth. et de philol. comp. 305). Корень mar входитъ во всѣ слова, означающія смерть (М. Мюллеръ. Наука о яз. 1868 г. I, 303 - 311).

Зла лычыно!

«Чоловикъ лысне черезсидельныкомъ раза два по плечахъ—и заведутся грызтысь. Винъ якъ запаленый, то бье по чимъ не попало: по голови, по спыни, суне и пидъ бикъ чоботомъ, тяга за

Ледацюго!

Лодырь!

Волоцюго!

Неподибна чоловикови дорогы перейты.

Прычынныкъ.

Звидныкъ.

Каналія (съ итальянскаго), каналюго!

Дзюнько! (проститутка).

Злодюго!

Катюго!

Шыбеныку!

Душегубко!

2. Будь ты проклята, будь ты неладна!

Шобъ тоби не було пощады й добра!

Шобъ ты туды пишовъ, куды людськіи гласъ не заходыть! На оборотъ свита!

Будь ты проклятъ на викъ!

Шобъ тоби не було ни жыття. ни пуття, куды не повернешся!

Шобъ вы собачою слыною пишлы!

Шобъ тоби подохла!

Шобъ ты собакамъ повытягавъ!

Шобъ ты не диждавъ!

Матери твоій хринъ!

Купа (або симсотъ купъ) чортивъ твоій матери!

Хай твоему чортъ батькови!

Шобъ твого батька чортъ перекazывъ (або взявъ)!

Шобъ ты не дійшла!

Шобъ тебе ногы не носылы!

Хай тоби ногы всохнуть!

Шобъ ты ходывъ якъ витеръ по дереву!

Якъ ты казала? Бодай же ты онимила!

Такъ ты чула? Бодай же ты оглухла!

Якъ ты бачыла? Хай тоби очи повылазять!

косы, а жинка подряпа ёму пыку. Бува, що й жинка попаде чоловика за чуба, бье по плечахъ, по голови кулакомъ, дума, що дужче дошкулыть. Ридко жинка коверсуе чоловикомъ, бильшъ того, що корытся. Жылы чоловикъ и жинка. Чоловикъ бувъ малый, а

Шобъ тоби повыскакувалы!

Грызлась? Бодай тоби повысыпалыся!

Шобъ тебе лыха годына не мынула!

Трясьця тоби въ душу (або въ печинкы, въ пупъ)!

Шобъ тебе трясьця трусыла, не переставала!

Нехай тоби такъ легенько гыкнется, якъ собака зъ тыну вирвется!

Хай тебе коло серця поповарыть!

Хай тебе за пупъ попорве (або визьме)!

Хай тебе завина визьме! (вар. Ном. Укр. пр. 73).

Бодай тоби дыхать не дало!

Шобъ тебе покорчыло й посудомыло!

Кровопыйныця! хай тебе кровъ гаряча бье!

Хай тебе побье объ суху дорогу!

Бодай тебе паляричъ побыла!

Хай тебе чума визьме!

Шобъ тебе таке взяло, шобъ ты не диждавъ и свита!

Нехай ты свита не бачытымешъ!

Тебе й лыхо не взяло и халера не выдушыла!

На васъ и смерти нема!

Щобъ вы высчезлы й выгыблы!

Шобъ ты бывсь не добывсь, шобъ ты жывъ не дожывсь! Шобъ твою душу, шобъ твою й тушу ти взялы, рознеслы и тило розметалы и ростерзалы!

Бодай тебе той узявъ изъ моря, изъ велыкого горя! Якъ я тебе годувала, а одъ тебе гирьки слова получала!

Богъ изъ нымъ, хай его моя хлибъ та силь побье!

Шобъ тебе гримъ убывъ у пути, въ дорози, и въ глыбокій долыни и въ чужій украини! Шобъ я тебе не бачыла и не чула, шобъ не тильки ты до мене не прыйшовъ, а шобъ и имья твое не дійшло!

Хай тебе побье те, шо въ хмари гуде!

Шобъ тебе въ плавъ замело!

жинка велыка. Такъ винъ іи все бье за вищо треба було. А потимъ булы въ ихъ гости, а вона й каже чоловикови: «Ну, чоловиче, ты мене все лыскаешъ, дай я тебе хочъ разъ лыспу за всю жизнь.—Погана ты дуже—лыскать.—Ну, вже-жъ, каже, якъ хочъ, чоловиче, а разъ лыспу. Такъ вона ёго якъ лыснула долонею по щоци, такъ винъ ажъ у сины вылетивъ.—Ну, каже вона, ты-жъ не думай, чоловиче, що я буду старша теперъ, а такы будь ты старшый: завищо треба той бый, що не въ порядокъ зроблю, той лай.—Ни, каже чоловикъ, Богъ зъ тобою, вже бильшъ тебе быть не буду». Обыкновенно супружескія сцены разрѣшаются мирно: «Балакають мовъ ничого не було. А бувае ввійде винъ, обизвется, а вона мовчыть. Помовчыть суткы, а тамъ обизвется. Другый выспытся и тоди вже не згадуй». Впрочемъ, случаются и временныя разлуки. Чаще жена срывается внезапно и идетъ къ родите-

---

Шобъ тебе руда глына вбыла та лыха годына та несвицькій соромъ!

Шобъ ты прахомъ роспався!

Подержъ тебе Богъ на свити, якъ писокъ на вылахъ!

Шобъ тебе звиръ зъивъ!

Шобъ тебе татары вбылы!

Шобъ тебе куля не мынула! (Ном. Пр. 73).

Хай тебе выправыть якъ палыцю!

Шобъ тебе на лави вытягло!

Хай тебе въ ними дошкы захоронять, (або положять)!

Хай тебе на марахъ вынесуть!

(Срав. съ сборн. прокл. у Чубинск. Тр. Экс. I, в. I, 89, 90).

Слѣдуетъ еще замѣтить, что мужчины рѣдко бранятся или проклинаютъ согласно поговоркѣ: „Хочъ горшкомъ звы, абы въ ничъ не посунувъ.“

3. Изъ клятвъ замѣчены слѣдующія:

Колы я бачывъ, або чувъ, хай я зузули не чутыму!

Хай мени очи повылазять!

Хай мени рукы й ногы посудомыть!

Катъ ёго зна де воно дилось!

Зна ёго лыхо, зна ёго морока! (Ном. Пр. 150).

лямъ. По прошествіи извѣстнаго времени туда же является и мужъ, садится и долго молчитъ, а жена работаетъ, какъ будто ничего не замѣчая.—Чы я тебе не любывъ?—говоритъ, надумавшись, мужъ,—чого ты пишла?—Одченысь! отвѣчаетъ сердито жена. Опять долгое молчаніе.—Хто мени сорочкы пратыме?—Одченысь [1]). Вдругъ мужъ бросается къ женѣ, хватаетъ ее за косы и тянетъ домой. Никогда почти мужъ и жена не разбѣгаются навсегда «якъ руди мыши»; жена, погулявъ годъ и больше, сама просится домой. Спорные вопросы, открывающіеся при временной разлукѣ, о дѣтяхъ и объ имуществѣ, рѣшаются частью самой силой вещей. Такъ, грудное дитя беретъ всегда съ собою мать; большія же остаются при мужѣ, какъ потому, что ихъ некуда дѣвать, такъ и по обычаю. «Якъ покыне жинка, то нема указу забирать изъ собою дитей». Имущество жены, точнѣе скрыня, оставшееся послѣ ухода, во избѣжаніе растраты, присуждается женѣ волостнымъ судомъ, смотрящимъ на семейный разладъ безпристрастно [2]).

Но современемъ ссоры уменьшаются, мужъ и жена сживаются настолько, что утрата одного является большимъ несчастіемъ для другого: теряется главная опора въ старости. А между тѣмъ съ лѣтами положеніе отца дѣлается все болѣе и болѣе тяжелымъ: ему неудобно выпустить имѣніе изъ рукъ, пока онъ еще сколько нибудь въ силахъ работать, такъ какъ съ передачей состоянія теряется и значеніе въ семьѣ; сыновья же, напротивъ, стремятся поскорѣе захватить все въ свои руки для веденія хозяйства согласно измѣнившимся условіямъ. Наладившіяся съ женой отношенія раз-

---

[1]) О слишкомъ упорныхъ характерахъ записаны мною слѣдующія поговорки:

Вона однакова, хочь ты ій пидискомъ печы.

Ты ёго кресты, а воно крычыть пусты.

Ты ёго въ плугъ, а воно въ лугъ. (Вар. у М. Комарова. Нова збир. мал. прык. Одесса, 1890., 21).

[2]) Мужъ очень рѣдко оставляетъ жену, или убѣгая отъ домашнихъ недостатковъ, или, возненавидѣвъ ее, отыскиваетъ любовницу.

страиваются съ другой стороны: начинается борьба съ сыновьями, сопровождающаяся сценами, описанными въ повѣсти г. И. Левицкаго: «Кайдашева симья» [1].—Дурню!—кричитъ отецъ.—Вы, тату, дурнійши.—Дѣло доходитъ до побоевъ [2]. Если дѣтей нѣсколько, то отецъ, выбравъ младшаго или лучшаго характеромъ (плохишого) сына, у него доживаетъ вѣкъ. Но при наличныхъ сыновьяхъ, отецъ никогда не поселяется у дочери; такъ какъ хотя нѣжная дочь и могла бы отнестись заботливѣе къ отцу, чѣмъ невѣстка, приготовляя ему лучшую пищу и чистое бѣлье, но, взятая съ одною движимостью мужемъ, дочь сама въ зависимости отъ послѣдняго. Только если сыновей нѣтъ, отецъ доживаетъ у которой нибудь изъ дочерей, преимущественно у младшей. Иногда ему случается и переходить съ мѣста на мѣсто, отъ одного дитяти къ другому, подобно Лиру. Избравъ окончательно жилье, дидъ, пока еще въ силахъ, помогаетъ пріютившимъ его, охраняетъ дворъ, огородъ и баштанъ, пасетъ скотъ и свиней, зимой крутитъ коноплп, мотаетъ пивмиткы. Окончательно устарѣвъ, наблюдаетъ уже только за пасѣкой или мельницей, да прохаживаясь

---

[1]) Кіевъ 1887 г., 53, 66, 67, 149 и 150.

[2]) См. напр. мою (неподписанную) Судебн. хронику: «Лубны», въ Полт. губ. вѣдом. 1897 г., № 216, 2.—Въ Лубенщинѣ, какъ и въ другихъ мѣстахъ (См. Ганненко. Сем. имущ. отнош. 141., Романовъ. Бѣлорус. сборн. IV, 179—182) сохранились разсказы объ убійствѣ стариковъ, напр. «Стари дожываютъ до того, що ихъ сажають на лубокъ и везуть на круги, на гній и тамъ покынуть». «Съ первого началу батькивъ старихъ убывалы, а потимъ чоловикъ свого батька пожаливъ и заховавъ ёго у погрибъ и годувавъ. Потимъ не давъ Богъ урожаю хлиба, нічого сіять, жыта не було на насиння. Батько ёму сказавъ: рубай, сыну, солому у мишкы и йидь на поле, розсивай ту солому по ныви и заволочи іи бороною. Уродывъ Богъ на другый годъ хорошее жыто и сталы ёго допрошувать сусиды: «Чого ты сіявъ солому, а уродыло жыто?—Мени батько сказавъ. Тоди допрошують: «Дежъ твій батько»? А винъ говорыть: «У погреби».—Ну, такъ годи тихъ батькивъ быть, нехай жывуть на свити, бо воны бильшъ нашого знають. Отъ козака с. Волчка Егора Соломки).

по двору съ «ципочкомъ», даетъ совѣты по хозяйству, не всегда уже примѣнимые. Въ холода сидитъ на печи и если «кохается у внукахъ, то учитъ ихъ правиламъ вѣжливости [1]), также: «Богу всякому хорошому: воскресному Богу и помылованю и очепашу». Почти таково же и положеніе «витчима» въ семьѣ. «Зъ йимъ зладнать можна; винъ послуха, у ёго жалости бильшъ; нижъ у мачухы».

Баба доживаетъ вѣка вмѣстѣ съ мужемъ, а оставшись вдовою, пребываетъ у сына. «Маты безпечниша у сына, нижъ у зятя» [2]). Юридическое ея положеніе, опредѣляемое обычаемъ, выражается обыкновенно выдѣломъ $^1/_4$ части состоянія въ пожизненное владѣніе [3]); выдѣляютъ, впрочемъ, и больше и меньше: $^1/_3$ и $^1/_6$ части, или ничего не выдѣляютъ, а лишь кормятъ [4]). Фактическое ея положеніе въ семьѣ также различно. Въ хорошихъ семьяхъ съ матерью совѣтуются: «Шо, мамо, варыть? Куды йихать орать, косыть?». Но чаще совѣтами ея пренебрегаютъ: «Забувайте, мамо, старый законъ (обычай), и не нагадуйте про старыну; теперъ іи не прыймаютъ. Якъ йе кусокъ хлиба, то йижте, мамо, нышкомъ». Тѣмъ не менѣе бабой дорожатъ больше въ семьѣ, чѣмъ дидомъ,

---

[1]) Мѣстныя привѣтствія таковы: утромъ—добрыдень, днемъ—Боже поможы, помага-би, зъ постомъ, прыконченіемъ посту, зъ недилею, зъ празныкомъ будьте здорови! Но работающаго въ праздникъ нельзя поздравить съ праздникомъ, а слѣдуетъ сказать, какъ и въ будень: Боже поможы. Иногда разнообразятъ привѣтствія: здрастуйте вамъ! А чы ради вы намъ? А хочъ ради, хочъ не ради, то спасыби вамъ.

[2]) Номисъ. Укр. прык. 174.

[3]) Сбор. хоз. стат. Полт. губ. IV. Лубенск. у., 16.

[4]) Юридическое положеніе мачихи такое же: она получаетъ $^1/_3$, $^1/_4$ часть состоянія до выхода замужъ или пожизненно. Иногда отецъ завѣщаетъ, чтобы дѣти не выгоняли мачихи; предосторожность не лишняя, такъ какъ мачиха и въ народныхъ пословицахъ (Номисъ. Укр. пр. 181), и на самомъ дѣлѣ представляется въ непривлекательныхъ чертахъ. «Мачуха и бильшъ ничого». Былъ случай, что дѣвушка три дня просидѣла въ погребѣ, загнанная туда мачихой.

потому что она полезнѣе въ хозяйствѣ. Весной она полетъ огородъ, щипаетъ капусту, окучиваетъ картофель. Съ наступленіемъ горячей рабочей поры на бабу оставляется все хозяйство: она должна напоить теленка, свиней, птицъ; наблюдать, чтобы они не потравили грядъ; также накормить и присмотрѣть дѣтей и сварить ужинъ возвратившимся съ поля. Осенью баба помогаетъ собирать овощи, перебираетъ картофель, отлагая крупную для пищи людямъ, а мелкую въ кормъ свиньямъ и на посадку, квасить буряки и сѣчетъ капусту. Зимой мыкаетъ мычку и прядетъ, если не боится пыли, и шьетъ въ очкахъ. Она поглощена заботами о внукахъ; дѣлаетъ имъ игрушки и куклы, учитъ обращенію (звычайности), нравственности (угрузща, шобъ слухалы, никого не зачипалы, не кралы); хранитъ миръ въ семьѣ. Она же источникъ старыхъ обыкновеній, примѣтъ, народныхъ молитвъ и предсказаній [1]).

---

[1]) Замѣчательнѣйшая изъ народныхъ молитвъ: Сонъ Пресв. Богородицы, уже однажды приведенная мною въ краткомъ варіантѣ (въ Нар. обр. 15), распространенная по всему христіанскому міру (А. Н. Веселовскій. Опыты по ист. разв. христ. лег. въ Журн. М. Н. Пр. 1876 г. IV. 342—363), читается въ Лубенщинѣ еще и такъ. «На осіянськихъ горахъ стоялы монастыри, въ тихъ монастыряхъ стоять престолы; на тихъ престолахъ Маты Хрыстова рученькы ломыла (або зложыла), головоньку склоныла. Прывыдився ій сонъ, що Исуса Хрыста жыды на муку бралы, терновымы дубцямы тило побывалы, копьямы ребра ломалы, на древи роспыналы, гвоздямы ручкы й нижкы пробывалы, терновый винець накладалы, святую кровъ чесную на сыру землю испускалы, святіи ангелы зъ небесъ злиталы, чаши пидставлялы, святои крови чесной на сыру землю не пускалы. Се-жъ, маты, не сонъ, се щыра правда. Хто буде пры соби сю молитву держать, той не буде въ огни погорять, не буде въ води потопать, не буде наглою смертю помирать, того буде Богъ душу до царства небесного прыймать». (Отъ Ф. Матвіенковой, д. Шекъ).—Предсказанія, кажется никогда еще не записанныя этнографами, приводятся мною въ слѣдующихъ варіантахъ: «Диты, диты! дожыветесь на свити, що таки лита будуть холодни, тилько буде того, що зелено, а дороду на земли не буде, на древи плоду не буде. И проведутся по земли огнени колесныци и оснуется свитъ дротомъ. (Отъ З. Бойка, с. Мгаря). Отсе, диты, ро-

Необходимымъ, повсемѣстнымъ слѣдствіемъ патріархата явилось предпочтеніе сына дочери, такъ какъ первый продолжалъ отцовскій родъ и традиціи предковъ[1]), а вторая, отходя въ чужую семью, поддерживаетъ эту послѣднюю, а не отеческую. Самый культъ предковъ всегда переходилъ только отъ мужчины къ мужчинѣ, женщина не могла участвовать въ немъ помимо отца или мужа[2]). Культъ умершихъ предковъ: πατριάζειν, paternare, могъ совершаться только сыномъ. «Пусть въ нашемъ потомствѣ—говорили древніе—всегда родятся сыновья, которые станутъ приносить намъ: рисъ, молоко и медъ»[3]). Въ Индіи, Китаѣ и Японіи рожденіе сына необходимо для принесенія жертвъ умершимъ предкамъ[4]). Китаецъ, имѣющій только дочерей, говоритъ, что лишенъ дѣтей[5]). Древній индусъ женился для того, чтобы имѣть дѣтей, которые должны были поставить похоронный обѣдъ, воду и жертвоприношеніе[6]). Также и современный индусъ женится

дыть Богъ овощъ у саду и хлибъ у поли. Воды вполни, Сулы вполни; и суду нема ніякого. А то такъ диждете, диты, шо тилько зелено буде у садахъ, овощъ не родытыме, Сулы будуть пересыхать и судъ итыме за всячыну—и за соломыну и за курку, якъ хто іи вбье. (Ф. Матвіенковой, д. Шекъ). Передъ сконщыною викомъ дротомъ свитъ оснуется, будуть бигать огнени колесныци. Люде будуть ходыть, добра шукать. Ходытымуть, ходытымуть и попрыходять. Буде завыслыво и ненавысно: братъ на брата, батько на сына. (А. Боярской, с. Литвяковъ). Буде въ свити ненавысть и ненажысть Буде сынъ батька ненавыдить, а батько сына. И будуть огняни трубы и буде свитъ основаный дротомъ.

[1]) Значеніе рода и наслѣдственности выражается въ слѣдующихъ мѣстныхъ поговоркахъ:

Одно насиння, одна яблуня, одни й яблучка (вар. Чуб. тр. 1. в. II, 287, Ном. Прык. 137).

Зъ якого пузыря, таке й вызыра.

Зъ хорошого пня хороша й порохня.

[2]) Ковалевскій. Происх. сем. 57—67.

[3]) Фюстель-Куланжъ. Древн. Общ. 40, 60.

[4]) Тэйлоръ. Первоб. культ. 180—187.

[5]) Ш. Летурно. Соціол., основ. на этногр. С.-Петер. 1897 г., II, 62.

[6]) Мэнъ. Древн. право. С.-Петерб. 1873 г., 151.

для того, чтобы имѣть мужское потомство. «Сынъ свѣтъ въ высшемъ мірѣ. Съ рожденіемъ сына отецъ уплачиваетъ долгъ своему отцу, и самъ пріобрѣтаетъ безсмертіе» [1]). Эти же воззрѣнія, въ меньшей степени, были и у семитовъ [2]). Іаковъ, напримѣръ, называетъ первенца: «Ты крѣпость моя и начатокъ силы, верхъ достоинства и могущества» [3]). У арабовъ извѣстны три причины праздниковъ: появленіе поэта, рожденіе мальчика и—жеребенка кобылою Кохейло [4]). Напротивъ, когда арабу объявили о рожденіи дочери, его чело омрачилось (sa figure se rembrunissait comme un ciel orageux) [5]). У другихъ народовъ женщина до рожденія мальчика считается дѣвицей; только при рожденіи мальчика устраивается пиръ, а новорожденныя дѣвочки часто убиваются [6]). Даже сванеты на Кавказѣ убивали дѣвочекъ, вѣря, что такое убійство вознаграждается рожденіемъ сына [7]); а на западѣ бретанскіе крестьяне называютъ новорожденную дѣвочку выкидышемъ [8]). Такое-же рѣшительное предпочтеніе сына дочери встрѣчается и у восточныхъ славянъ. Великороссъ считаетъ несчастіемъ неимѣніе сына [9]); на бѣлорусскихъ крестинахъ поютъ:

Коли сынъ родзився, славный городъ ставлю,
Коли дочухна, я и шацеръ не поставлю! [10])

---

[1]) А. Фонъ-деръ-Лауницъ. «Бенаресъ» въ Рус. Мысли 1901 г. X, 41, 67.

[2]) У вавилонянъ мертвецы, лишенные жертвы, пожирали отбросы; лишеніе погребенія считалось большимъ несчастіемъ. (Dr. A. Ieremias. Hölle und Paradis bei den Babil. Leipzig 1900, 11).

[3]) Бытіе 49, 3.

[4]) Волгеборнъ. О усов. кон. завод. С.-Пет. 1816, III, 17.

[5]) Giraud Teulon. Les. Orig. 127–129.

[6]) Сумцовъ. Культ. переж. въ Кіев. Стар. 1889 г., X, 29.

[7]) Е. П. Ковалевскій. Очер. этногр. Кавк. въ Вѣстн. Европы 1867 г., IX, 115.

[8]) „Уваж. къ женщ.“ въ Соврем. 1866 г., II, 283.

[9]) Шашковъ. Оч. истор. рус. женщ. С.-Петерб. 1872 г., 101.

[10]) Зап. Импер. геогр. Общ. V, 1, 234 и 285.

И малоруссы воспѣваютъ сына:

Роды, Боже, сына,
То прыбуде сыла,
Роды, Боже, дочку
Въ чужу стороночку [1]).

Въ Лубенщинѣ о сынѣ выражаются такъ: «Якъ сынъ родытся, то й углы въ доми веселятся, а якъ дочка, то й углы смутятся», или такъ: «Сынъ родытся на хазяйство, а дочка на злыдни». И здѣсь извѣстенъ разсказъ крестьянина о троякомъ расходованіи годового урожая: объ уплатѣ стараго долга прокормленіемъ отца, о дачѣ въ заемъ—прокармливаніе сына, и о бросаніи за окно—кормленіе дочери. Поэтому бабка называетъ новорожденнаго сына богданомъ, какого эпитета къ дочери не прилагаютъ; иногда даже послѣднюю презрительно называютъ «шерепой» [2]).

Первое время до поступленія въ школу, мальчикъ воспринимаетъ начала нравственности отъ отца, матери и, какъ сказано выше, отъ восходящихъ родичей. Порядочный отецъ относится къ дѣтямъ съ наружною строгостью и холодностью, «думкою жаліє», иногда и постегаетъ за дѣло. Мать болѣе заботится о чистотѣ, здоровьи дѣтей, но за то вноситъ въ отношеніе къ нимъ много нервности, напримѣръ позволяя себѣ проклинать ихъ, оправдываясь тѣмъ, что «маты у Бога брехуха, Богъ іи не слуха». Она позволяетъ себѣ также скрывать отъ мужа проступки дѣтей для поддержанія семейной тишины. Въ крестьянскомъ быту дѣти рано начинаютъ приносить пользу. Уже въ 8—9 лѣтъ мальчикъ пасетъ какую нибудь коровенку, а съ 10-ти лѣтъ онъ уже настоящій пастухъ небольшого стада, получающій 10—12 руб. въ годъ или одежду на эту сумму. Съ 12—15 лѣтъ мальчикъ нанимается въ погонычи рублей за 20 въ годъ на хозяйской одеждѣ,

---

[1]) Гринченко. Матер. III, 690.

[2]) О бабѣ, не имѣвшей сыновей, а только дочерей, говорятъ: „Погана баба, околышня, а не хатня, нема у еи дома, е унукы—такъ на боци“.

а въ 16—18—онъ считается полурабочимъ, способнымъ на всѣ полевыя работы: пахать, гресть сѣно, возить и подавать снопы, кромѣ косьбы. Полурабочій получаетъ 30—40 руб. въ годъ на хозяйской одеждѣ. Настоящій рабочій, парень около 20 лѣтъ, получаетъ 45—55 руб. въ годъ. Кромѣ годовыхъ наймовъ, въ Лубенщинѣ распространены еще срочные, лѣтніе, какъ мѣстные съ 25 марта до 21 ноября (съ Благовищения до Ведения, рѣже до Пущания), съ уменьшеніемъ рублей на десять указанныхъ годовыхъ цѣнъ, такъ и сторонніе наймы. Эти послѣдніе давно извѣстны въ полтавской губерніи, «въ которой урожай не можетъ занять всѣхъ рукъ»[1]). Изъ лубенскаго уѣзда выходило еще въ сороковыхъ годахъ прошлаго вѣка до 3000 рабочихъ на заработки въ южныя губерніи[2]).

Прежде, бывало, отдѣльные кружки заробитчанъ душъ 8—10 собирались въ избу въ сопровожденіи родственниковъ. Послѣдніе «гладили дорогу», т. е. распивали водку съ пожеланіями: «Дай, Боже, хорошого лита, урожаю! Прощайте, дай Боже, шобъ диждать». Затѣмъ заробитчане шли пѣшкомъ, сбросивъ вещи на нанятую подводу. За селомъ родственники опять гладили дорогу. Возвращеніе заробитчанъ также соединялось прежде съ небольшимъ угощеніемъ: «Ногы мылы, пузыри гоилы». Отхожіе промыслы выгоднѣе мѣстныхъ наймовъ въ двухъ отношеніяхъ: увеличеніемъ заработка рублей на десять и болѣе въ урожайный годъ, и сокращеніемъ срока найма мѣсяца на два[3]). Но гдѣ бы ни пришлось работать парню, на мѣстѣ или въ южныхъ губерніяхъ (на Тавріи), все равно его заработокъ отдается отцу и идетъ въ пользу всей семьи[4]); отецъ обязанъ только одѣвать,

---

[1]) В. Семевскій: „По поводу ст. Рожкова“ въ Рус. Мысли 1902 г., IV, 32.

[2]) В. Короновскій. Стат. опис. луб. у. въ Полт. губ. вѣд. 1890 г., № 47, 2.

[3]) Отъ св. Николая—въ Каховкѣ, отъ Тройцы—въ Херсонѣ, отъ Петра и Павла,—до Покровы.

[4]) Не только у древнихъ римлянъ (Ф. Куланжъ-Др. Общ. 127) сынъ ничѣмъ не владѣлъ, но и у современныхъ народовъ, напр. сва-

обувать сына и выдавать ему немного денегъ на парубоцкіе расходы: входъ въ парубоцкую громаду (якъ вкупается въ парубкы, въ челядь), на складки и т. п. [1]). И для женитьбы отъ парня не требуется никакой особой экономической подготовки; лишь бы былъ вѣнчальный костюмъ. Бракъ происходитъ по семейному соглашенію; парень указываетъ на дѣвку, но родители могутъ и не согласиться. Нерѣдко мать вмѣшивается въ выборъ сына и разстраиваетъ все дѣло. Родители желаютъ, чтобы выборъ сына палъ на дѣвушку приблизительно одинаковаго положенія, чтобы богатырь не женился на бѣдной, козакъ на бывшей крѣпостной (ремингій) [2]). Взвѣшивается и вопросъ о приданомъ; имѣющимъ,

---

нетовъ заработокъ члена семьи принадлежитъ двору. (Ковал. и Иванюковъ. «Въ Сванет.» «Вѣстн. Евр.», 1886 г., VII, VIII, 37).

[1]) О жизни мѣстной молодежи передано мною въ «Народн. обр. и пѣсн. луб. у.», стр. 59—61. Жизнь эта дѣлается все менѣе и менѣе поэтической, и напрасный трудъ искать въ дѣйствительности тѣхъ романтическихъ сценъ, которыя встрѣчаются не только у Гоголя, но и у позднѣйшихъ писателей. Нѣтъ уже тѣхъ серенадъ, что нѣкогда бывали:

... Тильки мій мыленькый не лягае,
На нову спилку выгравае,
Мене, молоденьку, выклыкае. (Ib. 86).

Теперь парень выкликаетъ дивчыну свистомъ, ударами палкой по воротамъ, кричитъ подругамъ: «Скажить Оксани шобъ выйшла, а то ногы поперебываю»! Дивчатамъ «прыкладають» прозвища: крыворота, клешонога». Парень безъ церемоніи говоритъ дѣвушкѣ: «Твоя маты крычыть, шо я тебе визьму, а я не визьму: хыба ты мени воливъ прыгонышъ? Ганчирокъ твоихъ мени не треба».—Чы въ тебе уже все йе?—спрашиваетъ парень дѣвушку.—Ни, нема ще кожушанкы.—Ну, посыдь же, дивко, посправляй соби все, тоди, може, тебе якый дурень и визьме.

[2]) Отъ слова: временно-обязанная, въ шутку—ременемъ обвязана, откуда сокращенное реминна. Вообще стараются выбирать жену «по своёму пирьи»; шобъ «Якый йихавъ, таку й визъ». (вар. Номисъ. Укр. Пр. 153).

напримѣръ, землю интересно, чтобъ молодая пригнала скотъ. Раздоръ невѣстки съ свекровью, столь распространенный [1]), бываетъ не всегда и начинается не сразу. На первыхъ порахъ невѣстку знакомятъ съ домашними обыкновеніями и порядкомъ работъ въ домѣ. Бываетъ, что невѣстка обмолвится: «У насъ не такъ, у насъ краще». Но современемъ,—рѣже тотчасъ, какъ въ семьѣ Кайдашей [2])—на невѣстку стараются взвалить всю домашнюю работу: она варитъ, печетъ, прибираетъ. Однимъ словомъ—она настоящая рабочая сила. «Зовыця тильки роскошуе». Причины такого обремененія невѣстки работами различны. Обыкновенно ко времени женитьбы старшаго сына мать успѣваетъ уже пожить, родить нѣсколько дѣтей и вдоволь наработаться, помощь ей необходима, и потому она старается передать большинство работъ невѣсткѣ; такъ какъ дочь, которой почти ничего не предстоитъ получить изъ общаго достатка, сторонится и отъ усилій, создающихъ этотъ достатокъ, невѣстка же скоро сдѣлается главной хозяйкой и передастъ все состояніе дѣтямъ. Возможно, что на приниженное положеніе невѣстки въ домѣ вліяютъ и отдаленныя воспоминанія о патріархатѣ съ сопровождавшими эту ступень развитія семьи умычкой и покупкой женъ. Во многихъ семьяхъ, напримѣръ, невѣстка не садится за общій столъ иногда до 7-ми лѣтъ, а ѣстъ стоя [3]). Какъ бы то ни было, но въ излишнемъ обремененіи невѣстки работами заключается одна изъ главныхъ причинъ семейныхъ неудовольствій. Невѣстка слушаетъ, слушаетъ, да наконецъ и возразитъ: «Робить вы, мамо, соби, а я соби робытыму». Затѣмъ, хотя невѣстка и является главной рабочей силой семьи, но распоряжается всѣмъ свекровь, и невѣстка должна спрашивать у послѣдней о всякой мелочи, а отсюда зарождается новая причина вражды: борьба за власть въ

---

[1]) Напр. у англичанъ «Motthr-in-law and daugther-in-law are a tempest and a hailstorm».

[2]) Стр. 87, 110.

[3]) См. мое Жит.-быт. Луб. крест. въ «Кіев. Стар.», 1902 г., VI. 395.

домѣ вообще и за вліяніе надъ мужемъ въ частности. Положеніе невѣстокъ въ семьѣ улучшается, если ихъ нѣсколько, потому, что въ такомъ случаѣ онѣ могутъ приготовлять пищу поочередно, а зимой шить и прясть для себя, мужа и дѣтей. Старшей невѣсткѣ оказывается обыкновенно нѣсколько большее уваженіе, какъ дольше работавшей на общую пользу (на гуртъ), впрочемъ «покы вона не огыдне» [1]). Съ размноженіемъ семьи положеніе невѣстки и ея мужа становится все болѣе и болѣе невыгоднымъ. «Докы мною замышлятымуть, разсуждаетъ она, на якый конець я буду робыть на всихъ, здоровья терятыму? У мене свои диты, мени треба робыть на ихъ». Въ такія же условія поставленъ и мужъ ея, старшій сынъ семьи; и его трудъ въ большей части идетъ на гуртъ. «У старшого сына дурна сыла»—говоритъ народъ [2]). Въ самомъ дѣлѣ, если онъ, не нанимаясь на сторону, работаетъ дома, то для полученія хоть нѣкоторой личной выгоды долженъ утаивать нѣкоторый процентъ при извозѣ, продажѣ хлѣба и скота, порученныхъ отцемъ, на ярмаркѣ въ свою пользу или даже тайно продавать часть хлѣба въ удобное для того время, напримѣръ въ молотьбу. Если неотдѣленный сынъ нанимается на сторону [3]),

---

[1]) Слѣдуетъ прибавить, что невѣстка-солдатка рѣдко остается въ домѣ свекра; большею частью она переходитъ жить къ отцу или нанимается, чаще всего кухаркой съ обязанностью изготовлять пищу душъ на двадцать. Кухарка получаетъ 35—40 руб. съ подарками: платками, сапогами и т. д. на хозяйской одеждѣ въ годъ и ту же сумму въ лѣтній срокъ, но на своей одеждѣ. Помѣсячно: 4—5 р. въ жатву до 12 руб. 3 копы въ день; „друга надзéнька тильки копу за день“.

[2]) См. мою (неподписанную) „Судебн. хронику Лубны“, въ Полт. губ. вѣд. 1897 г., № 216, 2.

[3]) Въ годовой наемъ мужчина становится за 60—70 руб., на лѣтнія работы на сроки: отъ Благовѣщенья до Введенія или мѣстами отъ Евдокіи или Алексѣя до пущання—за 40—50 руб., въ зиму до 20, помѣсячно зимній наемъ—5—6 руб., на винокурнѣ—10—12 руб. Поденно: въ косовицу 30—75 коп. (въ 40-хъ годахъ 12—25 к.—по Короновскому. Полт. губ. вѣд. 1890 г., № 47, 2, 3). А въ жатву, на

то заработная плата, кромѣ затратъ на свою одежду и обувь да на подарки (платокъ, матерія на корсетъ, сапоги) женѣ и дѣтямъ, отдается почти вся отцу и идетъ на нужды семьи. Мало того, у старшаго сына могутъ быть дѣти подростки и ему не разсчетъ употреблять ихъ трудъ также на гуртъ. Рано или поздно семейное положеніе старшаго сына разрѣшается отдѣленіемъ. Въ другія условія поставленъ меньшій сынъ. Отдѣленный отъ отца большимъ промежуткомъ лѣтъ, онъ дольше подчиняется patria potestas, дольше пребываетъ въ послушаніи отцу и имѣетъ меньше возможности къ столкновеніямъ. Оттого то по народному воззрѣнію: «Меньшый сынъ кращій, его найжальнійше». Кромѣ того онъ до конца жизни работаетъ на всю остающуюся семью, пропитываетъ и хоронитъ родителей [1]). На такомъ преимущественномъ и болѣе продолжительномъ участіи въ семейномъ производствѣ и умноженіи достоянія основывается титулъ младшаго сына на предпочтительную долю въ наслѣдованіи [2]) у малороссіянъ, какъ и у другихъ народовъ [3]).

Раздѣленіе семейнаго имущества носитъ различный характеръ. Г. Барыковъ въ своемъ изслѣдованіи «Обычаи наслѣдованія у государственныхъ крестьянъ южно-русскаго края» [4]) признаетъ кореннымъ обычаемъ полтавской губерніи устройство отцомъ сыновей при жизни выдѣленіемъ имъ части имѣнія. Руководясь этимъ обычаемъ, лубенскій крестьянинъ дѣлитъ свое имѣ-

---

которой мужчина можетъ накосить 5—6 копъ въ день, онъ зарабатываетъ отъ 40—80 коп. даже до 1 руб. Поденная плата молотнику 40—60 коп.

1) См. М. Ганненко. Сем. имущ. отнош. 140.

2) М. Ковалевскій: 1) Современ. обыч. и древн. законъ. Москва. 1886 г., 322—325, 2) Развит. народ. хоз. въ Западной Евр. С.-Петерб. 1899 г., 219, и 3) Происхожд. семьи и соб. 106.

3) Миноратъ существуетъ въ Монголіи, Индіи, у кельтовъ Бретани (le droit juveigneur) и Корнуэльса, гдѣ за выдѣломъ старшихъ сыновей остатокъ достается младшему. (Ш. Летурно. Соціол., основ. на этногр. III, 96).

4) Въ „Основѣ", 1862 г., X, 57.

ніе по числу сыновей на равныя части, оставляя такую же лишнюю часть и для себя, а затѣмъ когда наступитъ пора выдѣлить старшаго сына, то вся семья общими усиліями и на общія средства принимается строить ему хату, покупая дерево, нанимая мастера и мазальницъ—по раньше изложеннымъ правиламъ объ устройствѣ новыхъ жилищъ [1]). Одновременно строются и надворныя постройки. По окончаніи жилья происходитъ обрядъ выдѣла такимъ образомъ: отецъ беретъ иконы, а мать хлѣбъ-соль, принесенные въ новую хату и, благословляя сына, говорятъ: «На́ тоби хлибъ и силь на нове хазяйство. Дай, Боже, шобъ и въ тебе було стильки хлиба, якъ у насъ у гурти. Робы, небоже, то й Богъ поможе»! Дай, Боже, шобъ ваша хата була на все здорова й багата! Шобъ вы хлибъ-силь малы и людямъ давалы и батька й матери шобъ не забувалы»! Послѣ благословенія сынъ угощаетъ родителей и собравшихся сосѣдей водкой. Отецъ, отпивая, говоритъ: «Дай, Боже, тоби здоровья у новій хати! Шобъ ты жывъ и всёго добра нажывъ». Родители заявляютъ сосѣдямъ: «Глядить, мы ихъ не обижаемъ, хлибомъ, силью, худобою наделяемъ». Сосѣди также пьютъ съ пожеланіями: «Дай же, Боже, шобъ всёго було полно и довольно». Такъ въ большинствѣ случаевъ производится выдѣлъ сына (якъ батько одризня), но иногда первый отходитъ самовольно (кыдае батька), забирая лишь личное имущество да женино приданое; но обычай выдѣла настолько укорененъ въ народномъ быту, что даже и въ случаѣ самовольнаго ухода сына,—въ собственномъ смыслѣ отдѣла,—волостной судъ обязываетъ отца выдѣлить сыну нѣкоторую часть состоянія [2]).

Если такимъ образомъ малорусская семья начинаетъ разъединяться еще при жизни родителей, то тѣмъ болѣе, потерявъ съ ихъ смертью и послѣднюю связь, семья должна распасться, «розризныться» неминуемо. Основной причиной раздѣловъ является

---

[1]) См. Жит.-быт. луб. крест. въ „Кіев. Ст.“, 1902 г., IV, стр. 110 и слѣдующія.

[2]) Сборн. хоз. ст. полт. губ. IV, луб. у. 16.

желаніе всякаго хозяина, и особенно каждой хозяйки, устроить жизнь отдѣльно, особнякомъ, по своему вкусу и образцу, на полной своей волѣ, согласно пословицѣ: «Чоловикъ та жинка найлучша спилка»,—короче сказать инстинктъ индивидуализма [1]). Иногда къ этой главной причинѣ раздѣла присоединяются побочныя, чисто фактическія: обиліе хозяекъ, немогущихъ помириться у печи за горшками, многочисленность дѣтей, такъ что негдѣ повернуться въ хатѣ, ссоры женщинъ и дѣтей между собой и т. д. Нѣтъ никакой особой обстановки раздѣловъ. Дѣлятся иногда и сами соучастники общей собственности. На родинѣ покойнаго М. Т. Симонова, въ Зарогѣ, напримѣръ, «старшый братъ дилыть на части, а меньшый яку схотивъ, ту и бравъ». Но этотъ обычай мѣстный, въ другихъ мѣстахъ Лубенщины неизвѣстный. Вообще добрыхъ раздѣловъ мало; чаще они сопровождаются такими ссорами и драками, что вызываютъ вмѣшательство постороннихъ лицъ: сосѣдей стариковъ, волостныхъ судей. Раздѣлу подлежитъ движимость, усадьба и поле; между прочимъ дѣлится поровну между братьями и та излишняя часть поля, которая, какъ указано выше, оставлялась отцемъ пожизненно для своего пропитанія. Но лугъ, сѣнокосъ, лѣсъ можетъ оставаться и въ общей собственности. Иногда и садъ остается въ общей собственности, а фруктами дѣлятся ежегодно. Такъ что единственно прочной нормой мѣстнаго обычнаго права является

---

[1]) Объ этомъ инстинктѣ, какъ о причинѣ раздѣловъ, см. у М. Ковалевскаго. Происх. семьи. 100. Объ индивидуализмѣ упоминаютъ и малорусскіе изслѣдователи: Арендаренко (Зап. II, 210), Чубинскій (Очер. нар. юрид. обыч. въ VI т. Труд. 31, 33). В. И. Василенко („Землед. по укр. нар. воззрѣн. 8—10). См. также Сб. хоз. статит. полт. губ. IV, луб. у. 26. Вслѣдствіе господства индивидуализма, въ Лубенщинѣ преобладаютъ малыя семьи, въ 4—5 душъ, надъ средними въ 6—7, не говоря уже о большихъ. Отсюда вытекаютъ: раздробленіе семейной собственности, ослабленіе рабочихъ силъ и инвентаря, слабое развитіе коопераціи и общественныхъ чувствъ. «Народъ ненавысный. Колыбъ такъ захылыться, шобъ одно 'дного й не бачыло»— говорятъ крестьяне.

предоставленіе старой батьковской хаты и огорода (дворыща) младшему сыну [1]).

Юридическое положеніе дочери въ отцовской семьѣ иное, чѣмъ сына. Дочь самой силой вещей предназначена къ образованію новой семьи, къ продолженію чужого рода будущаго мужа, и пребываніе ея у отца только временное. Отрѣшеніе дочери отъ родового очага было первымъ актомъ брачнаго обряда у древнихъ; оттого въ Индіи, Греціи и Римѣ дочери не наслѣдуютъ [2]). У древнихъ римлянъ дочь, выйдя замужъ, теряла свои агнатическія права и исключалась изъ рода и наслѣдства [3]). Дочь лишалась наслѣдства въ отцовскомъ имѣніи, потому что, отрѣшенная отъ очага отца, подводится къ очагу или божеству мужа у германцевъ, чеховъ и южныхъ славянъ [4]). Салическая правда возглашаетъ, что дочери не могутъ наслѣдовать поземельной собственности [5]); а въ старыхъ германскихъ правдахъ они наслѣдуютъ лишь при отсутствіи сыновей [6]). На югѣ, у сванетовъ и черкесовъ, дочери не наслѣдуютъ [7]). Тѣже нормы обычнаго права о наслѣдованіи дочерей извѣстны и въ Малороссіи. И здѣсь дочери при наличности сыновей не наслѣдуютъ въ отцовскомъ недвижимомъ имѣніи и инвентарѣ [8]). Эти правила наслѣдованія указаны еще въ Русской Правдѣ и въ Псковской судной грамотѣ [9]). Но дѣйствительное положеніе дочери въ семьѣ представляется совсѣмъ въ другомъ свѣтѣ, чѣмъ правовое. Если отцу

---

[1]) Чубинскій. Очер. нар. юрид. обыч. 19.

[2]) Фюстель Куланжъ. Древн. Общ. 54, 99, 103.

[3]) Энгельсъ. Происх. семьи. 106.

[4]) Липпертъ. Ист. культ. II, 170, 187.

[5]) М. Ковалевскій. Происх. сем. 79.

[6]) Ш. Летурно. Соціол., основ. на этногр. II, 62, 67.

[7]) Е. Ковалевскій. Очер. этн. Кавк. въ «Вѣстн. Евр.», 1867 г., IX, 115.

[8]) Θ. Рыльскій. «Къ изучен. народ. міросозерц.» въ „Кіев. Стар.", 1903 г., V, 172. Барыковъ. Обыч. наслѣд. въ Осн. 1862 г., X, 66, 67.

[9]) Чубинскій. Очер. нар. юрид. понят. 19, 20.

болѣе желателенъ сынъ, какъ помощникъ, то матери по той же причинѣ желательнѣе дочь. «Шо съ тихъ лобьякивъ [1]) за польза?— разсуждаетъ мать,--дочка и прястыме и пошые и выпере сорочку».— «Шобъ була помитуха й помазуха, прачка й швачка»—таковы пожеланія бабъ новорожденной дѣвочкѣ. Кромѣ большей способности къ домашней работѣ, дѣвочка еще послушнѣе, ласковѣе, спокойнѣе, почему родители балуютъ ее больше; мать больше заботится о ней, чѣмъ о сынѣ. Дѣвочка раньше мальчика начинаетъ работать. Крошка 5—6 лѣтъ уже колышетъ колыбель, а въ 7—таскаетъ ребенка на рукахъ. Съ этихъ же лѣтъ она учится шить и прясть, причемъ первый спряденный клубокъ пряжи бросаютъ въ огонь или въ соръ «сороци на гниздо». Съ 7—10 лѣтъ дѣвочка пасетъ гусей, свиней, овецъ, иногда корову, а нанявшись на сторону пастушкой, зарабатываетъ до 5 руб. въ лѣто. Съ 14—16 лѣтъ большинство дивчатъ поступаютъ на лѣтнія работы въ срокъ: съ 17 или 26 марта по 21 ноября за 15—18 руб. и платокъ; съ 17-ти лѣтъ плата увеличивается до 25 руб., а старшимъ дѣвушкамъ плата доходитъ до 28—35 руб. и два платка или матеріи на корсетъ. Хотя спросъ на рабочія руки существуетъ и на мѣстѣ по наслѣдованной отъ прежнихъ временъ мрачной пословицѣ: «Була-бъ шія, а ярмо буде», но многія дѣвки предпочитаютъ южные заработки, на которыхъ всегда нужны вязальщицы къ жатвеннымъ машинамъ (жачкамъ), и гдѣ срокъ найма короче, а цѣна выше: съ 9 мая по 1-е октября—30—40 руб. Взрослая дѣвушка, поступающая въ экономію только на жатву, получаетъ за одинъ іюль 11—12 руб. Поденная же заработная плата колеблется между 20—50-ю коп. Наемъ на всю зиму цѣнится въ половину противу лѣтняго, помѣсячно 3—4 руб. Наконецъ, въ годовой наемъ дѣвушка становится за 30—40 руб. [2]) на хозяйской одеждѣ. Часто годовая наймичка беретъ часть платы одеждой, а сиротки, о которыхъ некому позаботиться, выговари-

---

[1]) Лобъ больше, чѣмъ у дѣвочки.

[2]) Въ 70-хъ годахъ прошлаго вѣка годовой платежъ наймичкѣ (по Чубинскому, Тр. VI, 76)—15—30 руб.

ваютъ себѣ, вмѣсто всего годового платежа, одежду по такому, напримѣръ, разсчету: кожушанку на 5—7 фантъ, цѣной въ 10—15 руб., суконную верхнюю одежду (юбку) въ 6—8 руб., ваточникъ—5 руб., запаски: 2—3 руб., поворозки (узкій поясъ) въ полтинникъ, рубашку въ 1 руб., и сапоги въ 4 руб. Нѣтъ никакого общаго правила объ израсходованіи дѣвичьихъ заработковъ. Иногда до половины ихъ затрачивается на безотлагательныя нужды семьи. Чаще заработанныя деньги хотя и передаются дѣвушкой отцу, но истрачиваются на ея же одежду и обувь. Наконецъ, всѣ деньги остаются у дѣвушки, а она платитъ лишь за зимовлю 5 руб. родителямъ, если не нанимается и на зиму [1]).

Рѣдко дѣвушка совсѣмъ никуда не нанимается на лѣто, а помогаетъ матери въ лѣтнихъ работахъ; въ свободное же время сидитъ въ саду, шьетъ и вышиваетъ. Но такія непринужденныя работы самыя желательныя дѣвушкѣ; «строки» даются нелегко, какъ доказываютъ, между прочимъ, слѣдующія дѣвичьи (дивоцьки, строкивськи) пѣсни о гореваньи въ наймахъ.

1.

Ой, матинко, паво!
Теперъ я пропала!
Ой, матинко ридна!
Теперъ я невирна.
Ой, тоди я вирна буду,
Якъ строку добуду.

(Записана въ 1902 г. отъ козачки с. Кононовки Суковой).

2.

Ой, матинко вышня!
Чы я въ тебе лышня,
Шо ты мене въ срокъ наняла,

---

[1]) См. мои „Рабоч. пѣс. луб. у.“ Кіевъ 1895 г., стр. 12, примѣч.

А я й не прывышна?
Чы я въ тебе, моя маты,
Платкы поносыла,
Шо ты въ мене въ срокъ наняла,
Шобъ я голосыла?
Чы я въ тебе моя маты,
Пшеныци не жала,
Шо ты мене въ срокъ наняла,
Шо я й не бажала?

(Въ 96 г. отъ коз. м. Лукомья, М. Норовой, 18 л.).

Вар. Вмѣсто 2 куплета такъ:

Десь я въ тебе, моя маты,
Все добро[1]) порвала,
Шо ты мене туды 'ддала,
Шобъ я горювала.

(Отъ С. Норовой, м. Лукомья).

Вар. въ моихъ «Раб. пѣсн.» № 9, стр. 6, 7.

3.

Чы я въ тебе, ненько,
Весь хлибъ перейила,
Шо ты мене вырядыла,
Куды не хотила?
Чы я въ тебе, ненько,
Спидныци порвала,
Шо ты мене вырядыла,
Шобъ я й горювала?
Думаете, ненько,
Що я тутъ не плачу?
За дрибнымы слизонькамы
И свита не бачу.

---

[1]) Спидныци.

Думаете, ненько,
Шо я тутъ пануючу?—
Прыйды, ненько, подывыся,
Якъ я тутъ горюю.
Шо у людей дочокъ по пьять
Та вси дома сыдять,
А я въ тебе одна,
Тай та въ наймы пишла;
Шо у людей дочокъ по симъ
Та имъ счастя усимъ,
А я й у васъ одна
Тай тій счастя нема.

(Отъ кр. х. Николаевки Зиньки Дорошенковой).

4.

Тече ричка зъ поля,
А другая зъ моря,
Та выкупы, ненько моя,
Мене зъ сёго горя.
Тече ричка зъ поля
Та водыця тепла.
Та выкупы, ненько моя,
Мене зъ сёго пекла.

(Отъ Суковой).

5.

Ой, высоко, высоко
Клынъ дерево одъ воды.
Ой далеко, далеко
Отець маты одъ дытяты.
А хоть воны далеко
Та згадають легенько
Тоди мене згадають,
Якъ обидать сидають.

Ой десь наша дытына
Якъ у степу былына,
Ой десь наше дытятко,
Якъ на мори утятко.

(Въ 1898 г. отъ кр. д. Мещковецъ Федосьи Кононенковой).

Въ с. Титкахъ вмѣсто 4 послѣднихъ строчекъ поютъ такъ:

Оце лышня ложечка,
Ой десь наша дочечка.

(Отъ Прасковьи Орленковой).

6.

Згадай мене, моя маты,
Дома спиваючы,
А я тебе изгадаю,
Въ строку строкаючы.
Згадай мене, моя маты,
У досвита вставшы,
А я тебе изгадаю,
Ище й не лягавшы.
Згадай мене, моя маты,
Обидаты сившы,
А я тебе изгадаю,
Не пывшы не йившы.
Згадай мене, моя маты,
До церквы идучы,
А я тебе изгадаю,
Въ строку горюючы.

(Въ 1898 г. коз. с. Мацковецъ Федосьи Кононенковой).

7.

Згадай мене, ненько,
Въ недилю раненько,
Якъ дивчата йдуть до церквы,

Заплитаются дрибненько.
Згадай мене, ненько,
У недилю въ ранци,
А я тебе изгадаю
У сороци дранци.
Згадай мене, ненько,
На хатнимъ порози,
А я тебе изгадаю
Въ степу пры дорози.
Згадай мене, ненько,
Тай надъ пырогамы,
А я тебе, ненько,
Тай надъ сухарямы.
Згадай мене, ненько,
Сившы обидавшы,
А я тебе изгадаю
Не пывшы не йившы.

Въ 1895 г. отъ козачки с. Михновецъ, Христины Марченковой).

Въ с. Пѣскахъ еще одинъ куплетъ:

Згадай мене, моя ненько,
Ложечкы помывшы,
А я васъ же изгадаю
Слизонькамы вмывшы.

(Отъ Матрены Матюшиной).

8.

Сёгодня субота,
А завтра недиля,
А у мене ненько моя,
Сорочка не била.
Згадай мене, ненько,
Въ недилоньку вранци,
А я васъ же изгадаю

У сороци въ дранци.
Згадай мене, ненько,
До церковци йдучы,
А я васъ же изгадаю
Въ строку горюючи.

(Въ 1900 г. отъ кр. д. Шекъ Еф. Купріевой).

Вар. у Гринченка. Этн. мат. III, № 1383, 559.

9.

Якъ пиду я у строкъ, ненько.
То може пролежу,
Дайте, ненько, подруженькамъ
Проносыть одежу.
— Ой, лучше жъ я, дытя мое,
По тыну роскыну,
А нижъ мени прыбираты
Чужую дытыну.
Ой, лучше жъ я, дытя мое,
По тыну розвишу,
Бо чужою дытыною
Серця не потишу.

(Отъ нея же).

10.

Соловейку маленькый!
Въ тебе голосъ тоненькый
Защебечышъ ты мени,
Шо я въ чужій сторони,
Нема роду пры мени.
Нема роду, ни родця
Ни матуси, ни отця.
Хоть бы була родына,
Хоть маленька дытына,

Вона бъ мене провела,
Слизонькамы облыла.

(Въ 1895 г., отъ коз. м. Лукомья, Матрены Поровой).

По достиженіи дѣвушкой 18 лѣтъ двери отцовской хаты «одчыняются» [1]) и являются сваты. Въ настоящее время воля дѣвушки при выборѣ мужа имѣетъ рѣшающее значеніе; въ случаѣ несогласія родителей, дѣвушка убѣгаетъ тайно и все же выходитъ замужъ «своимъ трыбомъ» [2]). Въ такомъ случаѣ она рискуетъ неполучить приданнаго.

Приданое, замѣняющее въ малороссійскомъ народномъ быту наслѣдованіе дочери въ отцовскомъ имѣніи [3]), указываетъ и до сихъ поръ своимъ составомъ на происхожденіе свое изъ свадебнаго дара жениха [4]), такъ какъ оно заключается только въ движимости, бѣльѣ, одеждѣ, постели, мелкомъ и крупномъ скотѣ. Невѣста должна быть пріодѣта съ ногъ до головы, и имѣть: 2 шелковыхъ праздничныхъ платка, по 3 р. 50 коп. каждый, не менѣе 10 бумажныхъ и шерстяныхъ, въ среднемъ по 1 руб. каждый; 2 очипка по 40 коп, 35 рубашекъ, по 1 руб. 50 коп. каж-

---

[1]) О сватовствѣ мѣстныя пословицы выражаются такъ: «Якъ одчыняются, то одчыняйте, а то якъ зачынятся, то не одчыните». (Вар. у Комарова. Нова збир. 99), и «Покы не стукають, покы не слухають, покы не дзвонылы, покы не йшлы».

[2]) Trieb, нѣмец.: склонность, влеченіе, побѣгъ.

[3]) Не только отецъ, но и братья, даже дяди, выдавъ дѣвушку замужъ и снабдивъ приданымъ, могутъ затѣмъ уклониться отъ выдачи ей земли изъ батькивщыны или дидызны. Только матерызна принадлежитъ дочерямъ. (Сб. хоз. ст. 15).

[4]) Въ соч. Вилькена Over de primitieve vormen van het hywelijk en het oorsprong van het gezin, приведенномъ кратко въ От. Зап. 1882 г., VII, 189, 190, объяснено, что плата за невѣстку или даръ есть вознагражденіе за умычку ея, а не платежная цѣна. Затѣмъ pretium nuptiale переходитъ въ даръ, обращаемый невѣстѣ въ приданное. (Кавелинъ. Мос. 1859 г., IV, 237. Липпертъ. Ист. культ. II, 185).

дую, да кусковъ 10 холста въ 25 локтей кусокъ, на сумму до 30 руб. всего, 4 корсета, по 2 руб. каждый, 3 ватянки и 3 суконныхъ юбокъ, по 5 р. каждую, 2 кофты по 2 руб., 2 кожушанки (иногда 4) по 10—15 руб. каждую, 5 сподницъ по 3 руб. въ среднемъ, 2 запаски по 1 р. 50 коп., 6 поясовъ по 50 коп.; 3 пары чорныхъ и 1 цвѣтную сапогъ, по средней цѣнѣ 3 руб. Кромѣ одежды и обуви, въ составъ приданаго входитъ убранство комнаты: не менѣе 3 рушниковъ, по 2 руб. каждый, 3 скатерти по 1 р. 50 к., иногда коверъ (килымъ), цѣной въ 2 руб., постель: 4 подушки по 1 р. 50 к. каждая и 10 ряденъ, по 80 коп. въ среднемъ рядно, изрѣдка лижныкъ, стоющій 3—6 руб., и сундукъ [1]) (скрыня), цѣной въ среднемъ—7 руб. Изъ животныхъ даются въ приданое: 2—3 овцы, телица, корова, рѣдко кобыла, и еще рѣже пара воловъ: «Свій визъ, волы и батигъ». Слѣдуетъ еще замѣтить, что приданное никогда не облекается въ письменную форму, и въ случаѣ смерти бездѣтной женщины возвращается ея родителямъ за вычетомъ издержекъ похоронъ [2]).

Въ одномъ только случаѣ, какъ объяснено выше, при отсутствіи сыновей, дочь получаетъ не только движимость въ видѣ приданаго, но и недвижимое имѣніе отца, и вообще все хозяйство. Въ этомъ случаѣ положеніе мужа ея бываетъ различнымъ. Большею частью оно такое же, какъ если бы мужъ ввелъ жену въ свой домъ. Когда родители жены стары, онъ распоряжается всѣмъ, какъ настоящій хозяинъ. «Винъ и побье жинку за дило, не дывытся на те, що прыймакъ». Вся разница только въ томъ, что раздраженная жена крикнетъ на него «прыймачыще!» Рѣже встрѣчается преобладаніе жены надъ мужемъ—прыймакомъ. «Вона потрипue, крутыть имъ; ніколы ёму бидному и вгору глянуть».

---

[1]) О скрынѣ подробнѣе въ «Жит. быт» въ Кіев. Стар. 1892 г., IV, 132. Всего насчитано приданаго безъ скота на 200 руб. безъ малаго. О составѣ приданаго см. также: М. Ганенко. Сем. имущ. 152, 153 и Сборн. хоз. стат. IV. Луб. у., 27.

[2]) Ib. 16.

О такихъ прыймакахъ говорятъ: «пишовъ замижъ» [1]). Затѣмъ, отношеніе примака къ тестю и тещѣ близко къ отношеніямъ невѣстки къ родителямъ мужа, какъ видно, между прочимъ, изъ слѣдующей народной пѣсни.

Матинко наша! дороге насинячко!
Де тебе взяты, де тебе й посіяты?
— Посій, доненько, въ свитлыци на скамныци,
Де збираются братикы та сестрыци.
Братикы йдуть, якъ голубонькы гудуть,
А сестрыци йдуть, якъ зозуленькы кують.
Братикы радятся, якъ матиръ поховаты,
А сестрыци радятся, якъ матиръ оплакаты,
А невисткы радятся, якъ добричко забраты,
А зяти радятся, якъ худибку заняты.

(Отъ кр. д. Шекъ Еф. Купріевой).

Но каково бы ни было отношеніе зятя къ родителямъ жены, все же положеніе послѣднихъ нельзя и сравнить съ людьми совсѣмъ бездѣтными и безродными. За такими стариками некому присмотрѣть, докормить, похоронить и наслѣдовать ихъ имѣніе [2]). Съ необыкновенной прелестью выражено положеніе бездѣтныхъ стариковъ въ «Наймичкѣ» Шевченка.

Хто-жъ ихъ старисть прывитае,
За дытыну стане?
Хто заплаче поховае,
Хто душу спомяне [3])?

---

1) Приводится въ Сбор. хоз. стат. 27.

2) Тогда какъ моногамія и возникала именно вслѣдствіе накопленія собственности и стремленія передать ее законнымъ наслѣдникамъ. (Энгельсъ. Происх. сем. 51, 54, 64).

3) О самой смерти записаны въ Лубенщинѣ слѣдующія выраженія и поговорки.

Единственнымъ выходомъ изъ такого тяжелаго положенія представляется усыновленіе сторонняго ребенка (годованыка) или взрослаго (прыймака). Усыновленіе не сопровождается никакимъ особымъ обрядомъ [1]. О годованыкѣ составляется общественный приговоръ, и онъ вносится въ семейный списокъ; взрослый пріймакъ заключаетъ съ принявшими его (пріймами) письменный или словесный договоръ, или живетъ безъ договора, обезпечивая себя векселями [2]. Но изъ такихъ искусственныхъ семей мало выходитъ проку: «Чуже не буде своимъ». Пріймакъ, а также и бездѣтный зять по смерти жены, проработавъ иногда лучшіе годы жизни чужимъ людямъ, выгонялись затѣмъ этими послѣдними безъ всякаго вознагражденія. Особенно невыгоднымъ становилось положеніе пріймака при отсутствіи или неточности договора, т. е. въ большинствѣ случаевъ. Разбирая подобные случаи, бывшіе мировые судьи должны были примѣнять—за отсутствіемъ прямого

Смерть прыйшла.

Балакала стара до самои смерты.

Уже й ричъ одибрало.

Уже й ногы захолонулы

Душа кыдае тило, якъ сорочку.

(Похоже на итальянское lasciar la pelle, скинуть кожу—умереть).

Выпроводылы по чорній дорози.

Уже пьятеро на тымъ боци.

Царство небесне дидови у гроби лежать и землю зверхъ себе черомъ держать.

Молодый не запродавъ, старый не закупывъ.

Примѣта. Якъ хикалка на ще серце, то то мертвый згадуе, або смерть, а якъ нисля обида—до то ридъ згадуе.

[1] Уже отсутствіе обряда доказываетъ, что усыновленіе—явленіе позднѣйшаго порядка, когда родовое начало смѣняется трудовымъ. (См. М. Ковалевскій и Иванюковъ. «Въ Сванетіи» Вѣстн. Евр. 1886 г., VII, VIII, 549).

[2] Внѣбрачное дитя принимается мужемъ «накрытки» пріемышемъ. Изрѣдка сторонній прыймакъ берется въ семью при малолѣтней дочери съ условіемъ выдать послѣднюю замужъ. (Сб. хоз. стат. 17).

указанія въ законѣ—общее положеніе права: «Jure naturae aequum est, neminem cum detrimento alterius et iniuria fieri locupletiorem» [1]), принятое и гражданскимъ касаціоннымъ департаментомъ сената [2]), и присуждали пріймаку вознагражденіе за его трудъ, какъ работнику. А если пріймакъ, заручившись векселемъ, овладѣвалъ имѣніемъ и пускалъ стариковъ по міру, то мировые судьи выслушивали свидѣтелей [3]) и, не взирая на акты укрѣпленія, присуждали старикамъ жить на своемъ непелищѣ, получая содержаніе отъ выгнавшаго.

В. Милорадовичъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

---

1) См. Баронъ. Сист. римск. гражд. права. Перев. А. Петражицкаго. Кіевъ. 1888 г., 113—118.

2) Безмездный переходъ цѣнностей не предполагается и никто не можетъ безмездно обогащаться цѣнностями или работами другого. (Рѣш. 1877 г. № 183, 1878 г. №№ 203, 232, 233, 1879, 1882 г. № 60 и 1887 г., № 13.

3) Договоры о содержаніи однимъ лицомъ другого могутъ быть доказываемы свидѣтелями. (Рѣш. 1877 г., № 23).

НА МЕРТВОЙ ТОЧКѢ.

(Замѣтки читателя).

I.

Очень часто въ послѣднее время приходится слышать и читать мнѣнія о ростѣ украинской литературы, о ея успѣхахъ, о ея неуклонномъ возрастаніи въ количественномъ и совершенствованіи въ качественномъ отношеніи, о подъемѣ творческихъ силъ, участвующихъ въ ея созиданіи и т. п. Большинство критическихъ статей, особенно появляющихся въ чужихъ изданіяхъ,—русскихъ журналахъ, напр.,—обычно заканчиваются такими оптимистическими утвержденіями, и выраженія въ родѣ: «малорусская литература переживаетъ моментъ особаго подъема духа» (С. Русова—«Старое и молодое въ современной малорусской литературѣ», Русск. Мысль. 1903, кн. XII, стр. 201) сдѣлались положительно общимъ мѣстомъ. И если хотите, такое утвержденіе совершенно понятно со стороны авторовъ, желающихъ передъ чужой публикой, какъ говорится, товаръ лицомъ показать и потому избирающихъ (не всегда впрочемъ: попадаются въ этомъ смыслѣ и курьезныя исключенія) такихъ писателей, которые подтверждаютъ правильность сдѣланнаго вывода. Но несмотря на то, что гласъ народа—гласъ Божій, намъ кажется, что оптимизмъ въ подобной обобщенной формѣ подлежитъ значительнымъ оговоркамъ и ограниченіямъ,—и больше всего именно въ отношеніи литературы послѣдняго времени,—и что въ основѣ такихъ огуль-

ныхъ оптимистическихъ утвержденій лежитъ крупная доза какого-то недоразумѣнія, искренняго, быть можетъ, заблужденія, по просту—оптическаго обмана. За особый подъемъ литературы, за необыкновенный ея расцвѣтъ принимается что-то другое, что́ хотя и сказывается *интересомъ* къ литературѣ, но въ сущности вовсе не имѣетъ права на полное отождествленіе съ самой литературой. Въ дѣйствительности существуетъ и весьма опредѣленнымъ образомъ о себѣ заявляетъ лишь общее движеніе среди украинской интеллигенціи, долгіе годы благополучно почивавшей даже не на лаврахъ; и это движеніе общественнаго характера дѣйствительно сказывается, между прочимъ, и возбужденіемъ интереса къ литературѣ, увеличеніемъ тѣхъ запросовъ, которые къ послѣдней предъявляются и со стороны принимаются за подъемъ самой литературы. Это во-первыхъ; во-вторыхъ—критическія статьи посвящаются обыкновенно разбору лучшихъ представителей нашей литературы, ея верховъ, можно сказать; но очевидно, что было бы весьма рискованнымъ—выводы, полученные на основаніи знакомства съ верхами литературы, распространять огуломъ на всю литературу. Вѣдь не надо забывать, что кромѣ верховъ существуетъ—не говоря уже о низахъ, гдѣ невозбранно подвизаются всевозможные г.г. Кулиды, Сластины, Неграмотные и т. п.—еще цѣлая срединная область, наиболѣе широкая по количеству работниковъ и потому наиболѣе замѣтная, кладущая свой собственный отпечатокъ на все литературное движеніе и придающая ему особенный характеръ. Между тѣмъ на это то среднее теченіе, наиболѣе, какъ сказано, широкое и характерное, и не обращается достаточнаго вниманія: о немъ обыкновенно бросаютъ вскользь нѣсколько словъ при общихъ обзорахъ литературы, и тѣмъ дѣло и ограничивается, а впечатлѣнія отъ верховъ литературы невольно переносятся тѣмъ временемъ и на эту срединную область и тѣмъ усиливаютъ оптическій обманъ. Наконецъ, послѣдній поддерживается еще и обманщицей-вѣрой, которую не даромъ вѣдь, по классическому выраженію одного изъ школьныхъ учебниковъ, опредѣляютъ, какъ «увѣренность въ желаемомъ какъ бы въ совершившемся». Сильное желаніе видѣть подъемъ и прогрессъ за-

частую находить ихъ даже тамъ, гдѣ весьма опредѣленно намѣчаются другіе процессы и происходятъ явленія, въ сущности противорѣчащія оптимистическимъ заявленіямъ и утвержденіямъ. А въ результатѣ—цѣлый рядъ недоразумѣній и противорѣчій. Говоримъ о подъемѣ литературы—и въ то же самое время не можемъ за послѣдніе годы указать почти ни одного сколько-нибудь выдающагося литературнаго явленія, ибо то, что обыкновенно въ такихъ случаяхъ указывается, принадлежитъ въ равной, если не въ бо́льшей, мѣрѣ прошедшему, ка́къ и настоящему. Находимъ оживленіе литературы—и въ то же время замѣчаемъ, что большинство признанныхъ украинскихъ писателей почти замолкло и только время отъ времени напоминаетъ о себѣ, предлагая читающей публикѣ что-либо новое, да и то уступающее въ большинствѣ случаевъ по своимъ достоинствамъ тому старому, что ими было дано въ прежнее время. Отмѣчаемъ нарожденіе молодыхъ силъ—и въ то же время на скептическій вопросъ—гдѣ же онѣ?—съ недоумѣніемъ оглядываемся и указываемъ на такихъ писателей, которые вовсе не могутъ быть названы новичками, а тѣмъ болѣе дебютантами въ литературѣ. Вотъ въ силу этихъ то обстоятельствъ тѣмъ интереснѣе приглянуться къ срединной области нашей литературы—къ той ея части, которая въ громадномъ большинствѣ состоитъ именно изъ начинающихъ и расправляющихъ крылья писателей: вѣдь это будущіе дѣятели нашей литературы, здѣсь сосредоточены надежды и упованія на обновленіе нашего порядочно таки за истекшее столѣтіе поизветшавшаго, какъ всѣми признано, литературнаго зданія. И хотя «тьмы низкихъ истинъ намъ дороже насъ возвышающій обманъ», но въ случаѣ необходимости найдемте же, наконецъ, въ себѣ достаточно силы и рѣшимости сказать въ глаза горькую истину, не боясь тѣхъ укоризненныхъ возгласовъ, которые могутъ раздаться изъ среды людей, предпочитающихъ «насъ возвышающій обманъ» трезвому обсужденію нашихъ дѣйствительныхъ недостатковъ. Въ зависимости отъ доказательныхъ фактовъ признаемъ же хотя теперь, что мы вовсе не въ такомъ уже блестящемъ положеніи находимся, а напротивъ—вокругъ насъ, въ нашей литературной республикѣ, со-

вершается нѣчто такое, что должно наводить на весьма и весьма печальныя размышленія. Не забѣгая впередъ и не предвосхищая послѣдующихъ выводовъ, напомнимъ лишь, что открытое и искреннее признаніе своихъ недостатковъ есть первый и необходимый шагъ къ ихъ устраненію.

Читателю, болѣе или менѣе внимательно слѣдящему за теченіемъ нашей литературной жизни, бросится въ глаза одинъ фактъ,—это рѣзко обозначившаяся въ послѣднее время диффеpенціація нашихъ литературныхъ направленій и появленіе того теченія, которое именуетъ себя гдѣ символизмомъ, гдѣ модернизмомъ, гдѣ новоромантизмомъ—отъ частаго употребленія эти термины уже поистерлись и потеряли ясныя очертанія,—а среди широкой публики болѣе извѣстно подъ именемъ декадентства. Появленіе это имѣетъ, конечно, свои причины, на которыхъ подробнѣе мы останавливались въ другомъ мѣстѣ и теперь повторяться не будемъ. Отмѣтимъ лишь, что съ того времени, когда намъ пришлось говорить объ этомъ теченіи на страницахъ нашего журнала, прибавился не одинъ листокъ на деревѣ украинскаго символизма, и эти листья въ общей своей сложности и совокупности лишь оправдываютъ сдѣланные нами тогда выводы. Наше замѣчаніе о шаткости «краеугольнаго камня, заложеннаго въ основу чисто эстетическихъ идей символизма, сотворившаго себѣ кумиръ изъ проявленія *одной* лишь стороны человѣческой природы и принебрегшаго *цѣлымъ человѣкомъ*, со всѣми разнообразными свойствами и стремленіями его природы («Въ поискахъ новой красоты», 99)—получило косвеннымъ образомъ подтвержденіе отъ самихъ же представителей даннаго направленія. Вотъ что пишетъ, напр., г-жа Гриневичева въ отвѣтъ на высказанный ей упрекъ въ непонятности ея произведеній: «Вильно *розуміючымъ* (курсивъ автора) чытачамъ ставыты намъ вымогы що до *формы, языка, щырости нашыхъ вражинь и думокъ, але не бильше* [1]). Нехай насъ чытають и цинять ти, чыя воля. А жертвъ изъ часу та особыстого *вдоволення на ричъ нашыхъ тво-*

[1]) Неоговоренные курсивы вездѣ принадлежатъ намъ.

ривъ мы не просымо ни въ кого (Л.-Н. Вістник, 1903, кн. VI, 214). Обратите, пожалуйста, вниманіе на подчеркнутыя нами мѣста въ этомъ литературномъ манифестѣ, изданномъ—не знаемъ, по какому праву,—г-жей Гриневичевой не только отъ собственнаго имени, но и отъ лица всѣхъ «достойныкивъ» символизма («*мы...*»). Г-жа Гриневичева благосклонно разрѣшаетъ намъ, читателямъ,— и то лишь понимающимъ, подчеркиваетъ она,—предъявлять свои требованія только относительно формы, языка и искренности пишущаго—отнюдь не больше; сущность же, содержаніе («ричъ нашыхъ творивъ») абсолютно изъемлется изъ сферы сужденій читателя: это заповѣдная область, доступъ въ которую строго-настрого загражденъ для непосвященныхъ. Читай и, если въ состояніи проникнуть въ тайны формы, наслаждайся ею, а о прочемъ разсуждать не твое дѣло, «руки прочь»—такъ можно нѣсколько попроще выразить мысль г-жи Гриневичевой. Купеческая дочь Агаѳья Тихоновна у Гоголя поступила впрочемъ еще рѣшительнѣе съ надоѣдливыми людьми: «пошли вонъ» и дѣло съ концемъ... Къ сожалѣнію, въ манифестѣ г-жи Гриневичевой не хватаетъ существенной части—не опредѣлено, какая кара ждетъ того дерзкаго смѣльчака, который не удовлетворится поставленными ему границами и непрошенный попытается проникнуть въ заповѣдную область содержанія. И это крупный, по нашему мнѣнію, недостатокъ произведенія г-жи Гриневичевой: ужъ если издавать манифесты, такъ издавать по формѣ, съ изложеніемъ всѣхъ послѣдствій. изъ нихъ вытекающихъ—въ такомъ, примѣрно, видѣ: всякій, дерзко осмѣлившій проникнуть въ тайны содержанія, подлежитъ... ну хотя бы принудительному прочтенію такихъ-то и такихъ символистическихъ произведеній. Это было бы по крайней мѣрѣ послѣдовательно и навѣрное на многихъ подѣйствовало бы устрашающимъ образомъ... Не знаемъ, много ли «достойныкивъ» символизма подпишется подъ категорическимъ запрещеніемъ проникать въ смыслъ ихъ произведеній, но что такіе найдутся—это не подлежитъ сомнѣнію: во-первыхъ, для иныхъ авторовъ это очень удобное запрещеніе и трудно имъ будетъ избѣжать соблазна укрыться за

нимъ, а во-вторыхъ... во-вторыхъ, свое согласіе кой-кто запечатлѣлъ уже нѣкоторымъ образомъ документально.

Почти одновременно съ манифестомъ г-жи Гриневичевой появился въ Одессѣ «Збирныкъ творивъ сьогочасныхъ авторивъ», не совсѣмъ удачно пародирующій своимъ заглавіемъ—«Зъ-надъ хмаръ и зъ долынъ»—извѣстный сборникъ стихотвореній г. Франка. Редакторъ «надхмарнаго» сборника, г. Вороный, въ качествѣ поэтическаго предисловія къ книгѣ, помѣстилъ свое литературное исповѣданіе вѣры или, лучше сказать, программу литературнаго творчества, въ формѣ стихотворнаго посланія къ г. Франку. Въ старое время, когда стихотворная форма была въ особенной модѣ, такихъ риѳмованныхъ трактатовъ появлялось громадное количество и трактовали они о самыхъ разнообразныхъ предметахъ, хотя бы даже о пользѣ стекла и тому подобныхъ къ поэзіи никакого отношенія не имѣющихъ вещахъ. Понятно, къ такого рода произведеніямъ, за исключеніемъ принадлежащихъ выдающимся талантамъ, нельзя предъявлять серьезныхъ требованій: это и не поэзія, и не публицистика и, соединяя въ себѣ недостатки обѣихъ, они не пользуются преимуществами ни одной изъ нихъ. Непосредственному чувству поэта здѣсь связываетъ крылья чисто разсудочное отношеніе къ предмету, а публицистъ безъ нужды стѣсненъ стихотворной формой, препятствующей мѣстами высказаться съ достаточной ясностью и опредѣленностью. Въ извѣстномъ смыслѣ всѣ такія произведенія сбиваются на свой, можно сказать, прототипъ—популярное «Посланіе о пользѣ стекла»: «Неправо о вещахъ тѣ думаютъ, Шуваловъ, которые стекло чтутъ ниже минераловъ».—въ такомъ приблизительно родѣ начинаетъ каждый авторъ, а затѣмъ уже излагаетъ рядъ соображеній и доказательствъ, обличающихъ неправоту того, съ кѣмъ авторъ по данному вопросу не согласенъ. По такому же шаблону построена и программа г. Вороного, но обладая всѣми недостатками, свойственными всевозможнымъ риѳмованнымъ «разсужденіямъ», произведеніе это очень характерно, а потому и интересно, въ томъ смыслѣ, что оно проливаетъ нѣкоторый свѣтъ на темноту интересующей насъ сейчасъ части современной нашей литературы. Та же нота—«руки прочь».

которую мы отмѣтили уже выше, въ манифестѣ г-жи Гриневичевой, звучитъ и здѣсь, въ обличающемъ неправоту г. Франка «посланіи».

До мене, якъ горожанына,
Ставляй вымогы—я людына;
А якъ поетъ: безъ перепоны
Я стежу творчосты законы,—
Зъ ныхъ повстають мои идеи,
Найкращый скарбъ души моеи!
Творю ихъ я не для шанобы,
Не рушъ, колы не до вподобы («Зъ-надъ хмаръ и зъ долынъ» 6),—

такъ довольно строго прикрикиваетъ на несогласно мыслящаго читателя г. Вороный. Пожалуй, мы бы согласились «не рушать» г. Вороного, если бы онъ самъ не далъ намъ на это права. Во-первыхъ, изъ литературнаго прошлаго г. Вороного мы припоминаемъ факты, когда онъ спускался съ своихъ заоблачныхъ котурнъ и наблюденія надъ «законамы творчосты» простиралъ даже на такія мѣста, которыя потомъ, при печатаніи плодовъ его вдохновенія, пришлось затушовывать стыдливымъ фиговымъ листочкомъ (см. стихотвореніе «Молодий патріот», въ «Л.-Н. Вістнику», 1903, кн. IX); во-вторыхъ, всего лишь нѣсколькими строками ниже приведеннаго нами окрика по адресу дерзкаго читателя, авторъ обмолвился вдругъ такимъ драгоцѣннымъ девизомъ: «йты за викомъ и *буты цилымъ чоловикомъ*». Но позвольте же,—разъ это такъ, разъ, по собственному признанію г. Вороного, ничто человѣческое ему не чуждо, и при томъ, какъ намъ уже извѣстно, до такой степени не чуждо, что на добытые путемъ его эстетическихъ пріемовъ «законы творчосты» приходится даже пластырь налѣплять, то какой же смыслъ имѣютъ всѣ эти: «не рушъ, колы не до вподобы» и т. п.? Очевидно—никакого: очевидно—это или поэтическая вольность, или плодъ недостаточной продуманности, или же, наконецъ, по просту описка. При всемъ нашемъ почтительномъ страхѣ предъ всевозможными «не рушъ», мы, очевидно, имѣемъ право и къ г. Вороному, какъ писателю,

и къ его сборнику приложить ту мѣрку, которая обычно прилагается къ дѣламъ рукъ человѣческихъ.

Странное въ общемъ впечатлѣніе производитъ поэтическое «посланіе» г. Вороного — впечатлѣніе какой-то двойственности и спутанности. Какъ будто авторъ самъ инстинктивно чувствуетъ неловкость занятой имъ позиціи и, отстаивая ее болѣе для вида, по сознанію принятаго на себя долга, находитъ въ то же время возможнымъ во всемъ почти соглашаться съ оппонентомъ. Выходитъ къ обоюдному удовольствію—«и туды вѣрно, и сюды вѣрно», при чемъ не отвѣчая вполнѣ на нѣкоторыя возраженія г. Франка, г. Вороный прибѣгаетъ въ качествѣ ultimum refugium къ такому шаткому и пристрастному судьѣ, какъ чувство—

Чы все жъ те розумомъ збагнуты,
Що дасться серцеви видчуты? («Зъ-надъ хмаръ»... 6).

Эти апелляціи въ послѣдней инстанціи къ чувству—постоянный пріемъ у нашихъ защитниковъ новой красоты. Когда предъявляются къ нимъ претензіи на счетъ неудобопонятности ихъ произведеній они, иногда бія себя даже для пущей доказательности при этомъ въ грудь, какъ буквально дѣлаетъ г. Коцовскій (см. Л.-Н. Вістник, 1903, кн. II, 121), защищаются обыкновенно тѣмъ, что этого-де «розумомъ збагнуты» не возможно, а слѣдуетъ восчувствовать. Болѣе рѣшительные изъ нихъ переходятъ при этомъ удобномъ случаѣ въ наступленіе: «темному и найточнійшый коментарій до барвъ не поможе», деликатно выражается напр. г-жа Гриневичева (ib., VI, 213), и хорошо еще, что этимъ намекомъ только и ограничилась, а не послѣдовала примѣру купеческой дочери Агаѳьи Тихоновны... Намъ кажется однако, что переносить вопросъ *исключительно* въ сферу чувства—значитъ заранѣе и совершенно отказываться отъ его разрѣшенія, такъ какъ область чувствъ дѣйствительно таитъ въ себѣ много еще неизвѣданнаго и необъяснимаго и въ этомъ смыслѣ представляетъ весьма удобное убѣжище для всякой темноты. «Я такъ чувствую, мнѣ такъ нравится»—въ самомъ дѣлѣ противъ этого трудно спорить. Къ счастью, нѣтъ особенной нужды для такого перенесенія даннаго вопроса исклю-

чительно въ сферу чувства,—перенесенія, представляющаго въ сущности лишь удобную стратегическую диверсію для лицъ, выставляющихъ критеріемъ въ творчествѣ одно свое субъективное чувство. Область духовнаго, значитъ и художественнаго, творчества является продуктомъ не только чувства, но и разума, а потому и послѣдній наравнѣ съ чувствомъ имѣетъ право на участіе въ оцѣнкѣ художественныхъ произведеній, и не только со стороны ихъ внѣшняго выраженія, ихъ формы. Такимъ образомъ, производя оцѣнку плодовъ художественнаго творчества, мы обязаны руководствоваться указаніями и нашего разума и подчиняться тѣмъ строго научнымъ методамъ мышленія, которые выработаны въ этой области, а это, согласитесь, критерій много надежнѣе, чѣмъ неопредѣленное «я такъ чувствую». Нельзя, разумѣется, исключать и чувства изъ указанной оцѣнки, но прятаться за него въ затруднительныхъ случаяхъ также не слѣдуетъ. А между тѣмъ за него именно прячутся, кому охота, а послѣдняя существуетъ не у одного только г. Вороного. Въ цитированномъ уже манифестѣ г-жи Гриневичевой имѣется прелюбопытное на этотъ счетъ мѣсто, узаконяющее безграничную субъективность оцѣнки, основанной исключительно на чувствѣ. Приведя справедливую съ извѣстными ограниченіями мысль Шарля Мориса о томъ, что въ дѣйствительности нѣтъ единой читающей публики, а существуетъ множество читательскихъ круговъ, изъ которыхъ каждый имѣетъ свою литературу, г-жа Гриневичева продолжаетъ: «Я докынула бы, що *є стилько публикъ, скилько чытачивъ*. Якъ двохъ каминьчыкивъ однаковыхъ на дорози не подыблешъ, лышъ подибни де въ чимъ, такъ каждый людськый интеллектъ має окрему культуру, що рижныться бодай въ нюансахъ» (Л.-Н. Вістник, 1903, VI, 213). Совершено вѣрно: двухъ абсолютно одинаковыхъ камней, какъ и двухъ абсолютно похожихъ одно на другое лицъ человѣческихъ, не встрѣтишь; не найдешь также и абсолютнаго сходства въ духовныхъ особенностяхъ людей—въ ихъ взглядахъ, стремленіяхъ, вкусахъ и т. п.: нюансы, разумѣется, и тутъ всегда будутъ даже между единомышленниками. Но слѣдуетъ ли въ поискахъ сходства заходить такъ далеко и не много ли

г-жа Гриневичева насчитала читающихъ «публикъ»? Вѣдь если разница въ нюансахъ такъ существенна, то какимъ же образомъ сама г-жа Гриневичева находитъ возможнымъ, всего лишь нѣсколькими строками ниже, говорить о символизмѣ, какъ о *направленіи*, объединяющемъ извѣстный кругъ писателей и читателей? Какое вообще имѣемъ мы право чуть не ежеминутно говорить о *теченіяхъ* въ литературѣ, *направленіяхъ* въ наукѣ, *партіяхъ* въ политикѣ, о какихъ-то *классовыхъ* интерессахъ, о *солидарности*, о *системахъ*, *классификаціи* и т. п., если существуетъ лишь безчисленное множество индивидуумовъ, изъ которыхъ каждый имѣетъ свою «окрему культуру», обладаетъ рѣзко отличающейся духовною организаціей? И однако обо всемъ этомъ мы на каждомъ шагу говоримъ, соединяемся въ партіи, чувствуемъ солидарность, приводимъ разрозненные факты въ системы, классифицируемъ и даже ни малѣйше тѣмъ не угрызаемся, что такими словами и поступками должны безгранично огорчать г-жу Гриневичеву и ей подобныхъ крайнихъ индивидуалистовъ. Дѣло въ томъ, что между индивидуумами, объединенными общностью взглядовъ, вкусовъ и стремленій, разница въ нюансахъ, конечно, существуетъ, но она на столько не существенна сравнительно съ крупнымъ сходствомъ, что мы въ правѣ ее совершенно игнорировать, обобщая отдѣльные факты въ группы, что́, разумѣется, прекрасно умѣетъ дѣлать въ случаѣ надобности и г-жа Гриневичева. Центръ тяжести лежитъ, очевидно, не въ мельчайшихъ нюансахъ, а въ крупномъ сходствѣ, являющемся основаніемъ для обобщеній и солидарной дѣятельности въ какомъ бы то ни было отношеніи. Выводъ отсюда ясный: если дѣйствительность противорѣчитъ положеніямъ г-жи Гриневичевой, то въ нихъ, этихъ положеніяхъ, не все обстоитъ благополучно: нюансы и различія на самомъ дѣлѣ не всегда мѣшаютъ объединенію въ болѣе существенныхъ вопросахъ, и г-жа Гриневичева насчитала читающихъ «публикъ» слишкомъ много,—такъ много, что рискуетъ, пожалуй, остаться единственной читательницей своихъ произведеній. Вѣдь если принять предлагаемый методъ оцѣнки художественныхъ произведеній исключительно помощью чувства и основанный на послѣднемъ способъ

численія читающихъ «пу́бликъ», то вмѣстѣ съ тѣмъ пришлось бы признать, что́ въ сущности и дѣлаютъ г-жа Гриневичева съ г. Воронымъ, что произведеніе тѣмъ совершеннѣе, чѣмъ меньшему кругу читателей оно доступно, чѣмъ менѣе оно понятно, и что у идеально-совершеннаго произведенія можетъ быть только одинъ читатель—самъ авторъ. А разъ ставъ на эту точку зрѣнія, мы должны быть послѣдовательными и, поставивъ прорицанія Пиоіи во главѣ міровой литературы, на этомъ успокоиться совершенно и отложить всяческія попеченія объ искусствѣ: оно съ этого момента сдѣлается абсурдомъ. Но великія произведенія искусства тѣмъ именно и велики, что трогаютъ сердца не только гордыхъ жрецовъ искусства, но и обыкновенныхъ смертныхъ, соединяя съ красотою формы, съ глубиною и общечеловѣчностью содержанія кристальную ясность и вытекающую отсюда доступность для самыхъ широкихъ круговъ читателей. Ясность же произведенія является въ первой линіи результатомъ ясности представленій своего творца и потому головоломные набѣги въ область неизвѣданнаго и сверхчувственнаго, желанія, въ родѣ—

Жыття брудне, жыття никчемне
Забуты и пизнать надземне,
Все недосяжне охопыты,
Незрозумиле зрозумиты («Зъ-надъ хмаръ»... 5)—

съ большимъ удобствомъ и основаніемъ можно бы предоставить тѣмъ господамъ, о которыхъ весьма настойчиво и энергично выражался въ свое время Кузьма Прутковъ: «плюнь тому въ глаза, кто скажетъ, что можно обнять необъятное»...

При указанной спутанности и неясности литературнаго credo редактора сборника, вполнѣ естественнымъ является, что и дѣтище его страдаетъ тѣми же недостатками,—вѣдь только въ библейскія времена могли происходить такія чудесныя превращенія, что изъ ядущаго вышло ядомое, а изъ сильнаго вышло сладкое. Библейскія времена, увы, давно миновали, и потому подъ одной и той же сиреневаго цвѣта обложкой сборника мирно уживаются произведенія, принадлежащія къ разнымъ литературнымъ

направленіямъ и даже ни къ какимъ направленіямъ не принадлежащія, въ смыслѣ направленій, такъ сказать, беззаботныя. Въ результатѣ такого разношерстнаго сообщества получается картина довольно любопытная. Въ то время, какъ редакторъ сборника провозглашаетъ извѣстный уже намъ принципъ полной неприкосновенности своихъ произведеній, соперничаетъ съ героями Кузьмы Пруткова въ стремленіи обнять необъятное и открываетъ законъ самодовленія, если такъ можно выразиться, моря (ты, говоритъ онъ, «само соби высшый законъ», 17)—его сотрудники тянутъ ктó во что гораздъ. Г-жа Кобылянская приглашаетъ васъ ни болѣе, ни менѣе, какъ въ пустыню, патетически восклицая: «пустыни дайте мени» (стр. 23), г. Щуратъ рвется въ облака («мени дорога пидъ блакыть... Я братъ орливъ»... стр. 30), а г. Вороный тянетъ въ воду («и ось,—говоритъ онъ въ обращеніи къ морю,—я зъ тобою душею злываюсь»—17), хотя не прочь составить компанію и г. Щурату («я до сонця тежъ литаю»—16); въ это же время г. Хоткевичъ распѣваетъ пѣсни любви, не совсѣмъ впрочемъ торжествующей, г. Лыпа составляетъ таинственные ребусы, а г. Карманскій рекомендуетъ себя въ такихъ нескромныхъ выраженіяхъ:

Я—велытъ мукы! Я могучый
Незмирнымъ болемъ! Крыкъ болючый
Моихъ грудей зруйнуе пекло
И скрызь лунатыме безъ краю!..
Я всихъ ненавыжу запекло!
Усе, усе я зневажаю—
Гордую всимъ, всима нехтую (стр. 102).

Поневолѣ вспомнится незабвенное:

Глаголъ временъ! металла звонъ!
Твой страшный гласъ меня смущаетъ;
Зоветъ меня, зоветъ твой стонъ,
Зоветъ и къ гробу приближаетъ и т. д.

Но несмотря на все разнообразіе стремленій, взглядовъ, желаній, темпераментовъ и талантовъ у писателей, принявшихъ участіе въ сборникѣ г. Вороного, большинство ихъ имѣетъ нѣчто

общее, объединяется одной чертой и потому сборникъ можно трактовать именно, какъ «глаголъ временъ», отражающій на себѣ до извѣстной степени общее состояніе нашей литературы. Всѣ дороги ведутъ въ Римъ: и черезъ пустыню г-жи Кобылянской, и орлиною тропою г. Щурата, и воднымъ путемъ г. Вороного и распѣвая arі'ю passionat'у вмѣстѣ съ г. Хоткевичемъ, и слушая страшныя загадки г. Лыпы и не менѣе ужасныя признанія г. Карманскаго, и просвѣщаясь «психограммами» г-жи Кобрынской—читатель приходитъ къ одному выводу. Существуетъ что-то неладное среди извѣстной части нашей литературы: какая-то растерянность, неясность стремленій и цѣлей и въ зависимости отъ этого—темнота содержанія, неудовлетворительность формы, неумѣніе справиться съ задачами настоящаго момента, сказывающееся и въ этихъ торопливыхъ, судорожныхъ поискахъ чего-то новаго, и въ этомъ безусловно отрицательномъ отношеніи ко всему старому только потому, что оно старое. Даже болѣе сильные духомъ писатели этой категоріи, одаренные несомнѣнной искрой Божьей—и тѣ въ поискахъ новыхъ путей идутъ ощупью и попадаютъ на кружныя дороги. Что же касается ихъ послѣдователей, то эти слѣпо слѣдуютъ за проводниками, уже никакихъ путей не разбирая, ломятся зачастую въ открытыя двери, толпятся по едва-едва намѣченнымъ тропинкамъ и, забѣгая еще далѣе въ стороны, утрируютъ и безъ того рискованныя манеры и сводятъ къ абсурду дѣятельность своихъ предводителей. Очень характернымъ въ этомъ смыслѣ является признаніе редактора сборника, г. Вороного:

И я одынъ, безъ тямы, мымохить,
Немовъ затерплый весь, иду байдужно...
Кудьі? по що? Хиба не все одно
Тому, хто зъ рукъ згубывъ стерно? («Зъ-надъ хмаръ»... 96)—

И это трагическое признаніе, иными словами и въ различныхъ варьяціяхъ, мы слышимъ не отъ одного только г. Вороного. Руль, въ смыслѣ цѣльнаго, опредѣленнаго міросозерцанія,

выпалъ изъ рукъ; направленіе—цѣль дѣятельности—отсутствуетъ, неизвѣстно, да безъ руля какое же и можетъ быть направленіе?— и вотъ растерянныя толпы бредутъ, сами не зная, куда и зачѣмъ, и оглашая воздухъ жалобными воплями. Именно, какъ матеріалъ для характеристики нашего литературнаго разброда и растерянности, блужданій и неумѣнія выйти на настоящую дорогу, какъ свидѣтельство нашихъ немощей, сборникъ г. Вороного и представляетъ интересъ, безотносительно даже къ литературнымъ достоинствамъ и недостаткамъ каждаго произведенія въ отдѣльности. Есть здѣсь, конечно, и произведенія, представляющія иной литературный обликъ (нѣкоторыя стихотворенія г. г. Франка, Л. Украинки, Гринченка, Чернявскаго, Грабовскаго и въ особенности «На камени» г. Коцюбинскаго—лучшая вообще вещь въ сборникѣ), но ихъ мы намѣренно оставимъ внѣ поля своего разсмотрѣнія, такъ какъ они въ сборникѣ составляютъ исключеніе и въ общемъ даже самымъ своимъ присутствіемъ противорѣчатъ основному тону, звучащему въ цѣломъ сборникѣ. Мы остановимся лишь на нѣкоторыхъ произведеніяхъ,—на тѣхъ именно, въ которыхъ наиболѣе рѣзко звучитъ отмѣченная выше нота растерянности, неумѣнія разобраться въ смыслѣ произведенія или даже изложить его болѣе или менѣе сносно съ чисто внѣшней стороны, при чемъ не думаемъ ограничиваться однимъ сборникомъ г. Вороного, хотя съ него и начнемъ «свою прогулку по садамъ нашей словесности», какъ любили выражаться галантные обозрѣватели въ старину. Такая «прогулка» лучше всякихъ теоретическихъ разсужденій познакомитъ насъ съ тѣми злаками, какіе произрастаютъ нынѣ въ этихъ садахъ.

II.

Сборникъ открывается «нарысомъ» г. Мандычевскаго — «Колы сонце сходыть», представляющимъ собою символическое изображеніе борьбы свѣта и тьмы подъ видомъ борьбы великановъ съ восходящимъ солнцемъ. Мысль понятна и хотя символъ, употребленный г. Мандычевскимъ, насчитываетъ уже порядочную давность своему суще-

ствованію, по почему имъ и не воспользоваться, разъ онъ прекрасно иллюстрируетъ положеніе автора? Не въ этомъ бѣда, а въ томъ, что г. Мандычевскому не удалось, къ сожалѣнію, избѣжать нѣкоторыхъ излишествъ, испортившихъ его «нарысъ». Символъ, чтобы производить впечатлѣніе, или не нарушать, по крайней мѣрѣ, того настроенія, на которое разсчитываетъ авторъ, долженъ быть строго выдержанъ и проведенъ безъ насилія надъ живой правдой дѣйствительности: онъ не долженъ противорѣчить естественной обстановкѣ событія, онъ не долженъ притягиваться къ послѣднему за волосы, насильно. Въ самомъ дѣлѣ—что́ лежитъ въ основѣ употребленія символовъ? Въ общей формѣ отвѣтить на этотъ вопросъ можно такъ: при символизаціи болѣе или менѣе типическія черты и признаки одного предмета или явленія переносятся на другіе; въ основѣ этого процесса лежитъ, значитъ, ассоціація представленій, опирающаяся на болѣе или менѣе близкомъ, болѣе или менѣе отдаленномъ сходствѣ данныхъ предметовъ или явленій—символизирующаго и символизируемаго. Прибѣгающій къ извѣстному символу долженъ продѣлать ту умственную работу, которая въ логикѣ называется сравненіемъ и отвлеченіемъ, т. е., сопоставивъ два данныя явленія, выдѣлить ихъ отличительные признаки и послѣдніе съ одного перенести на другое. Художественное творчество, по скольку оно является умственнымъ процессомъ, подлежитъ тѣмъ же законамъ, которымъ подчинено и обыкновенное мышленіе. А такъ какъ символисты, въ качествѣ особей, принадлежащихъ къ виду homo sapiens, не свободны отъ законовъ общечеловѣческой логики, то и они должны, употребляя свои символы, выполнить ту же умственную работу, какую въ подобныхъ случаяхъ выполняютъ и обыкновенные смертные. Слѣдовательно, брать случайные признаки, выдумывать несуществующее сходство, насильно создавать его и притягивать символъ, что называется, за волосы—значитъ обнаруживать беззаботность по части одного изъ основныхъ требованій логики. Такъ поступилъ бы, напр., тотъ, кто доказывалъ бы существованіе «зеленого пса», въ противность извѣстному анекдоту Руданскаго, что́ представляетъ явную несообразность. Встрѣчая такой похожій на «зеленого пса» сим-

волъ, мы не можемъ перейти вмѣстѣ съ авторомъ тѣ стадіи умственной работы, которыя прошелъ онъ; отъ насъ скрыты пути, которыми авторъ достигъ данныхъ результатовъ, и потому послѣдніе для насъ непонятны, производятъ впечатлѣніе искусственности, дѣланности, неискренности, звучатъ фальшивымъ тономъ. А можемъ ли мы восчувствовать неискренній символъ или наслаждаться какофоніей фальшиво звучащихъ тоновъ—на это даже г-жа Гриневичева даетъ отрицательный отвѣтъ, разрѣшая читателю на этомъ пунктѣ «смѣть свое сужденіе имѣть». Между тѣмъ у г. Мандычевскаго о восходѣ солнца читаемъ: «що ось выскочыла вогняна куля, то й заразъ *ховалась назадъ*(!?). И за кожнымъ разомъ, колы *сьлкувалась* (?) *лышытысь вгори*, прыбиралась въ инши кольоры (?). Неначе зъ напруження минылась» (стр. 9) и т. д. Этого достаточно, чтобы разсѣять настроеніе, такъ какъ очевидно, что авторъ описываетъ нѣчто въ родѣ «зеленого пса». Фальшивая обстановка, созданная г. Мандычевскимъ, сразу же портитъ впечатлѣніе, навѣянное, было, предыдущими строками, тѣмъ болѣе, что обстановка эта введена совершенно безъ нужды, насильно и вовсе не требуется ходомъ «парыса».

Дальше слѣдуютъ «Мои лиліи» г-жи Кобылянской, возросшія, по всей вѣроятности, въ той самой пустынѣ, призывомъ къ которой начинаетъ свои поэзіи авторъ. Здѣсь (не въ пустынѣ, а въ поэзіяхъ) мы найдемъ все то, что обыкновенно встрѣчаемъ въ подобныхъ произведеніяхъ г-жи Кобылянской: туманное содержаніе, неожиданные прыжки отъ однихъ предметовъ къ другимъ, ничѣмъ съ первыми не связаннымъ, неясные символы и образы—словомъ все вплоть даже до обязательнаго пинка по адресу «брутальнои, буденнои, цикавои юрбы». Для примѣра приведемъ одну изъ «лилій» г-жи Кобылянской.

Слухайте.

Зачынить двери, збыйтесь въ гуртокъ, зиприть въ соби виддыхъ и слухайте.

Серна бижыть лисомъ [1])

---

[1]) Курсивъ здѣсь, какъ и ниже, принадлежитъ г-жѣ Кобылянской.

Зеленымъ, веселымъ, буйнымъ, роскишнымъ лисомъ и шукае чогось.

Бижыть. Квиткы пидъ ногамы ломыть, угынае. Шелестыть лыстя деревъ, шепче щось. Колышеться ледвы помитно поважне галуззя старои лиснои деревыны.

Ажъ ось вона стала.

Чы вже добигла? Не знае.

Думае, що добигла. Въ рижни бокы нею кыдало. Высокымы, свавильнымы скокамы гнала впередъ, а теперъ зупынылася.

Іи очи видкрылыся шыроко.

Жде такъ неповорушно, ажъ тремтыть.

Що се? Набій пишовъ лисомъ.

Нечутно почынае щось ломытыся, щось валытыся, и все на неи, все на неи. Іи шыроко видкрыти очи побачылы видразу—чого не бачылы доси.. а іи вуха почулы—чого не чулы доси. Тыхый лисъ заповнывся такымъ—чого не зналы доси, а зъ неи самои побигла кровъ.

Тому (?) мусила зеленымъ лисомъ гнаты.

Слухайте (стр. 24—25).

Опять таки содержаніе въ общемъ понятно: умираетъ серна, пораженная внезапнымъ выстрѣломъ. Но зачѣмъ разсказъ объ этомъ событіи окружается таинственной обстановкой, непонятными предосторожностями («зачынить двери, збійтесь въ гуртокъ, зиприть въ соби виддыхъ»...), какъ будто дѣло идетъ Богъ вѣсть о чемъ? Зачѣмъ эти комментаріи посредствомъ неизвѣстно почему употребленныхъ курсивовъ, нуждающіеся очевидно въ свою очередь въ новыхъ комментаріяхъ? Зачѣмъ, наконецъ, эти странные, капризные прыжки въ изложеніи? Вѣдь если послѣднее должно символизировать собою «свавильни скокы» бѣгущей серны, то отсюда уже совсѣмъ недалеко до того, чтобы весьма серьезно слѣдовать шутливому рецепту Гейне, предлагавшаго одному поэту образно изображать болота и кочковатыя, ухабистыя дороги водянистыми и шереховатыми стихами. Г-жа Кобылянская какъ будто нарочно старается затемнить, затушевать смыслъ своихъ «лилій» указанными странными пріемами, благодаря чему и получается впечатлѣніе фальшиво звучащаго тона.

«Aria passionata» г. Хоткевича. Содержаніе этого произведенія вкратцѣ можно резюмировать—*луна* и *она*; *балконъ* же и *онъ* хотя физически и отсутствуютъ, по духовно, символически, если хотите, отсутствіе ихъ, какъ увидитъ читатель ниже, съ избыткомъ восполнено. Въ одну ихъ тѣхъ почей, когда «впалы стрильчастіи тини на воду, мисяць розлывъ свій напытокъ и ядъ [1]), дыхання почи пронеслося и затремтилы у йому бажання» (стр. 64)—случилось нижеслѣдующее. *Ей*, прежде всего, не спалось; вѣроятно, мѣсяцъ, въ которомъ, по выраженію Байрона, сидитъ діаволъ на нашу пагубу, отравилъ ее своимъ ядовитымъ напиткомъ. Какъ бы то ни было, но покоряясь какимъ-то смутнымъ желаніямъ, *она* выскакиваетъ чрезъ окно въ садъ, босая и въ весьма откровенномъ костюмѣ. О томъ, какъ, пользуясь послѣднимъ обстоятельствомъ, старый грѣховодникъ-мѣсяцъ «заздро стежывъ за нею и ловывъ коженъ моментъ, щобъ обняты іи проминнямъ», какъ «похаплыво» онъ сіялъ, а какъ наконецъ «безличъ развивъ и безличчю проминнивъ цилувавъ усе тило, кожный пальчыкъ на нижци»—мы пропускаемъ, хотя г. Хоткевичъ съ особенною обстоятельностью останавливается на этомъ нѣсколько нескромномъ ухаживаніи и тщательно выписываетъ всѣ его подробности. Но вотъ *она* у рѣки, садится въ лодку и отправляется на прогулку. Въ дѣйствительности, думаемъ, кромѣ насморка или, пожалуй, легкой простуды, ничего бы изъ такой затѣи не вышло, но у г. Хоткевича дѣло принимаетъ оборотъ трагическій. Сначала *она* поетъ нѣчто долженствующее изображать страстный гимнъ фантастической ночи, обильно уснащенный «астрологичными гіероглифамы», огнемъ, который «запалює навить (!) арктычни льоды», «тремтячымы рукамы», раскрывающимися «пышно, палаючо лонямы» (стр. 67) и тому подобными обычными у г. Хоткевича аксессуарами. Дальше—больше. Столь пылкая особа, какъ героиня г. Хоткевича, не можетъ, разумѣется, не мечтать о *немъ*, а разъ начавши,

[1]) Въ опечаткахъ, впрочемъ, сказано, что вмѣсто разлитыхъ мѣсяцемъ «напытка и яда» слѣдуетъ читать: «отрутный напій». Отмѣчая это въ видахъ безпристрастія, мы лично думаемъ, что это въ сущности дѣла не мѣняетъ.

не можетъ не домечтаться до самозабвенія, до полной потери представленій о пространствѣ и времени. Сначала *онъ* представляется *ей* въ образѣ прекраснаго царевича, рыцаря, закованнаго въ желѣзо, и честнаго «до фанатызму» защитника красоты. и *ей* уже «видкилясь зъ нижокъ, зъ самыхъ пальчыкивъ на нижкахъ поповзло щось гаряче-гаряче и залыло жаромъ усе тило» (стр. 68); *она* готова вознестись съ *нимъ* «наверхъ буття... туды... въ вично-прекрасніи сферы, въ гармонію» (стр. 70). Однако, несмотря на *ея* страстные призывы, несмотря даже на то, что *она* «поклыкъ жагы кыдала въ просторонь, въ далеке зирчастее небо... нихто, окримъ комышу, не видгукнувся на поклыкъ жаглывый той... И нихто, окримъ мисяця, не цилувавъ іи гордо пиднятыхъ грудей и палаючыхъ лыцъ» (стр. 70),—*онъ*, увы! не явился... Но пылкая особа до того уже домечталась, что ей и удержу нѣтъ, «и зъ роспачемъ крыкнувшы ажъ до хмаръ: «хтобъ не бувъ ты! хто бъ не бувъ ты!» впала вона, рыдаючы, на дно човна»... (стр. 71).

«Разумный человѣкъ, коль баснь сію прочтетъ, то вѣрно и мораль изъ оной извлечетъ», какъ говаривалъ Кузьма Прутковъ; мы же не хотимъ брать на себя отвѣтственности, извлекая мораль изъ произведенія г. Хоткевича. Тѣмъ болѣе, что по отношенію къ данному автору это и не вполнѣ безопасно: можетъ, пожалуй, опять возникнуть исторія, въ результатѣ которой г. Хоткевичу придется снова умывать руки, приведши ихъ предварительно въ не совсѣмъ приличный видъ нѣкоторыми выходками по адресу противника (см. характерный «Лист д. Хоткевича» и объясненіе по поводу этого письма редакціи въ VI книжкѣ «Л.-Н. Вістника» за 1903 г.). Мы, впрочемъ, можемъ въ качествѣ ключа къ морали «Агі'и» предложить читателю другое произведеніе того-же автора, напечатанное въ томъ же сборникѣ. Это другое произведеніе называется «Жыттеви аналогіи» и представляетъ нѣкоторое, больше впрочемъ внѣшнее, сходство съ извѣстнымъ разсказомъ гр. Толстого «Три смерти». Первая часть «аналогій» разсказываетъ исторію лошади, вторая—человѣка; насъ интересуетъ именно эта вторая часть и изъ этой второй части одно собственно мѣсто.

Умираетъ одинъ изъ тѣхъ незамѣтныхъ тружениковъ, которые всѣ свои силы отдаютъ на служеніе ближнему, оставляя собственныя потребности далеко не удовлетворенными, и сходятъ въ могилу забытыми, одинокими, не пригрѣтыми лаской близкихъ людей, не испытавъ счастья въ обыденномъ значеніи этого слова. Присутствующее при смерти лицо, отъ имени котораго и ведется разсказъ, поражено несоотвѣтствіемъ жизни и смерти бѣднаго труженника, поражено самымъ фактомъ смерти, которая ему, наблюдателю, представляется какой-то непонятной несправедливостью, вопіющимъ противорѣчіемъ тому стремленію къ жизни и наслажденію жизнью, которое присуще всѣмъ живымъ существамъ. И вотъ это лицо, или же самъ авторъ—этого мы съ достовѣрностью узнать не можемъ,—слѣдуя обычному у г. Хоткевича пріему, разражается внезапно слѣдующей тирадой:

Такъ чому жъ не спробуваты знайты змыслъ у тому, щобъ такъ прыстроитысь въ сій стадіи перехидній, абы выдавыты зъ неи увесь сикъ змисту, радощивъ и веселого руху, щобы дистаты, а колы ни, то вырваты рукою все можлыве и доступне «щастя»? А, не кажить мени, що досягання чогось часового и никчемного—то недостойно людыны, не кажыть, що вырывання чогось зъ чужыхъ рукъ—то насыльство, не кажыть!.. Я хочу прынципомъ, догмою поставыты спокійный епикуреизмъ—«après nous—le déluge» и взагали *вси прыемни потребы свого, нехай брудного и похотлывого, але «свого» тила.* Я хочу зъ веселымъ и нахабнымъ смихомъ пройты повзъ кимнату працьовныка и кынуты йому каминь у викно! Я хочу копнуты ногою скорботну истоту, що впала зъ благаннямъ мени до колинъ, заважаючы слухать дзвону крышталевыхъ келыхивъ и шыпиння искрыстого трунку! Я хочу вырваты зъ рукъ жебрака той шматокъ хлиба, що впавъ зъ мого столу, погнутого пидъ вагою йижи та пытва. Я хочу жартовлыво хытаты моральни, буржуазійни «основы» и заклыкать чужу жинку до прогрессывныхъ гадокъ про вильне кохання!..

И ты, и ты, бидный, глупый робитныче, що лежышъ теперъ въ пороси передо мною, чому ты не поставывъ соби иншыхъ завданъ? Твое жыття, що скинчуеться теперъ середъ сыхъ убогыхъ стинъ, далеко видъ усихъ радощивъ и утихъ, може, пишло бъ иншымъ шляхомъ и ты, забрудныввшы трохы духа,

бувъ бы носывъ чысту одижъ. Ты зазнавъ бы, може, иллюзій щастя, ты упывся бъ, може, роскишнымъ поцилункомъ жыття»... (стр. 166—167).

Не замѣчаетъ ли читатель, что въ приведенной тирадѣ слышится что-то странно знакомое, что изъ-за спины лица, произносящаго ее, выглядываетъ, таинственно маня къ себѣ, какая-то фигура въ откровенномъ костюмѣ, съ распущенными волосами? Да, это она, очаровательная героиня, распѣвавшая страстные гимны и пѣсни—не скажу—торжествующей любви въ первомъ произведеніи г. Хоткевича. Между ея экстравагантной выходкой и проповѣдью эпикуреизма въ «Жыттевыхъ аналогіяхъ» существуетъ близкое сходство и вполнѣ несомнѣнная связь. Ясно вѣдь, что главнымъ, если не единственнымъ, побужденіемъ для очаровательной героини призывать перваго встрѣчнаго «до прогресcывныхъ гадокъ про вильне кохання» служили тѣ же «прыемни потребы свого, нехай брудного и похотлывого, але свого тила», которыя и нашего доморощеннаго эпикурейца заставляютъ у постели умирающаго выражать цѣлый рядъ странныхъ желаній. Такимъ образомъ вторая половина «Жыттевыхъ аналогій» является цѣннымъ ключемъ къ уразумѣнію смысла перваго произведенія г. Хоткевича и даетъ теоретическія основы тому, что на практикѣ разрѣшаетъ «Aria passionata». Да, «прыемни потребы свого, нехай брудного и похотлывого, але свого тила»—это прекрасно сказано и мы можемъ лишь быть благодарными автору за то, что онъ такъ удачно извлекъ мораль изъ собственнаго произведенія, сдернувъ со своей героини и тѣ остатки одежды, которыми она еще была прикрыта. Съ героиней теперь дѣло обстоитъ совершенно ясно и намъ съ ней дѣлать больше нечего; обратимся еще къ эпикурейцу.

Остановившись на рѣчи послѣдняго, мы замѣчаемъ, что онъ свой эпикуреизмъ прикрываетъ въ нѣкоторомъ родѣ принципіальной броней: онъ, видите ли, не просто желаетъ весело и въ свое удовольствіе пожить, предаваясь утѣхамъ жизни, а выражаетъ протестъ противъ того порядка вещей, который создаетъ жизненныя противорѣчія; онъ мститъ этому порядку, прихватывая

за одно—для полноты, должно быть,—и тѣхъ, кто на собственной шкурѣ испытываетъ прелести возмущающаго нашего эпикурейца порядка («Я хочу копнуты... Я хочу вырваты...» и т. д.); онъ вырабатываетъ, наконецъ, цѣлую программу своего протеста и своей мести, направленную къ потрясенію «основъ» буржуазной морали. Прекрасно, разсмотримъ эту программу. Съ перваго же взгляда намъ бросится въ глаза странное обстоятельство: при всей весьма радикальной стремительности своего протеста, эпикуреецъ, созданный г. Хоткевичемъ, до того не оригиналенъ въ своемъ протестѣ, что, самъ того не замѣчая, своей программой рабски копируетъ пріемы того же буржуазнаго общества, основы котораго онъ собирается яко-бы потрясать. Возьмемъ, напр., пресловутую пропаганду «прогрессывныхъ гадокъ»—въ этомъ пунктѣ нашъ эпикуреецъ имѣетъ наибольшее, быть можетъ, число предшественниковъ именно въ буржуазной средѣ, представители которой, не задаваясь никакими протестантскими и разрушительными цѣлями, практикуютъ то же самое въ самыхъ широкихъ размѣрахъ. Нашъ эпикуреецъ желаетъ далѣе раздавать пинки мѣшающимъ ему наслаждаться и отнять у нищаго случайно попавшійся ему кусокъ хлѣба,—но вѣдь это же самое продѣлываютъ,—да еще какъ артистически продѣлываютъ!—тѣ весьма многочисленные представители хотя бы такъ называемой золотой молодежи, которыхъ, конечно, ужъ никто не заподозритъ ни въ покушеніи на буржуазную мораль, ни тѣмъ болѣе въ какомъ-нибудь касательствѣ къ идейнымъ труженикамъ, которымъ, тѣмъ не менѣе, авторъ программы собирается разносить окна... Это послѣднее заявленіе въ особенности любопытно, такъ какъ оно бросаетъ свѣтъ на истинную цѣну грознаго съ виду протеста. Нашъ эпикуреецъ протестуетъ, самъ не зная, противъ чего его протестъ направленъ, и потому доходитъ до совершенно необъяснимыхъ дѣйствій, достойныхъ развѣ допившагося до зеленаго змія московскаго купчика-самодура. Протестанту во имя протеста достаточно съ циничнымъ смѣхомъ бросить камнемъ въ окно честнаго труженика, не задавась даже вопросомъ—да надъ чѣмъ же онъ, этотъ труженикъ, наклонилъ свою согбенную спину? А если онъ ра-

ботаетъ—правда, другими средствами—надъ потрясеніемъ тѣхъ же буржуазныхъ основъ, которыя колебать собирается и нашъ грозный протестантъ—что тогда?.. До подобныхъ вопросовъ эпикурейцу г. Хоткевича нѣтъ дѣла, онъ отвѣтитъ на нихъ «веселымъ и нахабнымъ смихомъ» и, проводивъ своего «глупаго» друга въ могилу пинкомъ—ибо какъ же иначе назвать приведенное выше обращеніе къ умирающему?—и поразмысливъ о тщетѣ всего земного, спокойно скажетъ себѣ: «après nous—le déluge» и съ чистой совѣстью отправится осуществлять свою программу потрясенія буржуазныхъ основъ буржуазными же пріемами. Вотъ это то безразличное отношеніе протестанта къ объекту протеста еще больше подчеркиваетъ сходство послѣдняго съ истерическимъ воплемъ не въ мѣру размечтавшейся героини: «хто бъ не бувъ ты!» а мы уже знаемъ, какая этому воплю цѣна. Поэтому успокойтесь, читатель, если вы съ тревогой смотрѣли на страшнаго протестанта: «выдно пана по халявахъ», и потому никакого потрясенія, кромѣ развѣ потрясенія воздуха негодующими неизвѣстно на что рѣчами, смѣю васъ увѣрить, не произойдетъ, какъ не произошло ничего изъ страстныхъ призывовъ проституирующей героини перваго произведенія г. Хоткевича. Да и самыя негодующія рѣчи—это только façon de parler нашего автора, который даже предъ постелью умирающаго заставляетъ своихъ героевъ произносить полныя фальши, неискренности, разсчитанныя на позировку и красивое впечатлѣніе рѣчи. Искреннее чувство, на которое символисты такъ любятъ ссылаться, прежде всего не терпитъ шаблона, гладкой прилизанности; оно въ различныя формы словеснаго выраженія можетъ отлиться, но говорить такими напыщенными, сочиненными, прохладными фразами оно, мы увѣрены, не можетъ никогда.

Здѣсь возникаетъ самый интересный, быть можетъ, вопросъ изъ тѣхъ, которые возбуждаются занимающими насъ произведеніями г. Хоткевича, потому что какое намъ въ сущности дѣло до истеричныхъ воплей разнервничавшейся особы и курьезныхъ «хочу» доморощеннаго эпикурейца и протестанта, протестующаго ради самого протеста, изъ любви къ искусству, такъ сказать?

Мало ли чего не хочетъ въ забвеніи чувствъ истеричка и разгулявшійся самодуръ! Но истеричка ли? самодуръ ли? Въ качествѣ таковыхъ ли мыслитъ ихъ авторъ? Каково *его* отношеніе къ изображаемымъ имъ лицамъ? Неужели онъ не замѣчаетъ всей комичности и фальши ихъ великолѣпныхъ фигуръ, а если замѣчаетъ, то почему не прекратитъ томительнаго потока ихъ напыщеннаго краснорѣчія? На эти интересные вопросы мы не получимъ прямого отвѣта, хотя самое свойство данныхъ произведеній и пріемы автора заставляютъ полагать, что онъ относится ко взбаламошеннымъ поступкамъ и заявленіямъ своихъ героевъ совершенно серьезно и разсказываетъ такъ, какъ будто священнодѣйствіе совершаетъ. Онъ, такъ сказать,

Спокойно зритъ на правыхъ и виновныхъ,
Добру и злу внимая равнодушно,
Не вѣдая ни жалости, ни гнѣва...

Вотъ это то и хорошо,—скажетъ, быть можетъ, иной читатель,—эта объективность, это безпристрастіе. Нѣтъ, это совсѣмъ не хорошо—это ледяное безразличіе и равнодушіе автора, соперничающаго въ данномъ отношеніи со своими героями; это уже не объективность лѣтописца, а нѣчто иное, чему существуетъ другое менѣе безразличное названіе. Авторъ—не лѣтописецъ, а всего лишь писатель, находящійся въ зависимости у своего пера, владѣемый перомъ и позволяющій ему иногда увлекать себя въ такія сферы, гдѣ существуетъ большая опасность потерять равновѣсіе. Мы не знаемъ, куда еще заведетъ г. Хоткевича его капризное, могущественное перо, но знаемъ то, что весьма часто положеніе обязываетъ и wer A sagt, muss auch B sagen. А положеніе это таково, что послѣднія произведенія г. Хоткевича представляютъ несомнѣнный шагъ впередъ у нашего автора, уже и раньше, въ книгѣ «Поезія въ прози», отдавшаго дань восхваленію и опоэтизированію полового чувства и общественнаго индифферентизма. Откровенно заявляемъ, что на этомъ поприщѣ мы не желали бы г. Хоткевичу успѣха...

Да, положеніе обязываетъ—это примѣнимо также и къ г-жѣ Кобрынской, помѣстившей въ сборникѣ двѣ «психограмы»—

«Видцвитае» и «Рукы». Особеннаго вниманія заслуживаетъ послѣдняя. Повѣствуется здѣсь о томъ, какъ во время судебнаго процесса, гдѣ въ качествѣ обвиняемаго фигурировалъ одинъ изъ эпикурейцевъ, прилагавшихъ теоріи предыдущаго на практикѣ, нѣкоторую слушательницу поразилъ не видъ обвиняемаго, а его руки—«обвысли, зомлили (?), вздовжъ спущени рукы». И не это то собственно важно: ухитрился же одинъ наблюдатель разсмотрѣть всевозможныхъ мушекъ и таракашекъ величиной съ булавочную головку и не примѣтить при этомъ слона,—а важно то, что г-жа Кобрынская на протяженіи двухъ страницъ повторяетъ для неизвѣстной надобности восемь разъ съ небольшими варьяціями одну и ту же фразу о «зомлилыхъ рукахъ», отмѣчая ее для большаго эффекта курсивомъ. Благодаря подобному пріему, читатель попадаетъ въ томительное положеніе почтеннаго Ивана Федоровича Шпоньки, котораго вездѣ преслѣдуетъ жена съ гусинымъ лицомъ: въ комнатѣ, куда ни повернись—жена; спасается онъ въ садъ, снимаетъ шляпу—и въ шляпѣ сидитъ жена; полѣзъ въ карманъ за платкомъ—и въ карманѣ жена; вынулъ изъ уха хлопчатую бумагу—и тамъ сидитъ жена. Точно такъ же преслѣдуютъ читателя и эти уродливыя «руки» г-жи Кобрынской; его такъ же беретъ тоска, какъ и несчастнаго Ивана Федоровича, у него такъ же «душа заболыть черезъ сюю однаковисть вражинь», какъ выражается г. Лыпа, и едва ли съ особымъ удовольствіемъ читатель будетъ вспоминать о новомъ родѣ поэзіи, изобрѣтенномъ на этотъ разъ г-жей Кобрынской...

Малодушно признаемся—на насъ нападаетъ страхъ: намъ сейчасъ предстоитъ говорить о гвоздѣ всего сборника—о «Туркахъ» г. Лыпы. «Како воспою» эту «ритмычну фантазію», предъ которой блѣднѣетъ все, о чемъ мы до сихъ поръ говорили? Но дѣлать нечего—положенія груздя также обязываетъ полѣзать въ кузовъ и претерпѣвать тамъ всяческія неудобства, начиная съ тьмы кромѣшной... Изъ моря поднимается цѣлый сонмъ турковъ въ бѣлыхъ широкихъ, длинныхъ одеждахъ и, какъ туркамъ и полагается быть, въ бѣлыхъ чалмахъ; турки эти окружаютъ городъ, въ которомъ находится г. Лыпа, и принимаются размахивать

руками (и здѣсь, какъ видите, безъ рукъ не обошлось, какъ у Ивана Федоровича «и въ карманѣ жена»!). Машутъ они да машутъ, а авторъ нѣсколько разъ заявляетъ: «ничого не тямлю»; не понимаетъ ничего и читатель, но, и не понимая, начинаетъ безпокоиться за беззащитнаго автора, надъ которымъ коварные азіаты продѣлываютъ какую-то непонятную накость. Они оплели чѣмъ-то въ родѣ паутины всѣ вещи, находящіяся въ комнатѣ, приклеили ихъ къ своимъ мѣстамъ, и г. Лынѣ дорого обошлась попытка оторвать одну изъ вещей: «де не визьметься турокъ—махне рукавомъ своимъ билымъ и рухомъ тымъ вразъ мени свитъ весь затьмыть до нестямы» (стр. 107). И это опять таки повторяется нѣсколько разъ. Дальше—еще хуже: «погано та страшно стае зновъ мени и зубы уже цокотять, по-за шкурою сыпле морозомъ» (108) горько жалуется г. Лына, а у участливаго читателя мурашки пробѣгаютъ отъ страха и жалости къ автору, неповинно, повидимому, претерпѣвающему какую-то страшную операцію, въ родѣ трепанаціи черепа. Но мученіямъ автора, а съ нимъ и читателя, и на этомъ еще не конецъ: начинаетъ бушевать и волноваться море и каждый ударъ волны о берегъ отражается на несчастномъ авторѣ: съ каждымъ ударомъ,—говоритъ онъ,—«мене мовъ обухомъ хто въ голову бье, черкае холоднымъ ножемъ поверхъ мозку» (109). Можете, конечно, вообразить, что за адская боль, а тутъ еще вновь появляются турки и настаетъ какой-то хаосъ: турки неистово машутъ руками и ногами, волны подхватываютъ ихъ, бьютъ о берегъ, растираютъ враговъ креста Христова въ кровавый порошокъ, вѣтеръ рветъ и развиваетъ бѣлыя чалмы, а бѣднаго автора съ каждымъ ударомъ все сильнѣе донимаетъ. «Чымъ бильшъ, чымъ гризнійшъ реве море, лютуе и бье въ набережжа, чымъ дужче земля стугоныть, тымъ мозокъ мій дужче хтось риже, на голову пада ударъ за ударомъ помирно» (110). Весь берегъ усѣянъ уже кровавымъ порошкомъ, кровь рѣками льется въ кровавое море, у г. Лыны «мозокъ болыть видъ ударивъ» (111), какъ вдругъ наступаетъ девятый валъ и раздается ужаснѣйшій ударъ самымъ «здоровезнымъ» туркомъ: «вразъ море скажено ревнуло, земля застогнала, уся ско-

лыхнулась, струсылась и вдарыло щось мене въ голову такъ!... *що прокынувся я...* (стр. 111).

Фу, слава тебѣ, Создателю!—невольно въ первую минуту съ облегченіемъ произноситъ читатель,—такъ это сонъ былъ!.. Ну, однако и шутникъ же вы!—спохватившись, обратится онъ съ укоризною къ г. Лынѣ, обнаружившему блестящія способности ловкаго мистификатора:—этакіе ужасы разсказываетъ и хоть бы словечкомъ единымъ предупредилъ о ихъ дѣйствительномъ значеніи!.. Да, читатель, всякіе, доложу вамъ, сны бываютъ, и пренелѣпѣйшіе попадаются, въ которыхъ, сколько ни бейся, никакого смысла не отыщетъ. Но только зачѣмъ же всякій такой сонъ опубликовывать во всеобщее свѣдѣніе и заполнять имъ страницы какъ ни какъ, а все-таки *литературнаго* органа? Вѣдь всякой вещи свое мѣсто полагается, и для опубликованія перловъ сонной фантазіи имѣются въ изрядномъ количествѣ всевозможные снотолкователи, сонники и тому подобныя произведенія печати, гдѣ и «Туркамъ» г. Лыны было бы самое подходящее мѣсто: и на читателя они сразу попали бы настоящаго, и этотъ настоящій читатель сразу же воспринималъ бы разсказываемую исторію, какъ сонъ, да и толкованіе могъ бы сейчасъ узнать изъ авторитетныхъ устъ. Словомъ—выгода и удовольствіе получились бы обоюдныя: и для автора, и для читателя. Можно пожалѣть, что г. Лына ошибся адресомъ, направивъ свой сонъ г-ну Вороному, который забылъ въ это время, что составляетъ не сонникъ, а литературный сборникъ. Впрочемъ г. Вороный забылъ это не единственный разъ и ошибка въ адресѣ произошла не съ однимъ только г. Лыною: въ сборникѣ попадаются и еще сны, которые съ бо́льшею пользою и назидательностью были бы прочтены, если бы находились въ соотвѣтственномъ мѣстѣ...

III.

Мы не будемъ долго останавливаться на остальныхъ злакахъ, культивированныхъ г. Вороным какъ въ надоблачныхъ

высяхъ, такъ и въ долинахъ,—на разсказѣ, напр., г. Кравченка «Я й Лазоръ»—растянутомъ, натянутомъ и проникнутомъ какимъ-то елейнымъ смиренномудріемъ и неудержимою страстью къ чисто бабьей болтливости; не будемъ также касаться и многочисленныхъ стихотворныхъ упражненій, изъ которыхъ многія попали въ сборникъ также, вѣроятно, вслѣдствіе ошибки въ адресѣ. Подробный разборъ всѣхъ произведеній ничего не прибавилъ бы къ достоинствамъ сборника и не далъ бы ничего новаго для выводовъ о современномъ состояніи нашей литературы. Поэтому мы можемъ проститься на время со сборникомъ г. Вороного, обратившись еще къ другимъ явленіямъ нашего литературнаго міра.

Читатель, слѣдящій за новостями нашей литературы, можетъ быть, обратилъ уже вниманіе на одно обстоятельство—именно, на чрезмѣрное изобиліе миніатюръ—«дрибныхъ малюнкивъ», «нарысивъ», «фантазій», «психограмъ», «хвылевыхъ знимокъ» и т. п., которыя растутъ въ послѣднее время просто, какъ грибы послѣ дождя, наводняютъ литературу и сообщаютъ ей какой-то отрывочный, лоскутный, если можно такъ выразиться, характеръ. Такимъ характеромъ въ сильной степени отличается и сборникъ «Зъ-надъ хмаръ и зъ долынъ», но его не лишены и другія наши изданія. Если мы пересмотримъ, напр., «Л.-Н. Вістник» хотя бы за послѣдній только годъ, то получимъ очень интересныя на этотъ счетъ данныя: на полтора десятка оригинальныхъ беллетристическихъ произведеній бóльшаго объема придется около шестидесяти, круглымъ счетомъ, всевозможныхъ миніатюръ, при чемъ около половины послѣднихъ принадлежитъ дебютантамъ или вообще начинающимъ авторамъ. Мы ничего не имѣемъ противъ миніатюръ,—какъ и всякій нескучный, по французскому выраженію, родъ литературныхъ произведеній, онѣ, разумѣется, имѣютъ право на существованіе, могутъ служить украшеніемъ литературы и дать даже нѣкоторыхъ крупныхъ мастеровъ-спеціалистовъ этого дѣла. Такимъ являются, напр., Мопассанъ въ французской или г. Чеховъ въ русской литературѣ, давшіе классическіе образцы легкихъ, изящныхъ, истинно-художественныхъ миніатюръ, написанныхъ такъ, что отъ нихъ слова не отнимешь, черточки не при-

бавишь. Въ нашей литературѣ справедливою извѣстностью талантливаго миніатюриста пользуется г-жа Днипрова Чайка (ея прелестныя «Морськи малюнкы» всѣмъ извѣстны); появились въ послѣднее время также удачно написанные небольшіе разсказы г. М. Левицкаго. Но чтобы имѣть успѣхъ въ качествѣ миніатюриста, нужно обладать спеціальной чертой таланта—умѣніемъ въ маломъ вмѣстить многое; вотъ почему хорошую миніатюру, можно сказать, труднѣе написать, чѣмъ разсказъ, чѣмъ повѣсть. Все здѣсь должно быть въ высшей степени гармонично, каждое слово взвѣшено и строго продумано, такъ какъ одна лишняя черточка, одно не кстати употребленное слово уже портитъ впечатлѣніе, концентрирующееся на одномъ пунктѣ, а не разсѣевающееся, какъ въ произведеніяхъ большого объема. Не поднимая, такимъ образомъ, и рѣчи на счетъ законности, такъ сказать, даннаго вида литературы, мы можемъ только требовать, чтобы въ немъ обнаруживались какъ тѣ общія свойства, какихъ мы въ правѣ ожидать отъ всякаго литературнаго произведенія, такъ и тѣ спеціальныя качества, которыя присущи миніатюрамъ, какъ особому виду литературнаго творчества. Но часто даже самое хорошее въ большомъ количествѣ—вещь нестерпимая, и если литературная продукція на $^4/_5$ состоитъ изъ миніатюръ, къ тому же еще написанныхъ безъ всякихъ признаковъ талантливости, то это уже будетъ не литература, а съ позволенія сказать—лоскутный рядъ. А именно громадный процентъ появляющихся у насъ миніатюръ лишенъ всякаго художественнаго значенія и, кромѣ неумѣнія авторовъ справиться даже съ крохотной задачей, ничего другого не обнаруживаетъ. Въ большинствѣ случаевъ произведенія нашихъ миніатюристовъ—это или не остроумно разсказанный анекдотъ, или аляповатое, протокольное изложеніе какого-нибудь часто мелочного, случайнаго факта, не обнаруживающее въ авторѣ ни наблюдательности, ни знанія жизни, ни даже умѣнья справиться съ самымъ незамысловатымъ сюжетомъ и изложить его на столько сносно и прилично—въ литературномъ, разумѣется, смыслѣ—чтобы разсказъ не возбуждалъ по крайней мѣрѣ изумленія предъ наивностью и безпомощностью автора. Попадаются часто удивительные по своей примитивности

промахи, неправдоподобность въ подробностяхъ, отсутствіе психологическаго проникновенія въ характеръ и поступки дѣйствующихъ лицъ и пониманія смысла излагаемаго событія, миніатюрный кругозоръ и, какъ результатъ всего этого—скука, скука и скука витаетъ за этими крошечными очерками, разсказиками и т. п. Благодаря указаннымъ качествамъ, всѣ такія произведенія лишены и тѣни индивидуальности и до того однообразны, однотонны и, какъ двѣ капли воды, похожи одно на другое, что на разстояніи какого-нибудь мѣсяца по прочтеніи—г. Крушельницкаго отъ г. Яцкова, а этого послѣдняго отъ г. Хоткевича не отличишь: все сливается въ одну сѣрую массу, въ которой исчезаютъ отдѣльные штрихи и контуры, а остается лишь однообразный фонъ безнадежно-грустной посредственности. И символисты, и реалисты тутъ одинаково сѣры и шаблонны, одинаково крохотны и безнадежны, одинаково томительны и одинаково возбуждаютъ гнетущую скуку, сходясь на этомъ пунктѣ безъ всякаго различія направленій. Нѣтъ нужды, конечно,—да это было бы весьма непроизводительнымъ и неблагодарнымъ трудомъ,—перетряхать лоскутный рядъ во всей его цѣлости, но два-три примѣра, во избѣжаніе обвиненій въ голословности, мы должны привести.

Въ VII книжкѣ «Л.-Н. Вістника» за прошлый годъ напечатанъ очеркъ г. Пени «Сердечна опіка», еще сравнительно не изъ худшихъ, и однако вотъ что въ немъ попадается. «Се (т. е., описываемое событіе) було *досыть давненько вже*. Я бувъ ще тоди жовторотымъ молодесенькымъ студентомъ I-го курса»—рекомендуетъ себя авторъ на страницѣ 28-й и, еще разъ отмѣчая на 35-й «велыкый протягъ багатьохъ литъ», отдѣляющихъ описываемое событіе отъ настоящаго времени, о послѣднемъ выражается: «я вже скоро самъ дидъ» (36). Прекрасно. Но на той же 35-й страницѣ вдругъ оказывается, что «се було» во время управленія министерствомъ народнаго просвѣщенія ген. Ванновскимъ, т. е., примѣрно въ 1901 г. Очеркъ помѣченъ датой «29 січня 1902 р.», а въ 1903 году уже напечатанъ. Читатель въ полномъ недоумѣніи—какимъ образомъ, вычитая 1901 изъ 1902, можно получить «велыкый

протягъ багатьохъ литъ» и въ силу какихъ непостижимыхъ обстоятельствъ разсказчикъ въ теченіе менѣе чѣмъ одного года изъ желторотаго птенца обращается почти въ сѣдовласаго старца? Еще одна подробность. Упомянутый «желторотый» подготовляетъ мальчика-еврея, судя по перечисленнымъ предметамъ, въ первый, много—во второй классъ гимназіи, и такъ какъ мальчикъ оказался прекрасно подготовленнымъ, то репетиторъ больше ведетъ со своимъ ученикомъ жаркіе споры на самыя абстрактныя философскія темы, при чемъ изъ этихъ споровъ не всегда съ честью выходитъ. И опять читатель въ правѣ недоумѣвать—не тому, конечно, что «желторотый» оказывается слабымъ въ вопросахъ отвлеченнаго мышленія: это бываетъ,—а тому, что 10-лѣтній мальчикъ слишкомъ силенъ въ нихъ. И что всего любопытнѣе—остается совершенно непонятнымъ, зачѣмъ автору понадобилось предъявлять читателю указанные примѣры наглядныхъ несообразностей? По ходу очерка вся эта хронологія не нужна, безъ ней прекрасно можно было обойтись, а между тѣмъ авторъ самъ себя безъ нужды запутываетъ, обнажаетъ свои слабыя мѣста и этимъ неумѣлымъ пріемомъ портитъ впечатлѣніе отъ очерка, который при иной обработкѣ могъ бы выйти довольно интереснымъ. Какое ужъ тутъ въ самомъ дѣлѣ «художественное наслажденіе» можетъ получить читатель, если приходится къ читаемому относится, какъ къ ученической работѣ, слѣдить за элементарными промахами и поправлять автора, примѣрно, въ томъ, что 2 × 2 есть 4, а не стеариновая свѣчка!.. Вотъ еще примѣръ: подъ заголовкомъ «В читальні» (Л.-Н. Вістник, кн. I, 1903) воспроизводится г. Николаевымъ на одной страничкѣ очевидно дословно записанный разговоръ крестьянъ о постройкѣ новой церкви и о разногласіяхъ по этому поводу съ помѣщикомъ. Зачѣмъ—опять таки неизвѣстно, такъ какъ разговоръ ничѣмъ особенно характернымъ не отличается и сейчасъ же по прочтеніи, конечно, безслѣдно испарится. Или вотъ еще «мініатюра» г. Б—а «Чужа кров» (кн. XI), которую для характеристики подобныхъ произведеній мы приведемъ цѣликомъ.

— Мамо, я хочу женытыся.

— Женыся, сыну, та розумно—не беры такои, що лыше про те й дбае, щобъ зловыты соби мужа, а видтакъ грызты його до смерты, ани такои, якъ се теперъ въ моди, що практыкувала въ театри на сцени... Не прыносы сорому нашій родыни, що доси не споганыла ничымъ свого имени!

— Ни, моя любка не зъ тыхъ, мамо! Се найпоряднійша дивчына, яку я знаю, и яку вы сами пизнавшы полюбыте.

— Хто жъ се?

— Софія Леонтивна.

— Такъ? то дуже добре! Дуже мени мыло чуты іи имя поручъ зъ твоимъ. Справди, се дуже порядна дивчына и не поганенька соби й багатенька. Не маю ничого протывъ того, навить похваляю твій выбиръ. Лышаеться ще поспытаты батька; напередъ знаю, що й винъ такъ само охотно згодыться на се подружжя.

Однако на превелыке дыво для всихъ не згодылося на те подружжя двое людей: батько Володымыра и маты Зони. Що вже не наблагався Володымыръ витця—ни тай ни!

Прыведеный до розпукы сынъ налягае на батька, щобъ йому выявывъ прычыну забороны, але безуспишно. Тоди ришаеться винъ на послидне—заявляе батькови, що колы не выявыть йому прычыны, то винъ и безъ його прызволу оженыться зъ Зонею. Прыпертый отець не мае вже выходу и выявляе все.

— Не можу позволыты тоби подружыться зъ Зонею, бо вона тоби сестра...

— Сестра?—повторяе за батькомъ побилилый зи зворушення сынъ, але вымину дальшыхъ сливъ спыняе входяча маты Володымыра, що все пидслухала.

— Такъ се правда?—пытае вона иронично мужа.

— Правда,—одвичае іи (sic) сей.—Прощаешъ мени?

— Чому жъ бо ни?—И зновъ не то иронично, не то кепкуючы, додае:—Але можешъ безъ гриха позволыты на ихъ подружжя... бо Володко не твій сынъ (стр. 111—112).

И все. Вотъ истинный лаконизмъ, на одной страничкѣ ухитряющійся изложить нѣсколько романовъ съ завязкой, развязкой, подслушиваніями, просьбами о прощеніи и даже благополучнымъ концемъ! Но опять таки—зачѣмъ и кому нуженъ этотъ неумѣлый протоколъ или неудачно, безъ намека на остроуміе, разсказанный анекдотъ?.. И примѣровъ подобныхъ прото-

кольно-анекдотическихъ произведенiй, при желанiи, можно было бы набрать порядочное количество, и изъ этихъ лоскутиковъ составляется вѣдь значительная часть нашей литературной продукцiи за послѣднее время,—можно, конечно, вообразить, что за мозаика получается при этомъ! Въ числѣ персонажей г. Франка есть нѣкто Галай («Лесышына челядь»), который вамъ «въ однiй хвыли и коломыйкы задробыть, и думкы затягне, и весильнои, и зъ псавтыри та гласивъ церковныхъ... и *абы вамъ одну спиванку вмивъ скинчыты*». Если бы намъ предложили однимъ словомъ охарактеризовать нашихъ лоскутниковъ, найти для нихъ общее собирательное имя, то лучшаго мы бы, кажется, не въ состоянiи были придумать, какъ—Галай. Этотъ беззаботный на счетъ осмысленности своихъ поступковъ пѣвецъ, до самозабвенiя отдающiйся процессу пѣнiя, не ищущiй въ немъ ни связи, ни смысла, является самымъ подходящимъ символомъ для изображенiя всей лоскутной части нашей литературы; это—лучшее отраженiе того хаотическаго состоянiя литературы, которое произведено обилiемъ неумѣлыхъ, протокольно-анекдотическихъ миніатюръ. Какъ и Галай, наши протоколисты отличаются весьма большою разносторонностью и затрагиваютъ множество самыхъ разнообразныхъ темъ, касаются самыхъ различныхъ сюжетовъ, но захватываютъ ихъ поразительно не глубоко, не умѣютъ отдѣлать и докончить ни одного изъ нихъ. Какъ и Галай, они не останавливаются на внутреннемъ смыслѣ затронутой темы, не проникаютъ дальше поверхностнаго изображенiя чисто внѣшняго факта, не видятъ въ большинствѣ случаевъ ничего, кромѣ занимательнаго сюжета. Какъ и у Галая, у нихъ нѣтъ общаго руководящаго принципа который бы объединялъ разрозненные факты въ одно цѣлое, освѣщалъ ихъ съ точки зрѣнiя цѣльнаго, опредѣленнаго мiросозерцанiя и служилъ Арiадниной нитью въ лабиринтѣ мелкихъ фактовъ, отрывочныхъ наблюденiй, не продуманныхъ, а принятыхъ въ большинствѣ случаевъ на вѣру, съ чужого голоса, идей. Вѣдь писатель, обладающiй такой руководящею нитью, какова бы она ни была, если начинаетъ, скажемъ, «коломыйку», то онъ знаетъ что поетъ именно «коломыйку», а

не «думку» и не «зъ псавтыри» или «гласивъ церковныхъ»; точно также спеціалистъ по части «гласивъ церковныхъ» тянетъ болѣе или менѣе послѣдовательно свою линію и не сбивается на «коломыйку». А у насъ между тѣмъ возможны такія чисто овидіевы превращенія, когда «чесный до фанатызму, по выраженію г. Хоткевича, оборонець и захыстнык красы» способенъ унизиться до порнографіи, представитель и поклонникъ искусства дойти до отрицанія всякаго искусства, а лоскутникъ завладѣть литературой и наполнить ее обрывками протокольно-анекдотическихъ произведеній. Не удивительно поэтому, что и литература наша въ значительной своей части напоминаетъ хаотическое, лишенное цѣлостности, осмысленности и пониманія пѣніе Галая, не достигающее даже тѣхъ минимальныхъ требованій, какія къ нему можно было бы предъявить...

Отмѣчая пока только факты, мы не будемъ касаться сейчасъ причинъ, вызвавшихъ эту раздробленность, лоскутность значительной части нашей новѣйшей литературы: случайность темъ, несовершенства обработки, мелочность и узость кругозора и тому подобныя недостатки; тѣмъ болѣе, что мы надѣемся посвятить этому вопросу нѣсколько строкъ ниже, при подведеніи итоговъ. Сейчасъ мы скажемъ больше—что тѣ же недостатки обнаруживаются, къ сожалѣнію, не только въ произведеніяхъ нашихъ миніатюристовъ, но въ одинаковой степени свойственны и болѣе значительнымъ по размѣрамъ произведеніямъ. Безпомощность авторовъ, ихъ поразительное неумѣніе сладить съ сюжетомъ, ихъ наивные, явно тенденціозные пріемы съ цѣлью замаскировать свою безпомощность—отличаютъ и произведенія съ претензіями на исчерпывающую полноту, на всестороннее изображеніе нашей жизни. Для примѣра мы остановимся на трехъ произведеніяхъ болѣе крупнаго калибра, принадлежащихъ различнымъ авторамъ, и попробуемъ схарактеризовать ихъ отличительныя черты какъ въ отношеніи содержанія, такъ и внѣшнихъ пріемовъ. Два изъ избранныхъ нами авторовъ, г.г. Лукіяновичъ и Яцкйвъ—не новички въ литературѣ, такъ какъ каждый изъ нихъ издалъ уже по нѣсколько книжекъ своихъ произведеній; имя третьяго—г. Пидепи мы встрѣчаемъ въ первый разъ.

Сергій Ефремовъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Украинськи за̀пысы Порфирія Мартиновича.

Кырыло Сайко́.

(Продолженіе [1]).

Подаручча́.

Казка.

Якъ бувъ соби критъ
    Та горобець;
И то не зъ простыхъ бувъ молодець.
Критъ накротывъ кочку земли,—
Горобець прылетивъ,
Тай сивъ.
Критъ заворухнувсь,—
Горобець испугнувсь.
«А чого ты, горобче, добрый молодче, злякавсь?

---

[1]) См. Кіев. Стар. 1904 г., № 4.

Я зъ тобою хочу побрататьця».
„Такъ я-жъ, хочъ и побратаемось,—
Такъ не могу ничого робыть“.
„Такъ я навчу.
Ты горобець,
Добрый молодець,
По велыкыхъ хазяинахъ по токахъ литаешъ
И вси стижкы въ багачивъ знаешъ;
Я могу накротыть велыкый ланъ,
А ты можешъ у хазяинивъ жыта достать,
Та будемъ соби хлибъ на зиму пахать“.—
Поедналысь.
Критъ вырывъ ланъ превелыкый!
Такый, якъ одъ мене та до васъ,
А одъ васъ та до мене.
Горобець, добрый молодець, натягавъ жыта колоскивъ
Одъ току зъ багачивъ.
Навымыналы воны соби зерна
Й посіялы жыто.
И зародывъ имъ Богъ жыта,—
Одъ кореня до верха колосья!!
Що нигде такый и не родыть,
Якъ имъ Богъ зародывъ!
— „Ану, горобче-молодче!
Треба намъ ёго зибрать“,
— „Такъ я не вмію!“
«А я навчу!
Я буду зъ кореня пидкусювать,
А ты крыламы беры,
Та въ скырты склады!
Критъ изжавъ,—
Горобець, добрый молодець, у скырту склавъ.
А ну, горобче-молодче!
Треба намъ ёго змолотыть!“
— «Такъ я не вмію!“
— «А я навчу!»
Ты горобець, добрый молодець,
У тебе й крыла е!

А въ мене нисъ добрый!
Я могу зчыщать ривненько,
А ты можешъ крыламы змитать гарненько.
А ну, горобче-молодче, ёго й молотыть.
Ты, горобець-молодець, зъ крыламы?
Леты на скырту
И тягны первый колосокъ.
И несы ёго на тикъ.
Буду я вылущувать и въ ворохъ класты,
А ты солому беры,
Та въ скырты клады".
Давъ имъ Богъ: прыбралы хлибъ.
Ве-лы-кый ворохъ жыта прыбралы!
— «А шо горобче-молодче?»
— «А шо, кротику-братику?»
«А давай дилытьця!
Богъ намъ зародывъ хлибъ,—
Буде на всю зиму».
— «Тай давай!»
Зачавъ критъ дилыть:
Тому зерно
Й тому зерно;
Тому зерно
Й тому зерно;
Тому зерно
Й тому зерно!..
Роздилылысь пополамъ.
Одна зернына лышня.
Завелы между собою споръ:
Кому та зернына?!
Горобець каже: „мени,—
Я бильше трудывся,
То мени!"
А критъ каже: «я тебе вчывъ!
Я бильше трудывсь!
Нехай мени!»
— «А-а, ни-ни, кротику-братику!
Ты безъ мене ничого не зробывъ-бы,

Хочъ ты мене й учывъ!
Земля безъ кореня не родыть,—
А якъ я насиньня доставъ,
То й земля народыла».
Зачалы между собою споръ впьять
И зачалы бытьця!
Горобець крота подужае.
Скубне, тай полетыть у гору,
А той скаче,
Тай не достане.
«Ну, постой, горобче-молодче!
По-жа-луй!
Въ тебе крыла е,
То ты можешь скубты!..
Не такъ, горобче-молодче!
А ззывай ты свое царство летюче,
А я свое пише,
Которе слидуе!»
Созвавъ критъ свое царство:
Зай-ци!..
Лы-сы-ци!..
Вов-кы!..
Вед-ме-ди!..
Ов-ра-хы!..
Мы-ши!..
Й тхо-ри!..
И все пише, которе слидуе.
Созвавъ горобець,
Добрый молодець
Усе царство летюче:
Гу-сы!..
Й ку-ры!..
Кач-кы!..
Й ын-ды-кы!..
Кга-вы!..
Й со-ро-кы!..
Шуль-пи-кы!..
Й кибь-ци!..

Яс-тру-бы!..
Й ор-лы!..
И все летюче,
Що слидуе
Усе царство!
И зачалы воны быться!
Й воюватьця!
И воскрыкнувъ горобець,
Добрый молодець!
„Эть, стой, кротику-братику!
Не все мое царство!“
— «А кого жъ у тебе немае?»
«Ше немае въ мене попугайла летючого!»
— Ступай, горобець,
Добрый молодець,
Шукай попугайла летючого».
Якъ полетивъ горобець,
Добрый молодець,
На ынше царство,
На девъяте государство,—
И найшовъ попугайла!
— «Эй, здоровъ, брате попугайле!»
— А здоровъ, здоровъ, горобче,
Добрый молодче!
А шо мени скажешъ, горобче?!»
Э-эй, брате попугайле!
Пропало наше летюче царство!»
— «Черезъ що?»
«А черезъ те пропало,
Що я зъ кротомъ побратавсь,
И побратавшысь робылы хлибъ у купи.
И вродывъ намъ Богъ хлибъ велыкый,—
Одъ кореня до верха́ колосья,
Шо нигде такый и не родыть,
Якъ намъ Богъ давъ.
И ёго вбралы.
До роздилкы дило,—
И завелысь за 'дно зерно дратьця!
И критъ свое пише царство собравъ,

А я свое летюче;
И винъ побиждае!»
— «Веды, горобче-молодче!»
Горобець, добрый молодець, якъ пиднявся вгору!
Попугайло за нымъ!
— «Веды, горобче-молодче!»
Горобець, добрый молодець, указавъ попугайлу:
«Дывыся, попугайле!
Яка сыла коло хлиба лежыть кругомъ!»
Летыть горобець,—
Попугайло вгору береться!
Летыть горобець,
Добрый молодець,
Попугайло вгору береться!
Прылетивъ горобець.
«А ну, кротику,
Братику!
Бере-жыся», говóрыть,—
«Попугайло летыть».
Якъ розигнавсь зъ горы попугайло,
Якъ ударывъ пише царство грудьмы,—
Зробывъ вулыцю!
Выбывъ.
Пидьнявсь у гору вньять.
Якъ ударывъ навхресть,—
И другу вулыцю зробывъ!
Розбиглося все пише царство:
Зайци въ степъ...
Лысыци въ яры...
Вовкы въ лисъ...
Ведмеди тожъ!..
Тхоры,
Оврахы
Й мыши
Заточылысь у землю...
Критъ тоже й соби закротывсь...
Горобець,
Добрый молодець,

Скомандувавъ свое летюче царство:
«Пожыть мои труда!»
Росхваталы хлибъ по зерныни.
Зоставсь попугайло безъ крылъ на току.
Выйшовъ попугайло на стовповый шляхъ
И сивъ на могыли.
Йиде багачъ одъ чумакивъ:[1])
— «Здоровъ, попугайло!»
— «Здоровъ, багачу!»
«А чого ты, брате, сыдышъ тутъ?»
— «Э-э-эй, брате!..
Крылъ нема!..
Якъ бы мене хто взявъ,
Та выгодувавъ,
Покы въ мене крыла поростуть,—
Я бъ тому у ве-лы-кій прыгоди бъ ставъ»!
Багачъ и подумавъ:
«У мене стада;
У мене й гурта;
У мене двадьцять ынбаривъ хлиба;
Сто двадьцять скыртъ у степу стоить немолоченого;
У мене сумы много;
У мене й чумака сорокъ визъ;
Невже я не выгодую ёго,
Покы крыла поростуть?
Сидай, попугайло»!
Сивъ попугайло.
Везе багачъ.
Прывизъ до дому,
Уклыкавъ ёго въ горныци;
Посадывъ за стилъ.
Прыказавъ пару скота вбыть
И зварыть
Та попугайла накормыть.
Перешамнувъ попугайло
И багачеви дякуе.
«Копай же, багачу, погрибъ на мене
Посередъ двору велыкый;

[1]) Йиздывъ у степъ чумакивъ своихъ провидувать.

И защыты мене.
Тилько викно пусты;
И годуй мене,
Ажъ покы крыла поростуть;
Тоди я тоби у велыкій прыгоди стану.»
Заставывъ багачъ робочыхъ.
Вырылы ёму погрибъ.
И посадывъ ёго въ погрибъ
И защытывъ,
Тилько викно пустывъ.
Почалы ёго годувать.
Було въ багача два млыны греблёвыхъ,
А два витряныхъ;
Зачавъ безперестанно молоть и пекты,
Попугайла годувать.
Выгодувавъ дванадьцять ынбаривъ хлиба!
Пытаетьця:
«Нема крылъ?»
«Нема».
Було въ ёго сумы много;
Почавъ хлибъ купувать
И молотныкивъ наймать.
Вымолотывъ сто двадьцять скыртъ
И выгодувавъ.
Ставъ ёго впьять пытать:
«Нема крылъ?»
«Нема».
Зачавъ гурта быть
И варыть,—
Попугайлу носыть.
Выгодувавъ гурта.
— «Нема крылъ»?
«Нема».
Зачавъ отары ризать.
Вырызавъ,
Выгодувавъ.
«Нема крылъ?»
«Нема».
Зачавъ стада продавать,—
Выпродавъ.
Хлиба купывъ,—

Погодувавъ.
«Нема крылъ?»
«Нема».
Прыйшлы чумакы зъ дорогы.
Попродавъ силь,
Купывъ хлиба,—
Выгодувавъ.
«Нема крылъ?»
«Нема!»
Повбывавъ волы;
Поварывъ
И погодувавъ.
«Нема крылъ?»
«Нема».
Було въ ёго землй много,—
Выпродавъ,
Та все хлибъ купувавъ,
Та попугайла годувавъ.
«Нема крылъ?»
«Нема».
Попродавъ ынбары,—
Накупывъ хлиба,
Та все попугайла годувавъ...
«Нема крылъ»?
«Нема».
Попродавъ дываны,
Сьтильци,
Шахвы...
Попродавъ горныци,
Та все хлибъ купувавъ,
Та попугайла годувавъ.
«Нема крылъ?»
«Нема».
Узявъ жинку за руку,
Повивъ у слободу.
Нанима іи до мужыка обременну.
Мужыкъ опасуетьця нанимать:
«Шожъ»,—каже, я іи найму;
Шо вона буде робыть?
Наймимъ, диты!
Хоть буде ложкы мыть,

Та хату вымете.
Шожъ тоби дать за неи?»
«У годъ телыця и корова».
«Иды въ загонъ: беры».
Налыгавъ и повивъ.
Убывъ телыцю;
Зжарывъ и понисъ.
«Нема крылъ?»
«Нема.»
Убывъ и корову
Половыну зжарывъ и понисъ.
«Нема крылъ?»
«Нема».
Понисъ и посьлидьню половыну.
«Оце жь ижъ, та вже й нема».
«А нема?»
„Нема“, —говорыть.
„Ну, а въ мене крыла е“.
„Ну, й слава Богу!
Шо хочъ, у мене ничого нема,
Абы въ тебе хочъ крыла булы!“
„Беры жъ ты, багачу, заступъ,
Та 'дкопуй погрибъ.“
Багачъ одрывъ погрибъ.
Ажъ земля кругомъ порепалась!
Такый гладкый!
Утушкувавъ ёго!
Попугайло вылизъ зъ погреба.
Якъ стрепенувсь!..
Якъ полетивъ!..
Ажъ пидъ хмары!..
Зоставсь багачъ;
Дывывсь, дывывсь,—
Ажъ покы не выдно стало!
Сыдыть багачъ:
Слуха—колы шумыть!
Колы сида коло багача въ двори!
„А що ты, каже, багачу зажурывся?
„Та вже жъ, каже, попугайле!
И не веселывсь
И не смутывсь!“

„А йды жъ ты, каже, багачу въ слободу;
Та не йды жъ ты до багатого мужыка,
А йды до бидного;
У ёго була парка коровокъ,
Та одна згынула;
Та выробывъ винъ іи на ремпнь
И высыть вона въ ёго пидъ повиткою,
А на посьлидьню корову робыть буркунець,—
Буде одныею издыть.
То ты въ ёго попросы ту шкуру,
То винъ позычыть,
Бо винъ горе зна".
Пишовъ багачъ.
Напавъ на того мужыка бидного.
Прыйшовъ пидъ повитку;
Глядь!—шкура высыть вычынена.
„Эй, брате!
Позычъ мени цю шкуру!
Я колысь, якъ розжывусь,
То я тоби вдвое оддамъ!"
„Тай визьмы!
Оддасы,—спасыби,
А не 'ддасы,—Богъ зъ тобою!"
Изьнявъ ту шкуру.
Каже попугайло:
«Перепусты іи на двое;
Въ тебе булы стада й гурта,—
Ты можешъ вузды робыть;
Робы на мене вузду зъ одныи половынкы».
Зробывъ вузду.
«А плеты малахай зъ другои половынкы!
Та до-о-брый малахай!
Шобъ и пужално ремінне було!
Беры-жъ ту вузду,
Та йды на край села;
Та не йды до цыгана,
А иды до нашого коваля,—
То винъ тоби повирыть наборъ зробыть удыла».
Прыходе 'дъ коваля.
«Надивай вузду й зануздуй.
А беры малахай!...

А сидай», говорыть, «на мене»!..
Сивъ винъ на ёго.
«А якъ теперъ тебе несты?
Чы по-пидъ небесамы?
Чы поверхъ древа?
Чы поверхъ травы»?
Багачъ подумавъ:
«Понесе по-пидъ небесамы, —
Перелякӑюсь, упаду, — вбьюсь!..
Понесе поверхъ травы, —
Объ дерево вбьюсь!
Несы поверхъ древа».
Якъ стре-пе-нувсь!..
Якъ знявсь!
Якъ полетивъ на ынше царство,
На девъяте государство! —
Тай спустывсь.
«Оце-жъ», каже, «моя первая сестра жыве.
Веды мене въ двиръ
И бый мене!.. И мучъ! И печы!..
Стилькы сылы маешъ, —
Стилькы й бый!
А я стилькы сылы маю, —
Буду крычать.
И зачуе сестра гласъ мій
И буде бигты, крычать,
Рукы ламать!
И буде тебе просыть,
Даватыме тоби й панство,
Й царство!
И даватыме тоби дванадьцять ынбаривъ срибра й злата!
То ты не беры,
А просы въ неи срибный ключыкъ,
Золотый верчыкъ» [1]).
Веде багачъ попугайла въ двиръ

[1]) Замочокъ.

Бье ёго!
Пече!..
Стилькы сылы може—бье!..
А той крычыть стилькы сылы може.
Послужанка зачула гласъ попугайливъ.
«Пани»—говорыть:
«Послушайте!
Брать попугайло жывый есть»!
«Де винъ», говорыть, «узявся!?
Его й на сьвити жывого нема»!
«Послушайте, пани!
Скоро въ двори буде»!
Побачыла пани, шо вже въ двиръ укынувъ черезъ ворота.
Бижыть!..
Крычыть!
Рукы ломыть!
«За що ты, лыха лычыно, зъ мого брата знущаесься»?
— «Якъ-же мени зъ ёго не знущатьця!?
Булы въ мене стада,
Й гурта,
Й отары,
Дванадьцять ынбаривъ хлиба
И сто двадьцять скыртъ у поли!
Було въ мене сумы много!
Та я все позбувавъ,
Та твого брата попугайла годувавъ.
Шо схочу, те й зроблю!
Хоть убью,—
Хоть повисю!
«Нажъ тоби панство
Й царство!
И дванадьцять ынбаривъ срибра й злата,
Тилькы пусты мого брата попугайла».
— «Не хочу панства
И царства
Ни срибра, ни злата!

Дай мени срибный ключыкъ,
Золотый верчыкъ,—
Такъ пущу!
«Хочъ ты ёго й повись, то не 'ддамъ».
Пишла въ хату.
Выйшлы зъ двору.
«Чортъ-батька зна, якъ ты й бывъ!
Шо ты мене жалієшъ?
Я-жъ тебе не жаливъ,
Якъ усе твое добро переивъ!
Не жалій и ты мене!
Такъ бьешь, шо й сестра не ожалилась!..
Ты мене бый стикы сылы маешъ,
Стикы мочи маешъ!
Не паскудь!
А я стикы сылы маю
Стикы мочи
Буду крычать.
Давай иты до середульшои».
Прыйшлы до середульшои.
«Бый-же, та не погань!
Шобъ сестра ожалилась на мене».
Зачавъ винъ ёго быть,
Стикы сылы мае,
А той крычыть!..
Почула послужанка
«Пани»,—говорыть:
«Послушайте!
Вашъ братъ попугайло жывый е»!
— «Де винъ узявся?!
Ёго й на свити нема»!
«Ни, послухайте!
Скоро въ двори буде»!
Перекынувъ багачъ попугайла черезъ ворота,
Топче ногамы...
Пече ёго,
Бье ёго,
Стикы сыла мае,

Стикы мочи мае,—
Стикы й поре!..
А той стикы мочи мае,
Стикы й крычыть!..
Выскочыла пани.
Крычыть...
Рукы ломыть!..
«За що ты, лыха лычыно, зъ мого брата попугайла
знущаесься»?
— «Якъ-же мени зъ ёго не знущатьця?!
Булы въ мене стада
Й гурта,
Дванадьцять ынбаривъ хлиба,
Сто двадьцять скыртъ у степу хлиба!
Було въ мене сумы много,—
Та я все позбувавъ,
Та твого брата попугайла годувавъ!
Шо схочу,—те й зроблю зъ нымъ!
Хочъ убью,—хоть повисю»!
— «На́ тоби й панство,
Й царство!
Дванадьцять ынбаривъ срибра й злата,—
Тилькы пусты мого брата попугайла».
«Не хочу я панства
Й царства,
Ни срибра, ни злата!
Дай мини срибный ключыкъ,
Золотый верчыкъ,
Такъ пустю»!
«Хочъ ты ёго й повись»!
Пишла й не оглядаетьця.
Выйшлы за ворота.
И каже ёму попугайло:
«Ду-у-р-ны-й ты», говорыть:
«Пропало наше дило!
Шо ты мене жаліешъ?!
Ты бый мене лучче!
Изробы ты отъ що:

Якъ пидемъ мы до меньшои,
То ты вже бый мене
Та не погань!
Шобъ не такъ, якъ тамъ бывъ!
Та якъ даватыме вона тоби панство
Й царство,
И дванадьцять ынбаривъ срибра й злата,
Не беры!
А просы срибный ключыкъ,
Золотый верчыкъ,
И одно те робы, шо бый мене.
И буде вона тебе просыть у хату
Покушать и 'дпочыть
И речи поговорыть,—
Ты йды.
И буде вона тоби пыткы й наидкы давать
И буде тебе шпиртомъ напувать.
Ну ты гляды-ы!
Шобъ ты іи прысылувавъ выпыть до себе!
Та вже й я прысылую,—
И одъ мене выпъе.
То мы по чарци выпьемъ,
А вона значыть дьви.
Буде вона и вдруге частувать;
Та все-жъ такы, шобъ прысылувавъ.
Частуватыме мене,
Прысылую й я.
Буде вона й втрете частувать,—
То шо-бъ ты прысылувавъ выпыть:
Да вже й я прысылую.
Мы выпьемъ по тры,
А вона значить шисьть.
Тоди посидаемъ обидать.
Ты ижъ,—покы наисысь.
И я тебе штовхну,
А ты шобъ догадавсь:
Прыкынься пьяннымъ;
Перекынь мене черезъ стилъ,

Топчы мене ногамы!..
Бый мыскы,
Й полумыскы,
Чаркы,
Й пляшкы.
На голови мени!..
То вона тоди змылуетьця.
Буде тебе цилувать
И за рукы хватать!
И отдасьть тоби срибный ключыкъ,
Золотый верчыкъ;
Надине тоби ёго на шыю
И запхне за пазуху».
Дійшлы до ворить.
Перекынувъ ёго черезъ ворота.
По-о-ре!
Послужанка зачула гласъ:
«Послухайте, пани!
Вашъ братъ попугайло жывый есть»!
«Де винъ у свити взявся?!
Ёго й жывого на свити нема»!.
Винъ ёго топче ногамы!.
Бье пужалномъ по голови.
Углядила пани.
Бижыть!..
Крычыть!..
Рукы ломыть!...
«За що ты, зла лычыно, зъ мого брата попугайла так знущаесься»?
— «Якъ-же мени зъ ёго не знущатьця?!
Булы въ мене стада,
Й гурта!
Булы въ мене й отары!
Було въ мене дванадьцять ынбаривъ хлиба;
Було въ мене сто двадьцять скыртъ хлиба въ стену,
Було въ мене сумы много,
Та я все позбувавъ,
Та твого брата попугайла годувавъ!

Шо схочу,—те и зроблю!
Хочъ убью,
Хочъ повисю»!
Зачавъ ёго бы-ы-ть!..
Ногамы мисыть!..
Той, стикы сылы мае, крычыть!
Просыть вона ихъ у хатку.
Закрычыть пани на послужанку:
«Заразъ стилъ наповныть пыткамы
Й наидкамы»!
Посажала ихъ за стилъ,
Зачала частувать;
Зачала багачеви шпирту давать.
«Прошу-жъ покорно, выпыть соби;
Якъ ты своему братови рада,
То выпьешъ до дна».
Могла вона выпыть.
Выпывъ и багачъ.
Дае брату.
Братъ одвищае:
«Якъ ты рада братови,
То выпьешъ до дна».
Могла вона выпыть.
Каже: «просю-жъ покорно;
За 'дныю не закусюють,
А выпыйте й по другій».
Одвища багачъ:
«Из-воль-те»!
Стала багача частувать.
«Якъ ты рада братови,
То выпъешъ до дна!»
Могла вона выпыть.
Выпывъ и братъ.
Выпылы такымъ родомъ и по третій.
«Прошу-жъ покорно обидать».
Обидавъ багачъ,—покы наивсь.
Штовхнувъ попугайло багача;
Той прыкынувсь пьянымъ!

Штовхнувъ попугайла въ потылыцю,
Хватнувъ за волосья!..
Перекынувъ черезъ стилъ!..
Ногамы то-о-пче!..
Зачавъ ему на голови быть полумыскы,
Пляш-кы
Й чаркы!
Сестри жалко стало.
Стала вона багача цилувать.
За рукы хватае.
«На тоби срибный ключыкъ,
Золотый верчыкъ,
Тилькы не знущайся зъ мого брата попугайла»!
Надила вона ёму на шыю
И запхнула за пазуху.
«Иды ты, багачу, на ынше царство
На десяте государство!
Де ты соби вподобаешъ,—
У якимъ прысадьдя хороше
И степъ шобъ добрый.
Скажы соби:
Срибный ключыкъ повернысь,
Золотый верчыкъ одимкнысь,—
Стане тоби велыке багатство».
Зійшовъ багачъ на одного царя царство.
Степъ добрый,
Сады хороши;
Ставы добри.
Выйшовъ винъ на кряжъ,
Сивъ коло саду надъ ставомъ.
Знявъ верчыкъ,
Поставывъ мижъ колиньмы.
«Срибный ключыкъ, повернысь,
Золотый верчыкъ одимкныся»!
Срибный ключыкъ повернувсь,
Золотый верчыкъ одимкнувсь.
Якъ зашумлять дома-а!..
Пидъ самымъ золотомъ:

Дванадцять ынбаривъ изъ срибромъ и златомъ!
Якъ зашумилы гурта
Й ста-да-а!
Й черидкы свыне-е-й!..
Люды розсыпнулысь по царстви косыть
И жать
И весь хлибъ прыбирать!..
Уставшы зъ верчыкомъ,
Пишовъ у золоти дома,
У ныжнихъ домахъ печетьця й варытьця,
Въ середнихъ домахъ—пыткамы й наидкамы стилъ
наповняетьця!
Въ самыхъ вышчихъ тилько прогуляеть [1]).
Дывытьця въ викно скилькы стада й гурта степу засяглы.
Прыиздыть нарошный одъ царя зъ пакетомъ.
Розпечатавъ пакетъ. Прочытавъ.
Пыше царь:
«Що ты таке?!
Де ты взялось?!
По моимъ царстви росполенывсь зъ стадамы,
Зъ гуртамы,
Зъ косарямы,
Зъ женьцямы!?!
Якъ ты не зійдешъ по добрій воли,
Такъ я те все выбью
Й въ ставахъ вытоплю».
Одпысуе багачъ царю,
Що: «я радъ-бы зійты,—
Не могу зибрать!
Царь, роздывывшысь у пакетъ його, одпысуе:
«Подаруй мени те,
Що въ твоеи жинкы е,—

---

[1]) Ото значыть у ныжнёму этажи, у середьнёму этажи и у верхнёму.

Я тоби найду таку бабку, шо збере».
А багачъ того й не знавъ,
Шо якъ одвивъ винъ свою жинку наймать до чоловика обременну,
Такъ вона, у наймахъ бувшы,
Родыла сына Ивася,
Такого, шо ни здумать, ни згадать,
А хиба тилькы въ казьци сказать:
По поясъ у срибли
А по поясъ у злати;
На грудяхъ звизда,
А на потылыци мисяць.
И рисъ винъ не по днямъ, а по часамъ,—
Не по часамъ, а по мынутамъ!
Багачъ, роздывывшысь у пакетъ,
«Шо-жъ у моеи жинкы е?!
Всёго-жъ я ришывся!...
Хиба тилькы шуба дорога осталась
Ну, хай соби бере шубу!
Абы тилькы жинка моя зосталась»!
Одпысуе царю:
«Нехай тоби те,
Шо въ моеи жинкы е,
Ну тилькы шобъ жинка моя».
Прыиздыть царь;
Прывозе бабку.
Стае бабка зъ колясы:
«А дава-а-й, багачу, верчыкъ!
А сида-а-й, багачу»!
Поставыла мижъ колиньмы верчыкъ.
Якъ крыкне!..
Якъ свысне!..
Такъ и зашумило у верчыкъ усе!
Якъ було въ верчыку все,
Такъ и вппять стало на мисти!
«Срибный ключыкъ повернысь,
Золотый верчыкъ замкнысь»!
Надила ёму на шыю

Й запхнула за пазуху.
Иды-жъ, багачу!
Де ты вподобаешъ соби,
Сядешъ,
Уньять буде тоби те,
Шо й тутъ було!
Пишовъ багачъ.
Стикы не йшовъ,
Прыйшовъ у свое царство
И сивъ на своему дворыщи.
Изьнявъ верчыкъ,
Поставывъ мижъ колиньмы:
«Срибный ключыкъ повернысь,
Золотый верчыкъ одимкнысь».
Якъ зашуми-и-ло!...
Шо тамъ було; те й тутъ е!
Осидлавъ коня
Й поихавъ по царстви своему оглядать стада й гурта.
«Чыи стада?»
— «Ивана багача».
«Чыи гурта»?
— «Ивана багача».
«Чыи отары»?
— «Ивана багача».
«Чыи косари»?
— «Ивана багача».
«Чыи женьци»?
— «Ивана багача».
«Це все мое», говорыть.
Иде назадъ до греблёвого млына.
Зостривае того чоловика,
Котрому жинку свою нанявъ.
Той чоловикъ пада на колина,
И здыймае шапку.
Багачъ здоровкаетьця:
«А що?» каже:
«Моя жинка й доси у тебе служыть?«
«У мене: та вже дви недили наверхъ году;

Куды-жъ вона пидеть?!»
«Поганяй-же до дому,
Та одсылай жинку въ мои дома».
Той чоловикъ уподовшъ кони!.. (бье)
Прыбигъ до двора!
Уихавшы въ двиръ, заразъ засыла жинку!
«Ступай! Ото твого чоловика дома!»
Бере маты сына за руку,
Йдуть до горныць.
Сынъ и каже:
«Мамо», говорыть,
«Я вже теперъ не вашъ,
Я вже подарованый царю».
— «Почимъ-же ты, сынокъ, знаешъ?»
«Такъ мени, мамо, Богъ давъ».
«Ну, що-жъ, сынокъ», говорыть,
«Не вже то твого отця дома?!»
Увійшлы въ ныжни дома—
Печетьця й варытьця.
Увійшлы въ середни—
Пыткамы й наидкамы столы наповняютьця.
У вышнихъ домахъ прохоложаютьця.
Дывлятьця въ викно:
Побачылы батька...
Сынъ и каже:
«Сховайте-жъ мене, мамо,
Якъ увійде батько, то будете пытать:
«Шо царю подарувавъ?»
Зачынила сына въ кимнату.
Прыходыть батько.
«Оттеперъ я, жено, бага-а-тъ!!
Не такый, якъ тоди бувъ!!
Панство й царство я маю!!
И дванадьцять ынбаривъ срибра й злата!!»
— «Не рада я твоему панствови
Й царствови!..
Шо ты подарувавъ царю?!»
«Подарувавъ», каже: «ну, не знаю що:

Я тебе, жено, не подарувавъ.
— «Ось, що ты, старый, подарувавъ!»
Одчынила кимнату: выходыть сынъ—
И горныци осяялы!!
Якъ ухватылысь за сына,
Та въ плачъ обое!
«Сыну-жъ мій, сыну!
Я-жъ подарувавъ, та й самъ не знавъ що!»
Сюды-туды, розважывъ сынъ батька й матиръ.
Сочынылы трехдневне гуляньня!
Пьють-гуляють,
Пыръ пыдіймають
До трёхъ сутокъ!
Трети сутки кинчають,
Говорыть Ивась:
«Готовте мени, тату, одиваньня».
— «Яке-жъ тоби одиваньня, сыну?»
«Скуйте мени симъ паръ черевыкивъ зализныхъ;
Скуйте мени семеро хлиба зализныхъ;
Скуйте мени симъ паръ ципкивъ зализныхъ,
Скуйте мени симъ паръ голокъ зализныхъ,
Пиду до царя на службу».
Прыказавъ багачъ ковалямъ,
Шобъ поробылы те, шо сынъ загадавъ.
Батько й маты въ плачъ!
Винъ,—сюды-туды,—'бцилувавъ ихъ, розважа:
«Я хочъ и пиду, а таки не покыну васъ;
Прослужу, тай прыйду!
Попрощався сынъ;
Пишовъ служыть царю.
Пишовъ на ынше царство,
На десяте государство,
Черезъ трыдевьять земель!
Зійшовъ на перве царство:
Такый гадъ та черепахы лизуть!
Такый гадъ та черепахы,
Шо не можна й ногою ступыть!..
Симъ паръ ципкивъ побывъ,

А такы перейшовъ.
Зійшовъ на друге царство:
Таки гвиздкы та голкы!
Гвиздкы та голкы!
Убувъ зализни черевыкы.
Симъ паръ черевыкивъ вытоптавъ,
А такы перейшовъ.
Зійшовъ на трете царство:
Таке сонлыве!..
Та дримлыве!
Таке сонлыве!..
Та дримлыве!
Симъ паръ голокъ выломавъ, пидпыраючы очи,
А такы перейшовъ.
Зійшовъ на четверте царство!
Такый холодъ
Та голодъ!..
Такый холодъ
Та голодъ!
Семеро хлиба зъивъ зализныхъ,
А такы перейшовъ
Зійшовъ на царя царство.
Доходыть до хаткы.
Сыдыть послужанка на кганкахъ.
«Слыхомъ слыхаты!
Подарунча въ вичи выдаты!
Чы по воли,
Чы по неволи?!»
— Ни, добрый молодець николы не ходыть по неволи,
А все по воли!»
— «Идить-же въ хату покушать,
Перепратьця,
Перебратьця,
Одпочыть
И речи поговорыть».
Напоила вона его, накормыла.
Роскынула перыны,
Спать положыла.
Злигъ Подарунча на руку:

«Вы по всякъ часъ у мого батюшкы царя на дворци
буваете,
Вси ти порядкы знаете,—
Повыньни-бъ и мени сказать».
— «Я по всякъ часъ у дворци не буваю
И тыхъ порядкивъ не знаю;
Не могу и вамъ сказать;
А есть у мене сестра старша:
По всякъ часъ на дворци бувае,
Вси обряды знае,
Мусыть и вамъ сказать».
Подякувавъ и пишовъ.
Диходыть до другои хаткы.
Выбигае послужанка на кганкы;
Впъять такъ-же:
«Слыхомъ слыхаты!
Подарунча въ вичи выдаты!
Чы по воли, чы по неволи?»
— «Ни, добрый молодець николы не ходе по неволи,
А все по воли».
«Идить-же у хату,—покушать,
Перепратьця,
Перебратьця,
Одпочыть
И речи поговорыть».
Роскынула перыны: положыла ёго спать.
Злигъ винъ на ликоть:
«Вы по всякъ часъ у мого батюшкы царя буваете,
Вси порядкы знаете,—
Моглы-бъ и мени розсказать».
— «Шо-жъ, мій голубочокъ!
Не по всякъ часъ я въ батюшкы на дворци буваю
И всихъ тихъ порядкивъ не знаю,
Не могу й вамъ сказать,
А е въ насъ бабушка старушка;
По всякъ часъ на дворци бувае,
Вси ти порядкы знае,

Отта можеть вамъ исказать».
Подякувавъ винъ и пишовъ.
Доходыть до третеи хаткы.
Выходыть бабушка старушка на кганкы:
«Шлыхомъ шлыхаты!
Подарунча ввичи выдаты!
Чы по воли, чы по неволи?»
— «Ни, бабусю,
Добрый молодець николы не ходе по неволи,
А ще все по воли!»
Пожалуйте, дытя, въ хатку,
Перепратьця
Й перебратьця,
Покушать, одпочыть
И речи поговорыть».
Напоила ёго, накормыла.
Перыну роскынула
И подарунча положыла.
Лигъ винъ на ликоть.
«Шо-жъ, бабусю!
Якъ тутъ діетьця-ведетьця у мого батюшкы царя?
Вы по всякъ часъ на дворци буваете,
Повыньни й мени сказать».
— «Такъ, шыночку!
По всякъ часъ на дворци буваю
И вси обряды знаю
И тоби, моя дытыно скажу.
У твого батюшкы царя
Есть дочерей симдесятъ симъ
Ище й одна.
Иды-жъ ты, сыночку, на жовту косу коло моря.
А на тій коси шелюгъ велыкый,
Та ты въ шелюзи й сядь.
Сыдитымешъ часъ,
Сыдитымешъ другый;
На третій часъ поверне,
Прылетять симдесятъ симъ дочерей

И таки вродлыви,
Такъ берегъ и осяють!
Поскыдають воны вбраньнячка,
Побредуть у море на жовту косу
И попырынають по трычи,
Уберутьця й полетять.
Ну, шобъ ты, дытыно, сыдивъ;
Не кынувсь до ихъ.
Сыдитымешъ ты часъ
Сыдитымешъ и другый
И выкопаешъ ямку пидъ кущемъ,
На третій часъ стане повертать,—
Прылетыть одна.
Не тилькы косу,
Й берегъ осяе!
И ты, сыночку, терпы.
Вона розберетьця
И побреде на жовту косу въ море.
И гляды-жъ, сынокъ:
Не пропусты.
Якъ первый разъ пирне вона въ воду,
Шобъ ты усьпивъ ухватыть іи вбраньнячко;
Сховай въ ямку,
Тай насядь.
То вона обмыетьця
Й выбредетьця!
Побачыть, шо нема вбраньня,
То вона й закрычыть:
«Якъ хто зъ старыкивъ пошутывъ,
Такъ отець ридный!—
Тилко не шутить,
Верныть!»
Побижыть другый разъ.
Пирне; обмыетьця, выбреде,
Нема вбраньнячка.
«Якъ хто зъ жонатыхъ пошутывъ,
Такъ братикъ ридный!—
Верныть,

Не шутить!
Побреде и третій разъ:
Выбреде.
«Ахъ! Якъ хто зъ холостыхъ,
Такъ вирна моя дружына,
Тилько вернить,
Не шутить!»
Ты й отдай вбраньнячко.
Вона уберетьця
И тоди вже писля того скаже,
Шо тоби треба робыть».
Пишовъ винъ на жовту косу.
Вже тамъ такъ и було,
Якъ ему сказано.
Выйшовъ Подарунча зъ-за куща:
«Панночко!
Возьмить озьде ваше вбраньня».
Вона прыбигла,
«Обернитьця, другъ, покы я уберусь».
Убралася,
Забигла до ёго спереду;
Поцилувала;
И вродлыва така вона,
Що іи кращои и въ свити нема!
Взяла вона ёго за руку;
Сила на березі:
«Сыды-жъ ты тутъ, другъ мій,
А я полечу,
Та прышлю тоби срибный човныкъ,
Золоте веселечко.
Сядешъ ты у човнычокъ:
И хочъ яка буде погода
И валы котыть,
И нестыме винъ тебе у море;
Не бійсь!
Прыплыве човныкъ до зализныхъ воритъ.
И вдарыть нискомъ у зализни ворота.
Ворота одчынятьця,

Ланцюгы стрепенутьця,
Уси дзвоны заревуть
И царя батюшку пробудять.
Прыплыве човнычокъ до берега,
И злизешъ ты зъ човныка.
Буде стежка.
Будеть ясно и тыхо,
Шо нигде й витрець не дмухне.
Затопытьця въ симдесятъ симъ хатъ
Въ усихъ разомъ;
Дымъ зъ верхивъ такъ и слонятыметьця по всій деревни
И такъ туманомъ на море и покотыть.
И перестане курить у всихъ хаткахъ,
Такъ, якъ сокырою одруба.
Де визьметьця хмарка,
Заступыть сонце
И схопытьця сылна буря,
Ажъ дерева затрищать.
Оттоди въ моій хати затопытьця.
И ты замичай,
Шобъ та на мои покои попавъ!
У мене буде дымъ стовпомъ;
Шо хочъ яка буря,
По никуды въ бикъ не зибье,
Стоятыме, не схыбнетьця;
Шобъ ты па ти покои йшовъ».
Прыходыть винъ до кганкивъ.
Выскакуе вона зъ хаты;
Бере ёго пидъ руку;
Веде въ хату.
Напоила,
Накормыла;
Роскынула перыны,
Положыла ёго на спочывокъ.
«Гляды-жъ ты, каже», «Иване!
Бо скоро одъ батюшкы й слугы по тебе прыбижать
Не давайсь имъ на рукахъ несты тебе!

Бо дадуть табакы понюхать
То тоди погублять!» [1])
Тутъ пидъ викно бижать симдесятъ симъ слугъ.
„Иваня!
Ступай до батюшкы!"
Убравсь; выйшовъ винъ.
„Веливъ тебе батюшка на рукахъ несты".
— „Вонъ, свыни!
У васъ не стане й нигъ по мене ходыть,
Не тилькы мене на рукахъ носыть!"
Слугы самы между собою й кажуть:
„Тай цуръ ёму;
Нехай самъ иде;
Намъ ше й лучче".
Идеть у батюшчынъ двиръ.
Стоить батюшка на кганкахъ.
„Заразъ мое Подарунча на рукахъ у покои несты!"
Кынулысь до ёго на рукы брать,
Винъ до ихъ зъ кулакамы:
„Вонъ, свыни!
Я стикы царствъ перейшовъ,
Та нихто мене на рукахъ не носывъ,
А тутъ я й самъ до батюшкы дійду!"
Входыть въ покои;
Цилуютьця,
Мылуютьця,
Гуляють цилый день до вечера!
У вечери крыкнувъ батюшка:
„Есть у мене дочерей симдесятъ симъ!
До которои любля на рукахъ однесты!"
Кынулысь слугы до ёго,
А винъ до ныхъ!
„Вонъ, свыни!
Я стикы царствъ перейшовъ,
Та нихто мене на рукахъ не носывъ,

[1]) Царь—винъ бувъ не хрещеный, а вона була хрыщена водою и духомъ.

А тутъ я вже на стару кватырю й такъ дійду!
Въ васъ не стане нигъ и ходыть по мене,
Не тилько на рукахъ носыть!“
Выйшлы слугы за двиръ:
„Одъ сучый сынъ!
Де винъ узявсь!?
Якъ бы ёго пидговорыть!?
А въ насъ батюшка строгый!
Шобъ ёму голову батюшка знявъ“.
Прыйшлы до царя:
„Отъ, батюшка!
Подарунча зъ вамы пыло та гуляло,
Та вамъ и правды не сказало!
— „Якъ“, говорыть, „слугы?“
„Та такъ!
Якъ выйшовъ за двиръ,
Тай каже намъ:
Я якъ-бы схотивъ добро батюсьци зробыть,
Такъ я-бъ у ёго въ двори таку крыныцю выконавъ до свита,
Шо луччои-бъ воды не було-бъ и по всимъ царству!
Одна-бъ цямрына була-бъ золотá,
А ’дна срибна
И срибный звидъ,
Золоте цеберечко
— „Завернуть ёго заразъ сюды!“
Догналы.
„Иваня!
Вернысь до батюшкы!“
— „Зачимъ, батюшка, требуете?“
„Якъ-же мени тебе не требувать?!
Шо ты въ мене пывъ-гулявъ,
Та мени й правды не сказавъ!
Та чор-зна кому—слугамъ моимъ говорывъ,
Шо якъ-бы я схотивъ добро зробыть,
То таку крыныцю выконавъ-бы,
Шо й у царстви луччои воды не було-бъ;
Одна цямрына срибна,

Друга золота;
Срибный звидъ,
И золоте цеберечко".
— „Якъ-же можна, тату,
Шо-бъ за 'одну ничъ отаке мигъ-бы одынъ чоловикъ зробыть!?"
„Ну, гляды, сынку!
Тоби день, — мени ничъ,
Тоби голова зъ плечъ!"
Пишовъ одъ царя.
Иде й плаче.
„Отъ колы вже пропавъ"!..
Якъ угледила у викно вона,
Шо винъ плаче,
Бижыть, цилуе!
„Зачимъ ты, серденько, плачешъ?"
— „Якъ-же мини не плакать,
Шо мени тилько до завтрёго й жыть!"
„А, Боже мій!...
Та кажы скорій,
Не мучъ мене,
Шо тамъ тоби батюшка казавъ?"
Хватыла ёго пидъ плече,
Увела въ хату.
Посадыла въ кинци столу:
„Кажы серденько, шо тамъ таке?"
„Пидговорылы слугы,
Шо я могу за 'дну ничъ до свита выкопать таку крыныцю,
Шо й у всимъ царстви нема такои!
Шо-бъ срибна и золота цямрына,
Срибный звидъ, золоте цеберечко!"
„Це мени, серденько, й за вухомъ не свербыть!
Шо тоби батюшка не загадае, — не журыся!
Иды до мене, — я тоби все зроблю!
А то ты мене якъ ножемъ пробываешъ!
Сидай — вечеряй, та лигай спаты".
Силы, повечерялы; роскынула перыну: положыла — прыспала.

Встала тыхесенько, такъ якъ у глупу ничъ;
Хватыла кныгу: выйшла на кганкы.
Якъ крыкне!
Якъ свысне!
„Слугы мои мыли!
Слугы мои люби!
Станьте передо мною,
Якъ лисъ передъ травою!
Глядить-же!
Шобъ була у двори крыныця выкопана,
Шобъ луччои и въ царстви не було!
Шобъ була одна цямрына золота, одна срибна,
Срибный звидъ и золоте цеберечко!"
Якъ налынулы!
Той копа,
Той джерела пуска,
Той серебрыть!
Той золотыть,
Другый тоже кладе цямрыну,
Третій звидъ становыть
И цеберечко виша.
Такъ якъ переказавъ,—
Такъ воны й зробылы!
Вона раненько встала,
Снидать зготовыла;
Позбудыла;
Напоила,
Накормыла;
На свитаньни дала ёму топорець
И чотыри гвоздыкы.
„Иды-жъ ты до крыныци,
Тай ходы кругомъ,
Тай стукай обухомъ,
Нибы майструешъ.
Якъ выйде батюшка на кганкы,
Забый гвозьдь на схидъ соньця на зрубови,
Й другый на захидъ,
А ти на тыхъ вуглахъ,—будто навхрестъ,

Такъ якъ и хрестъ положеный,—
Бо й тоби достанетьця воды тыи пыть“.
Выйшовъ батюшка на кганкы;
Той бье гвозьди навхресть.
Крычыть батюшка!
„Слугы мои люби!
Слугы мои мыли!
Несить мое подарунча на рукахъ!“
Слугы кынулысь до ёго:
Винъ до ихъ зъ сокирою
„Вонъ, свыни!
Въ васъ не стане и нигъ по мене, ходыть,
Не то мене на рукахъ носыть!
Я й самъ до батюшкы зійду!“
Любуе батюшка въ сынови,
Що винъ сповнывъ свое дило.
Пьють, гуляють,
Пыръ пидіймають.
Бере ёго батюшка за руку,
Веде до крыныци;
Любуе въ крыныци,
Любуе въ зрубови.
И въ своди
И въ цебри.
Пьють гуляють до вечора.
У вечери крыкнувъ батюшка на слугы:
„Есть у мене дочерей симдесятъ симъ!
Однесить на рукахъ до которои любля!“
„Тату! я ще младъ, зеленъ до дивокъ;
Мени треба вчытьця робыть.
Я онъ стикы царствивъ перейшовъ,
Та не оддыхавъ и доси.
Пиду на стару кватырю,—хочь оддыхну“.
„Слугы мои люби!
Слугы мои мыли!
Однесить подарунча на рукахъ на стару кватырю!
Тилькы слугы до ёго,
А винъ зъ сокырою до ихъ!

„Вонъ, свыни!
Въ васъ не стане й нигъ до мене ходыть,
Не тилькы мене на рукахъ носыть!"
Выйшлы слугы за двиръ,
„А, та й бида", кажуть „изъ цимъ подарунчамъ!
Улыкае, що не стане нигъ ходыть!
Давай ёго пидскаржымъ ще не такъ;
А въ насъ батюшка строгый!
Оцёго винъ не може зробыть,
Що мы ёго пидскаржымъ!"
Ускочылы до батюшкы слугы:
„Зъ вамы, батюшка, подарунча пыло та гуляло,
Та вамъ и правды не сказало,
А намъ казавъ оть що,
Якъ выйшовъ за двиръ:
Я-бъ, каже, якъ бы хотивъ добро батюсьци зробыть,
То поставывъ-бы за 'дну ничъ ограду золоту;
У тій огради посадывъ-бы садъ
И всяку овощъ, що въ свити е!
И до свита зацвите и одцвитетьця!
А якъ сонце зійде, усяка овощъ поспіе!
И на снидання самои первои овощи понисъ-бы батюсьци въ кошыку".
— „Заразъ завернить ёго до мене"!
Завернулы.
„Зачимъ, батюшка?"
— „Що-жъ, сынку!
Ты пывъ зо мною й гулявъ
Та мени й правды не сказавъ!?
А чор-зна кому, слугамъ, за дворомъ говорывъ,
Що, якъ-бы, мовъ, хотивъ добро зробыть батюсьци,
То зробывъ-бы кругомъ двору ограду золоту ажъ до горныць!
А въ тій огради садъ насадывъ: що е въ свити разна овощъ;
До свита зацвите й отцвитетьця,
А якъ сонце зійде,—поспіе
И ты мени внесешъ у кошыку на сьниданьня".

— „Не можно, батюшка, цёго зробыть!
Одно дерево росте годъ пьять,
Та й то не розцвитае!..
Шобъ за одну ничъ усяка овощъ прынялась и зацвила!?!"
„Ну, гляды, сынку!
Тоби день, мени ничъ,—
Тоби голова зъ плячъ.
Ты казавъ, шо крыныци не могу зробыть,
А про те зробывъ!?!
Ступай!"
Иде винъ и плаче.
Углядила ёго вона у викно,
Шо винъ гирко плаче,—
Бижыть,
Крычыть:
Зачимъ ты, серденько, такъ побываесься!?
— „Якъ-же мени не побыватьця?!
Тилько до свита й жыть мени!"..
„Не журысь!"
Хватыла ёго пидъ плече;
Ввела въ хату.
Посадыла на дзыклыку.
Кажы, серденько, шо тамъ таке?!
Яке тамъ тоби гирке слово сказано?!
— „Пидговорылы слугы, шо я могу ограду зробыть ажъ до горныць...
У тій ограда понасажать ризнои всякои овощи, яка въ свити есть...
Шобъ цвила вона до свита.
А якъ сонце зійде,
Шобъ самои первои прынесты въ кошыку батюсьци на сьниданьня».
«Це въ мене, серденько, й за вухомъ оттутъ не свербыть.
Сидай,—нумъ вечерять»!
Повечерялы.
Роскынула перыну;
Положыла й прыспала.
Встала потыхесенько глупои ночи;
Взяла кныгу и выйшла на кганкы

Розгорнула кныгу.
Якъ крыкне!
Якъ свысне!
«Станьте слугы передо мною,
Якъ лисъ передъ травою!
Глядить!
Шобъ вы зробылы батюсьци ограду
Ажъ до самыхъ ворить!
А въ тій оградн садъ насадыть,
Разнои овощи, що въ свити е,
Шо-бъ той садъ до свита одцвивсь,
И якъ сонце зійде—шобъ овощъ постала».
Воны якъ заходылысь!...
Той копа,
Той золотыть,
А той кладе ограду,
А той садъ садыть,
А ти цьвитъ чипляють,
Други отрусюють,
Та разну овощъ навишують,
Що е въ свити!
Якъ я це переказавъ,
Такъ це дило зробылы.
Избудыла ёго раненько!
Напоила, накормыла;
Дала ему кошыкъ:
«Иды-жъ ты у садъ,
Вырвы овощи,
Та котори червыви,
Выкыдай за ограду».
Сонечко зійшло.
Выйшовъ батюшка на кганкы,
Якъ крыкне на свои слугы!
«Слугы мои мыли, слугы мои люби!
Заразъ мени подарунча зъ овощу на рукахъ у горныци внесты!
Кынулысь до ёго: «вонъ свыни!
Въ васъ не стане и нигъ по мене ходыть,
Не то мене на рукахъ носыть»!
Нарвавъ первои овощи и несе батюсьци на снидадьня.

Любуетьця батюшка въ сыну.
Любуетьця въ саду и въ ёго овощи,
Любуетьця въ ёго крыныци, и въ зводи и въ цебри.
Пьють, гуляють,
Пыръ пидіймають до вечера:
Ввечери крыкнувъ батько:
«Есть у мене дочерей симдесять симъ!
Однесты ёго на рукахъ до которои любля».
«Тату! Я младъ зеленъ по дивкамъ!
Треба вчытьця робыть!
Я скилькы царствивъ перейшовъ,
Тай доси не 'ддыхавъ!
Тай у васъ ставъ,
То мени, тато, покою не дававъ!
Пиду на стару кватырю,—оддыхну».
«Слугы мои мыли, слугы мои люби!
Однесить мое подарунча на рукахъ на стару кватырю».
Кынулысь слугы до ёго,
А винъ до ихъ съ кулакомъ;
«Вонъ, свыни!
Въ васъ не стане нигъ по мене й ходыть,
Не тилько мене на рукахъ носыть»!
Выйшлы слугы.
«Ну, бида съ цымъ подарунчамъ!
Прыйдетьця пропадать!
Шо не пидговорымъ, то все й зробе!
А ходимъ ще пидговорымо,—
Цёго вже не зробе.
Ввійшлы до царя:
«Батюшка!
Отъ у васъ подарунча пыло-гуляло,
Та вамъ и правды не сказало,
А выйшовъ за двиръ, то намъ говорывъ:
Я якъ-бы, каже, схотивъ добро зробыть батюсьци,
Такъ поставывъ-бы у тій ограде монастырь такый,
Шо ниде такого нема!
Поставывъ-бы й дзвиныцю!
Шо буде само въ монастыри правытьця
Й чытатьця,
Шо слидуе,

А на дзвиныци само буде дзвонытьця!
Одъ монастыря изроблю помистъ ажъ до горныць,
И сонце зійде,
Увесь садъ зацвите
И ризни птахы защебечуть,
А йтыметь батюшка до монастыря,
Сами дзвоны ревтымуть».
«Завернуть его сюды!
Шо-жъ ты, сыну, пывъ-гулявъ,
Та мени й правды не сказавъ,
Та, абы кому,—слугамъ!
Ты казавъ, шо якъ-бы зхотивъ мени добро зробыть,
То въ оградн-бъ поставывъ монастырь и дзвиныцю,
А 'дъ манастыря помистъ ажъ до горныць!
Ну, гляды, сыну!
Тоби день,—мени ничъ!
Тоби голова зъ плечъ!
Ты говорывъ, шо крыныци не зробышъ,
А проте зробывъ!
Ты казавъ, шо й саду не насадышъ,
А проте насадывъ,—
То зробышъ и манастырь»!
Иде винъ и плаче.
Побачыла вона у викно, шо винъ плаче,
Бижыть,
Крычыть,
Рукы ломыть!
«Зачимъ ты, серденько, такъ журысься»?!
«Якъ-же мени не журытьця,
Якъ мени тилькы до свита жыть»!
Бере вона его пидъ руку, веде въ хату:
«Нумъ сидать вечерять;
Це мени й за вухомъ не свербыть».
Повечерялы. Ляглы спать.
Встала въ пивничъ;
Взяла кныгу;
Выйшла на ганкы.
Якъ крыкне!
Якъ свысне!

«Слугы мои люби!
Слугы мои мыли!
Станьте передо мною,
Якъ лисъ передъ травою!
Глядить:
Шобъ-бъ вы зробылы у батюшкы въ оградп манастырь
И дзвиныцю;
Шобъ у манастыри само правылось
И чыталось;
На дзвиныци шобъ сами дзвоны дзвоныли.
И 'дъ дзвиныци шобъ бувъ помистъ изробленый
Ажъ до батюшчыныхъ покоивъ.
Якъ до манастыря йты, —
Шобъ увесь садъ зацвивъ якъ снигъ
И шобъ ризни птахы въ саду щебеталы».
Якъ заходылысь!
Той ставе!
Той верхы зводыть!
Той дзвиныцю зачынае!
Другый уже дзвоны чипляе!
Ти тоже птахы наганяють!
Други тоже цвиты чипляють!
А ти помистъ кинчають!
Дило зроблено!
Избудыла вона подарунча раненько;
Дала ёму топорець и два гвозьди:
«Иды-жъ ты до манастыря
И ходы по помосту съ кинця въ кинець.
Якъ выйде батюшка на кганкы,
То забый гвоздь на схидъ соньця
И на западъ соньця».
Выйшовъ батюшка на кганкы:
Якъ крыкне на слугы!
«Слугы мои люби, слугы мои мыли!
Несить мое подарунча на рукахъ»!
Слугы кынулысь до ёго:
«Во-о-нъ, свыни!

У васъ не стане й нигъ по мене ходыть,
Не то мене на рукахъ носыть»!
Любуетьця царь усимъ:
Любуетьця въ ёго крыныци
И въ зводи й цебру;
Любуетьця въ сади
И въ огради;
Любуетьця въ манастыри и дзвиныци;
Любуетьця въ цьвитови и въ птыци.
Пьють, гуляють,
Пыръ пидіймають
До вечера.
«Есть у мене дочерей симдесятъ симъ;
До которои любля однесить подарунча на рукахъ».
«Батюшка! Я ще молодь-зеленъ до дивокъ!
Треба вчытьця робыть!
Я стикы царствивъ пройшовъ, та ниде не 'ддыхавъ
И до васъ прыйшовъ, — нема покою!
Дайте мени покой, — пиду хочъ на стару кватырю».
«На рукахъ однесты подарунча».
Кынулысь до ёго.
«Вонъ, свыни!
Въ васъ не стане нигъ по мене ходыть,
Не то мене на рукахъ носыть»!
— «Ну, бида намъ зъ цымъ подарунчамъ!..
Прыйдетьця пропадать!..
Не дай Богъ стикы ёго на рукахъ носыть,
Якъ ще до ёго й ходыть»!
Выйшлы за двиръ:
«Дайте ище разъ пидговорымъ!
Цёго вже не може зробыть»!
Та назадъ до царя!
«Огъ батюшка!
Зъ вамы подарунча пыло та гуляло,
Та вамъ и правды не сказало!
А намъ выйшло за двиръ, тай хвалытьця:
Я якъ-бы хотивъ батюсьци добро зробыть,
То е въ батюшкы лисъ

Сорокъ верстъ довжыни,
А сорокъ верстъ шырыни!
То я могу той лисъ выполоть
И засіять конопли;
Уродять конопли,—
Я ихъ могу выбрать
И помолотыть,
И помочыть,
И вытягать,
И помнять,
И потипать,
И попрясты,
И невидъ выплесты,
И кутъ моря закынуть,
И батюсьци рыбкы на сниданьня враньци прынесты!
«Заразъ завернуть мени ёго»!
Догналы слугы Ивася.
«Вернысь до батюшкы».
«Шо-жъ ты, сыну»?!
Пывъ—гулявъ,
Та мени й правды не сказавъ!?
Та абы-кому,—слугамъ?!
Ты казавъ, шо я могу добро батюсьци зробыть.
Есть у батюшкы лисъ
Сорокъ верстъ довжыни
Й шырыни,
То я ёго выполю
Й складу,
Й насію конопель,
Й выберу конопли,
Й помочу,
Й вытягаю,
Й потипаю,
Й помну,
Попряду,
Й невидъ выплету,
Й кутъ моря закыну.
Батюшсьци рыбкы на сниданьня вытягну".

— „Неможна, батюшка, цёго зробыть!
Одного дуба буде до свита зъ корнемъ тягты,
А не ввесь лисъ сполоты!!“
„Ну, гляды, сыну!
Тоби день, - мени ничъ;
Тоби голова зъ плечъ!“
Пишовъ винъ плачучы:
„Отъ колы я пропавъ!
Отцёго вже й вона не може отгадать“!..
Углядила, що йде винъ плачучы,—
Бижыть,
Цилуе,
Мылуе.
„Зачимъ ты, серденько, такъ гирко плачешъ?“
— „Якъ же мени, серце, не плакать,
Шо мени тилькы до свита й жыть!“
„Кажы скорише,
Що тамъ таке?
Чимъ тебе обидылы?!“
„Та якъ-же, каже,
„Пидскаржылы слугы,
Шо я могу сорокъ верстъ шырыни,
Сорокъ верстъ довжыни
Лису выполоть!..
Выполовшы, посіять коноплель!
Шобъ выбрать
И помолотыть...
Потипать
И попрясты...
Сплесты невидь
И кутъ моря закынуть,
Батюсьци рыбкы на снидандьня піймать!“
„Це мени, серденько, и за вухомъ не свербыть!
Нумъ вечерять, та лягать спать“.
Встала вночи потыхесеньку.
Взяла кныгу,
Выйшла,
Розгорнула,

Якъ крыкне!
Якъ свысне!
„Слугы мои мыли!
Слугы мои люби!
Стать передо мною
Якъ лисъ передъ травою!
Глядить-же,
Шобъ вы выпололы въ батюшкы лисъ.
Сорокъ верстъ довжыни
И шырыни!
И насіять конопель!
Выбрать
И помолотыть!
Помочыть
И вытягты!
Потипать
И помнять!
Попрясты
И невидъ выплесты!
И кутъ моря закынуть, —
Батюсьци рыбкы на сниданьня піймать!"
Якъ налынулы!..
Якъ тьма!!...
Имъ и по дубку не стало!..
Сполоды й склалы въ купы!
Той заходе, — конопли типа!..
А зъ другого краю заходе,—вытяга!
Той симъя обмына!
А зъ другого краю заходыть,—мочыть!..
А той бере вытяга!..
А той бере, типа!
А ти беруть, мнуть;
А ти прядуть!
А ти невидъ плетуть!
А ти вже затягають кутъ моря!
Повный невидъ рыбы нагналы.
Збудыла ёго раненько.
Дала ёму найстаршый цыганьськый молотъ

И два пáколы зализныхъ:
„Иды-жъ;
Та не злякайсь нечыстои сылы,
Бо й ты тоже лыцарь.
Якъ тягтымуть невидъ
То ты визьмысь за 'дно крыло,
Та пидтягнешъ.
Пáкиль забьешъ,
Тай обмотаешъ (невидъ);
Та пидешъ и до другого крыла;
Бо пивни якъ заспивають,
То воны втечуть,
Те крыло й самъ вытягнешъ потроху,
Покы розвыднытьця".
Вытягъ невидъ на сухе;
Узявъ соби рыбкы стикы треба ёму,
А ту вывернувъ у воду;
А невидъ роскынувъ на березі.
Прыйшовъ до неи.
Бижать слугы:
Несы, Иваня, батюсьци рыбкы на блюдьци"!
Понисъ.
Изжарылы й поилы.
Пьють, гуляють,
Пыръ пыдiймають
До вечера.
У вечери скрыкнувъ царь:
„Слугы мои мыли!
Слугы мои люби!
Есть у мене дочерей симдесятъ симъ!
Возьмить однесить подарунча
До которои 'любля!"
— Батюшка!
Дайте-жъ мени оддыхнуть хоть одну ничъ.
Отколы я прыйшовъ, то мени й покою не було!"
— „Ну, пожалуй!
Ступай оддыхать.
Есть у мене дочерей симдесятъ симъ
И ище й одна!"

(Отъ ажъ колы сказавъ, шо симдесятъ симъ
Ище й одна!)
„Готовся завтра къ винцю.
Годи тоби вчытьця робыть".
Иде винъ и сьміетьця.
Якъ здума,—то й засміетьця.
Вглядила вона въ викно, шо винъ веселый;
Бижыть ёму назустричъ,
„Шо тоби, серце, такъ прыйшлось,
Шо ты веселый?"
— „Казавъ батюшка,—„завтра до винця готовытысь".—
„Кого-жъ винъ тоби назначывъ брать?"
— „Та я никого не хочу, окримъ тебе.—
„Э ни, серце!
Винъ такъ зробе,
Шо ты мене не пизнаешъ".
Каже: „ни, пизнаю".
И заспорылыся воны за те саме
Шо: „не пизнаешъ".
— „Обчимъ-же я тебе не пизнаю?"
„Обтымъ не пизнаешъ,
Шо намъ батько дасть мазкы усимъ однакови",
На одынъ выдъ уси.
Потимъ ты мене й не пизнаешъ.
Прыбравшы такъ,
Винъ насъ поведе въ манастырь,
Поставыть у кругъ,
И тебе впхне въ середыну,
А самъ стане зъ боку
И буде дывытьця.
И ты будешъ пизнавать де твоя.
И шобъ тры раза на одну вказавъ,
А не вгадаешъ,
Тоби день,—ему ничъ,
Тоби голова зъ пличъ".
— „Такъ ты-жъ скажы, серденько,
Шобъ я вгадавъ
„Якъ буде первый разъ весты
И впхне тебе въ середыну,
То ты будешъ по головамъ дывытьця:
Голова до головы перепускатымешъ (очыма),

То якъ прыйдешъ протывъ мене,
То въ мене муха злетыть посередъ головы;
Облетыть трычы вкругъ головы
И сяде впьять на голову.
А въ друге винъ дасть упьять друге лыце
И друге вбраньня.
И впьять ты мене не познаешъ.
Якъ упхне тебе въ середыну,
То ты дывыся по ногахъ:
Черевыкъ черезъ черевыкъ перепускай;
Якъ прыйдешъ протывъ мене,
То въ мене съ черевычка выбижыть мышка
И оббижыть трычы вкругъ черевыка;
Нихто того не побаче,
Тилькы ты побачышъ.
То впьять же поведе до дому
И дасть намъ трете лице
И трете вбраньня.
Впьять-же ты не пизнаешъ.
Якъ упхне тебе въ середыну,
То ты будешъ плече черезъ плече перепускать,
Плече черезъ плече;
То я зъ пидъ правого плеча выпустю сокола,
Нихто не вглядыть
А ты вглядышъ.
Отеперъ нумъ лигать спать,
Та не забувай, що я тоби розсказала".
Всталы раненько.
Зготовыла вона страву,—
Поснидалы.
Бижять слугы:
„Ступай, Иваня; батюшка кличе".
Прыйшовъ Иваня.
Ззывае батюшка симдесятъ симъ дочерей
Ище й одну;
Бере ихъ у горнацю,
Дае имъ усимъ однакове лыце
И однакове гарне вбраньня на всихъ.
Веде въ манастырь,
Становыть у кругъ,
Утягае въ середыну Йваню.

Стае самъ збоку:
„Пизнавай, сынокъ, де твоя“.
Стоять уси,
Якъ одна маты народыла.
Иваня перепускае голову черезъ голову,
Голову черезъ голову,
Голову черезъ голову;
Прыйшовъ проты неи:
Взлетила муха середъ головы
И облетила кругъ головы трычи.
„Оце, батюшка, моя“.
--- „Беры: веды іи въ домъ“.
Прыйшлы въ домъ,
Давъ имъ друге лыце
И друге вбраньня зелене.
Повивъ у манастырь,
Поставывъ у кружокъ:
„Пизнавай сыну: де твоя?
Угадаешъ,—твоя буде,
Не вгадаешъ,—
Тоби день, мени ничь,
Тоби голова зъ пличъ“.
Винъ перепускае нога черезъ ногу,
Нога черезъ ногу;
Прыйшовъ проты неи;
Выбигла мышка зъ черевыка,
Нихто й не вглядивъ, —тилькы винъ
„Оце, батюшка, моя“.
„Ну, беры,—веды въ домъ“.
Прыйшлы вси въ домъ.
Дае царь трете лыце
И червоне вбраньня на всихъ.
Увивъ у манастырь;
Поставывъ у кружокъ;
Упхнувъ ёго въ середыну,
„Угадай, де твоя?
Угадаешъ,—твоя,
Не вгадаешъ,
Тоби день,—мени ничъ,
Тоби голова зъ пличъ“.
Винъ якъ узявъ перепускать плече черезъ плече!

Обійшовъ кругомъ
Не пустыла сокола спидъ плеча.
„А де, сынку, твоя“?
— „Та постой“, каже;
„Ше не пизнавъ“.—
„Ну, пизнавай“.
Обійшовъ и другый разъ:
Перепуска плече черезъ плече;
Такъ уже перепуска!
Обыйшовъ до краю,—
Не пустила сокола.
Ставъ—дума.
«А де, сынокъ, твоя»?
— «Не пизнавъ ще».—
«Пизнавай»!
Винъ перепуска плече черезъ плече, —
Трусытьця!
«Отъ пропавъ»!
Обыйшовъ одъ краю до краю,—
Не пускае сокола.
Стоить, побиливъ якъ стина.
«А що, сынокъ! Де твоя»?
— «Нехай идуть съ кружка до дому!
Я скажу на ходу де моя».
Пустылысь иты въ дверы.
Вона все огынае, все огынае!..
З-заду, да з-заду!
Доходыть до дверей;
Пустыла зъ пидъ правого плеча сокола.
Винъ доганяе,—хватае,
«Оце, тату, буде моя».
— «Ну, бéры, тай веды, якъ твоя».
Прыйшлы до дому
Розибравъ;
Тоди упизнавъ, що вона.
Заразъ прызвавъ священыка зъ другои слободы;
Перевинчавъ ихъ священыкъ у манастыри;
Отгулялы весилья.

Зоставля царь ихъ у себе на жытельство.
Жывуть воны соби недилю:
Жывуть и другу.
Вона ему й каже:
«Просыся у батька на Жовту косу
На куть моря:
Хай поставыть тоби хатку,
То мы будемъ тамъ мешкать.
И поминяйся ему неводомъ рыбу ловыть,
Жадного ранку на сниданьня носыть».
Любуётьця царь у сыну
И въ ёго крыныци
И въ цебру, и въ зводу;
Радуетьця въ ёго ограды, и въ саду,
И въ манастыри, и въ дзвиныци
Просытьця сынъ на Жовту косу
На куть моря
Поставыть хатку,—тамъ мешкать,
Неводомъ рыбку ловыть
И царю на сниданьня доставлять.
Царь зъ радистю згодывся.
Якъ узявъ ту хатку ставыть,
То пьять мисяцивъ ставывъ!
«Шо якъ-бы тоби, сынокъ, оцю хатку становыть!?
Ты-бъ іи за 'дну ничъ поставывъ;
Ну якъ я—такъ пьять мисяцивъ ставлю»!
Выславъ ихъ туды мешкать;
Прыручывъ ёму два косякы коней глядить
И шобъ ловывъ неводомъ рыбку для жадного ранку.
Жывуть воны й стараютьця:
На жаденъ ранокъ завжде рыба е.
Що ранку слугы прыбигають
И Йваню звищають.
Шобъ нисъ батюсьци рыбкы на сьниданьня.
Ходе разъ Иваня по двору
Й гирько заплакавъ!
Жинка въ викно вглядила:
Вхватыла пидъ плече;

Ввела въ хату,
Зачала пытать:
«Прызнайся, другъ Иваню,
Чого ты такъ гирко заплакавъ»?
Ивась не прызнаетьця.
Вона ще дужче за ёго беретьця.
Винъ и прызнавсь:
Есть у мене отець и маты;
Та тилько далеко!
Видсиль не выдаты»!
— «Ты-бъ мени й давно такъ сказавъ!
То вже треба одъ злыхъ духивъ утикаты!
Прыжены, Иваню, коней,
Та зажены въ загинъ;
Та беры стару кобылыцю,
Та веды ихъ до конюшни,
Та дай имъ корму,
Та пототовъ на ихъ зброю, —
Будемо у вечери втикаты».
Прыготовыла харчи,
А винъ посидлавъ кобылыци.
Увъязалы харчъ въ торокы.
Клыкнула ёго въ хату:
„Плюй у табатырьку".
Наплювалы винъ и вона.
Поставылы табатырку на викно.
Замкнулы двери;
Силы й поихалы.
Йидуть цилу ничъ.
Уже й сонце сходе.
Прыбигають слугы —
Двери заперти.
Озываютьця пидъ викно:
„Ива-ня!
Несы батюсьци рыбкы на блюдце".
— „Заразъ-заразъ" [1])!

[1]) Отвѣтъ изъ табатырькы разсказчикъ выговаривалъ такимъ тоненькимъ и писклывымъ голосомъ, какъ въ кукольномъ театрѣ го-

Побиглы слуги.
Ждуть ждуть,—нема!
Крычыть царь:
«Якъ вы будылы?!
Винъ цилу ничъ бовтавсь у води,
То спыть дуже!
Чомъ вы ёго не збудылы»!?
Прыбигають слуги втрете:
«Ива-ня»!
— «Чо-го-о»?
«Несы батюсьци ры-бкы на блюдце»!
«Заразъ-заразъ»!
Ждуть-ждуть,—не 'дчыня.
Давай быть двери!
Увійшлы въ хату;
Шукають, нема!
Шукають на печи!..
Шукають по пидъ кроватью!
Шукають у комени!
Шукають скризь!—Нема!
Сталы середъ хаты:
„Ива-ня“!
А воно въ табатырци:
„Чо-го-о“?
„Несы батюсьци рыбкы на блюдьци“!
— «Заразъ-заразъ»!
Ажъ табатырка ходоромъ ходыть!
Вглядилы та табатырку схватылы,
Тай побиглы до царя.
„Нема Йвася, нема й жинкы, втеклы!
А озываетьця тилькы табатырка на викни“!
— „Летить же, – доганяйте ихъ“!
А Ивась зъ женою далеко вже булы!
Сонце спидъ обидъ,—

горятъ вмѣсто куколъ посредствомъ пищика. Даже еще болѣе тоненькимъ и миніатюрнымъ голосомъ, если можно такъ выразиться, и притомъ выговаривалъ скоро.

Глядь!—летять!..
Перекынула вона кони полынемъ,
А сама пшеныцею,
А Йвася зробыла женцемъ.
И дала ёму серпъ у рукы:
„Ходы-жъ ты кругъ пшеныци;
Та не рижъ,
А все нибы прымиряесься жать“.
Добигають симдесятъ симъ:
„А здоровъ тоби, женче!
Чы ты не бачывъ:
Не ихалы чоловикъ та жинка“?
— „Ни“, каже, „бачывъ“.
Каже „тоди якъ оцю пшеныцю сіявъ“.
„Ге-ге! Куды намъ ихъ догнать!?
Колы сіявъ,
А теперъ уже треба жать“!
Вернулысь.
Полынь ставъ конемъ,
Пшеныця молодыцею,
А женець ставъ молодець—
Силы й поихалы.
Прыбигають слугы до царя
„Гонылысь-гонылысь,—не догналы!
Тилькы й найшлы женьця,—
Почынавъ жать пшеныцю.
Такъ мы ёго спыталы:
Чы не бачывъ, шобъ ихавъ чоловикъ та жинка парою киньмы?
Каже—бачывъ, поихалы.
Давно?
Винъ сказавъ:
Якъ пшеныцю сіявъ.
Куды-жъ намъ ихъ догнать
Якъ уже почына жать“?!
— „А-ай, дурни вы, слугы!
Було-бъ женьця звъязать,
А пшеныцю вырвать

Ото сами воны й булы!
Бижить же!
Якъ застанете,—ёго звъяжить.
А пшеныци вырвить".
Прыбиглы.
Женця теперъ и пшеныци не стало.
Летять у погонь ще.
А Ивась зъ жинкою далеко вже въихалы
Оглянутся,—бижать!
Зробылась вона крыныцею,
А кони вербамы:
Ёго зробыла ченцемъ
И дала ёму копаныцю,
Шобъ винъ вкругъ крыныци обкопувавъ.
Прыбигають слугы:
„Здоровъ тоби, ченче!
Що ты робышъ"?
„Та хочу крыныцю пидчыныть;
Зрубъ погнывъ".
„Чы ты не бачывъ,—
Не ихалы чоловикъ та жинка"?
— „Ни", каже, „бачывъ"?
— „А давно-жъ ты ихъ бачывъ"?
— „Якъ цю крыныцю робывъ изнову,
То ихалы чоловикъ та жинка".
— „Э-э—ге-е!..
Годи намъ ихъ доганять!
Колы цю крыныцю робывъ,
А теперъ уже и зрубъ погнывъ"!
Вернулысь.
Прыихалы до царя.
„Не найшлы мы женьця,
Нема й пшеныци,
А гналыся въ погонь,
Та найшлы тилькы ченьця
Коло крыныци:
Мы ёго спыталы:
Чы не бачывъ, якъ ихавъ чоловикъ изъ жинкою?

И сказавъ – бачывъ.
А давно?
Тоди якъ крыныцю робывъ уновъ.
Такъ годи-жъ намъ ихъ доганяты"!
Царь сказавъ:
А-хъ, дуракы вы, слугы!
Годи вже васъ посылаты!
Треба самому политаты!
Було-бъ вамъ ченьця звьязаты,
Та 'дну зрубыну зорваты;
Та вербы по гылочци зломаты!
О-то саме воны й булы"!
Якъ зьнявсь!
Якъ полетивъ самъ!..
Ивась зъ жоною добираютьця вже до моря.
Оглянутьця,—летыть самъ!
Воны пошвыдче къ морю,
Пошвыдче къ морю!
Добиглы.
Сталы кони землею,
А вона вуткою,
А винъ селезнемъ
И поплывъ у море.
Царь роспалывсь!
Угнавсь!
Хотивъ ихъ на води похвататы;
Воны сталы у воду пирьнаты.
Якъ ухватыла вона его за ногы!
Винъ уже до того,
Шо ста́въ потопаты!
Якъ вырвався на берегъ!
Зачавъ землю рубаты
И зачавъ ихъ кони пожыраты!
„А-ай щаслыви жъ вы,
Шо я въ другый разъ не полетивъ!
Я-бъ васъ не солячы поивъ"!
Перепливши черезъ море,
Винъ ставъ молодцемъ,—

Вона молодыцею,
И пишлы по сухопутьтю.
Зійшлы на батькове царство.
Углядилы батькови дома пидъ самымъ золотомъ.
„Дывысь, жéно:
То мого батька дома.
Чы ты бачышъ“?
— „Бачу“.
„Слава Тоби Господы,
Шо мы вырвалысь зъ нечыстого царствá.
Мижъ хрещеный мыръ“!
Идуть дальше.
Находять гурта
„Чыи гурта“?
„Ивана багача“.
Находять отары.
„Чыи отары“?
— „Ивана багача“.
Находять косаривъ.
„Чыи косари“?
— „Ивана багача“.
Находять женьцивъ.
„Чыи женьци“?
— „Ивана багача“.
„Оце, жинко, все мого отця“.
„Слава Тоби, Господы!
Ну шо-жъ, чоловиче.
Якъ прыйдемъ до твого батька,
То ты мене й забудешъ“.
— «Ни, не забуду».
— «Ни, забудешь».
— «Ни, не забуду».
«Ни, забудешъ».
— «Ни, не забуду».
Дійшлы до двора.
Коло двора на горби велыкый молочáкъ.
Посидалы въ молочаци.
«А нарядю я тебе салдатомъ,
Пидешъ ты до свого отця:
Чы тебе пизнають отакъ»?
Нарядыла ёго.

Винъ прыходыть у домъ.
«Здрастуйте, старычокъ поштенный»!
— «Здрастуй, служывый».—
«Дайте воды напытьця».
— «А встань лышъ, стара,
Та дай салдатови попоисты;
Винъ може исты хоче,
Та пыть просе».
Стара встала,
Найшла варенычкивъ,
Найшла й сметанкы.
Посадыла ёго вкинци столу.
Сама лягла на полу.
Старый сыдыть, пыше вконци столу.
Салдатъ нагрився;
Розстебнувсь и нахылывсь,—
Исть соби;
Пазуха розгорнулася.
Стара й вглядила звизду на грудяхъ;
Схопылася.
Ходе по хати;
Рукы ломе:
«Охъ!.. Охъ! О-о-хъ!
О-о-хъ! О-о-о-хъ!
Ста-рый! .
Ста-ры-й!
Ста-ры-ы-й!..
Иды лышъ у сины» [1])...
— «Та чого ты тамъ розстогналася»?
Выйшовъ у сины.
«Ста-рень-кый, ды-высь!...
Оце наша ды-тына прыйшла,
А ты й не ба-чышъ!
Ось иды, лышень, по-ды-вы-ся!
Я й звизду на грудяхъ вглядила»!
Старый пидходе до столу.
Якъ ухопытьця за голову!..
Якъ закрычять обое!..
Сынъ якъ прыскочыть до ихъ!..

---

[1]) Слова старои разсказчикъ выговаривалъ тихимъ и отчасти какъ-бы страдальческимъ голосомъ.

Обцилувавъ ихъ!..
Облобызувавъ!
И розбакавъ!
Розибралы ёго.
Найшлы на ёго вбраньня дороге,—
Перебралы.
Засыла багачъ лысты:
По панахъ,
По князяхъ,
По попахъ—
Прыихать на пыръ!
Прыйшовъ гость дорогый,
Сынъ явывся!
Зачалы тры дни пыть и гулять.
Зачалы Ивася сватать.
Найшлы ёму паночку,
Посваталы.
Зачалы свадьбу гулять.
Найшлы стару бабку,—
Такъ виспа морду й зрыла!—
Сами ямкы!
Та проты неи «штряпухы» не було—
Панськои стравы заготовыты.
Зачалы поратьця:
Та борошно сіе,
Та дижу мисыть!—
Вона тилькы порядокъ дае.
Досталось главній «штряпуси»
Побигты воды прынесты.
Повенъ двиръ!
Музыка грае!
Стала вона за дворомъ воду брать,
Гляне въ колодязь на тинь,—
Ажъ нема кращои й у сьвити людыны,
Якъ та тинь у колодязи!
То була тинь Ивасевои жинкы.
Вона сыдила въ молочаци, сыдила,—
Пишла подывытьця на весильля.
Дійшла до двору;
Ничого невыдко за стиною!
Такъ вона взяла,

Тай злизла на вербу,
Шо надъ колодяземъ росла,
Тай дывытьця зъ тои вербы въ двиръ.
«Штряпуха» углядивши гарну тинь въ колодязи,
Подумала, що то іи.
Набрала воды въ видра;
Якъ прыбижыть передъ музыкы,
Якъ хряпне видра объ землю!
Якъ пиде танцюваты!
«Оть, чорты ёго батька зна,
Яка я красавыця,—
Тилькы-бъ мене за молодого замижъ и браты»!
Повыбигалы паны—
Регочуть!
«Што ты, бабусю, робышъ?!
Образумся!
Иды въ свое дило!
Годи вже тоби дурить».
Насылу отакувалы бабу!
Пишла въ свое дило.
Молоди сыдять,
Княжіють за столомъ.
А Ивасева жинка звыла́ два голубы на верби,
Тай послала въ хату.
Улетилы въ хату голубы,
Тай литають поверхъ головъ;
То на шахви,
То на груби сядуть,
Та все буркотять:
«Казавъ не забуду,
Тай забувъ!
Казавъ не забуду
Тай забувъ [1])!
А Ивась сыдивъ-сыдивъ,
Тай задумавсь.
«Що це я роблю?!
У мене-жъ жинка не така, якъ це»!
Якъ здумавъ свою жену,—

---

[1]) Эти слова разсказчикъ выговаривалъ глухимъ и тихимъ голосомъ и нараспѣвъ, подобіе того, какъ голуби гудуть.

(Прыйшлось по мысли),
Якъ скочывъ черезъ стилъ!
Та зъ хаты!
Выбигъ за двиръ!
Тамъ уже жинка ёго піймала
Та въ молочаци й отакувала.
Паны й князи зъ двора розбигаютьця!
Батько й маты тужять!
«Розбылось весильля
Й потерялы свое сокровыще»!
А Ивась зъ женою идуть,
За ручкы побравшысь;
Ввійшлы въ двиръ,
А зъ двора въ домъ:
«Здрастуйте, тато и мамо!
Ось де моя жена»!
Батько и маты зрадилы,
Панивъ завертають.
И вигъять початый пиръ продовжають.
Съ того часу сталы жыть пожывать.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Михаилъ Петровичъ Старицкій.

(Памяти товарища).

Такъ недавно, 16-го апрѣля, провели мы до могилы дорогого товарища, Михаила Петровича Старицкаго. Зная о давней тяжкой болѣзни покойнаго, о тѣхъ ужасныхъ сердечныхъ припадкахъ, которыми онъ страдалъ и которые такъ усилились въ послѣднее время, можно было опасаться скораго рокового конца; но въ то же время можно было еще надѣяться, что сильный отъ природы организмъ снова,—какъ это много разъ бывало,—поборетъ жестокіе приступы болѣзни; наступившая, наконецъ, весна, дѣйствительно, какъ бы оживила силы М. П—ча,—но это оживленіе оказалось похожимъ на послѣднюю вспышку угасающей лампады... Послѣ нѣкотораго улучшенія, наступило такое ухудшеніе дѣятельности сердца, что никакія чрезвычайныя медицинскія мѣры уже не дѣйствовали, и 14-го апрѣля Михаилъ Петровичъ скончался, среди своей семьи, на рукахъ нѣжно любимой и нѣжно любящей дочери Людмилы.

Мы опустили дорогого товарища въ могилу, но образъ его остался живымъ передъ нашими мысленными очами. Живъ его образъ и живо все то, что онъ сдѣлалъ для Украины.

Конечно, если вообще вѣрно, что не надъ свѣжей могилой произносить судъ всѣхъ дѣлъ умершаго, то тѣмъ болѣе это можно сказать въ настоящемъ случаѣ. Дѣятельность М. П. Старицкаго

такъ обширна и многообразна, что лишь будущій изслѣдователь можетъ вполнѣ оцѣнить ее и разобраться въ ней.

Но все же и въ ближайшее время на страницахъ «К. Ст.» долженъ появиться хотя общій обзоръ жизни и труда такого крупнаго дѣятеля, какимъ былъ Михаилъ Петровичъ. Если эту задачу беру на себя именно я, то это объясняется тѣмъ, что мнѣ не только хочется сдѣлать общее опредѣленіе дѣятельности М. Петровича, но также сообщить тѣ біографическія свѣдѣнія о немъ, которыя могутъ быть мнѣ извѣстны за многіе годы (за цѣлый 40-лѣтній періодъ!) нашей близкой, *товарищеской* дружбы. Я не могу иначе выразиться, такъ какъ, помимо той симпатіи, которую возбуждала во всѣхъ, знавшихъ М. П—ча, свѣтлая личность его,—самая дружба моя съ М. П. возникла на почвѣ литературной и впродолженіе всего указаннаго времени была тѣсно скрѣплена именно товариществомъ, т. е. тѣснымъ общеніемъ нашихъ писательскихъ интерессовъ, которые одинаково занимали, волновали наши души и были неразрывно связаны съ нашимъ посильнымъ литературнымъ трудомъ. Сама жизнь складывалась такъ, что постоянно сближала насъ, если даже случалось, что обстоятельства бросали насъ въ разныя стороны. Поэтому мой очеркъ дѣятельности М. П. неизбѣжно будетъ переплетенъ моими личными воспоминаніями.

Судьбѣ угодно было, чтобы мнѣ стало извѣстно имя М. П., какъ своеобразнаго поэта, еще раньше моего знакомства съ нимъ. М. П. былъ товарищемъ моихъ братьевъ,—родного, М. П. Драгоманова, и двоюроднаго, Н. М. Шульженка,—по полтавской гимназіи. Не помню, кѣмъ именно изъ нихъ, были однажды привезены на каникулы, въ нашъ родной полтавскій Гадячъ, стихи, о которыхъ братья говорили, что они написаны ихъ товарищемъ, Старицкимъ. Привезенное стихотвореніе, читавшееся на память, было юмористическаго характера, касалось какой то гимназической злобы дня, благодаря чему, б. м., и пріобрѣло особую популярность. О товарищѣ Старицкомъ братья добавляли, что онъ и вообще «пишетъ стихи». Эти, какъ шутливыя, такъ и серьезныя,

пробы М. П—ча сочинялись на русскомъ языкѣ, что вполнѣ естественно, такъ какъ память и воображеніе тогдашнихъ гимназистовъ, въ томъ числѣ и полтавскихъ, были всецѣло заполнены русской поэзіей, въ образцахъ писателей Пушкинскаго періода.

Въ этой сферѣ и началось авторство М. П.; на эти струны откликнулись впервые его поэтическое вдохновеніе и способности поэта-стихотворца.

Повидимому, лишь поступивши въ харьковскій университетъ, въ особенности перебравшись въ Кіевъ, М. П. воспринялъ, какъ тогда говорили, «украинофильское» вліяніе, которое освѣтило извѣстной сознательной идеей съ дѣтства пріобрѣтенное въ полтавскихъ селахъ [1]) знаніе украинскаго языка, возбудило желаніе писать именно на этомъ языкѣ;—и этому желанію, этому страстному влеченію поэтическая муза Мих. Петровича осталась вѣрною уже навсегда, до когда его жизни.

Мое первое личное знакомство съ М. П. Старицкимъ произошло уже въ этотъ, совершенно опредѣлившійся періодъ его украинскаго авторства. Это было въ Кіевѣ, весною 1865 г.

Я была ученицей уже предпослѣдняго класса, кіевскаго «Образцоваго пансіона для благородныхъ дѣвицъ» [2]), и такъ какъ мой братъ, Мих. П. Драгомановъ, былъ уже тогда женатъ (и былъ даже у насъ учителемъ), то меня отпускали изъ моего полузакрытаго заведенія къ нему въ гости, по праздникамъ. Конечно, такіе отпуски къ брату и его женѣ, которая тоже очень меня любила, были для меня двойнымъ праздникомъ!

У брата и его жены бывало очень много знакомыхъ, товарищей брата и др. Однажды явился въ эту скромную, но радушную квартиру, на тогдашней Жандармской улицѣ [3]), и М. П.

[1]) М. П. Старицкій родился въ селѣ Клищинцяхъ, золотоношскаго уѣзда, а потомъ жилъ въ кременчугскомъ уѣздѣ.

[2]) Частное заведеніе, среднее между институтомъ и позднѣйшими гимназіями.

[3]) Теперешняя Маріинско-Благовѣщенская.

Старицкій. Мнѣ онъ показался «пріѣзжимъ»; во всякомъ случаѣ весною 1865-го года я видѣла его первый разъ. Его эффектная фигура сразу обращала на себя вниманіе, къ тому же онъ былъ въ очень красивомъ украинскомъ нарядѣ (роскошно вышитой сорочкѣ, жупанѣ и пр.).

Михаилъ Петровичъ принесъ моему брату показать свои украинскіе переводы. Читать ихъ перешли въ кабинетъ. Привлеченная необычайной декламаціей, я тоже проникла въ кабинетъ... По окончаніи чтенія, гость и хозяинъ что-то говорили; я слушала,—конечно, молча, сидя въ сторонкѣ.—А вамъ нравятся эти стихи?—спросилъ меня М. П. Старицкій.—Да, отвѣтила я,—они такіе необыкновенные.—Оба Михаилы Петровичи разсмѣялись. Между тѣмъ, стихи Лермонтова, Мицкевича, Байрона—*по украински*, въ *тогдашнее* время, могли показаться «необыкновенными» не только юной «пансіонеркѣ», но и представителю болѣе серьезной публики, болѣе знакомой съ литературой. Послѣ этого, когда М. П. Старицкій приносилъ свои пробы, онъ шутя приглашалъ и меня:—«хотите послушать „необыкновенные“ стихи»?..

М. П. Старицкій бывалъ у Драгомановыхъ часто, такъ какъ онъ поселился въ Кіевѣ, съ женой, тоже скоро подружившейся съ семьей моего брата; Софія Вит. Старицкая оказалась моей товаркой, такъ какъ одно время она тоже была въ нашемъ «Образцовомъ пансіонѣ»—и осталась для меня «Соней Лисенко» [1]).

Въ 1866 году Старицкіе поселились уже въ одномъ домѣ съ моимъ братомъ, гдѣ остались и на другую зиму—1867-го и 68-го годовъ. Обѣ квартиры соединены были даже однимъ внутреннимъ ходомъ, такъ что сообщеніе между ними было постоянное,—иногда нельзя было даже разобрать, кто къ кому приходилъ, такъ какъ гости Старицкихъ переходили къ намъ, а наши переходили къ Старицкимъ. Во флигелѣ,—того же двора Войцеховскаго на Жандармской улицѣ,—жилъ также, въ зимній сезонъ 1866-го и 67-го года, Н. В. Лисенко. Такъ какъ у Драгомано-

[1]) Софія Витальевна вышла замужъ очень рано, 16-ти лѣтъ.

выхъ было фортепьяно, то компанія собиралась больше у нихъ. Этому фортепьяно было много работы!.. Много на немъ играли, много подъ его акомпаниментъ пѣли!.. По этому поводу у меня невольно встаетъ въ памяти одно забавное обстоятельство: подъ это фортепьяно, подъ его звуки пѣлась цѣлая шутливая «опера», текстъ которой касался тогдашней литературной, календарно-издательской злобы дня, а музыкальные мотивы были подобраны къ нему изъ итальянскихъ оперъ, очень популярныхъ тогда въ Кіевѣ, такъ какъ едва ли не впервые гостила тогда въ Кіевѣ цѣлый сезонъ итальянская оперная труппа. Я не знаю, кто именно былъ творцемъ этого юмористическаго текста (на русскомъ языкѣ), но въ Кіевѣ приписывали его обитателямъ дома Войцеховскаго: «опера» была очень остроумна и пріобрѣла очень большую популярность далеко за предѣлами Жандармской улицы: ее пѣли не только на Новомъ Строеніи, но и въ салонахъ Липокъ; по крайней мѣрѣ, нѣсколько времени спустя, мнѣ пришлось слышать ее (уже на Волыни) отъ пріѣзжаго изъ Кіева свѣтскаго гостя, Вл. М. Юзефовича.

Фортепьяно Драгомановыхъ служило въ зиму 1866-го и 67-го года и для первой большой работы Н. В. Лисенка, когда онъ приходилъ изъ своего флигеля къ Драгомановымъ работать надъ переложеніемъ на ноты мотивовъ перваго своего сборника «Украинськыхъ писень». На столѣ въ гостинной Драгомановыхъ Лисенко писалъ, а на фортепьяно пробовалъ, дополнялъ свою работу. М. П. Старицкій тоже иногда присаживался къ фортепьяно. Онъ обладалъ хорошимъ слухомъ, тонкимъ пониманіемъ музыки, обладалъ также нѣкоторой «любительской» техникой и могъ подбирать акомпаниментъ къ правившимся ему пѣснямъ и романсамъ. Изъ русскихъ романсовъ онъ особенно любилъ и часто пѣлъ у насъ «Не отходи отъ меня»: нѣжная, пѣвучая мелодія этого извѣстнаго (особенно тогда) романса навсегда осталась въ моей памяти неразрывно связанной съ образомъ Мих. Петровича.

Пѣніе, музыка не только не мѣшали, а какъ бы способствовали литературнымъ начинаніямъ дружескаго кружка, ютив-

шагося во дворѣ Войцеховскаго. Будущіе біографы будутъ разбираться, кто изъ друзей оказывалъ на другого больше вліянія... Трудъ едва ли исполнимый въ точности! Они взаимно одушевляли и дополняли одинъ другого. Можетъ быть, у М. П. Драгоманова было больше трезвой идейности, меньше украинско-лирической экспансивности; въ семьѣ М. П. С. былъ въ бо́льшемъ ходу народный языкъ, бо́льше соблюдался, такъ сказать, внѣшній украинскій декорумъ (не даромъ мнѣ помнятся до сихъ поръ жупаны М. П. Старицкаго и бѣлыя свиточки, кожушанки его жены); Н. В. Лисенко чаровалъ всѣхъ пѣснями. Но и М. П. Драгомановъ не хуже зналъ и не меньше любилъ родную, органически близкую ему украинскую рѣчь и пѣсню, заботясь о томъ, чтобы занятія ими принимали плодотворныя и по возможности научныя формы. Въ свою очередь на него, живо увлеченнаго общимъ теченіемъ русской жизни, общимъ направленіемъ передовой русской мысли, не могла не оказывать конкретнаго, заполоняющаго душу вліянія та, если можно такъ выразиться, стихійная сила и сфера «украинщины», съ которыми онъ постоянно соприкасался при указанномъ близкомъ общеніи съ семьей М. П. Старицкаго и Н. В--чемъ Лисенкомъ.

Да, можно съ увѣренностью сказать одно: этотъ періодъ, прожитый въ такомъ близкомъ общеніи тремя друзьями-полтавцами, оставившими такой большой слѣдъ въ культурной исторіи Украины, имѣлъ большое значеніе для нихъ и для ихъ дѣла.

М. П. Драгомановъ настоялъ, чтобы сборникъ «Украинськыхъ писень» былъ взятъ Н. В. Лисенкомъ, при отъѣздѣ его заграницу (въ Лейпцигскую консерваторію),—для непремѣннаго изданія его возможно лучше тамъ. Съ М. П. Старицкимъ обсуждались сообща планы новыхъ литературныхъ работъ.—Невольно приходитъ на память образъ еще одного близкаго къ М. П. Драгоманову лица, стихійно-украинскаго земляка изъ Гадяча, И. Я. Рудченка, жившаго тоже въ эти годы въ домѣ Войцеховскаго и приготовившаго подъ руководствомъ М. П. Драгоманова систематическіе сборники укр. сказокъ и чумацкихъ пѣсенъ.

Весною 1868-го года М. П. Старицкій былъ особенно занятъ дополнительными переводами сказокъ Андерсена—и по поводу ихъ втянулъ въ укр. писательство и меня. Я была тогда уже «на свободѣ», такъ какъ еще въ 66-мъ году окончила свое ученье; нѣкоторое время я прожила у матери, въ Гадячѣ, (въ нашемъ чудномъ Драгомановскомъ дворѣ!), теперь же, съ зимы 1867-го года, я снова жила въ Кіевѣ, въ семьѣ брата, дополняя свое образованіе разными мудрыми книжками, которыя тогдашняя «передовая» дѣвица должна была прочесть. О писательствѣ, признаться, я тогда совершенно не думала. Моей первой литературной работой (весною 1868-го г.) была случайная компиляція одной французской статьи, которую мнѣ указалъ въ Revue des deux Mondes братъ; онъ же и пристроилъ мой фельетонъ въ «Петерб. Вѣдом.». Несказанна была моя радость, когда я увидѣла свою работу въ печати и даже получила за нее отъ редакціи «П. В.» гонораръ! Мое торжество, конечно, сдѣлалось извѣстно обитателямъ другой половины дома. Но тутъ М. П. Старицкій, какъ я сказала, занятый тогда переводами сказокъ Андерсена для изданія цѣлаго сборника ихъ, «напалъ» на меня, чтобы я тоже попробовала переводить, хотя бы того же Андерсена, по-украински. Сколько я ни отговаривалась, что я не смогу хорошо сдѣлать этой работы (такъ необычной и трудной казалась она для меня!), М. П. Старицкій очень ободрялъ меня, увѣрялъ, что вѣдь укр. языкъ для меня родной, что я такъ хорошо говорю на немъ, и наконецъ, чтобы вѣрнѣе занять меня указываемой работой, купилъ и подарилъ мнѣ томикъ, въ красивомъ переплетѣ, сказокъ Андерсена на французскомъ языкѣ, увѣряя, что мнѣ гораздо легче будетъ переводить съ языка чужого, чѣмъ если бы я попробовала переводить съ русскаго. Двѣ сказки, наконецъ переведенныя мною изъ подаренной книжки, привели М. П. Старицкаго въ восхищеніе. Послѣ я убѣдилась, что если М. Петровичу нравилось чье-либо писанье, то всегда нравилось чрезвычайно!.. Это объясняется какъ увлекающейся натурой его, такъ въ добавокъ тѣмъ страстнымъ желаніемъ, которое онъ всегда имѣлъ, чтобы увеличился кругъ пишущихъ по-украински.

Увы! моимъ переводамъ съ Андерсена не суждено было увидѣть свѣтъ... Лѣтомъ 1868-го года, по выходѣ замужъ, я уѣхала на Волынь и хотя тамъ, ободренная похвалами М. П. Старицкаго, продолжала переводить изъ подаренной имъ книжки и перевела 10 сказокъ, но злая судьба жестоко пошутила надо мной: когда я въ первый же разъ на Рождество ѣхала «въ гости» изъ волынскаго Звягеля въ Кіевъ и везла свои переводы, чтобы показать ихъ М. П. Старицкому и брату,—я потеряла ихъ, выронивши изъ своихъ вещей въ дорогѣ, гдѣ-то на шоссе подъ Кіевомъ, подъ самыми «Тріумфальными воротами»!... (Желѣзной дороги вѣдь тогда еще не было и приходилось долгій путь ѣхать на лошадяхъ). За вторичный переводъ сказокъ Андерсена мнѣ уже какъ-то трудно было заставить себя взяться,—и, спустя нѣсколько лѣтъ, лишь хорошенькія илюстраціи въ красной съ золотомъ книжкѣ стали любимыми картинками моихъ дѣтей.

Михаилъ же Петровичъ Старицкій, хотя тоже уѣзжалъ изъ Кіева, купивши имѣніе въ Подоліи, но выбранныя имъ сказки Андерсена перевелъ и, послѣ того какъ нѣкоторыя изъ нихъ печатались въ галицкой «Правдѣ», издалъ ихъ въ Кіевѣ, съ картинками кіевскаго художника Мурашка.

Это было въ 1873 г., когда М. П. Старицкій былъ уже извѣстенъ въ литературномъ кругу—и стихотворными переводами, и драматическими пробами. Всё, что онъ успѣлъ напечатать, включая и сказки Андерсена, было замѣчено не только своими, но и врагами, которые тоже усмотрѣли въ М. П. Старицкомъ крупнаго работника, выступившаго на убогой тогда нивѣ украинской литературы, и не преминули направить въ него свои колючія критическія стрѣлы. Допускаю, впрочемъ, что критики враждебнаго лагеря,—безотносительно къ тому, что считали себя стоящими «на стражѣ», обязанными облаять всякаго вновь выступающаго украинскаго писателя,—были въ значительной долѣ искренни въ своихъ недоумѣніяхъ и порицаніяхъ того, что выходило изъ подъ пера М. П. Старицкаго. Его переводы, самая тенденція въ выборѣ ихъ, а также языкъ переводовъ, были слишкомъ смѣлы, какъ говорили критики—«дерзки». Въ самомъ дѣлѣ, брать, *тогда*

для переводовъ по-украински—стихи Лермонтова, Байрона, художественныя сказки европейской знаменитости! Это ли не дерзость? Притомъ употреблять не простой языкъ, которымъ говорить «малороссъ-простолюдинъ», а употреблять какіе то неологизмы, «скованные» нарочито! Да вѣдь это не только смѣшная претензія, это просто преступленіе!—Такъ думали, совсѣмъ искренно, многіе,—и чужіе, и даже «свои»...

Да, при появленіи въ свѣтъ переведенныхъ М. П. Старицкимъ стихотвореній и сказокъ Андерсена, чужіе—ругались, насмѣхались, не щадя автора, свои—огорчались, тоже высказывая неодобреніе... Мнѣ живо помнится, какъ, вскорѣ послѣ выхода въ 1873 г. сказокъ Андерсена въ переводѣ М. П. Старицкаго, мнѣ пришлось, въ одинъ изъ моихъ пріѣздовъ въ Кіевъ, слышать въ тѣсномъ кругу почитателей украинской литературы рѣзкое порицаніе перевода Старицкаго, именно за «кованныя» слова. Предположено было выразить М. П. Старицкому совершенно опредѣленное неодобреніе и заявленіе, что «такъ нельзя», что его литературныя новаторства *вредны* для нашей литературы, такъ какъ открываютъ ей ложный путь!

Между тѣмъ, путь, по которому пошелъ М. П. Старицкій въ своихъ сочиненіяхъ и переводахъ, былъ логически неизбѣженъ. Потребность въ расширеніи рамокъ нашей литературы назрѣла. Еще Кулишъ въ Запискахъ о Ю. Руси высказалъ болѣе широкое понятіе о національности, національномъ творчествѣ, выводя его изъ тѣсныхъ предѣловъ *простонародности* и называя поэтовъ-писателей продолжателями кобзарей и лирниковъ въ дѣлѣ народнаго самосознанія и творчества. Признакомъ *національной* литературы Кулишъ считалъ извѣстныя общія характерныя черты, духъ творчества, а не строго ограниченныя формы творчества и его выраженія. Соотвѣтственно такому взгляду, долженъ былъ отойти въ область пережитаго—тотъ періодъ, когда наши старые писатели, какъ Метлинскій, Забѣла и др., старались писать только въ народномъ стилѣ, какъ бы подделываясь подъ складъ народной пѣсни, начиная съ пѣсеннаго размѣра стиха и кончая отдѣльными «чисто народными» выраженіями и словами. Отдавши

значительную дань творчеству пѣсеннаго типа (включительно до сочиненія думъ,—какъ можно думать, лишь выданныхъ за народныя, кобзарскія). Кулишъ, чѣмъ дальше, все больше пробуетъ иные мотивы, такъ сказать — поэзіи интеллигентной, вводя также и неологизмы (которые мы встрѣчаемъ уже въ его переводѣ Іова).

Старицкій пошелъ по новому пути гораздо рѣшительнѣе—и, какъ слѣдуетъ думать, не потому, чтобы ему не давалось творчество въ народномъ духѣ: среди его болѣе давнихъ стихотворныхъ опытовъ находимъ, напр., слѣдующее прекрасное стихотвореніе, написанное размѣромъ и складомъ народной пѣсни:

Охъ, и де ты, зironько,
Та вечирняя?
Охъ, и де ты, дивчыно,
Щыро-вирная?
Чы кому зорять теперъ
Ясни оченькы
У садочку нышному
Середъ ноченькы?
Чы кому всмихаются
Нышни вустонькы?
Чы гаптують рученькы
Били рученькы? и т. д.

Очевидно, что въ этомъ же родѣ Михаилъ Петровичъ могъ бы написать и многія другія стихотворенія («Увѣряю васъ, что этотъ родъ даже гораздо легче»,—не разъ говорилъ онъ); но Михаилъ Петровичъ умышленно желалъ брать другія темы и другія формы творчества, имѣя цѣлью способствовать выведенію украинской литературы на болѣе широкій путь. Отсюда прежде всего являлось намѣреніе дать украинской литературѣ, въ видѣ переводовъ, образцы избранныхъ произведеній лучшихъ европейскихъ поэтовъ. Соотвѣтственно такой тенденціи Михаила Петровича, долженъ былъ,—сравнительно съ приведеннымъ его стихотвореніемъ въ народномъ стилѣ,—получить новыя особенности и

языкъ послѣдующихъ его сочиненій, въ особенности переводовъ, дѣлаясь именно языкомъ *литературнымъ*. Это было,—какъ бываетъ во всѣхъ литературахъ,—явленіемъ совершенно логическимъ, законнымъ; но,—странное дѣло,—то, что являлось естественнымъ и законнымъ въ литературахъ иныхъ, казалось очень странной, неумѣстной, почти преступной ересью для *нашей* литературы! Совершено забывалось положеніе, что всякій народный языкъ не есть нѣчто неподвижное, окаменѣлое, что формы языка мѣняются, развиваются, что сообразно тому, какъ расширяется кругъ понятій, расширяется и кругъ ихъ выраженія словомъ; забывалось, что такимъ образомъ и создается языкъ литературный.

Затѣмъ, точно не хотѣли помнить наши критики, что нигдѣ литературный языкъ не являлся сразу готовымъ, какъ Паллада изъ головы Зевса, что вездѣ онъ *создавался* постепенно и что писателямъ, трудившимся въ другихъ литературахъ надъ *выработкой* литературнаго языка, ихъ дѣятельность вмѣнялась имъ не въ вину, а, напротивъ, въ заслугу. Забывалось также, что лишь время, продолжительность употребленія неологизмовъ литературныхъ, давая имъ право существованія въ литературѣ, заставляетъ читателей постепенно даже забыть то, что данныя выраженія и слова были въ свое время «скованы»; забывалось, что многія слова въ русскомъ литературномъ языкѣ, если внимательнѣе вслушаться въ нихъ, представляютъ собою не болѣе какъ переводы иностранныхъ выраженій съ помощью славянизмовъ, при чемъ всѣ эти «междометія», «возникновенія», «сверхъестественности» даже гораздо дальше отъ *народнаго* русскаго языка, чѣмъ предлагавшіеся неологизмы въ литературѣ украинской отъ народнаго языка украинскаго. Въ самомъ дѣлѣ, что ужъ такое ужасное, несообразное съ формами и корнями нашего народного языка представляли собою слова, вводившіяся М. П. Старицкимъ?! Это были въ сущности очень простыя, вовсе не громоздкія (по сравненію съ приведенными словами, къ которымъ у насъ привыкли еще съ Ломоносовскаго періода) производныя отъ вѣрныхъ словъ языка народнаго, напр. прилагательныя отъ

употребляемыхъ нашимъ народомъ существительныхъ, произведенныя совершенно по тому же типу, какъ производитъ ихъ народъ.

Я приведу одно стихотвореніе М. П. Старицкаго (оригинальное), въ своемъ родѣ «историческое», такъ какъ изъ-за него тоже шелъ споръ,—теперь малопонятный...

Вечеръ.

(Посвящ. О. П. Д—вій).

Уже за маева червони
На спочывъ сонце порына,
Темніе сыня пелена,
Туманомъ крые оболони
И вечиръ землю обнима;
За нимъ ось лыше ничъ сама
И сіе скризь чудови зори
На неомирянимъ простори...
О пышно-дывна! Лынь хутчій,
Зъ своимъ дыханнямъ пестовлывымъ,
Зъ своимъ утомомъ чаривлывымъ
И тыху лагоду навій
Нужденнымъ душамъ сыротлывымъ,
Та серце стомлене у-край
Мовъ ненька та заколыхай!

Пожалуй, теперешній читатель и любитель украинской литературы будетъ даже недоумѣвать, что́ же такое особенно смѣлое по части языка, неологизмовъ представляетъ собою это стихотвореніе? Казалось бы, ничего особеннаго: есть въ нашемъ народномъ языкѣ «пестонци», «пестыты», «чары», «чаруваты», почему не быть словамъ «пестовлывый», «чаривлывый», съ флексіями, совершенно естественными и обычными въ украинской народной рѣчи.—Но такъ можетъ казаться теперь: а тогда (стихотвореніе принадлежитъ къ первому періоду писательства Михаила Петровича), оно казалось для многихъ просто еретическимъ. «Ковальство», «невозможное ковальство!»—говорили объ этомъ и подобныхъ ему стихотвореніяхъ чужіе и свои. Этого

осужденія было достаточно, чтобы стихотвореніе потеряло въ глазахъ критиковъ все свое достоинство проникнутаго поэзіей лирическаго произведенія, какимъ оно могло быть съ удовольствіемъ отмѣчено въ любой литературѣ. Но это могло быть въ другой литературѣ,—у насъ же тогда о подобныхъ стихотвореніяхъ говорили: намъ не нужна «литературщина»! Цѣнился только «щыро-народній» стиль, «щыро-народній» лексиконъ.

М. П. Старицкій очень огорчался насмѣшками, упреками чужихъ и своихъ, но твердо шелъ по своему пути,—дѣйствительно, новаторскому.

Кромѣ области стихотворной,—лирической и иной,—Михаила Петровича съ давнихъ поръ занимала мысль о нашей драматической литературѣ, о ея бѣдности, о необходимости ея пополненія. Дѣйствительно, весь нашъ драматическій репертуаръ исчерпывался тогда нѣсколькими пьесами, которыя можно было перечесть по пальцамъ. Если затѣвался любительскій украинскій спектакль, который иногда устраивала въ Кіевѣ молодежь,—что́ можно было поставить?.. Если не «Нат.-Полтавку», то «Назара Стодолю», «Гаркушу», «Чорноморській побытъ».... (Пьесы Квитки [1]) не были популярны въ Кіевѣ). Оставался еще «Москаль-Чаривныкъ» и нѣсколько другихъ одноактныхъ водевилей (изъ которыхъ предпочтительнѣе прочихъ былъ—«Кумъ-Мирошныкъ»...). Очень естественно поэтому, что М. П. Старицкій, большой любитель театра, желалъ приложить свой трудъ къ пополненію такого убогаго репертуара. Еще въ 60-ые годы составилъ онъ планъ драмы (называвшейся «Панське болото»), изъ жизни смѣшаннаго круга, народнаго и интеллигентнаго, на тему явившагося тогда народничества, имѣвшаго свои свѣтлыя, но и свои темныя стороны. Михаилъ Петровичъ говорилъ мнѣ, что основная фабула драмы (неудачно окончившагося романа панича-народника съ сельской дивчыной) взята была имъ изъ близкаго ему панскаго круга. Кромѣ того, также еще въ 60-тые годы, Михаилъ Петровичъ началъ писать либретто оперы «Гаркуша» (къ музыкѣ Н. В. Ли-

[1]) Шельменко-деньщикъ, Щыра любовъ.

сенка). Но опера была, повидимому, слишкомъ большимъ предпріятіемъ, особенно если приходилось имѣть въ виду для оперы украинской лишь любительскія силы. Для этихъ силъ, группировавшихся въ Кіевѣ вокругъ Н. В. Лисенка и М. П. Старицкаго, признана была, конечно, болѣе подходящей—оперета. Первой такой оперетой, съ обработкой текста М. П. Старицкимъ (на сюжетъ Кухаренка), съ музыкой Лисенка, явились «Чорноморци». Первыхъ постановокъ этой пьесы любителями—я не видала.

Затѣмъ, болѣе обширнымъ драмат. трудомъ М. П. Стар—го явился текстъ «музыкальной комедіи» «Риздвяна ничъ», съ музыкальными номерами Лисенка. «Риздвяна ничъ», какъ пьеса совсѣмъ новая, должна была обратить на себя большое вниманіе. Уже пробный спектакль (съ представленіемъ всего 2-хъ дѣйствій пьесы), а затѣмъ репетиціи въ частной квартирѣ друзей Лисенка и Старицкихъ, г-жъ Линдфорсъ, живо интересовали весь нашъ украинскій литературно-артистическій кругъ. И музыканты, и не музыканты ходили посмотрѣть, послушать новую пьесу, высказывая свои соображенія. Самъ же М. П. Старицкій былъ просто поглощенъ репетиціями. Но самая постановка «Риздвяной ночи» на большой сценѣ въ оперномъ театрѣ подняла интересъ къ ней до чрезвычайной степени. Къ первому представленію «Риздвяной ночи» явилось много пріѣзжихъ приверженцевъ изъ «провинціи»; пріѣхали и мы съ мужемъ изъ Волыни.

Спектакль этотъ былъ какимъ-то національнымъ торжествомъ. Пріемъ пьесы публикой былъ восторженный—и пьеса того заслуживала. Кромѣ совершенно новыхъ музыкальныхъ номеровъ, чаровавшихъ насъ красотою мелодіи, кромѣ сценичности и разнообразія содержанія текста,—сценъ комическихъ, чередовавшихся съ серьезными, изъ которыхъ особенное впечатлѣніе производила сцена (цѣлое дѣйствіе) съ запорожцемъ Пацюкомъ, превращеннымъ Старицкимъ въ идейнаго патріота,—кромѣ всего этого, очень хорошо было и самое исполненіе этой «музыкальной комедіи» [1]). Мнѣ

[1]) Названіе это вполнѣ соотвѣтствовало, такъ какъ музыка входила въ пьесу лишь отдѣльными номерами; въ остальномъ это была бытовая піеса.

приходилось видѣть потомъ «Риздвяну ничъ» уже въ видѣ оперы, исполнявшейся оперной трупой (въ Харьковѣ, въ 80-хъ годахъ, и недавно—въ Кіевѣ), но я не видѣла въ оперномъ исполненіи и тѣни того, что́ дали намъ любители, исполнявшіе впервые «Риздвяну ничъ» въ кіевскомъ театрѣ, въ видѣ музыкальной комедіи. Исполнители наши были превосходны,—начиная съ очаровательной красавицы, какой должна была быть, по мысли Гоголя, Оксана и какою, дѣйствительно, была Ольга Александовна Лисенко, исполнявшая эту роль. Оксана плѣняла своимъ прелестнымъ голосомъ и прелестной—соотвѣтственно роли, то граціозно-кокетливой, то нѣжно-грустной манерой. *Такой* Оксаны я больше не видала!.. «Вакула», А. А. Русовъ, пѣлъ съ большимъ одушевленіемъ и рѣдкою характерностью; Солоха (Липская) и особенно дьякъ (Матвѣевъ) были безподобны въ своей типичности, безъ малѣйшей шаржировки. Даже второстепенныя лица, «найкращый парубокъ» Грыцько (Ор. Ив. Левицкій), дивчата,—какъ много внесли они той этнографической вѣрности тона, костюмовъ, того одушевленія, смысла, которые столько придали красоты пьесѣ-*комедіи* (и чего, увы, почти всегда не хватаетъ при исполненіи пьесъ оперными труппами!)..

Я не была на репетиціяхъ «Риздвяной ночи» и не знаю, насколько превосходное исполненіе любителями «Риздвяной ночи» было обязано ревностному режисёрству М. П. Старицкаго, но до сихъ поръ помнится мнѣ мастерская постановка этого спектакля. Вечеръ первой художественно прекрасной постановки «Риздвяной ночи», вмѣстѣ съ чарующимъ впечатлѣніемъ музыки пьесы, остается однимъ изъ лучшихъ воспоминаній моей жизни, хотя я не принимала участія ни въ постановкѣ, ни въ исполненіи пьесы, была простою зрительницею. Я представляю себѣ, какой слѣдъ оставили въ душѣ исполнителей и близко стоявшихъ къ дѣлу первыя представленія «Ризд. ночи», заставлявшія залу опернаго театра, переполненную зрителями, гремѣть отъ рукоплесканій!

Да, рукоплесканія были восторженныя, такъ какъ пьеса была прекрасна, превосходно исполнена и будила наши лучшія упованія!..

Слѣдующей пьесой М. П. Старицкаго, тоже на тему изъ Гоголя, долженъ былъ явиться «Сорочынськый ярмарокъ»: но задумавши оперу, Михаилъ Петровичъ издалъ въ слѣдующемъ 75-мъ году лишь свой украинскій переводъ этой повѣсти. Вообще переводы вновь заняли его мысль: еще раньше издаетъ онъ «Байки Крылова», собравши свои давніе переводы и дополнивши новыми, до объема цѣлой книжки.

Между тѣмъ, приближалась турецко-славянская война, съ ея прологомъ, герцеговинскимъ возстаніемъ, возбудившимъ симпатію и посильную поддержку кіевскихъ украинцевъ. Отчасти подъ вліяніемъ этого движенія, М. П. Старицкій подготовилъ къ печати цѣлый сборникъ своихъ переводовъ «Сербськихъ народныхъ думъ и писень», предназначивъ чистую выручку «на корысть бративъ-славянъ», какъ это было потомъ обозначено на обложкѣ книжки при печатаніи.

Пробы перевода этихъ пѣсенъ были сдѣланы М. П—чемъ давно—еще въ 60-тыхъ годахъ: мнѣ кажется, эта работа была по началу отраженіемъ того своеобразнаго славянофильскаго вѣянія, которое обусловило существованіе извѣстнаго «славянскаго братства» въ Кіевѣ, съ такими участниками въ его организаціи, какъ Шевченко, Кулишъ и Костомаровъ; участіе ихъ въ кіевскомъ «славянскомъ братствѣ» было фатально для нихъ, но идея этого украинско-славянскаго единенія, отличавшагося отъ получившей право гражданства московско-славянофильской тенденціи, оставила свой слѣдъ.

Какъ бы тамъ ни было, еще въ 65-мъ г. были напечатаны въ галицкой «Правдѣ» первые украинскіе переводы Старицкаго сербскихъ думъ; за другими, указанными выше, работами, переводы сербскихъ думъ были потомъ Старицкимъ оставлены; событія же, оживившія вниманіе и симпатію къ «братамъ-славянамъ», снова возвращаютъ Михаила Петровича къ переводу сербскихъ думъ. Какъ-то, зимой 75—76-го года, М. П. Старицкій, всегда искавшій дружеской «порады», принесъ показать М. П. Д—ву уже цѣлую тетрадь своихъ переводовъ сербскихъ думъ, приготовленную для цензуры. Я тоже присутствовала при чтеніи,—

но уже не въ качествѣ молчаливой слушательницы, а, будучи уже пріятельски знакомой съ авторомъ, рѣшалась дѣлать свои замѣчанія относительно перевода. М. П. Старицкому мои замѣчанія показались стоющими вниманія и даже на столько, что онъ оставилъ мнѣ тетрадь переводовъ для болѣе внимательнаго просмотра самой, съ правомъ сдѣлать отмѣтки въ тетради. Случилось такъ, что мои отмѣтки,—впрочемъ не особенно многочисленныя,—были всѣ приняты М. П. Старицкимъ къ свѣдѣнію. Съ тѣхъ поръ,—безъ хвастовства могу это сказать,—онъ до странности довѣрчиво относился къ моимъ совѣтамъ: какъ онъ не разъ говорилъ, онъ былъ увѣренъ, что именно я могу съ надлежащимъ вниманіемъ отнестись къ его работѣ и дать надлежащій совѣтъ;—поэтому Михаилъ Петровичъ до конца жизни, если только представлялся къ тому случай, показывалъ мнѣ свои наброски, даже серьёзныя работы, и я рѣшительно не помню случая, когда бы онъ отказался сдѣлать ту поправку выраженія, стиха или даже какой нибудь частности плана, какую я ему дружески совѣтовала сдѣлать. Конечно, это легко объясняется нашимъ единомысліемъ въ основныхъ интересахъ, а также и тѣмъ, что относительно нашихъ литературныхъ задачъ, пріёмовъ и языка мы тоже были сходны во мнѣніяхъ.

Относительно украинскаго языка еще одно обстоятельство обусловило единеніе нашихъ взглядовъ, свѣдѣній и ихъ примѣненія въ литературной работѣ: наше, такъ сказать, органическое знакомство съ украинскимъ языкомъ, то, которое пріобрѣтается съ дѣтства, было основано на природномъ, одинаково намъ близкомъ нарѣчіи лѣвобережномъ, такъ какъ и Михаилъ Павловичъ, и я были родомъ изъ Полтавщины; но, по волѣ судьбы, мы близко сжились также и съ нарѣчіемъ правобережнымъ: М. П. Старицкій, живя въ Подольщинѣ (въ купленномъ имъ имѣніи, въ селѣ Корденивкѣ), а я—на Волыни. Мы обое были обрадованы, встрѣтивши, вопреки поверхностнымъ толкамъ, и на Правобережьи тотъ же прекрасный украинскій языкъ; нѣкоторыя мелкія діалектическія отличія, старыя формы, еще сохранившіяся на правомъ берегу Днѣпра (и не встрѣчаемыя уже въ рѣчи полтавскаго люда), даже нравились

намъ. Отсюда происходило, что въ то время, какъ при чтеніи сочиненій Михаила Петровича нѣкоторые земляки-полтавцы находили странными, новыми для своего слуха, вводимыя имъ подольскія слова,—меня они не удивляли и я даже часто, въ замѣнъ полтавскаго, предлагала Михаилу Петровичу волынское выраженіе, если оно, напр., лучше укладывалось въ стихъ (или же просто потому, что оно мнѣ больше нравилось). Михаилъ Петровичъ охотно принималъ такіе «волынизмы», говоря: «да, да, чудесно! такъ говорятъ и у насъ въ Подольщинѣ!»

Таковы были основы нашего литературнаго единенія. Къ этому прибавлю,—впрочемъ, я сказала объ этомъ прежде всего,—у насъ были одинаковыя мнѣнія о задачахъ украинскаго литератора. Мы обое видѣли эту задачу въ расширеніи рамокъ нашей литературы по содержанію; мы обое были за тотъ принципъ относительно формы, который многіе презрительно называли «ковальствомъ» и который мы считали законнымъ, даже необходимымъ.

Лѣтомъ 1876 г. книжка «Сербськыхъ думъ» въ переводѣ Старицкаго вышла въ Кіевѣ, съ посвященіемъ М. П. Драгоманову, «моему щырому другови и товарышови», какъ напечаталъ авторъ-переводчикъ на заглавномъ листкѣ.

Мнѣ М. П. Старицкій прислалъ на Волынь экземпляръ «Сербськыхъ думъ» въ роскошномъ переплетѣ, съ такимъ автографомъ:

Нехай згадается въ симъ слови
Зъ-давенъ прыхыльный вамъ піитъ,
Не зрадывъ винъ святій любови
И порываннямъ давнихъ литъ.
Колысь байдужымы перстамы
Перегортаючы лыстки,
Вы спогадаете и самы
Свои колышніи гадкы,
Давно промучени хвылыны
Рожевыхъ образивъ и мрій....
Такъ часомъ писни гукъ едыный
Зрывае згадокъ цилый рій!...

«Сербськи думы» были, по моему мнѣнію, замѣчательнымъ пріобрѣтеніемъ украинской литературы. Въ виду того, что изданіе это давно сдѣлалось библіографической рѣдкостью, я приведу отрывокъ «Думъ», чтобы можно было хотя отчасти судить какъ самыхъ думахъ, такъ и о стилѣ ихъ перевода:

1. *Дивчына Косовка* (стр. 167).

Рано встала дивчына Косовка,
Раннимъ ранкомъ у святу недилю,
У недилю до схидъ сонця встала;
Засукала рукава биленьки,
Засукала ажъ до билыхъ локтивъ:
Билый хлибъ несе вона на плечахъ,
А въ рукахъ дви золоти коновкы:
У одній—холодная водыця,
У другій—выно червоне, добре.
Отъ, иде зъ тымъ на Косове ривне;
Боёвыщемъ молоденька бродыть,
Боёвыщемъ пречесно́го князя,
Розглядае по крови юна́кивъ;
Де надыба юнака жывого,
Умыва холодною водою,
Напува ёго выномъ червонымъ,
Нагодуе по́тимъ хлибомъ билымъ... и т. д.

Повидимому, языкъ перевода вполнѣ соотвѣтствуетъ эпическому народному складу думъ, но критики все же указывали «ковальство»: слова—«боёвыще», «потужный», «судци» (слово чисто народное. .).

Нѣсколько времени спустя послѣ изданія «Сербськыхъ думъ», М. П. Старицкій пріѣхалъ неожиданно къ намъ на Волынь, въ нашъ тихій городокъ Звягель. Пріѣздъ такого гостя былъ большою радостью для насъ, хозяевъ. Случилось, что мы тогда-же вмѣстѣ съ М. П. прочли въ «Отеч. Запискахъ» повѣсть какого-то новаго, впервые выступавшаго автора, Котелянскаго, подъ загла-

віемъ «Чиншевики». Повѣсть, сюжетъ которой былъ взятъ изъ народнаго быта юго-западнаго края[1]), была очень талантливо написана; Михаилу Петровичу и мнѣ она понравилась настолько, что мы рѣшили сейчасъ же перевести её по украински. Михаилъ Петровичъ взялъ половину главъ, другую половину взяла я. Въ нѣсколько дней,—во всякомъ случаѣ очень скоро,—переводъ былъ готовъ. Мы послали его во Львовъ, для напечатанія въ одномъ сборникѣ, который издавали Франко и Павликъ. Но увы! увидѣло свѣтъ только мое предисловіе о положеніи чиншевого вопроса въ юго-западномъ краѣ (да и это предисловіе принадлежало собственно не мнѣ, такъ какъ написано было со словъ моего мужа,—являясь лишь въ моей, такъ сказать, редакціи. Что же касается до перевода самой повѣсти, то его постигла очень печальная, даже можно сказать, трагическая участь: по словамъ г. Франка, переводъ былъ сожженъ (sic!) австрійской прокураторіей, воздвигшей гоненіе на нашихъ редакторовъ (за какое-то раньше выпущенное изданіе) и будто бы конфисковавшей всѣ рукописи, какія оказались въ редакціи, въ томъ числѣ и нашъ злополучный, подвернувшійся подъ руку переводъ Чиншевиковъ! Кто могъ этого ожидать, разъ повѣсть была въ подлинникѣ напечатана у насъ въ журналѣ? Непонятное явленіе!...

До сихъ поръ жаль мнѣ этого перевода, сдѣланнаго въ сотрудничествѣ съ М. П. Старицкимъ. Мнѣ кажется, что переводъ прибавилъ бы интересную вещь къ нашей беллетристикѣ. Да что было дѣлать?... «Щось погане перейшло дорогу» этой повѣсти....

Талантливый авторъ «Чиншевиковъ», Котелянскій, вскорѣ умеръ. Повѣсть его отдѣльно не издавалась; намъ тоже—браться вновь за переводъ «Чиншевиковъ» уже какъ-то не было охоты...

Время было унылое и вмѣстѣ неспокойное. Къ этому времени относятся нѣкоторыя оригинальныя стихотворенія Михаила Петровича, которыя частью были напечатаны въ Галиціи, частью исчезли куда-то. Помню сюжетъ одного изъ этихъ стихотвореній,

---

[1]) Котелянскій, родомъ еврей, былъ тоже оттуда и, повидимому, хорошо зналъ мѣстную жизнь.

изображавшаго горькое состояніе души несчастнаго борца, отдавшаго свою молодую жизнь, какъ онъ думалъ, для блага народа, и видящаго, какъ эта самая народная толпа, жадная до зрѣлищъ, бѣжитъ смотрѣть на позорище, на его гибель. Можетъ быть это стихотвореніе было напечатано,—я этого не знаю, читала его въ рукописи.

Въ 1881 году вышелъ въ Кіевѣ сборникъ стихотвореній Михаила Петровича Старицкаго («Зъ давнёго зшытку. Писни и думы»), гдѣ помѣщены были между прочимъ его переводы съ Байрона, Мицкевича, Сырокомли, Гейне. Въ томъ-же, 81-мъ, году вышелъ альманахъ Луна, изданный А. Я. Конисскимъ, гдѣ тоже были помѣщены стихотворенія Михаила Петровича Старицкаго и водевиль «Якъ ковбаса та чарка».

Большое огорченіе ждало М. П. Старицкаго при появленіи рецензій на эти изданія. Критики враждебнаго лагеря осыпали его упрёками въ «дерзости», а также злыми насмѣшками; критики «своего» лагеря говорили сдержаннѣе, но тоже высказывали очень горькія, непріятныя вещи. Вотъ что, между прочимъ, писалъ самъ Костомаровъ, въ Вѣстн. Европы, въ статьѣ «Задачи украинофильства» (рецензія на сборникъ Луна): «Лучше оставить всѣхъ Байроновъ, Мицкевичей etc. въ покоѣ и не прибѣгать къ насильственной ковкѣ словъ и выраженій, которыя народу непонятны, да и самыя произведенія, ради которыхъ они куются, простолюдину непонятны и пока не нужны». («Вѣстникъ Европы», 1882 г. I).

Если такъ говорилъ критикъ *своего* лагеря, любитель украинской литературы и, такъ сказать, товарищъ по перу, самъ нѣкогда писавшій по украински,—то можно себѣ представить, что́, и въ какомъ тонѣ, писали критики враждебные!..

Но увѣренія въ «ненужности пока» европейскихъ авторовъ для нашего народа не убѣждали Михаила Петровича: въ томъ же 1882-мъ году вышелъ въ Кіевѣ его переводъ—Гамлета Шекспировскаго. Это была дерзость выше мѣры, особенно въ виду предисловія переводчика, въ которомъ онъ говорилъ, что взялъ для перевода именно Гамлета—какъ для того, чтобы дать украинской

литературѣ одно изъ лучшихъ произведеній великаго драматурга, такъ и потому, что желалъ бы способствовать выработкѣ нашего литературнаго языка, которая скорѣе всего можетъ быть достигаема посредствомъ переводовъ лучшихъ образцовъ.

Къ своей задачѣ переводчика Михаилъ Петровичъ отнесся въ высшей степени добросовѣстно: онъ познакомился съ лучшими переводами Гамлета французскими и нѣмецкими; желая достигнуть возможной близости перевода къ подлиннику, онъ подробно проштудировалъ англійскій текстъ (съ помощью г-жи О. П. Цвѣтковской, родомъ англичанки) и провѣрилъ по оригиналу свой переводъ построчно. Переводъ вышелъ очень близкимъ и очень удачнымъ. Въ видѣ образца стиха и стиля этого перевода Михаила Петровича, приведу хотя небольшой отрывокъ, для того, чтобы современный читатель имѣлъ понятіе объ этомъ украинскомъ Гамлетѣ, также сдѣлавшемся давно уже библіографической рѣдкостью. Беру отрывокъ изъ перваго-же дѣйствія, изъ обращенія Гамлета къ тѣни отца:

Крыйте насъ, святи небесни сылы!
Хтобъ не бувъ ты—духъ благый, чи клятый,
Чи пахучи повивання зъ неба
Ты несешъ, чи бури чадни зъ пекла,
Чи зъ благымъ замиромъ, а чи зъ лютымъ,
Твоя постать такъ прывабно-дывна,
Що зъ тобою говорыты мушу.—
Тебе клычу: батьку мій, Гамлете,
И корóлю найяснишый danськый!
Озовыся до менé, благаю!
О, не дай въ слипóти погыбаты! и т. д.

Казалось бы,—ничего достойнаго порицанія и смѣха нѣтъ въ этомъ стилѣ, въ этихъ словахъ, но критики находили поводъ и для порицанія, и для смѣха. Кто-то пустилъ въ ходъ выдумку, что знаменитый монологъ Гамлета [1]), который читается по рус-

---

[1]) „To be, or not to be“...

скому тексту «быть, или не быть, вотъ въ чемъ вопросъ»,—у Старицкаго переведенъ будто-бы такъ: «буты, чи не буты, ось въ чимъ закавыка». (Помнится, что и Д. Мордовець печатно повторилъ эту злую выдумку). Между тѣмъ, въ переводѣ Старицкаго этотъ монологъ начинается такъ:

Жыты, чи не жыты?
Ось въ чимъ ричъ. Бо щó йе благороднишъ,—
Чи прыйматы и каминня й стрилы
Одъ лыхои-нависнои доли,
Чи повстаты на те море тугы
Й тымъ повстаннямъ покинчыть все разомъ?
Вмерты—сномъ заснуты й бильшъ ничого... и. т. д.

Вообще, въ переводѣ Старицкаго не только не было «закавыкъ», а напротивъ очень тонко были переданы даже оттѣнки то рѣчей возвышенныхъ, то нѣжныхъ, то витіеватыхъ, сообразно подлиннику, оттѣнившему этими различіями слога характерность рѣчи различныхъ персонажей. При литературной невыработанности украинскаго языка, весь этотъ трудъ Старицкаго былъ трудомъ огромнымъ и заслуживалъ полнаго признанія. Вмѣсто того посыпались враждебныя издѣвательства, повторявшіяся, какъ забавныя остроты, и своими...

Михаила Петровича очень раздражало также отношеніе къ его труду, въ который онъ вложилъ такъ много своей души. Въ нашихъ дружескихъ бесѣдахъ онъ зачастую горько сѣтовалъ на долю украинскаго писателя вообще и на свою въ частности...

Въ то время я могла назвать себя товарищемъ его также и въ этомъ отношеніи, такъ какъ въ это же время, въ началѣ 80-хъ годовъ, вышли мои «Переклады зъ Гоголя» [1]) и «Украинськимъ дитямъ», гдѣ были переводы Лермонтовскаго Мцыри и другихъ стихотво-

---

[1]) Гдѣ я изложила, въ предисловіи, всѣ свои „ковальскіе“ принципы и взгляды, которыми я хотѣла подѣлиться со всѣми, кто занимается переводами на украинскій языкъ.

реній. Критика приняла мои переводы совершенно такъ, какъ труды Старицкаго: говорила, что Гоголя мнѣ лучше «оставить въ покоѣ», указывала у меня «кованныя» слова,—а этого уже было достаточно для рѣзкаго осужденія! Такія слова какъ «зрадлывый», «турботный» и т. п. ставились мнѣ въ тяжкую вину, при чемъ критики, съ разгону и по невѣжеству, приписывали моей ковкѣ и слова *народныя*, которыя *для критиковъ* были новы (напр. «струмокъ», «змарнилый», «збагнуты»). Всё такъ-же, какъ было съ Старицкимъ!.. Даже такъ и установилось, что насъ бранили вмѣстѣ: если, печатно или устно, упрекали въ «ковальствѣ» Старицкаго, то почти всегда вспоминали и меня, если же бранили Пчилку, то ужъ непремѣнно приводилось имя наибольшаго «коваля», Старицкаго...

Не скажу, чтобы такое отношеніе критики--окрыляло... Было больно и горько!.. Не разъ являлась, въ минуту отчаянія, мысль:—да ужъ не бросить ли это украинское писательство?.. Богъ съ нимъ!.. Но минута отчаянія проходила и снова оживала вѣра въ дѣло украинской литературы, оживала неубиваемая любовь къ ней...

Да, одинаковость направленія и одинаковость нашей злой участи (по отношенію къ намъ критики) еще больше скрѣпляла нашу дружбу съ Михаиломъ Петровичемъ; мы были настоящими товарищами!..

Зимою 81 и 82-го года мы снова встрѣтились въ Кіевѣ, какъ осѣдлые въ немъ жители: Старицкіе переѣхали на зиму изъ Подольщины въ Кіевъ—по своимъ соображеніямъ, я изъ Волыни для обученія старшихъ дѣтей. Мы видались часто, тѣмъ болѣе, что къ этому времени относятся наши интенсивныя занятія *русско*-украинскимъ словаремъ, затѣяннымъ особо отъ «большого» словаря, *украинско*-русскаго, надъ которымъ много лицъ (урывками и мы) трудилось въ продолженіе, пожалуй, нѣсколькихъ десятилѣтій. Словарь же русско-малорусскій, какъ подручникъ собственно для переводчиковъ, рѣшено было сдѣлать скоро и не мудрствуя лукаво, при томъ безъ зависимости изданія отъ какихъ бы то ни было академій. Мысль эта, возникшая вообще въ

нашемъ тѣсномъ кружкѣ, очень занимала Михаила Петровича Старицкаго и меня, но особенно энергично взялся за ея осуществленіе М. Ф. Комаровъ, который и вооружилъ себя и насъ всевозможными словарями, источниками и вообще всѣмъ матеріаломъ, при помощи котораго долженъ былъ возникнуть русско-украинскій словарь. Кромѣ насъ, главныхъ участниковъ— Комарова съ женой, Старицкаго и меня,—въ составленіи словаря принимали участіе еще нѣкоторыя лица (Лукьяновъ, Сукачевъ,— не считая случайныхъ участниковъ, ихъ единичныхъ приходовъ). Собирались «словарювать» (какъ мы шутя говорили) то у Комаровыхъ, то у Старицкихъ, то у меня. Славныя это были собранія! Хотя у насъ бывали и ожесточенные споры, точно въ иной академической коммиссіи,—но въ общемъ отрадно вспомнить наши занятія, которымъ мы отдавались, можно сказать, всѣмъ сердцемъ. Намъ казалось, что словарь нашъ будетъ служить такую важную службу! (Впослѣдствіи М. Ф. Комаровъ издалъ его приложивши еще много своего единичнаго труда).

Въ то-же время М. П. Старицкій объявилъ объ изданіи имъ большого альманаха «Рада». Опять какъ-то такъ само собою вышло, что я стала помощницей Михаила Петровича въ этомъ дѣлѣ; раньше, лѣтомъ 81 г., мы вдвоемъ подавали прошеніе о разрѣшеніи намъ издавать въ Кіевѣ *журналъ* «Раду», но получили отвѣтъ, что ходатайство наше не подлежитъ удовлетворенію. На выходъ же *альманаха* были надежды. Получались рукописи, масса стихотвореній и мелкихъ вещицъ, которыя надо было разобрать и т. д. Михаилъ Петровичъ и я совершенно сходились во мнѣніи, что даже не особенно удачныя вещицы начинающихъ авторовъ слѣдуетъ помѣстить, съ нѣкоторыми нѣизбѣжными поправками. Конечно, были вещи совершенно безнадёжныя (въ родѣ одного стихотворенія неизвѣстнаго автора: «Охъ, зацвило мое серце сынимъ пустоцвитомъ!»); но въ иныхъ вещицахъ, пожалуй, не особенно искусныхъ, какъ первыя пробы, все же была «жыва душа», и потому исключать ихъ было жаль. Поэтому Михаилъ Петровичъ, давая имъ нѣкоторую редакторскую поправку, помѣщалъ ихъ въ сборникъ. «Рада» разрослась до огромныхъ раз-

мѣровъ. Изъ стихотвореній писателей извѣстныхъ вошли въ неё сочиненія Щоголева, Кулиша, Гринченка; капитальными прозаическими номерами Рады были «Мыкола Джеря» Нечуя, «Повія» Мирного и драма Старицкаго «Не судылось» [1]).

Драма «Не судылось» была той самой пьесой, которая прежде называлась «Панське болото» и которой планъ и отдѣльныя сцены были написаны Михаиломъ Петровичемъ давно. Теперь онъ непремѣнно хотѣлъ совсѣмъ отдѣлать драму, такъ какъ, по его мнѣнію, въ сборникѣ должна была быть, кромѣ стиховъ и повѣстей, большая драматическая пьеса. Осенью 81-го года она была готова. Прежде чѣмъ «выпустить изъ рукъ» этотъ многолѣтъ лелѣянный трудъ, Михаилъ Петровичъ читалъ её отдѣльно разнымъ лицамъ, которыхъ мнѣніямъ онъ вѣрилъ (Кониcскому, Комарову, мнѣ). Пьеса всѣмъ намъ очень нравилась.

Въ это время пріѣхала въ Кіевъ русско-украинская труппа, подъ дирекціей Ашкаренка, съ Кропивницкимъ—на первыхъ роляхъ (тогда онъ могъ играть и удальца Гаркушу, и Стецька, вообще самыя разнообразныя роли). Помнится, А. Я. Кониcскій, знавшій Кропивницкаго еще раньше, когда онъ изъ посредственнаго русскаго актера сдѣлался выдающимся артистомъ украинскимъ, очень хлопоталъ, чтобы «свои» поддержали пріѣхавшую труппу Ашкаренка. Но эти хлопоты оказались даже излишни, такъ какъ талантъ Кропивницкаго былъ сразу замѣченъ, да и вся вообще украинская труппа скоро привлекла къ себѣ симпатіи публики. Спектакли посѣщались очень усердно. Михаилъ Петровичъ Старицкій восхищался игрой Кропивницкаго, ходилъ за кулисы, вообще свелъ съ нимъ, а затѣмъ и съ другими артистами, близкое знакомство. Старицкіе, жившіе вообще очень открыто, оказывали новымъ пріятелямъ-артистамъ самое широкое и самое радушное гостепріимство.

Видаясь постоянно съ артистами, Михаилъ Петровичъ, конечно, сообщилъ имъ о своей драмѣ, даже устроилъ, такъ сказать,

---

1) Для сцены эта драма впослѣдствіи была разрѣшена подъ заглавіемъ—„Не такъ склалось, якъ жадалось".

парадное чтеніе своей драмы, въ своей квартирѣ, при многихъ гостяхъ, совѣтовался даже съ артистами относительно постановки ея въ будущемъ на сценѣ.

На лѣто 82-го года артисты уѣхали. Наша Рада печаталась, но довольно медленно. Михаилъ Петровичъ очень раздражался, что къ осени 82-го года была готова лишь половина листовъ сборника,—въ томъ числѣ и его драма,—остальное же было еще въ печати, такъ какъ матерьяла, разрѣшеннаго цензурой, было очень много и управиться съ нимъ было трудно.

Между тѣмъ, съ наступленіемъ осенняго театральнаго сезона того-же 1882 года наши артисты опять пріѣхали въ Кіевъ, причемъ были встрѣчены такъ-же дружествено своими пріятелями. Какъ вдругъ распространяется слухъ, что Кропивницкій привёзъ пьесу подъ названіемъ «Доки сонце зійде, роса очи выисть», что онъ читалъ её нѣкоторымъ, и что пьеса имѣетъ такой же сюжетъ, какъ помѣщаемая въ Радѣ драма Старицкаго «Не судылось». М. П. Старицкій, прослушавши драму Кропивницкаго, тоже въ «прилюдномъ» чтеніи, убѣдился въ этомъ и былъ очень огорченъ... Узнавши, что Кропивницкій желаетъ даже скоро поставить свою пьесу на сценѣ, Михаилъ Петровичъ горько шутилъ:—Да, Кроп. можетъ при этомъ назвать свою пьесу—«Доки Старыцькый надрукуе, Кропывныцькый поставыть на сцени»... Это дѣйствительно такъ и вышло: пьеса Кроп. появилась *на сценѣ* раньше выхода «Рады» изъ типографіи[1]).

Но незлобивость Михаила Петровича взяла верхъ и скоро онъ уже говорилъ: Ну, что-жъ! пусть К. ставитъ... пусть будетъ и его пьеса на тотъ же сюжетъ!.. Чорная кошка, пробѣжавшая (по поводу драмы) между Старицкимъ и Кропивницкимъ, не испортила, въ виду такого взгляда, отношеній обоихъ писателей; дружба ихъ продолжалась и въ этомъ сезонѣ (зимою 82 и 83-го года). Кропивницкій и Садовскій жили тогда въ томъ же дворѣ,

---

[1]) Рада съ драмою „Не судылось" вышла изъ типографіи въ свѣтъ весною 83 года, а драма Кроп. „Доки сонце" была поставлена мѣсяцемъ или двумя раньше.

гдѣ квартировали Старицкіе, и были ихъ ежедневными гостями. Всѣ трое (Михаилъ Петровичъ и артисты) были уже на «ты», взаимно называли себя побратымами,—однимъ словомъ, дружба была самая тѣсная.

Результатомъ этого единенія, идейнаго и личнаго, было то, что Михаилъ Петровичъ согласился стать антрепренёромъ той же украинской труппы. Для этого онъ, по окончаніи зимняго сезона, ликвидировалъ свои дѣла, продавши имѣніе въ Подольщинѣ, и на осень 83-го года нанялъ въ Одессѣ театръ, гдѣ долженъ былъ играть Кропивницкій и др. Кончилось владычество «хозяевъ», антрепренёровъ Ашкаренка, Савина,—теперь должна была быть «братерська спилка».

Но М. П. Старицкаго ждало печальное разочарованіе и не менѣе печальное положеніе: завоевавшій положеніе, пріобрѣвшій извѣстность на югѣ артистъ Кропивницкій покинулъ Старицкаго; ушли также Садовскій и Заньковецкая. Всѣ они составили отдѣльную труппу подъ руководствомъ Кропивницкаго...

Старицкій остался въ дорогомъ одесскомъ театрѣ, съ остальными артистами, но безъ первыхъ силъ!.. Но возврата назадъ уже не было, иначе пришлось бы нести еще бóльшіе убытки, платить неустойки—и за театръ и остальнымъ артистамъ. Съ большимъ трудомъ замѣщены были амплуа оставившихъ—и потянулась для М. П. Старицкаго обычная, тягостная жизнь непрактичныхъ антрепренёровъ. Масса потерь, непріятностей, хлопотъ! Къ этому надо прибавить—безпрерывные переѣзды, неизбѣжную неправильность жизни, всякія случайности; не замедлили явиться для Михаила Петровича и болѣзни,—то воспаленіе легкихъ въ Варшавѣ, то ревматизмъ въ Харьковѣ, особенно опасный для Михаила Петровича, какъ рецидивъ старой болѣзни, навсегда отразившейся у него хроническимъ страданіемъ сердца.

При всѣхъ невзгодахъ и хлопотахъ, «антрепренёру» надо было усиленно заботиться также о репертуарѣ. Пьесъ украинскихъ было всё таки мало; прибавились пьесы Кропивницкаго, но, разумѣется, онъ ставилъ ихъ «у себя». Значитъ, надо было всѣми силами находить другія пьесы. А разрѣшеніе пьесы дра-

матическою цензурою—была такая трудная и, во всякомъ случаѣ, неизбѣжно медлительная вещь!... Этимъ объясняется усиленное разыскиванiе Михаиломъ Петровичемъ пьесъ, существовавшихъ въ какомъ бы то ни было видѣ. Поставлены были на сценѣ нѣкоторыя очень старыя пьесы, можетъ быть еще никогда не видавшiя сцены; онѣ были слабыя, но все же шли теперь, хотя разъ-другой... Разнообразiе всё-же занимало публику нѣкоторое время. Не всегда и болѣе новыя пьесы были пригодны для постановки на сценѣ, хотя и были разрѣшены драматической цензурой: онѣ бывали иногда очень не отдѣланы, или казались Михаилу Петровичу несценичными. Что было дѣлать съ ними?

Къ этому-то перiоду и относятся многочисленныя передѣлки Михаила Петровича пьесъ, до тѣхъ поръ не игранныхъ. Работа эта требовала отъ него въ сущности такого-же труда, какой нуженъ, чтобъ написать оригинальную пьесу: хотя по афишамъ значилось, что пьеса написана Старицкимъ—въ сотрудничествѣ съ другимъ авторомъ, но на самомъ дѣлѣ Михаилъ Петровичъ работалъ надъ пьесой одинъ, и когда подавалъ рукопись въ цензуру, то отъ прежней композицiи оставалось очень немного,—лишь имя прежняго автора, да общiй мотивъ (и тотъ иногда сильно измѣненный). Однако Михаилъ Петровичъ оставлялъ на афишѣ также имя автора прежняго. Въ такомъ видѣ давались «За двома зайцями»—ком. Старицкаго и Левицкаго, «Круты та не перекручуй»—Стар. и Мирного, «За друга»—Стар. и Потапенка.

Работа передѣлокъ уже извѣстныхъ сюжетовъ была неблагодарною: написавши пьесу на общiй мотивъ, напр. на извѣстный пѣсенный мотивъ «Ой не ходы Грыцю» (на который была написана также пьеса Александровымъ), или взявши сюжетъ изъ повѣсти, послужившей автору ея также для драмат. пьесы (Ничъ пидъ Ив. Купала), Михаилъ Петровичъ навлекалъ на себя непрiятности: хотя въ пьесахъ его, написанныхъ на общiй сюжетъ, не было ни одной сцены похожей на сцены другихъ авторовъ, писавшихъ на тотъ-же сюжетъ, но авторы иногда были не довольны за общность сюжета, или хотя бы мотива,—и за то,

что пьесы Старицкаго шли на сценѣ, а ихъ пьесы не шли... Возникали непріятныя пререканія.

Есть одна пьеса, сильно подправленная М. П. Старицкимъ, но дававшаяся все-таки подъ именемъ написавшаго её автора, у котораго Михаилъ Петровичъ и не думалъ отнимать его имени, а только, желая бóльшаго успѣха автору и пьесѣ, сдѣлалъ пьесу, по своему мнѣнію, болѣе сценичною. Авторъ же, имѣя о своей пьесѣ другое мнѣніе, вообще будучи не доволенъ измѣненіемъ ея, настаивалъ, чтобы пьесу давали въ его редакціи,—или не ставили его имени на афишѣ. Пьесу [1]) сняли тогда съ репертуара совсѣмъ... и она для сцены умерла. Трудъ первоначальный автора и трудъ Михаила Петровича оказался напраснымъ.

Но и помимо всякаго рода непріятностей, неизбѣжно связанныхъ съ литературной работой на общія темы, можно вообще пожалѣть, что судьба столкнула М. П. Старицкого съ чисто литературной карьеры (имѣвшей свои непріятности, но всё же дававшей возможность болѣе спокойной, зрѣлой работы) на дорогу «антрепренёрства»,—съ его лихорадочной, «скрутной» атмосферой, съ его спѣшкой и необходимостью для антрепренёра-автора ставить на первомъ планѣ интересы сцены, при томъ *своей* сцены, т. е. своихъ главныхъ артистовъ, приноравливаясь къ ихъ средствамъ и желаніямъ...

Всё это, по моему мнѣнію, отразилось на авторской дѣятельности Михаила Петровича за этотъ періодъ его антрепренёрства: въ пьесахъ этого времени замѣчается спѣшность, неотдѣланность работы, случайность темъ, пестрота сценъ, въ угоду «зрителю» и проч....

Мнѣ кажется, что пьесы Михаила Петровича этого періода вообще значительно уступаютъ написаннымъ раньше и позже его антрепренёрства.

Кочевая жизнь оторвала Старицкихъ отъ Кіева. Съ Михаиломъ Петровичемъ мы видались рѣдко, и о многихъ его пьесахъ приходилось узнавать лишь изъ газетъ. Если же онъ и бы-

[1]) Также разрѣшенную къ представленію и въ передѣлкѣ.

валъ въ Кіевѣ, то лишь проѣздомъ, или вообще на очень короткое время, всегда озабоченный, «засмыканный», куда-то спѣшащій, одолѣваемый телеграммами, письмами, приходившими и сюда изъ безпокойной сферы...

Въ 1893-мъ году Михаилъ Петровичъ наконецъ ушелъ отъ антрепризы и поселился снова въ Кіевѣ. Вернулся онъ разстроенный душой и тѣломъ [1]), но жизнь среди семейной обстановки, вообще при лучшихъ условіяхъ жизни въ Кіевѣ, который Михаилъ Петровичъ всегда такъ любилъ (казалось, онъ любилъ самый воздухъ кіевскій!), скоро подѣйствовала на него благопріятно. Онъ отдохнулъ отъ прежней сутолоки, вернулся къ болѣе спокойной литературной работѣ, къ темамъ, которыя ему нравились сами по себѣ. Теперь онъ занялся своими драмат. сочиненіями, безотносительно къ скорѣйшей постановкѣ ихъ на сценѣ и къ другимъ обстоятельствамъ, связаннымъ съ этимъ.

Но такъ какъ судьба, хотя и бывающая милостивой къ инымъ антрепренёрамъ, кромѣ убытковъ ничего не дала Михаилу Петровичу, то приходилось всё-же думать о заработкѣ; литературнымъ трудомъ, который бы могъ дать такой заработокъ, явились романы и повѣсти Михаила Петровича на русскомъ языкѣ, которые онъ помѣщалъ большею частью въ московской, а иногда кіевской газетѣ. Слѣдуетъ отмѣтить, что хотя этимъ своимъ сочиненіямъ, даже романамъ, Михаилъ Петровичъ придавалъ гораздо меньшее значеніе, чѣмъ своимъ сочиненіямъ украинскимъ, но относился къ нимъ всё же очень внимательно, всегда тщательно составляя для нихъ планъ, знакомясь съ источниками, относящимися къ тому времени и къ тѣмъ историческимъ лицамъ, которыя онъ бралъ для своего романа. Содержаніе для всѣхъ своихъ романовъ онъ бралъ изъ исторіи Украины. Да, это была всегда—наша прошлая жизнь: времена козаччины, гайдамаччины; дѣйствующими лицами были всё тѣ же герои «козацькыхъ часивъ», козацкой среды... Иногда Михаилъ Петровичъ какъ будто не хо-

---

[1]) Онъ пріѣхалъ (съ дочерью Людмилой) изъ Одессы—совершенно больной.

тѣлъ помнить, что пишетъ для русской газеты—и главы романа его пестрѣли множествомъ украинскихъ словъ...

Романы изъ исторіи Украины Михаилъ Петровичъ писалъ въ сотрудничествѣ своей дочери, Людмилы. Михаилъ Петровичъ чрезвычайно любилъ её и цѣнилъ ея способности; въ области творчества у нихъ было большое общеніе. Отъ отца Людмила Михайловна унаслѣдовала поэтическій даръ. Михаилъ Петровичъ былъ этимъ очень счастливъ; помню, съ какимъ наслажденіемъ декламировалъ онъ ея первый большой трудъ,—сразу сдѣлавшій ея имя извѣстнымъ среди молодыхъ нашихъ писателей,—драматическій этюдъ «Сафо».

Да, въ 1890-ые годы вообще опредѣлились наши литературные потомки: въ Кіевѣ подобрался цѣлый кружокъ молодыхъ писателей украинскихъ; кромѣ Людмилы Старицкой, въ немъ были—Михайло Обачный, Самійленко, Славинскій, Стешенко, Тимченко, Леся Украинка и другіе. Устраивались маленькія литературныя собранія, на которыхъ молодые авторы читали свои произведенія,—переводы и оригинальные опыты. М. П. Старицкій, А. Я. Кониссній, я и нѣкоторые другіе представители стараго поколѣнія бывали также на этихъ чтеніяхъ. Нужно сказать правду, что мы къ нимъ и они къ намъ относились съ одинаковымъ уваженіемъ. Они насъ приглашали и мы съ радостью шли къ нимъ. Не смотря на то, что они,—какъ это было вполнѣ естественно,—могли пойти дальше насъ, могли быть и талантливѣе стариковъ, мы не смотрѣли на нихъ, какъ на «соперниковъ», которые, молъ, насъ «пидвѐрнуть пидъ корыто», а отъ души радовались ихъ успѣхамъ и желали всячески поддержать ихъ.

М. П. Старицкій просто увлекался сочиненіями молодыхъ авторовъ. Вообще слѣдуетъ отмѣтить,—если ужъ зашла рѣчь о возможности «соперничества»,—что это чувство, вражда къ могущему превзойти тебя товарищу, эта, какъ французы называютъ, jalousie de métier (къ сожалѣнію, свойственная многимъ самымъ лучшимъ людямъ, дѣятелямъ всѣхъ сферъ),—это чувство было совершенно чуждо М. П. Старицкому. Я никогда не видѣла, чтобы кто-нибудь такъ сердечно относился именно къ лю-

дямъ одного съ нимъ дѣла, какъ Михаилъ Петровичъ! Каждому,—старому, или начинающему писателю нашему,—онъ радовался, готовъ былъ всячески придти на помощь его начинаніямъ, удѣляя ему свое время, совѣтъ,—все, что могъ.

Поэтому, легко представить себѣ, что и къ появившемуся кружку нашихъ молодыхъ писателей Михаилъ Петровичъ отнёсся съ большимъ вниманіемъ и любовью. Онъ восторгался ихъ стихами, пропагандировалъ ихъ, читая другимъ, какъ бы хвалясь ими, у себя и на вечеринкахъ; однимъ словомъ, былъ по отношенію къ начинающимъ писателямъ-преемникамъ искреннимъ другомъ.

При этомъ Михаилъ Петровичъ справедливо говорилъ (безъ горечи, напротивъ, съ отраднымъ чувствомъ):—Отжежъ такы, дожылы мы, що есть у насъ наслидныкы,—справа наша не пропала!—Пожалуй, Михаилъ Петровичъ могъ не только радоваться, но даже въ извѣстномъ смыслѣ торжествовать, указывая на сочиненія «дѣтей»: тѣ принципы, которые онъ проводилъ въ литературѣ, за которые столько терній и «ганьбы» упало на его голову, были совершенно приняты новыми литераторами: они переводили Данте, Гейне, В. Гюго, Аду Негри, Надсона,—и уже никто изъ своихъ людей не говорилъ имъ, что такіе авторы «пока не нужны» нашему народу; они брали не одинъ только народный пѣсенный складъ стиха, а употребляли разнообразныя его формы: гекзаметръ, сонетъ, rondo, давая иногда куплету самое изысканное расположеніе; знаменитое «ковальство» совершенно перестало быть пугаломъ и пріобрѣло въ сочиненіяхъ молодыхъ писателей широкое право гражданства.

— «Посмотрите,—говорилъ мнѣ бывало Михаилъ Петровичъ,—всѣ наши слова, за которыя насъ такъ ругали, теперь вошли въ употребленіе: вотъ—*мрія*, *темрява*, *сутинь*, *прывабный*, *знадлывый*, и т. д. и т. д.! И—ничего... А новые писатели даже не думаютъ, что эти слова были когда-то проклятые, «кованые»... Да, имъ, молодымъ, лучше теперь,—стежка протерта... Ну, и слава Богу»!

А молодые съ трудомъ вѣрили, когда имъ передавали исторію нѣкоторыхъ словъ: такъ напр., удивлялись, почему же нельзя было-бы сказать—«байдужый», «байдужисть»? Приходилось давать имъ «историческую» справку о томъ, какъ Костомаровъ писалъ, что сковать и употреблять слово «байдужисть» всё равно что говорить по-русски—«всёнипочемность»... Молодые писатели пожимали плечами...

Tempora mutantur!

Принятіе молодыми писателями принциповъ, которымъ служилъ Михаилъ Петровичъ, реабилитировало его, очищало его имя отъ старыхъ упрёковъ,—по крайней мѣрѣ, въ кругу сочувствующихъ дѣлу украинской литературы.

Забывались «ганебныя» слова «ковальство», «коваль»; укрѣплялось сознаніе большихъ литературныхъ заслугъ Михаила Петровича.

Вспомнили, что трудится Михаилъ Петровичъ давно—и въ 1894-мъ году устроили его тридцатилѣтній юбилей. Этотъ юбилей былъ отпразднованъ въ тѣсномъ товарищескомъ кругу,—б. м. черезчуръ тѣсномъ: рѣшено было отпраздновать юбилей исключительно въ кругу товарищей, слѣдовательно безъ участія дамъ [1]). Я не знаю, почему именно къ этому празднику, тридцатилѣтію литературной дѣятельности Михаила Петровича, приложенъ былъ архаическій принципъ Запорожской Сѣчи... М. б. это—вышло случайно, но многія давнія знакомыя Мих. Петровича, много лѣтъ уважавшія его, были очень огорчены, лишившись возможности принять участіе въ чествованіи уважаемаго дѣятеля; въ особенно-же непріятномъ положеніи, очутилась—я, такъ какъ, зная о времени юбилея Михаила Петровича, но не зная о слишкомъ частномъ характерѣ устройства его, я собственно для юбилея Мих. Петровича и пріѣхала въ Кіевъ!... Пожалуй, благодаря личному заявленію Михаила Петровича, я могла бы попасть на его юбилей, но добиваться исключенія только для себя было-бы не-кстати

[1]) Гостьями были только дамы изъ семьи юбиляра,—его жена и дочери.

и неловко по отношенію къ другимъ дамамъ,—и я осталась въ квартирѣ Старицкихъ, у которыхъ остановилась. Мое личное поздравленіе Михаила Петровича въ день его «свята» было во всякомъ случаѣ принесено.

Поздно возвратились Старицкіе. Они всѣ были очень довольны вечеромъ, оживленно разсказывали о сердечномъ, дружескомъ характерѣ юбилея. На пальцѣ Михаила Петровича сіялъ брильянтовый перстень, поднесенный ему на память отъ друзей. Свѣтло сіяли также глаза Михаила Петровича,—онъ былъ очень счастливъ въ этотъ вечеръ!

Какъ я сказала, отдохнувшей душой погрузился Михаилъ Петровичъ снова въ свои задушевныя работы, для которыхъ онъ постоянно удѣлялъ время отъ занятій, дававшихъ ему заработокъ. Около этого времени и въ слѣдующіе годы были имъ написаны такія выдающіяся вещи, какъ Зимовый вечеръ, Въ темряви, Таланъ, Маруся Богуславка, Осада Буши, Легенда, Останния ничъ, Чаривный сонъ, Крестъ жизни и много стихотвореній, переводныхъ и оригинальныхъ.

Кромѣ писательства, Михаилъ Петровичъ выступаетъ во 2-ой половинѣ 90-хъ годовъ еще въ одной сферѣ дѣятельности,—какъ ревностный членъ «Кіевскаго литературно-артистическаго общества» (гдѣ Михаилъ Петровичъ скоро сдѣлался членомъ правленія и членомъ почетнымъ). Въ 1890-ые годы въ общество это вступило довольно много нашихъ членовъ и, благодаря вообще интенсивной дѣятельности общества въ это время, явилась возможность устраивать также и наши украинскіе вечера. Мы устраивали роковины Шевченка, юбилейные вечера [1],—цѣликомъ украинскіе,—а также старались къ программѣ вечеровъ въ честь русскихъ и иностранныхъ писателей прибавлять номера украинскіе, въ видѣ переводовъ стихотвореній и текстовъ къ музыкѣ. Многое писалось, переводилось нарочно для этихъ вечеровъ. М. П. Старицкій тоже далъ для этихъ вечеровъ немало стихотвореній, участвуя также и въ качествѣ чтеца. Декламаторъ онъ былъ пре-

[1]) Стороженка, Котляревскаго, Кропивницкаго и др.

восходный и всегда имѣлъ на эстрадѣ очень большой успѣхъ у публики. Читалъ онъ какъ свои стихотворенія, такъ и чужія,— Шевченка, Кулиша, Леси Украинки и др. Своимъ чтеніемъ Мих. Петровичъ умѣлъ придавать двойную прелесть стихамъ!

Желая въ области искусства отдавать должное высокому таланту, Михаилъ Петровичъ участвовалъ также въ юбилейныхъ вечерахъ Пушкина и Мицкевича.

За Мицкевича намъ съ Мих. П—чемъ пришлось даже въ извѣстномъ смыслѣ «пострадать», такъ какъ нѣкоторые наши галицкіе литераторы очень разсердились на меня и М. П—ча за устройство юбилейнаго вечера Мицкевича въ Кіевск. литературно-артистич. Обществѣ. Мы же рѣшили, что поступали правильно, заботясь о юбилеѣ Мицкевича: прежде всего, положеніе поляковъ въ Галиціи и у насъ—совершенно различно; кромѣ того, такой огромный талантъ, какъ Мицкевича, должно ставить выше партійныхъ соображеній, тѣмъ болѣе, что въ своей писательской дѣятельности М—чъ былъ «рыцаремъ безъ страха и упрека»: наконецъ, слѣдуетъ же руководствоваться и тѣмъ принципомъ, что тотъ, кто любитъ свое родное слово, долженъ уважать и чужое.

Возвращаюсь къ Михаилу Петровичу. Если въ 90-ые годы слава его, какъ достойнаго дѣятеля украинской литературы, укрѣпилась и возросла въ кругу старыхъ и молодыхъ товарищей, если извѣстность его возросла также и въ публикѣ, то это все-таки не исключало, конечно, возможности нападокъ на него въ лагерѣ, враждебномъ вообще украинской литературѣ. Травля продолжалась упорно и злобно, причиняя Михаилу Петровичу большое огорченіе. Повторялось все то-же, включительно до пресловутой «закавыки» (несмотря на то, что Михаилъ Петровичъ помѣстилъ, наконецъ, замѣтку-справку, съ цитатой изъ его Гамлета, доказывавшей, что «закавыка» есть наглое измышленіе). Нападки продолжались. Оставалось лишь вооружиться спокойствіемъ и терпѣніемъ.

Но появилось такое обвиненіе, котораго стерпѣть Мих. П—чъ уже не могъ: его обвиняли въ похищеніи чужихъ пьесъ, при утайкѣ имени ихъ авторовъ, и даже просто въ плутовствѣ,

и неловко по отношенію къ другимъ дамамъ,—и я осталась въ квартирѣ Старицкихъ, у которыхъ остановилась. Мое личное поздравленіе Михаила Петровича въ день его «свята» было во всякомъ случаѣ принесено.

Поздно возвратились Старицкіе. Они всѣ были очень довольны вечеромъ, оживленно разсказывали о сердечномъ, дружескомъ характерѣ юбилея. На пальцѣ Михаила Петровича сіялъ брильянтовый перстень, поднесенный ему на память отъ друзей. Свѣтло сіяли также глаза Михаила Петровича,—онъ былъ очень счастливъ въ этотъ вечеръ!

Какъ я сказала, отдохнувшей душой погрузился Михаилъ Петровичъ снова въ свои задушевныя работы, для которыхъ онъ постоянно удѣлялъ время отъ занятій, дававшихъ ему заработокъ. Около этого времени и въ слѣдующіе годы были имъ написаны такія выдающіяся вещи, какъ Зимовый вечеръ, Въ темряви, Таланъ, Маруся Богуславка, Осада Буши, Легенда, Остання ничь, Чаривный сонъ, Кресть жизни и много стихотвореній, переводныхъ и оригинальныхъ.

Кромѣ писательства, Михаилъ Петровичъ выступаетъ во 2-ой половинѣ 90-хъ годовъ еще въ одной сферѣ дѣятельности,—какъ ревностный членъ «Кіевскаго литературно-артистическаго общества» (гдѣ Михаилъ Петровичъ скоро сдѣлался членомъ правленія и членомъ почетнымъ). Въ 1890-ые годы въ общество это вступило довольно много нашихъ членовъ и, благодаря вообще интенсивной дѣятельности общества въ это время, явилась возможность устраивать также и наши украинскіе вечера. Мы устраивали роковины Шевченка, юбилейные вечера [1],—цѣликомъ украинскіе,— а также старались къ программѣ вечеровъ въ честь русскихъ и иностранныхъ писателей прибавлять номера украинскіе, въ видѣ переводовъ стихотвореній и текстовъ къ музыкѣ. Многое писалось, переводилось нарочно для этихъ вечеровъ. М. П. Старицкій тоже далъ для этихъ вечеровъ немало стихотвореній, участвуя также и въ качествѣ чтеца. Декламаторъ онъ былъ пре-

[1]) Стороженка, Котляревскаго, Кропивницкаго и др.

выходный и всегда имѣлъ на эстрадѣ очень большой успѣхъ у публики. Читалъ онъ какъ свои стихотворенія, такъ и чужія,— Шевченка, Кулиша, Леси Украинки и др. Своимъ чтеніемъ Мих. Петровичъ умѣлъ придавать двойную прелесть стихамъ!

Желая въ области искусства отдавать должное высокому таланту, Михаилъ Петровичъ участвовалъ также въ юбилейныхъ вечерахъ Пушкина и Мицкевича.

За Мицкевича намъ съ Мих. П—чемъ пришлось даже въ извѣстномъ смыслѣ «пострадать», такъ какъ нѣкоторые наши галицкіе литераторы очень разсердились на меня и М. П—ча за устройство юбилейнаго вечера Мицкевича въ Кіевск. литературно-артистич. Обществѣ. Мы же рѣшили, что поступали правильно, заботясь о юбилеѣ Мицкевича: прежде всего, положеніе поляковъ въ Галиціи и у насъ—совершенно различно; кромѣ того, такой огромный талантъ, какъ Мицкевича, должно ставить выше партійныхъ соображеній, тѣмъ болѣе, что въ своей писательской дѣятельности М—чъ былъ «рыцаремъ безъ страха и упрека»: наконецъ, слѣдуетъ же руководствоваться и тѣмъ принципомъ, что тотъ, кто любитъ свое родное слово, долженъ уважать и чужое.

Возвращаюсь къ Михаилу Петровичу. Если въ 90-ые годы слава его, какъ достойнаго дѣятеля украинской литературы, укрѣпилась и возросла въ кругу старыхъ и молодыхъ товарищей, если извѣстность его возросла также и въ публикѣ, то это все-таки не исключало, конечно, возможности нападокъ на него въ лагерѣ, враждебномъ вообще украинской литературѣ. Травля продолжалась упорно и злобно, причиняя Михаилу Петровичу большое огорченіе. Повторялось все то-же, включительно до пресловутой «закавыки» (несмотря на то, что Михаилъ Петровичъ помѣстилъ, наконецъ, замѣтку-справку, съ цитатой изъ его Гамлета, доказывавшей, что «закавыка» есть наглое измышленіе). Нападки продолжались. Оставалось лишь вооружиться спокойствіемъ и терпѣніемъ.

Но появилось такое обвиненіе, котораго стерпѣть Мих. П—чъ уже не могъ: его обвиняли въ похищеніи чужихъ пьесъ, при утайкѣ имени ихъ авторовъ, и даже просто въ плутовствѣ,

подтасовкѣ каталоговъ и другихъ документовъ, съ цѣлью получения неслѣдовавшаго ему гонорара. Мих. Петровичъ рѣшилъ тогда, что ему остается обратиться въ судъ.

Кіевскому окружному суду не отказались дать свои письменныя и личныя показанія многія лица, знавшія близко писательскую дѣятельность М. П—ча. Главный интересъ всѣхъ свидѣтельскихъ показаній вращался около піесы М. П. Старицкаго «Не судылось» (по сценѣ—«Не такъ склалось, якъ жадалось»), такъ какъ газетная клевета указывала на нее, какъ на заимствованную у г. Кропивницкаго. На судѣ выяснилось, что никоимъ образомъ нельзя заподозрить Старицкаго въ заимствованіи у Кропивницкаго, уже по одному тому, что его піеса была извѣстна въ рукописи далеко раньше появленія піесы Кропивницкаго [1]).

Дѣло это, какъ извѣстно нашимъ читателямъ, въ концѣ концовъ разсмотрѣно было Сенатомъ, который нашелъ всѣ измышленія инкриминированной замѣтки—клеветою, умышленными навѣтами, порочащими честь Старицкаго.

Послѣ рѣшенія Сената и передачи имъ дѣла въ харьковскую судебную палату, оно кончилось—миромъ: авторъ замѣтки *отказался* отъ тѣхъ обидныхъ для Старицкаго положеній, которыя въ ней были высказаны (пункты отказа были напечатаны въ газетахъ); Старицкій такую мировую подписалъ, такъ какъ для него главное было не въ какой-либо «карѣ», а именно лишь въ томъ, чтобы снять съ своего имени тѣнь, наброшенную рецензентомъ.

Это и было достигнуто. Разъ рецензентъ взялъ назадъ то, что Старицкій считалъ обиднымъ для своей чести, то это было,

---

[1]) Равнымъ образомъ, нѣтъ никакихъ основаній предполагать и обратное заимствованіе, т. к. изученіе обѣихъ піесъ ясно показываетъ, что разработка сюжетовъ у авторовъ совершенно самостоятельна: самый-же сюжетъ настолько распространенъ въ жизни, что оба автора, независимо другъ отъ друга, могли избрать его темой для своихъ драмъ. *Ред.*

пожалуй, даже болѣе важно, чѣмъ выигрышъ дѣла еще въ одной судебной инстанціи. Замѣчательно, что послѣ мировой—у Мих. Петровича, дѣйствительно, исчезло даже враждебное чувство къ своему бывшему противнику, вовлеченному, какъ думалъ теперь Мих. Петровичъ, въ заблужденіе другими лицами.

Такимъ образомъ, благополучно окончилось это дѣло, стоившее Мих. Петровичу такъ много волненій. А здоровье Мих. Петровича было не въ такомъ состояніи, чтобы онъ могъ легко переносить волненія: сердечная болѣзнь сдѣлала большіе успѣхи за послѣдніе годы: сердцебіенія, вообще неправильности пульса, а затѣмъ сильное ослабленіе, продолжительное лежаніе—совсѣмъ одолѣвали М. Петровича.

Такъ какъ волненіе, неизбѣжное при выступленіи на эстрадѣ, было очень вредно для Мих. Петровича, то онъ въ послѣдніе годы перестал̆ъ выступать передъ публикой на вечерахъ литер.-артистич. Общества. Послѣдній разъ читалъ онъ публично въ Кіевѣ, на моемъ юбилеѣ, въ литературномъ отдѣленіи. М. Петровичъ прочелъ цѣлый мой разсказъ «Била кыцька». Читая вещь прозаическую, и при томъ сидя, онъ могъ чувствовать себя спокойнѣе: впрочемъ, могло быть и то, что, рѣшивши выступить съ этимъ чтеніемъ несмотря на нездоровье, Мих Петровичъ приносилъ нѣкоторую жертву, ради того, что хотѣлъ «пошановать» стараго товарища.

Это чтеніе было послѣднимъ въ Кіевѣ, а вообще послѣдній разъ въ жизни М. П. Старицкій читалъ публично на торжествѣ открытія памятника Котляревскаго въ Полтавѣ: въ театрѣ, въ литературномъ отдѣленіи торжественнаго утра въ честь Котляревскаго, Мих. Петровичъ прочиталъ большой отрывокъ изъ Энеиды (сборы и посѣщеніе Энеемъ, вмѣстѣ съ «товарыствомъ», царя Латина) и нѣсколько своихъ прекрасныхъ, идейныхъ стихотвореній. Публика самое появленіе и чтеніе Мих. Петровича принимала восторженно.

Никто не думалъ, видя подбодрившагося, такъ свѣтло настроеннаго Михаила Петровича, «что это было въ послѣдній разъ»!..

Что касается до литературной работы, то Мих. Петровичъ не переставалъ заниматься ею, несмотря на свой недугъ, и въ последніе годы: какъ только его «отпускало», онъ сейчасъ-же принимался за писанье; часто писалъ лёжа, карандашемъ, но все-таки писалъ,—при чемъ сила его воображенія была удивительна: онъ по прежнему могъ создавать цѣлыя сложныя картины и яркіе образы. Въ послѣдній годъ его жизни написанъ имъ новый романъ и большая историческая поэма изъ временъ казаччины: написанъ текстъ либретто для полной *оперы* «Утоплена» и переведена пьеса Роза Берндтъ (Гауптмана); написаны также новыя лирическія стихотворенія. Въ этотъ же «послѣдній» годъ М. Петровичъ собралъ и пересмотрѣлъ, всѣ свои прежнія стихотворенія, печатавшіяся особо въ его сборникахъ, или въ журналахъ и альманахахъ; съ добавкою новыхъ, и даже самыхъ послѣднихъ, составилась большая книжка, совершенно готовая теперь для изданія: подавать ее въ цензуру и выпускать въ свѣтъ М. Петровичъ предоставилъ другому лицу, купившему у него право изданія.

Пересматривая матеріалы для этого полнаго собранія своихъ стихотвореній, М. Петровичъ говорилъ:—да, да, пора приготовляться въ «далеку дорогу»!..

Въ послѣднее лѣто, проведенное въ кіевской Дарницѣ, въ ея прекрасномъ бору, мысль М. Петровича, повидимому, часто отрѣшалась уже отъ міра сего, погружаясь на лонѣ природы въ слишкомъ спокойное созерцаніе ея величія, въ какое то надземное единеніе и съ нею и съ тѣми силами, которыхъ постоянно искалъ мысленный взоръ. Выраженіемъ такого состоянія души и мысли служитъ слѣдующее прекрасное стихотвореніе М. Петровича, написанное *послѣднимъ* лѣтомъ, тамъ же въ Дарницѣ, въ ея бору:

Якъ урочи́сто тутъ, замовкъ велычный биръ,
Неначе храмъ по молытовнимъ спиви;
Въ вечирню млу понявсь ёго сумный убиръ,
У померкы таемно-полохлыви...

И тыхо, тыхо скризь... Задумани стоять,
Мовъ велетни часивъ баечныхъ, хвои,
У лавы ривно скризь вшыкована ихъ рать,
Готова стать до боротьбы лыхои.—
Такъ, лементу не чуть, кативъ людськыхъ нема,
А лагода ласкаво віє всюды...
Смолыстыхъ пахощивъ кадыло тутъ пройма
Знеможени, натруженіи груды...
И впала смерть—не смерть, безчулый сонъ—не сонъ,
А забуття злетило до истоты;
Але у тыши тій не згукы похоронъ,
Не стогоны безрадпои скорботы,—
А чуется яснишъ велыка таина...
Якыйсь чудовый спивъ у безвисти луна...
Бажается збагнуть, обнять неосяжнє,
Проглянуты въ конечне счастя мыра...
И щось могутнее охоплює мене,
И на души у Правду стыгне вира!

Дарницкій боръ, смолистое вѣяніе котораго считали такимъ полезнымъ для затрудненнаго дыханія Михаила Петровича, дѣйствительно, поправилъ въ значительной мѣрѣ его здоровье. Онъ смогъ даже предпринять въ августѣ прошлаго года поѣздку въ Полтаву, на открытіе памятника Котляревскому.

Дочь Михаила Петровича, Людмила, хотя очень желала «повезты Тата» на это торжество, но опасалась, какъ бы эта поѣздка не была ему вредна, какъ бы самыя торжества не слишкомъ утомили его. Однако оказалось, что путь къ такой интересной цѣли и самыя торжества ничуть не утомили, а, наоборотъ, поднявши духъ, приобщивши Михаила Петровича снова къ «житейскому волненію», какъ-будто укрѣпили и тѣло его. Бодрый и веселый встрѣтился Михаилъ Петровичъ въ Полтавѣ съ многочисленными пріятелями и товарищами, пріѣхавшими со всѣхъ сторонъ на праздникъ; онъ принялъ даже участіе въ хлопотахъ одного изъ

устроителей торжества, Н. А. Дмитріева,—ѣздилъ хлопотать, по поводу извѣстнаго «чтенія привѣтствій», къ городскому головѣ и еще къ кому-то, наконецъ принялъ и личное участіе въ программѣ торжествъ, о которомъ я уже говорила.

Живо вспоминается мнѣ величественная фигура Михаила Петровича, какъ онъ, еще въ первое утро торжествъ, выдѣляясь изъ многочисленной толпы, стоялъ у самаго помоста, гдѣ происходило молебствіе, по окончаніи котораго упалъ покровъ и появился ярко облитый свѣтомъ памятникъ нашего «батька», нашего славнаго земляка Котляревскаго! Для одной этой минуты стоило пріѣхать... Михаилъ Петровичъ сіялъ, глядя на памятникъ, въ лице поэта.

Сама родная земля полтавская какъ будто оживляла Михаила Петровича и въ слѣдующіе дни. Онъ точно помолодѣлъ: ѣздилъ, ходилъ по Полтавѣ, полной воспоминаній... Радовала его также встрѣча съ родными (съ семьей Булюбашъ, у которой онъ прожилъ «полтавскіе дни», съ Старицкими,—къ одному изъ нихъ Михаилъ Петровичъ отправился съ дочерью Людмилой погостить въ миргородскій уѣздъ).

На томъ портретѣ, гдѣ М. П. снялся въ Полтавѣ въ группѣ съ молодыми писателями (именно по просьбѣ ихъ, такъ какъ въ этомъ была особая идея), хорошо запечатлѣлось то веселое, свѣтлое настроеніе, въ которомъ былъ Михаилъ Петровичъ, живя въ Полтавѣ.

Хорошее состояніе здоровья Михаила Петровича продолжалось нѣкоторое время и по возвращеніи въ Кіевъ. Но осень съ ея непогодами и зима—снова уложили Михаила Петровича въ постель. Болѣзнь проявилась опять; «отпустивши» на время, давши прожить «просвитлу годыну», она какъ бы съ тѣмъ большею силою вступила въ свои жестокія права. А тутъ еще случилась тяжелая болѣзнь жены Михаила Петровича: онъ очень тревожился, огорчался—и разболѣлся въ конецъ. На другомъ праздникѣ нашемъ, юбилеѣ Лисенка и нашей пѣсни, Михаилъ Петровичъ уже не могъ присутствовать,—онъ лежалъ тяжко боль-

пой: на товарищескомъ ужинѣ, послѣ юбилейнаго представленія «Риздв. ночи», мы заочно пили за здоровье автора ея текста!..

Къ веснѣ стало совсѣмъ худо. Михаилъ Петровичъ почти не вставалъ съ своего дивана. Сердечные припадки, боли, безсонныя ночи одолѣвали его. А сознаніе было полное, творческая мысль работала, хотя и провидя скорый конецъ...

Вотъ послѣднее стихотвореніе, которое онъ еще самъ далъ переписать съ листочка, написаннаго карандашемъ: оно уже обвѣяно смертными грёзами... Ему видятся умершія—мать и др.

Не спытся... Зновъ чорніи думы
Обсилы, мовъ галычъ, мене;
Зновъ постать блида середъ стумы
Сонъ зъ вій моихъ млявыхъ жене...
Та постать немовъ-бы знаёма,
Зрынае изъ мрійнои млы:
Въ облыччи и смутокъ, и втома
Тяжкымы знакамы ляглы...
Я чую поржавлени струны
Щось давне, забуте бренять.
Стари одчыняются труны
И мертвыхъ здіймается рать.
Ихъ образы віются коломъ
Надъ лижкомъ, надъ темнымъ столомъ...
И чуется въ тыши покволомъ
Немовъ похоронный псаломъ:
«Безсчасне жытейськее море,
Негодъ воно повне та бурь,
Якъ мыра незважене горе...
Не журь ёго, нене, не журь!
Багато довидавсь винъ мукы,
Напывся докирлывыхъ слизъ...
Пора-жъ и зложыть ёму рукы:
Свій тягаръ уже винъ довизъ...
Поглянь—ёго серце холоне,
Спыныться може що-мыть...
Прыймы-жъ свого сына на лоно

И будемъ Владыку молыть:
Пробачъ, Хрысте-Боже, рабови
И вильни й невильни выны,
Та зъ ласкы, зъ святои любови,
Прыймы у осели ясни:
Впокій ёго душу у счасти
Нового зъ святымы буття,
Де нѣсть ни страждань, ни напасти,
А есть безконечне жыття!»
Зновъ тыша, и стума, и мука...
Заснуты—ніякъ не засну...
А серце такъ болисно стука,
Немовъ забываютъ труну...

Скорбнымъ предвидѣніямъ суждено было скоро сбыться...

Однако, къ Свѣтлому празднику Михаилъ Петровичъ какъ бы заставилъ себя встать. Когда на самый Велыкдень, на первый день, мы съ мужемъ пошли провѣдать Старицкихъ, то застали Михаила Петровича въ столовой, съ гостями (былъ Н. В. Лисенко и три сестры—урожденныя Оконоръ). Это и былъ послѣдній разъ, что я видѣла Михаила Петровича на ногахъ. Онъ казался страшно похудавшимъ, но былъ довольно бодръ, имѣлъ праздничный видъ. Онъ цѣлый вечеръ сидѣлъ съ нами, много говорилъ о событіяхъ войны, которыя его очень занимали, и о разныхъ другихъ вещахъ, даже шутилъ. Дочь Людмила разливала чай; Михаилъ Петровичъ нѣкоторое время любовался ею, потомъ вдругъ сказалъ—«славна дытына!» и, взявши, поцѣловалъ ея руку.

Прощаясь съ нами, Михаилъ Петровичъ просилъ меня удѣлить на праздникахъ время и придти прочитать съ нимъ его переводъ пьесы Гауптмана (Роза Берптъ), который онъ сдѣлалъ передъ праздниками.

Но читать намъ больше не пришлось... На другой же день повторился съ Михаиломъ Петровичемъ такой ужасный сердечный припадокъ съ продолжительнымъ обморокомъ,—что всѣ послѣдующіе дни были только искуственнымъ продолженіемъ жи-

зни, при посредствѣ экстренныхъ медицинскихъ мѣръ... Пульсъ, дыханіе были совсѣмъ плохи.

Лишь сознаніе оставалось,—сознаніе близкой смерти: скорбно-спокойно говорилъ Михаилъ Петровичъ женѣ и дѣтямъ:—«Да, это была послѣдняя отсрочка... Впрыскиванія, лекарства, какъ это все далеко отошло!.. Наступаетъ параличъ сердца»...

И сердце, дѣйствительно, перестало биться: въ то же утро, 14-го апрѣля, Михаилъ Петровичъ скончался. Печальная вѣсть распространилась; друзья собрались въ домѣ на панихиду. Невыразимо скорбное чувство испытывали мы, глядя на эти закрывшіеся глаза и навѣки сомкнувшіяся уста! Не хотѣлось вѣрить, что дорогой другъ уже не отъ нашего міра: онъ лежалъ въ гробу какъ-бы не пораженный смертью,—спокойный, торжественно-величавый, съ просвѣтлённой улыбкой; казалось, что онъ лишь уснулъ и ему грезится что-то лучшее, свѣтлое... Только ужасное смертное ложе,—покрытое вѣнками, сіявшими своею страшною красотою, повитою траурными лентами съ печальными привѣтами,—говорило, что другъ нашъ спитъ сномъ, отъ котораго нѣтъ пробужденія...

На другой день тяжелая крышка гроба закрылась и мы провели его въ церковь Благовѣщенія, а оттуда на Байкову гору, гдѣ и опустили Михаила Петровича въ могилу, на новомъ кладбищѣ, близъ церкви. Съ могильнаго мѣста виденъ Кіевъ.

Похороны Михаила Петровича были величавые. Гробъ все время несла молодежь на рукахъ. Впереди подвигался катафалкъ, весь покрытый вѣнками; развѣвались ихъ ленты: «коханому Татови и другови», «Одъ украинськыхъ пысателивъ», «отъ Литерат. Общества», «одъ Кіевской Старины», «одъ студентивъ-украинцивъ», «одъ артистивъ» и т. д. и т. д. нѣсколько десятковъ вѣнковъ. Иные вѣнки къ похоронамъ не поспѣли (изъ заграницы, изъ Черноморіи),—они будутъ положены, когда будетъ вполнѣ устроена могила.

Огромная толпа провожала гробъ до могилы. У этой раскрытой могилы сказаны были людьми старыми и молодыми теплыя рѣчи.

Мнѣ кажется, что лучшими словами были тѣ, которыя, послѣ отпѣванія, неожиданно раздались еще въ церкви,—они исчерпывали все: отецъ Михаилъ Вишневецкій, священникъ церкви Благовѣщенія, сказалъ надъ гробомъ Михаила Петровича Старицкаго:—«Исторія дастъ судъ надъ всѣми дѣлами его, судъ истинный. Онъ любилъ родину, любилъ родное слово, страдалъ за это, но любилъ; этимъ словомъ онъ будилъ самыя святыя, добрыя чувства въ ближнихъ своихъ».

Это составляетъ сущность того, что можно сказать надъ гробомъ М. П. Старицкаго. Слово отца Михаила произвело большое впечатлѣніе на толпу присутствовавшихъ.

Да, родное слово Михаилъ Петровичъ любилъ горячею, вѣрною любовью—отъ молодыхъ лѣтъ, когда онъ слагалъ этимъ словомъ первыя свои пѣсни, и до послѣднихъ дней жизни, когда, уже слабѣющей рукой, продолжалъ чертить слова всё той же дорогой рѣчи, сливавшейся въ его душѣ съ самыми дорогими образами.

Литературное наслѣдіе, оставленное Михаиломъ Петровичемъ въ этомъ дорогомъ ему украинскомъ словѣ, очень велико и разнообразно. Не считая настоящій моментъ подходящимъ для подробнаго критическаго разбора сочиненій Михаила Петровича, укажу лишь на главнѣйшіе мотивы, проникавшіе его творчество, и на тѣ размѣры, которые приняло у него изображеніе украинской жизни.

Основнымъ мотивомъ, одухотворявшимъ наилучшія сочиненія Михаила Петровича, была патріотическая идея; для ея воплощенія находилъ онъ темы какъ въ прошлой, такъ и въ настоящей жизни родины; формами же выраженія этой идеи были и мелкое стихотвореніе, и обширное прозаическое произведеніе. Влеченію выражать эту идею подчинялись какъ оригинальныя сочиненія М. П—ча, такъ и его выборъ многихъ переводовъ.

Не загромождая указанія на этотъ мотивъ творчества Михаила Петровича отрывочными цитатами, хотя бы и прекрасныхъ мѣстъ изъ его стихотвореній и драмат. произведеній, изъ которыхъ можно было бы взять не мало яркихъ мѣстъ, монологовъ

и пр.,—я, для цѣльности впечатлѣнія, приведу полностію хотя одно стихотвореніе, блещущее конкретнымъ, импозантнымъ образомъ героини-патріотки, блещущее также и формою,—можно сказать, мастерскимъ стихомъ:

Дочка Гефая.

Якъ що доля велыть полягты за свій край
Въ несподивану раннюю могылу,
Ты, мій батьку святый, серце скорбне втрымай:
Смерть моя дасть одвагу и сылу!
Въ нетремтячій руци поведы мене самъ
На майданъ, до кативъ, до сокыры,
И безъ жалю, безъ слизъ, похылюся я тамъ
Зъ серцемъ повнымъ надіи та виры:
Що одужа народъ, не знесе бильшъ ярма
И розправыть натружени груды,
Що на ридній земли зныкне, щезне питьма,
Сонце правды засяе повсюды:
И на вильныхъ поляхъ, въ ныву власну ратай
Кыне зерна добирного жыта,
И красуня дочка той збере урожай,
Не даючы панасныку мыта.
Васъ, дибровы, гаи, у одежи ясній
Не побачу я въ счасну годыну,
Але кревный народъ, въ своій думци ясній,
Помъяне и мою домовыну...
Задавы-жъ, батьку мій, ту слёзу на очахъ,
За край ридный прыймы мою плату:
Подывысь,—я самá, зневажывшы страхъ,
Смило йду зъ яснымъ окомъ на страту!

Герои и героини, одушевленные горячей идеей патріотизма, являются также во многихъ драмат. пьесахъ Михаила Петровича: изъ этихъ пьесъ въ особенности отличаются Богданъ Хмельницкій, Маруся Богуславка, Осада Буши, какъ бы и написанныя соб-

ственно для проведенія идеи горячей любви къ родинѣ и беззавѣтнаго служенія ея благу, какихъ бы жертвъ ни требовало это служеніе.

Отсюда является понятнымъ то обстоятельство, о которомъ я упоминала вскользъ, что и въ передѣлкѣ полу-фантастическаго, полубытового сюжета, въ текстѣ музыкальной комедіи «Риздвяничъ», Старицкій изъ безразличной къ высокой идеѣ патріотизма, легендарно-комической фигуры характерника Пацюка (по Гоголевскому сюжету лишь глотающаго вареники) дѣлаетъ убѣжденнаго патріота, скорбящаго, горячо негодующаго на то, что въ поколѣніи, смѣнившемъ запорожцевъ, угасаетъ вѣрность прежнимъ патріотическимъ традиціямъ.

Принципъ вообще вѣрности разъ воспринятой высокой идеѣ послужилъ Старицкому мотивомъ для слѣдующаго прекраснаго стихотворенія:

Потайни ученыкы.

„Всякая вина простится, вина-же противъ Духа Свята не простится во вѣки".

Мы тамъ булы... Ёго розпьялы,
А мы дывылыся здали,
Та обережно, знай, мовчалы
И въ глыбыни души ховалы
Свои незважени жалі́.
До насъ прысикалысь словамы:
«Повынно, й вы тін-жъ рукы,—
Адже-жъ булы ёго друззямы?»
Мы видцуралыся клятьбамы.—
И пивень крыкнувъ здалекы.
Воны замучылы Мессію...
Усе простывъ винъ ворогамъ:
Винъ душогубу, лыходію
Въ раю зустрітысь давъ надію...
Та чи простывъ-же винъ друззямъ?

Идея народничества,—любви къ родному темному люду,—одушевлявшая нашего автора, отразилась во многихъ его стихотвореніяхъ; она-же руководила имъ при созданіи многихъ симпатичныхъ типовъ и картинъ изъ жизни народной, явившихся въ его драматическихъ произведеніяхъ. Среди типовъ народныхъ Старицкій выводитъ въ своихъ пьесахъ не только людей обыденной жизни, но ищетъ выдающихся представителей, одушевленныхъ идеей гражданскаго служенія той средѣ, которой они принадлежатъ (таковы, наприм., рѣзко очерченый Старицкимъ Юрко Довбушъ и герой пьесы «У темряви»).

Вообще идея человѣчности, «святое чувство» гуманнаго отношенія къ близкимъ людямъ вошла даже въ самую первую драматическую пробу М. П. Старицкаго (Чорноморци), передѣлку сюжета Кухаренка: въ то время, какъ въ пьесѣ Кухаренка [1]) герой женится на несчастной брошенной имъ дѣвушкѣ только благодаря тому, что его обманули въ пьяномъ видѣ, при чемъ онъ принялъ её за другую, моложе и красивѣе ея,—у Старицкаго старый козакъ *сознательно* возвращается къ прежней своей милой, изъ-за проснувшагося совѣстливаго чувства къ преданной ему женщинѣ, съ которой онъ собирался поступить несправедливо.

Не ограничиваясь сферою жизни народной, Старицкій вводитъ въ свои произведенія типы изъ сферы интеллигентной. Въ этомъ отношеніи уже первая его оригинальная пьеса „Не судылось“ („Не такъ склалось“) открывала цѣлую новую эпоху въ украинской драматической литературѣ, такъ какъ въ пьесѣ этой, на ряду съ типами народными,—тоже съ новыми, своеобразными ихъ оттѣнками,—выведены были типы „панскаго гнѣзда“, съ его какъ старыми, такъ и самыми передовыми представителями: переплетеніе отношеній всѣхъ этихъ дѣйствующихъ лицъ пьесы дало интереснѣйшую картину, необыкновенно художественно отдѣланную авторомъ.

Пьесы Старицкаго „Талантъ“, „Крестъ жизни“ написаны уже исключительно изъ жизни интеллигенціи, самыхъ разнообразныхъ круговъ ея,—артистическаго, дѣлового, свѣтскаго и т. д.

[1]) Чорноморськый побытъ.

Такимъ образомъ, пьесами Старицкаго наша драма была рѣшительно выведена изъ стараго, тѣснаго круга этнографическаго, съ его полуанекдотическимъ характеромъ темъ.

Въ самой *техникѣ* построенія драмы Старицкій является авторомъ очень умѣлымъ: пьесы его отличаются интереснымъ развитіемъ дѣйствія, разнообразіемъ сценъ, а также большой живостью діалога,—кромѣ его характерности.

Говоря о формѣ, должно признать, что не менѣе искуснымъ техникомъ является Старицкій и какъ поэтъ-стихотворецъ. Онъ является въ своихъ стихотвореніяхъ вообще хорошимъ стилистомъ, свободно владѣющимъ при томъ самымъ разнообразнымъ стихомъ.

Въ частности, въ техникѣ слова, мы видѣли, каково было участіе Старицкаго въ этой области литературной работы: въ дѣлѣ созиданія литературнаго украинскаго языка онъ сдѣлалъ *огромный вкладъ*; теперь уже совершенно излишне было-бы „оправдывать" Старицкаго за его смѣлое новаторство,—напротивъ, теперь можно считать признанною его великую *заслугу* въ этой области.

Молодые ораторы, украинскіе писатели, говорившіе надъ гробомъ Михаила Петровича, называли его своимъ учителемъ. Да, онъ былъ ихъ учителемъ, онъ указывалъ новые пути и содержаніемъ, и формою того, что написано имъ за долгіе годы его неуклонной литературной дѣятельности. Въ молодости Михаилъ Петровичъ, какъ писатель *украинскій*, опередилъ свое время и за расширеніе вообще рамокъ нашей литературы былъ иногда неодобряемъ даже своими, но за то новое поколѣніе поняло эту роль *идущаго впереди* и дало Михаилу Петровичу почетное названіе—учителя.

Вотъ кого мы потеряли въ Михаилѣ Петровичѣ Старицкомъ! Жаль, невыразимо жаль, что жестокая болѣзнь, развившаяся вслѣдствіе многихъ неблагопріятныхъ условій, перервала эту дорогую жизнь, которая могла бы еще долго не только радовать всѣхъ близкихъ, но и служить на великое благо родинѣ.

Но если ужъ суждено было этой жизни прекратиться, то пусть близкіе и почитатели покойнаго поэта найдутъ свѣтлую долю утѣшенія въ томъ, что человѣкъ сдѣлавшій такъ много—не

умираетъ совсѣмъ,—продолжая жить въ своемъ дѣлѣ и въ благодарной памяти оставшихся. Когда углубишься во всю духовную дѣятельность Михаила Петровича, то какъ будто физически чувствуешь, что живъ духъ его среди насъ!

И хочется сказать, глядя на портретъ его, не безнадежное „прощай“ для вѣчной разлуки, а живое „спасыби“ за всё сдѣланное впродолженіе цѣлой жизни для дорогой Украины, за всё то, что съ успѣхами ея свяжетъ на вѣки имя Михаила Петровича Старицкаго.

О. Пчилка.

Кіевъ, 25 апрѣля 1904 г.

Документы, извѣстія и замѣтки.

Письмо митрополита кіевскаго Варлаама Ясинскаго къ Петру I о переяславскомъ епископствѣ. „Царю царствующихъ и господарю государствующихъ Богу въ Тройцѣ святой славимому и поклоняемому буди честь, слава, поклоненіе и благодареніе. Яко изъ древле чрезъ многія войны въ Малой Росіи разоренное и запустѣлое епископство Переяславское, нынѣ за благополучныя благочестивѣйшія вашего царскаго пресвѣтлаго величества державы, по милостивому вашему монаршескому государскому указу, ко помощи престолу близъ сущему Митрополіи Кіевскія и моей немощной старости, есть отновлено; о чемъ я, недостойный богомолецъ, чрезъ многое время въ немощи моей старческой, многократно вашему царскому пресвѣтлому величеству, молитвеннымъ моимъ дерзахъ стужати челобитьемъ; по небесномъ же премилосердномъ царю и вашему царскому пресвѣтлому величеству благодарствую всепокорственно я немощный престарѣлый богомолецъ, за толикое милосердіе, яко по вашему премилостивому монаршескому изволенію, и на немощь мою старческую призрѣнію, изъявленномъ грамотнѣ благословительномъ отъ святыя и блаженныя памяти архипастыря нашего великаго господина Киръ Адріана, архіепископа московскаго и всея Россіи и всѣхъ сѣверныхъ странъ патріарха; при многоиждивительномъ богоугодномъ попеченіи и ктиторствѣ вашего царского пресвѣтлого величества, войскъ запорожскихъ обоихъ сторонъ Днѣпра Гетмана и славнаго чина святаго апостола Андрея кавалера благочестиваго Іоанна Степановича Мазепы. Поставленъ есть здѣ въ епископа Переяславскаго не инъ кто развѣ ближній мой въ духу святомъ сынъ и постриженецъ, вѣдый немощь мою старческую и обыклый мнѣ

помоществовати, яко же и могій обновленіе того переяславскаго престола тщаніемъ своимъ воздвигнути, боголюбивый игуменъ монастыря Святомихайловскаго Золотоверховаго Кіевскаго, Захарій Корниловичъ. То убо егда и самъ готовляшеся путемъ симъ зимнимъ шествовати къ царствующему великому граду Москвѣ воздаянія ради благодарствія достодолжнаго вашему царскому пресвѣтлому величеству за толикое благодѣяніе и моленія ради о утверженіи крѣпостію монаршескою того постановленія его на то Переяславское епископство, обновляемое ко помощи митрополіи Кіевскія и моей дозѣла изнемогающей крайней старости ко пособствованію: и се отъ вашего царского пресвѣтлаго величества премногомощная грамота, писанная въ нынѣшнемъ 1701 году генваря 3 дня подана есть недостоинству моему того-жъ мѣсяца дня 15; въ ней же написано предостойнѣйшій монаршескій милостивый вашего царскаго пресвѣтлаго величества указъ; новопоставленному сему епископу переяславскому Захарію, якожъ и отъ Черниговскія епархіи новгородскому архимандриту Димитрію, писателю житіи святыхъ книгъ церкви святой благопотребныхъ, еще недоконченыхъ, пріѣзжати ко Москвѣ ради избранія въ Сибирскія митрополиты. Сицевому многочестному вашего царского величества монаршескому указу, всесмиренно повинуяся, отпущано ко престолу благодати вашего царского пресвѣтлаго величества съ препокорственнѣйшимъ поклоненіемъ и челобитьемъ сего новопоставленнаго епископа Захарію, молитвуя, да сподобится пріяти монаршескую милость и благодать обрящетъ во благовременную помощь; а въ помощь двойственную и ко обновленію того Переяславского епископства по многостолѣтномъ запустеніи и ко пособствованію моей крайней старости кончащейся, да возвращенъ будетъ вспять по милосердномъ вашего царского пресвѣтлаго величества призрѣнію для той двогубой зѣло нужной потребы и обновленія ради епископства и обветшалой ради моей митрополитанской старости; о семъ всепокорственно старческимъ моимъ слезнымъ моленіемъ челомъ бью; дерзая же прилагати моленіе и о писателю книгъ житіи святыхъ новгородцкомъ архимандритѣ Димитріи, яко и того здѣ возвращеніе на докончаніе тѣхъ книгъ церкви святой многополезныхъ зѣло есть благопотребно, съ повторяемымъ стократнымъ моимъ челобитьемъ подъ монаршескія вашего царского пресвѣтлаго величества стопы препокорственно припадаю. Писася въ отчествѣ вашего царскаго пресвѣтлаго величества въ богоспасаемомъ градѣ Кіевѣ, при церкви престольной митрополитанской святыя Софіи Пре-

мудрости Божія, въ лѣто отъ Рождества Христова 1701, мѣсяца генваря 29. Вашего царского пресвѣтлаго величества премилостивѣйшаго нашего великаго государя всегдашній богомолецъ нижайшій рабъ и подножіе недостойный митрополитъ кіевскій Варлаамъ старецъ" [1]).

Къ исторіи оспопрививанія въ Малороссіи. Печатаемый документъ найденъ въ г. Глуховѣ, черниговской губ., П. Я. Литвиновой на базарѣ, гдѣ въ него была завернута какая-то мелкая покупка. Очевидно, онъ попалъ къ торговкѣ изъ дѣлъ, проданныхъ какимъ-нибудь учрежденіемъ. Конецъ документа пропалъ, но и въ томъ видѣ, какъ документъ доставленъ редакціи—онъ представляетъ несомнѣнный бытовой интересъ. Оспопрививаніе въ Россіи завоевывало себѣ мѣсто, какъ извѣстно, чрезвычайно туго. Правительству приходилось нерѣдко прибѣгать даже къ насильственнымъ мѣрамъ, прежде чѣмъ населеніе сознало пользу оспопрививанія. Печатаемый нами документъ содержитъ въ себѣ одну изъ мѣръ, которыми правительство пользовалось при введеніи оспопрививанія — объясненіе пользы его съ церковной каѳедры при посредствѣ духовенства.

„1812 года Генваря 2 дня. По Указу Его Императорскаго Величества учрежденный въ городѣ Глуховѣ о прививаніи оспы Комитетъ слушалъ присланные въ оный при предписаніи Господина Черниговскаго Гражданскаго Губернатора въ копіяхъ записку, Высочайше одобренную въ 3-й день Маія прошлаго 1811 года, и предписаніе господина министра полиціи 25 тогожъ Маія къ господину губернатору послѣдовавшее, въ которомъ между протчимъ предположено: 1-е, поелику поясненіе пользы народу отъ прививанія коровьей оспы происходящей возложено было еще въ 1804 году на духовенство, что и донынѣ исполняется, то о семъ неизлишне и вновь повторить, вменя въ особую обязанность пастирямъ духовнымъ, дабы они всемѣрно старались преклонять прихожанъ своихъ къ принятію сего спасительнаго средства, сравнивали въ приличныхъ и убѣдительныхъ выраженіяхъ дѣйствіе оспы натуральной съ оспою коровьею. Злу первой противу полагали благодѣянія второй, и даже подъ опасеніемъ гнѣва Божія вне-

---

[1]) Московъ. Арх. Мин. Юст. Дѣло Кіевскаго Повытья, кн. 39, лл. 83-84.

ряли бы имъ мисль, что неупотреблять истинныхъ извѣстныхъ уже предохранительныхъ и цѣлебныхъ пособій въ свою или ближнихъ своихъ пользу, по одному предразсудку, упрямству или небреженію, значитъ отягощать совѣсть свою тяжкимъ преступленіемъ, сопряженнымъ нерѣдко съ самимъ человѣкоубійствомъ.—Къ вящему же достиженію въономъ успѣха со стороны духовенства и въ томъ наипаче разсужденіи, что примѣръ часто болѣе дѣйствуетъ на убѣжденіе человѣка, нежели и самое благоразумное увѣщаніе, небезъполезно учредить чтобъ тѣ дѣти, а особлово по деревнямъ, укоихъ привита была коровья оспа, по совершенномъ выздоровленіи приводимы были въ праздникъ или воскресный день, смотря поудобности мѣстнаго разстоянія и въ самую хорошую лѣтнюю погоду, въ церковъ для слушанія Божественной литургіи, коихъ и ставить въ переды на особомъ, отъ священника имъ назначенномъ мѣстѣ. Обязанность священника присемъ случаѣ должна состоять въ томъ, чтобъ онъ по окончаніи Богослуженія, для подражанія другимъ и для увѣренія въ безопасности и пользѣ привыванія коровьей оспы, обявлялъ имена виздоровѣвшихъ, равно упоминалъ бы, со свойственнымъ пастирю духовному увѣщаниемъ, и отѣхъ кои (ежели гдѣ къ нещастію случится) потеряли понебреженію своему семеннаго человѣка отъ натуральной оспы. 2-е. Комитетамъ же поставить въ непремѣнную обязанность приведенія въ извѣстность повсемѣстнаго въ каждой губерніи числа малолѣтнихъ дѣтей, у коихъ не было еще оспы, и веденіе имъ правильнаго щета, попечение, чтобы вездѣ знающими людьми прививаема была всѣмъ дѣтямъ безъ изъятия коровья оспа, снабденіе прививателей свѣжею оспенною материею, и самоудобнѣйшими для сего дѣла инструментами, и наставление отъ медицинскихъ чиновниковъ желающимъ научится основательному прививанію. 3-е. Возложивъ посему на комитеты о распространеніи повсюду прививанія коровьей оспы и предоставя благоразумію и усердію къ общему добру членовъ ихъ, предписано употреблять на сей конецъ всевозможныя по мѣстному усмотрѣнію средства, и принимать дѣятельнѣйшія мѣры, для свидѣнія же правительства о успѣхѣ всеобщаго привыванія постановить такъ же правиломъ, чтобъ Губернские Комитеты, получая полугодовыя вѣдомости изъ Комитетовъ уѣздныхъ, по присланному образцу,...

На этомъ мѣстѣ рукопись оторвана.

Сообщила **П. Я. Литвинова.**

Опытъ составленія топографическаго описанія Кіевскаго намѣстничества въ концѣ XVIII в. Въ концѣ XVIII в. императрица Екатерина II поручила нѣкоему бригадиру Соймонову составить лично для нея топографическое описаніе всѣхъ намѣстничествъ. Нуждаясь въ матеріалахъ для подобныхъ описаній, Соймоновъ обратился за содѣйствіемъ къ генералъ-губернаторамъ, а эти послѣдніе—къ подчиненнымъ имъ свѣтскимъ и духовнымъ властямъ. Ниже мы помѣщаемъ два письма Румянцева и м. Самуила (Миславскаго), какими они обмѣнялись по этому поводу.

Письмо Румянцева къ м. Самуилу: „Преосвященный Господинъ-Святѣйшаго Правительствующаго Синода членъ, архіепископъ, митрополитъ Кіевскій и Галицкій, Мой Милостивый Архипастырь! Ея Императорское Величество высочайше указать соизволила господину бригадиру Соймонову сочинить для собственнаго Ея употребленія топографическое описаніе каждаго намѣстничества порознь, всемилостивѣйше позволяя ему, если о которомъ онъ достаточнаго свѣдѣнія имѣть не будетъ, истребовать оное отъ генералъ-губернаторовъ; и вслѣдствіе того сочинилъ онъ нѣкоторые запросы, кои при письмѣ ко мнѣ сообщилъ съ тѣмъ, что, какъ собраніе таковыхъ извѣстій по многочисленности предметовъ, въ оныхъ заключающихся, требуетъ довольно времени,—то просилъ о скорѣйшемъ доставленіи на первый случай хотя тѣхъ, кои безъ дальнѣйшихъ справокъ я имѣть могу, ибо въ полученіи оныхъ крайняя надобность теперь настоитъ, оставляя увѣдомленіе о прочихъ на предыдущее время. Я потому господамъ губернаторамъ здѣшнихъ губерній препоручилъ возложить собраніе сихъ извѣстій, по усмотрѣнію ихъ, на нѣкоторыхъ изъ членовъ присудственныхъ мѣстъ или на обывателей, ученіемъ или упражненіемъ въ таковыхъ дѣлахъ знаніе пріобрѣтшихъ, съ тѣмъ, чтобы прилежнѣйше они стараніе въ самоскорѣйшемъ того произведеніи въ дѣйствіе употребили; а всѣмъ городовымъ магистратамъ, земскимъ исправникамъ и городничимъ и до кого сіе принадлежать можетъ, предписать, дабы они въ поданіи надобныхъ извѣстій пособствовали; а землемѣры, кои всѣ чинъ положенія своего уѣзда знать должны, тоже съ своей стороны надобными описаніями пособствовали. И какъ во многихъ пунктахъ могутъ быть потребны объясненія и отъ духовныхъ правленій, то чтобы и со стороны тѣхъ тоже благоволено, покорно прошу вашего преосвященства онымъ въ паствѣ вашей находящимся предписать, для

чего и копію плана сего топографическаго описанія отъ помянутаго господина Соймонова присланнаго при семъ сообщаю [1]). Пребывающій съ истиннымъ къ вамъ почтеніемъ вашего преосвященства покорнѣйшій слуга Румянцевъ-Задунайскій.

1884 года, 3 апрѣля. Вишеньки [2]).

Митр. Самуилъ выразилъ полную готовность помочь этому доброму начинанію, о чемъ ясно свидѣтельствуетъ его *отвѣтъ Румянцеву:* «Высокосіятельнѣйшій графъ, генералъ-фельдмаршалъ, милостивый государь! По содержанію всепочтеннѣйшаго вашего сіятельства письма относительно къ собранію извѣстій, для сочиненія топографическаго описанія потребныхъ, имѣю честь донести, что какъ монастырскимъ настоятелямъ, такъ и духовнымъ правленіямъ изъ консисторіи указами предписано, дабы они доставленіемъ таковыхъ свѣдѣній, кому слѣдуетъ, всемѣрно и безъ всякаго отлагательства споспѣшествовали.

Въ прочемъ съ моимъ къ вашего сіятельства особѣ высокопочитаніемъ, искреннѣйшею преданностію и молитвами пребуду и есмъ вашего сіятельства"... [3])

1784 года, апрѣля 15 дня. Кіевъ.

В. Д—скій.

О приглашеніи на службу въ Грузію чиновниковъ изъ Малороссіи. Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ 1818 г. намѣстникъ Кавказа, извѣстный генералъ А. Ермоловъ, обратился къ малороссійскому генералъ-губернатору князю Репнину съ просьбою содѣйствовать ему въ приглашеніи чиновниковъ на службу въ Грузію. «Верховнаго грузинскаго правительства казенная экспедиція, имѣя большой недостатокъ въ чиновникахъ, которые могли бы съ желаемымъ успѣхомъ по части счетной и губернскаго казначея мѣста бухгалтера и столоначальниковъ, проситъ содѣйствія моего на счетъ приглашенія ихъ изъ россійскихъ губерній. Уважая здѣсь существенную нужду въ сихъ людяхъ, и при томъ, не надѣясь, чтобы по общему вызову правительства можно было когда либо имѣть здѣсь хорошихъ людей въ достаточномъ количествѣ, такъ какъ доселѣ сколько ни являлось ихъ изъ разныхъ губерній, всѣ они были или совершенно неспособные къ

---

[1]) Къ сожалѣнію, самаго этого плана намъ не удалось найти.

[2]) Арх. Кіев. Дух. Конс. 1784 г. № 759.

[3]) ibid (копія)

статскимъ дѣламъ, или дурного поведенія, а здѣшнее начальство, не смотря на крайній въ нихъ недостатокъ, принуждено было многихъ выслать обратно въ Россію; сіе обстоятельство вынуждаетъ меня безпокоить ваше сіятельство покорнѣйшею моею просьбою принять на себя трудъ, сколько для пользы службы, а не менѣе и въ особенное мнѣ одолженіе приказать склонить къ отъѣзду сюда на службу, по крайней мѣрѣ, отъ пяти до шести человѣкъ, если нельзя болѣе, изъ чиновниковъ, служащихъ въ черниговской и полтавской казенныхъ палатахъ, но такихъ, кои бы здѣсь могли быть употреблены съ пользою. Я не сомнѣваюсь, чтобы въ губерніяхъ сихъ, давно уже образованныхъ, нельзя было найти столько людей, хотя молодыхъ, но при похвальномъ поведеніи обѣщающихъ хорошіе успѣхи. Каждый изъ согласившихся сюда отправиться можетъ, при самомъ отправленіи, на основаніи существующаго постановленія получить слѣдующій чинъ, прогоны и впередъ за треть годовое жалованье. Сіе послѣднее назначается здѣсь бухгалтеру или столоначальнику по 350 р., а помощникамъ ихъ по 200 р. серебромъ, сверхъ того, по способностямъ и усердію могутъ надѣяться и другихъ отличныхъ награжденій, а современемъ занятія высшихъ мѣстъ.

Для лучшаго убѣжденія хорошихъ людей къ поѣздкѣ сюда, не излишнимъ считаю присовокупить, что описанія многихъ въ разсужденіи климата и другихъ неудобствъ не должны ихъ останавливать потому, что всѣ слухи, которые выходятъ въ публику о невыгодахъ здѣшняго края, есть совершенно ложные и распускаются одними и тѣми же людьми, которые отсюда, по негодности ихъ, высланы обратно въ Россію. Въ разсужденіе содержанія не будутъ они также имѣть никакого неудобства, потому что жизненные припасы здѣсь несравненно дешевле многихъ россійскихъ губерній, не говоря уже о столицахъ; а жалованье, выдаваемое имъ серебромъ, достаточно даже и для семейнаго человѣка, поелику за серебряный рубль даютъ мѣдныхъ три, а асигнаціями, которыя въ совершенномъ уже употребленіи, по четыре рубля и болѣе. Сверхъ того, всякій чиновникъ, служащій здѣсь, имѣетъ по отводу обывательскую квартиру безъ платы за постой денегъ. Зная давно правила вашего сіятельства и постоянное желаніе быть всегда полезнымъ службѣ и отечеству, я совершенно увѣренъ, что вы, милостивый государь, не откажете принять въ дѣлѣ семъ живѣйшаго участія, по крайней мѣрѣ изъ уваженія къ краю, сколько благословенному по климату своему, столько же бѣдному хорошими

чиновниками. Въ заключеніе сего, я долгомъ поставляю покорнѣйше просить ваше с-во, если кто изъ таковыхъ чиновниковъ изъявитъ желаніе ѣхать сюда, то приказать немедленно ихъ отправить въ Тифлисъ, выдавъ каждому на счетъ здѣшней казенной экспедиціи прогонныя по чину деньги и третное жалованье, разсчитывая оное на серебро, какъ значитъ выше: бухгалтеру или столоначальнику изъ 350 р., а помощникамъ ихъ 200 рублеваго въ годъ оклада, и объ успѣхахъ по сему предмету не оставьте меня вашимъ увѣдомленіемъ.

Съ совершеннымъ почтеніемъ и таковою же преданностью имѣю честь быть вашего сіятельства покорнѣйшій слуга Алексѣй Ермоловъ.

Кн. Репнинъ исполнилъ желаніе Ермолова и оповѣстилъ всѣ подвѣдомственныя ему учрежденія съ приглашеніемъ отправиться въ Грузію. Нашлось 23 человѣка, которые и были отправлены въ Грузію на условіяхъ, о которыхъ сказано въ письмѣ Ермолова.

Нѣсколько позже Ермоловъ вошелъ съ ходатайствомъ къ министру юстиціи Д. И. Лобанову-Ростовскому о разрѣшеніи въ законодательномъ порядкѣ всѣмъ увольненнымъ изъ духовныхъ училищъ ученикамъ, если они пожелаютъ ѣхать на службу въ Грузію, выдавать, сверхъ прогонныхъ денегъ, единовременно отъ 200 р. до 300 р. ассигнаціями. Эти недоучившіеся юноши должны были поступать въ качествѣ канцелярскихъ служителей. Ходатайство было уважено, о чемъ и послѣдовалъ указъ сената 1 марта 1820 года. (Архивъ полт. губ. правленія, по описи № 113, 1818 года).

И. Ф. Павловскій.

Ходатайство о бѣдной вдовѣ Василевской, родственницѣ св. Ѳеодосія Углическаго. Черниговскій прокуроръ Георгій Бажановъ обратился въ 1818 г. съ слѣдующимъ письмомъ къ малороссійскому генералъ-губернатору князю Н. Г. Репнину:

«Бѣдная вдова, надворная совѣтница Василевская на восьмомъ десяткѣ лѣтъ своихъ, борясь съ немощами и нищетою, прибѣгаетъ къ вашему с-ству съ нижайшею просьбою объ исходатайствованіи ей отъ щедротъ монаршихъ маленькаго подаянія за долговременную службу мужа ея. Будучи здѣшнимъ уроженцемъ, я помню еще въ малолѣтствѣ, что домъ Василевскихъ былъ нѣкогда изъ лучшихъ и добрые хозяева въ нихъ отличались ласками и гостепріимствомъ. Но, по времени, игра судьбы разными несчастными стеченіями и пожарами все

въ немъ истребила и оставила хозяйку въ глубокой старости, на болѣзненномъ одрѣ, умирать съ голоду. Смерть ей тѣмъ страшнѣе, что она имѣетъ маленькіе долги и боится умирать съ непокойною совѣстью, ибо она совершенная христіанка, а сверхъ того и ближайшая родственница покойному черниговскому архіерею Ѳеодосію Углицкому коего мощи здѣсь въ Борисоглѣбской церкви почиваютъ. Изобразивъ передъ вашимъ сіятельствомъ въ короткихъ словахъ горестное положеніе безпомощной женщины, я не стану уже утруждать просьбами за ея, увѣренъ будучи несомнѣнно, что она найдетъ наилучшаго ходатая въ собственномъ вашемъ сердцѣ.

Съ глубочайшимъ высокопочитаньемъ и душевною преданностью вѣчно пребуду вашего сія-ва всенижайшій слуга Георгій Бажановъ.

Декабрь 21, 1818 г. Черниговъ.

На этомъ письмѣ, на верху, такая помѣта: «При первой поѣздкѣ въ Черниговъ, взять съ собою и припомнить князю, котораго мысль, чтобы сдѣлать для Василевской подписку». (Арх. полт. губ. правленія 1818 г. по описи № 157, л. 336).

И. Ф. Павловскій.

Матеріалы для исторіи Кіевской Духовной Академіи (1800—1802 г.) [1]. Великому Господину, Высокопреосвященнѣйшему Гавріилу, Митрополиту Кіевскому и Галицкому и Кіево-Печерскія Лавры Священно-Архимандриту Академическаго Правленія Докладъ.

Указомъ Его Императорскаго Величества изъ Кіевской Духовной Дикастеріи сего августа 22 въ сіе Правленіе насланнымъ, по резолюціи Вашего Высокопреосвященства между прочимъ велѣно: „на мѣсто отправленнаго въ Новороссійскую семинарію низшаго класса грамматики учителя соборнаго іеромонаха Іоанникія представить Вашему Высокопреосвященству на утвержденіе кандидата“. Къ исполненію чего Академическое Правленіе приступая, а притомъ разсуждая 1-е, что въ высшемъ краснорѣчіи учителя не имѣется; ибо по утвержденному Вашимъ Высокопреосвященствомъ сего года іюня 1 дня сего Правленія докладу, высшее краснорѣчіе до окончанія только года препоручено латинской и россійской риторики учителю Никитѣ Соко-

---

[1]) См. Кіев. Стар. № 4, отд. II, стр. 6—13.

ловскому; которое онъ, оставаясь при риторикѣ преподавалъ, но по важности сихъ обоихъ классовъ нужно опредѣлить порознь учителей и 2-е, классъ географическій и историческій, въ разсужденіи обширности своей, какъ преподавать одному учителю съ окончаніемъ ежегодно курса не совмѣстно, такъ и для учащихся проходить оный обременительно; равно и ариѳметическій классъ ради облегченія памяти юныхъ и лучшаго утвержденія нужнымъ почитается распространить, и оба оные классы такъ, какъ и математическіе къ латинскимъ классамъ привязать, съ тѣмъ чтобы учители ординарные ради лучшаго и исправнѣйшаго упражненія своихъ учениковъ по онымъ классамъ постепенно руководствовали легчайшимъ и способнѣйшимъ порядкомъ, и ученики бы съ окончаніемъ классовъ выходили свѣдущими въ сихъ предметахъ (не возбраняя притомъ и студентамъ высшихъ классовъ, если кто или ради повторенія или, и вновь начавъ, возымѣетъ надобность онымъ предметамъ обучаться); ежели же изъ ординарныхъ учителей кто на первый нынѣ случай окажется не свѣдущимъ въ сихъ знаніяхъ: то на мѣсто его препоручить оные экстраординарному. 3-е, ради изученія исправному при службѣ Божіей пѣнію (о чемъ и въ указѣ Св. Синода упомянуто) не безнужно открыть классъ нотнаго пѣнія. И 4-е, наконецъ, что при семъ распоряженіи слѣдуетъ поручить должности учительскія и прибывшимъ изъ московскаго университета студентамъ Михаилу Пишнячевскому и Даніилу Домонтову, полагаетъ мнѣніе:

I.

Быть учителями: 1) Священной богословіи Кіево-Братскаго училищнаго монастыря архимандриту Иринею. 2) Философіи—префекту Академіи соборному іеромонаху Іакинѳу. 3) Высшаго краснорѣчія и высшаго французскаго класса—Никитѣ Соколовскому. 4) Еврейскаго и нижняго нѣмецкаго—Григорію Шехновскому. 5) Латинской и россійской риторики, также домашней и сельской экономіи—Дмитрію Иванишеву. 6) Поэзіи и высшаго класса чистой математики—Михаилу Пишнячевскому. 7) Высшаго грамматическаго класса и высшаго греческаго класса—іерею Стефану Семяновскому. 8) Средняго класса грамматики, средняго ариѳметики и втораго географіи—іеродіакону Серафиму. 9) Нижняго класса грамматики, нижняго греческаго, нижняго ариѳметическаго и перваго географическаго—Каллистрату Соколовскому. 10) Смѣшенной математики—іерею Трофиму Ляшкову. 11) Высшаго нѣмецкаго—Самуилу Хранканову. 12) Нижняго класса чистой ма-

тематики и рисовальнаго искусства—Тимоѳею Максимовскому. 13) Польскаго языка и третьяго класса географіи и высшаго ариѳметики—Игнату Главацкому. 14) Нижняго французскаго и четвертаго географическаго—Даніилу Домантову. 15) Нотнаго пѣнія—Георгію Барановичу.

II.

Географію раздѣлить на четыре класса, ариѳметику на три, чистую математику по прежнему на два, изъ которыхъ математики классъ второй двухгодичнымъ долженъ оканчиваться курсомъ, такъ какъ приспособленный къ классу риторики, что обстоятельнѣе видѣть можно въ учиненномъ о семъ особомъ росписаніи.

III.

Нотнаго пѣнія классъ вновь открыть и быть три раза въ недѣлю во вторникъ, четвертокъ и субботу въ 6 часу пополудни, которое время прежде было назначено ради Академическаго собранія.

IV.

Какъ въ духовныхъ Академіяхъ проходящіе учительскія должности, а наче по ординарнымъ классамъ, непремѣнно должны изучиться и священной богословіи, о чемъ и въ спискахъ ежегодно въ Святѣйшій Синодъ посылаемыхъ отмѣчается; изъ отправленныхъ же было въ университетъ студентовъ для ученія Даніилъ Домонтовъ только окончилъ классъ философіи, для чего ему Домонтову и вступить въ классъ Богословія, но между тѣмъ быть ему и экстраординарнымъ учителемъ. Что все, а равно и учиненное о порядкѣ времени и жалованьѣ учителямъ особое росписаніе, Академическое правленіе, представляя на благоусмотрѣніе Вашему Высокопреосвященству, ожидаетъ на то Архипастырской резолюціи. Вашего Высокопреосвященства нижайшіе послушники: Академіи ректоръ, Кіево-Николаевскій архимандритъ Ѳеофилактъ, Кіево-Братскаго училищнаго монастыря архимандритъ и богословія учитель Ириней. Академіи префектъ учитель философіи соборный іеромонахъ Іакинфъ.

1800 года августа 31 дня.

На семъ докладѣ резолюція митрополита Гавріила послѣдовала такая: „Быть посему. Причемъ утверждаетъ здѣсь приложенное порядка преподаванія ученіе и опредѣленное жалованья росписаніе.

Росписаніе въ дополненіе сдѣланнаго 1799 г. росписанія: 1) въ какіе часы каждаго дня и какимъ наукамъ обучаться; 2) въ географическомъ съ исторіею и математическихъ классахъ чему именно въ якомъ обучаться; 3) какихъ классовъ ученикамъ какимъ другимъ наукамъ и языкамъ обучаться; 4) сколько кому въ годъ жалованья. Учинено 1800 г. августа 31 дня.

I.

Въ какіе часы именно каждаго дня и какимъ обучать наукамъ.

Въ понедѣльникъ, среду и пятокъ.

По утру—въ 8 и 9 часу французскому языку въ обоихъ классахъ, въ 10 и 11 Латинскимъ классамъ, кромѣ высшаго краснорѣчія. По полудни—во 2 часу ариѳметикѣ, чистой и смѣшенной математикѣ во всѣхъ классахъ, въ 3 часу еврейскому языку и польскому и рисовальному искусству, въ 4 и 5 часу нѣмецкому языку въ обоихъ классахъ.

Во вторникъ и четвертокъ.

По утру въ 8 и 9 часу греческому языку въ обоихъ классахъ въ 10 и 11 латинскимъ классамъ кромѣ высшаго краснорѣчія. По полудни во 2 часу всѣмъ географическимъ классамъ, въ 3 и 4 высшему краснорѣчію, въ 5—сельской и домашней экономіи, въ 6—нотному пѣнію.

Въ субботу.

Въ 10 и 11 часу быть собранію, въ прочіе жъ часы такъ, какъ во вторникъ.

II.

Въ географическомъ съ исторіею классахъ чему именно обучать:

Въ первомъ классѣ:

Преподавать введеніе въ географію какъ то: названіе географіи, положеніе земли, названіе круговъ, раздѣленіе земли на ея части, раздѣленіе частей по государствамъ, познаніе океана, горъ, озеръ и главнѣйшихъ рѣкъ и раздѣленіе познанія предѣловъ Россійскаго государства, пространства, морей, горъ, озеръ и рѣкъ и раздѣленіе онаго по губерніямъ.

Познаніе объ исторіи вообще, о раздѣленіи времени по періодамъ или эпохамъ, библейскую исторію вообще; какое государство съ котораго началось времени, кто его основатель или первый государь и родословное исчисленіе россійскихъ государей.

Во второмъ классѣ:

Преподавать главное раздѣленіе всѣхъ государствъ, какъ то по провинціямъ или округамъ; какая въ нихъ господствующая и какая терпимая вѣра; какой столичный городъ и въ немъ число жителей, какъ титулуютъ государя, сколько во всемъ государствѣ жителей и воинской силы, какія горы, рѣки и озера,—познаніе о качествахъ земли и произведеніяхъ россійскаго государства и раздѣленіе по уѣздамъ.

Первую часть всемірной исторіи, то есть исторію древнюю, также Россійской исторіи три періода.

Въ третьемъ классѣ:

Первую часть всеобщаго землеописанія по городамъ и мѣстамъ съ описаніями, къ нимъ принадлежащими, также объ обитателяхъ россійскаго государства, о внутреннемъ его устроеніи, описаніе уѣздовъ и другихъ мѣстъ, помѣщенныхъ въ пространномъ землеописаніи россійскаго государства.

Вторую часть всемірной исторіи, то есть первую часть новой исторіи, и россійской исторіи четвертый и пятый періодъ,—чѣмъ россійская исторія и оканчивается.

Въ четвертомъ классѣ.

Вторую часть всеобщаго землеописанія по городамъ съ описаніями имъ принадлежащими и математическую географію.

Послѣднюю часть всемірной исторіи, то есть второй томъ новой исторіи.

Въ математическихъ классахъ.

1) Въ нижнемъ ариѳметики классѣ преподавать начала ариѳметики о числахъ, о четырехъ правилахъ исчисленія, то есть сложеніи. вычитаніи, множеніи и дѣленіи.

2) Въ среднемъ классѣ правила именованныхъ чиселъ, дробей простыхъ и десятичныхъ, квадратовъ и кубическихъ чиселъ.

3) Въ высшемъ классѣ правила ариѳметическихъ и геометрическихъ пропорцій, прогрессій, также логариѳмовъ и правила тройное, товарищества и прочія.

Чистой математики:

4) Въ нижнемъ классѣ изъ геометріи лонгиометрію и планиметрію; изъ алгебры: начальныя дѣйствія, также о дробяхъ и квадратахъ.

5) Въ высшемъ классѣ.

Перваго года изъ геометріи: штереометрію,—чѣмъ оканчивается вся геометрія. Изъ алгебры: о изобрѣтеніи и приведеніи уравненій при рѣшеніи задачъ, къ пропорціи и прогрессіи принадлежащихъ, и теоретическія правила тригонометріи, заключаемыя въ трехъ главахъ.

6) Втораго года изъ алгебры: конструкцію до окончанія всей алгебры; а изъ тригонометріи отъ практическихъ задачъ до окончанія всей тригонометріи.

Въ классѣ смѣшенной математики.

Перваго года архитектуру гражданскую и военную, также изъ первой части механику и идростатику.

Второго года аерометрію, идравлику, оптику, катоптрику, діоптрику и перспективу.

Третьяго года вторую часть, то есть тригонометрію сферическую, начала астрономіи, географію, идрографію, игномонику и хронологію.

III.

Какихъ классовъ ученикамъ какимъ другимъ наукамъ и языкамъ обучаться.

Нижняго грамматическаго класса ученикамъ обучаться польскому языку, яко въ сей и другихъ сосѣдственныхъ къ ней губерніяхъ употребляемому, ариѳметикѣ, географіи и исторіи.

Средняго грамматическаго класса ученикамъ продолжать польскій языкъ, ариѳметику, географію и исторію.

Высшаго грамматическаго класса ученикамъ продолжать ариѳметику и географію и начинать нѣмецкій или французскій языкъ по ихъ способности.

Поэзіи ученикамъ продолжать географію, исторію, начатые ими языки и обучаться чистой математикѣ, и священно и церковнослужительскимъ дѣтямъ безъ исключенія начать греческій языкъ.

Въ риторикѣ ученикамъ продолжать начатые языки и обучаться чистой математикѣ, а священно и церковнослужительскимъ дѣтямъ всѣмъ продолжать греческій языкъ.

Студентамъ философіи обучаться смѣшенной математикѣ, а священно и церковнослужительскимъ дѣтямъ продолжать греческій и еврейскій языки.

Богословіи студентамъ продолжать смѣшенную математику, также и начатые языки.

Въ классѣ высшаго краснорѣчія обучаться всѣмъ студентамъ философіи и богословія; симъ же студентамъ въ особенные часы, въ 1 пунктѣ показанные, обучаться сельской и домашней экономіи.

Рисовальному искусству обучаться по произволенію учениковъ всѣхъ классовъ имѣющихъ къ оному и способность по правиламъ.

Нотному пѣнію обучаться всѣмъ священно и церковно-служительскимъ дѣтямъ и желающимъ вступить въ священническую и церковнослужительскую должность.

IV.

Сколько кому и за что изъ учителей получать жалованье: Богословіи учителю триста пятьдесятъ рублей, префекту и философіи учителю триста рублей, высшаго краснорѣчія двѣсти рублей, латинской и россійской риторики двѣсти руб., латинской и россійской поэзіи сто восемьдесятъ рублей, высшаго класса грамматики сто пятьдесятъ руб., средняго класса грамматики сто тридцать рублей, нижняго класса грамматики сто десять рублей. Экстраординарнымъ. Французскаго высшаго класса нынѣшнему учителю 200 р., а впредь будущему 150 р., нижняго класса 100 р., греческаго высшаго класса 150 руб., нижняго класса—100 рублей, нѣмецкаго высшаго класса—150 руб., нижняго класса—100 р, еврейскаго—100 р., польскаго—80 руб., смѣшенной математики—100 руб., высшаго чистой математики—80 р., нижняго чистой математики—70 р., ариѳметики высшаго класса—50 р., средняго класса 40 р., нижняго класса—30 рублей. Географіи съ исторіею четвертаго класса—50 рублей, третьяго класса—40 р., второго класса—30 р., перваго класса—30 рублей; экономіи—50 рублей, рисовальнаго искусства—30 р., нотнаго пѣнія—30 рублей.

Академіи ректоръ Кіево-Николаевскій архимандритъ и кавалеръ Ѳеофилактъ. Кіево-Братскаго училищнаго монастыря архимандритъ и священной богословіи учитель Ириней Фальковскій. Академіи префектъ философіи учитель соборный іеромонахъ Іакинѳъ.

Къ выше приведеннымъ докладамъ правленія Кіевской Духовной Академіи считаю не излишнимъ присовокупить, что это правленіе

2 сентября 1802 г. докладывало кіевскому митрополиту Гавріилу (Банулеско) о разрѣшеніи преподавать воспитанникамъ Академіи «начала врачебной науки и открыть особый французскій классъ для способнѣйшаго и удобнѣйшаго пріобрѣтенія способности говорить по-французски, въ которомъ бы (классѣ) можно имѣть навыкъ разговоровъ и занимать учениковъ единственно оными, съ показаніемъ свойства французскаго языка и исправленіемъ выговора». Для преподаванія „первоначальныхъ правилъ врачебной науки“ и для обученія разговорному французскому языку правленіе академіи предназначило по четыре урока въ недѣлю. Преподавателемъ разговорнаго французскаго языка предназначался природный французъ Компаніонъ съ назначеніемъ жалованья по 150 рублей въ годъ. Касательно жалованья преподавателю „врачебной науки“—въ докладѣ ничего не сказано. Докладъ правленія подписали: ректоръ академіи, Кіево-Николаевскій архимандритъ Ѳеоѳилактъ; Кіево-Братскаго монастыря архимандритъ и богословія учитель Ириней; академіи префектъ, философіи учитель соборный іеромонахъ Іакинѳъ.

На докладѣ резолюція послѣдовала такая: «4 сентября 1802 года—Быть посему».

Докладъ хранится въ библіотекѣ Кіево-Софійскаго собора.

Прот. **Петръ Орловскій.**

На юбилейный даръ Н. В. Лисенку. Въ дополненіе къ раньше присланнымъ въ нашу редакцію 6995 руб. 18 к. (см. № 4), вновь поступило: 1) отъ Правленія Литературно-Артистическаго Общества (выручка съ концерта 19-го декабря 1903 года)—403 р. 61 коп.; 2) И. И. Гудзовенко—5 р.; 3) Ю. И. Тиховскаго—10 р.; всего вмѣстѣ съ прежними 7413 р. 79 коп., изъ которыхъ 1021 р. 40 к. предназначены на изданіе сочиненій Н. В. Лисенка, 286 руб.—въ билетѣ дворянскаго съ выигрышами займа, а 6016 р. 39 коп. на пріобрѣтеніе дачи. Сверхъ того, имѣется на музыкальную школу имени Н. В. Лисенка 219 р. 49 к., изъ которыхъ въ прошлый мѣсяцъ поступило 5 р. отъ семинаристовъ Новобугской Учительской Семинаріи.

Текущія извѣстія.

Похороны М. П. Старицкаго. 14-го апрѣля скончался въ Кіевѣ извѣстный украинскій писатель Михаилъ Петровичъ Старицкій, памяти котораго мы посвящаемъ въ настоящей книгѣ журнала особую статью, принадлежащую перу нашей уважаемой сотрудницы Олены Пчилки. На другой день послѣ смерти его, въ мѣстныхъ газетахъ появились объявленія о времени похоронъ и некрологи. Изъ разныхъ городовъ стали получаться телеграммы, то на имя вдовы покойнаго, та на адресъ нашей редакціи, съ выраженіями чувства горести объ утратѣ горячаго украинскаго патріота и щираго работника на полѣ украинской литературы. 16-го апрѣля въ 1 часъ дня назначенъ былъ выносъ тѣла изъ квартиры въ бижайшую церковь, а затѣмъ, послѣ отпѣванія въ церкви, похороны на Байковомъ кладбищѣ. Ко времени выноса тѣла изъ дому явилось очень много друзей и почитателей покойнаго, такъ-что по улицѣ былъ очень затрудненъ проѣздъ. Вѣнковъ, возложенныхъ на гробъ, оказалось такое большое количество, что ихъ нельзя было помѣстить на катафалкѣ и пришлось послать за спеціальной колесницей. Въ пути отъ квартиры до церкви и отъ церкви до кладбища, кромѣ спеціальнаго церковнаго хора, пѣлъ еще хоръ земляковъ-любителей, состоявшій преимущественно изъ воспитанниковъ учебныхъ заведеній. Въ церкви, во время отпѣванія, произнесъ краткое надгробное слово священникъ М. И. Вишневецкій, который прекрасно отмѣтилъ выдающіяся заслуги покойнаго предъ родиной, какъ писателя, который тѣмъ болѣе долженъ быть цѣнимъ нами, что онъ въ своей работѣ для пользы народа неустанно шелъ своей дорогой, хотя немало горя испыталъ на этомъ пути; современная критика въ достаточой степени оцѣнила уже его труды, но правдивый судъ исторіи дастъ впереди еще болѣе полную и справедливую оцѣнку его дѣятельности.

Отъ церкви до самаго кладбища гробъ несли на рукахъ студенты разныхъ учебныхъ заведеній На кладбищѣ, послѣ того какъ пропѣта была «вѣчная память», произнесъ первую рѣчь Л. А. Куперникъ, который, высказавъ сожалѣніе, что не владѣетъ украинскимъ языкомъ и потому не можетъ говорить рѣчью, родною для покойника, отмѣтилъ тотъ фактъ, что М. П. Старицкій принадлежалъ къ числу благородныхъ дѣятелей, сохранившихъ въ себѣ лучшіе идеалы и завѣты 60-хъ годовъ прошлаго столѣтія. Онъ всегда былъ однимъ изъ борцовъ за

слово, и если не легко живется вообще русскому писателю, то ему, какъ украинскому писателю, жилось еще тяжеле. Не взирая на это, онъ всегда неуклонно шелъ по этому тернистому пути. Не смотря на свое дворянское, благородное, происхожденіе, а можетъ быть именно благодаря ему, Михаилъ Петровичъ возлюбилъ простой народъ и, считая *слово* органомъ просвѣщенія, отдалъ всѣ свои силы для труда надъ роднымъ словомъ. Заслуги его предъ родной литературой такъ велики, что имя его будетъ жить до тѣхъ поръ, пока жива будетъ украинская рѣчь. —Слѣдовавшее затѣмъ слово сказано было по-украински М. М. Старицкимъ. „Дорогый батьку, незабутный вчытелю!—такъ началъ ораторъ. Въ останній разъ прыйшлы мы до тебе зложыты поклинъ; въ останній разъ прыйшлы мы сказаты тоби прощальне свое слово. И невыразный жаль обгортае насъ пры думци, що за хвылыну въ отсій темній и холодній домовыни навикы захованi будуть твои найкращи почуття, найлипши думы и порывання. Та не мы одни плачемо теперъ за тобою,—плаче вся наша матиръ Украина и луна іи тяжкый стогинъ по стенахъ нашои краины, по вильныхъ Карпатахъ Галычыны, и шумлывыхъ гаяхъ зеленои Буковыны. Плаче наша матиръ, бо згубыла свого щырого сына, того сына, що будывъ въ насъ „любовъ до обездоленого люду“, що просывъ насъ „не тратыть и хвылыны, поки ще стогне темный братъ“. И нашъ небижчыкъ, справди, не тратывъ марно часу, доказомъ чого служыть вся его литературна діяльнисть. За тую працю ему прынесла вже свою подяку Украина и своимы творамы винъ зложывъ уже соби нерукотворный памьятныкъ“.—Было сказано затѣмъ краткое и прочувствованное слово Н. В. Лисенкомъ, который былъ почти всю жизнь связанъ съ покойнымъ не только узами родства, но и постоянными совмѣстными съ нимъ работами. „Дорогый брате и друже Мыхайле! Важко мени стояты надъ твоею домовыною и бачыты, що мы заразъ навикы розлучымося зъ тобою. Але знаю, хочъ ты тиломъ вмеръ, такъ заслугы твои невмыращи. Те дило, якому ты честно служывъ, росте, и ты не мало втишывся-бъ, колы-бъ побачывъ, якъ несла тебе на своихъ раменахъ отся вся молодь, що виддала шану твоимъ думкамъ и твоій праци и що понесе и въ життя виру въ те дило, якому служывъ и виддавъ сылы й ты, брате Мыхайле“.

Было еще прочитано А. Коваленкомъ стихотвореніе, было произнесено еще нѣсколько рѣчей, и гробъ опущенъ былъ въ могилу; послышались удары земли о крышку гроба— и скрылся на вѣки отъ

насъ милый, симпатичный обликъ покойнаго, почтеннаго работника на нивѣ родной намъ литературы, честнаго гражданина, добраго товарища. Миръ праху твоему, дорогой сердцу Михаилъ Петровичъ!

Засѣданіе Московской музыкально-этнографической коммиссіи, посвященное украинской музыкѣ. 7-го апрѣля состоялось въ Москвѣ соединенное засѣданіе музыкально-этнографической коммиссіи и этнографическаго отдѣла Императорскаго Общества естествознанія, антропологіи и географіи, въ которомъ интеллигентная часть Москвы имѣла случай познакомиться съ украинской народной музыкой. Секретарь коммиссіи Е. Э. Линева прочитала докладъ подъ заглавіемъ «Малорусскія народныя пѣсни и ихъ собиратели. По поводу лѣтней поѣздки съ музыкально-этнографической цѣлью». Г-жа Линева осталась вообще довольна своей поѣздкой и вынесла прекрасное впечатлѣніе отъ слышанныхъ ею пѣсенъ. По ея словамъ, когда она наводила предварительныя справки въ Полтавѣ, ей приходилось слышать довольно пессимистическія мнѣнія о теперешнихъ украинскихъ пѣсняхъ: онѣ, будто бы, портятся, вымираютъ. Однако дѣйствительность разубѣдила ее въ томъ, когда она прибыла въ одно изъ глухихъ селъ Полтавщины: она нашла здѣсь чистые, живые образцы народнаго творчества. Передавъ слушателямъ свои впечатлѣнія отъ пѣсенъ въ связи съ украинской природой, докладчица сообщила затѣмъ теоретическія данныя объ украинскомъ музыкальномъ творчествѣ, какъ-то: дѣленіе пѣсенъ по родамъ (веснянки, петривки и т. д.), музыкальное строеніе малорусской пѣсни и ея отличіе отъ великорусской. Въ послѣднемъ случаѣ докладчица сослалась на мнѣніе Н. В. Лисенка, который между прочимъ ставитъ въ связь особенности малорусской и великорусской пѣсни съ національнымъ складомъ и характеромъ малорусскаго и великорусскаго народа. Находя вполнѣ вѣрнымъ сопоставленіе характера малоросса съ его пѣсней, г-жа Линева не можетъ согласиться съ подобнымъ же объясненіемъ почтеннаго композитора по отношенію къ великорусской пѣснѣ. Въ заключеніе г-жа Линева упомянула о бандуристахъ и лирникахъ, которые особенно ее интересовали. Для записи кобзарскихъ думъ, также какъ и для всѣхъ другихъ пѣсенъ, докладчица примѣняла фонографъ. Это представляло нѣкоторыя затрудненія, т. к. слѣпые пѣвцы, не видя трубы фонографа, не могли надлежащимъ образомъ направлять свои звуки. Поэтому г-жа Линева

обыкновенно ставила фонографъ на полъ, направляя трубу немного вверхъ. Съ особенной симпатіей отзывается г-жа Линева о самихъ бандуристахъ, объ ихъ кроткомъ характерѣ, честности и безкорыстіи.

Докладъ былъ иллюстрированъ исполненіемъ нѣсколькихъ пѣсенъ изъ записи г-жи Линевой, а также одной (свадебной), записанной Н. А. Янчукомъ; пѣлъ женскій хоръ подъ управленіемъ г-жи Линевой. Кромѣ того Н. Г. Филянскій исполнилъ нѣсколько духовныхъ стиховъ съ аккомпаниментомъ лиры. Къ сожалѣнію только, не явился обѣщавшій свое участіе В. М. Шевченко, который долженъ былъ спѣть нѣсколько козацкихъ думъ съ аккомпаниментомъ бандуры и кромѣ того дирижировать мужскимъ любительскимъ хоромъ, составившимся изъ учащихся въ Москвѣ малороссовъ.

Публика, состоявшая главнымъ образомъ изъ уроженцевъ Малороссіи, сопровождала исполненіе музыкальныхъ номеровъ горячими знаками одобренія.

Концерты крестьянскаго Охматовскаго хора. Извѣстный крестьянскій хоръ с. Охматова (кіевской губ.), подъ управленіемъ П. Д. Демуцкаго, въ настоящее время предпринялъ устройство цѣлаго ряда концертовъ въ разныхъ городахъ, и между прочимъ въ апрѣлѣ мѣсяцѣ побывалъ въ Кіевѣ. Здѣсь хоръ, въ составѣ около 70 человѣкъ, главнымъ образомъ дѣтскаго возраста, прогостилъ 4 дня, помѣстившись въ свободныхъ залахъ Народнаго дома Кіевскаго Общества Грамотности. Въ Кіевѣ Охматовскій хоръ далъ два концерта, изъ которыхъ первый состоялся въ залѣ Купеческаго собранія съ благотворительной цѣлью и потому цѣны назначены были обычныя для такихъ случаевъ, слѣдовательно—концертъ разсчитанъ былъ на публику изъ болѣе состоятельныхъ классовъ; другой же концертъ данъ былъ въ театрѣ Кіевскаго Общества Грамотности, которымъ онъ и былъ устроенъ, съ любезнаго согласія руководителя хора и самихъ крестьянъ, и носилъ характеръ вполнѣ народнаго концерта, такъ какъ цѣны были назначены самыя дешевыя. На первомъ концертѣ публики было не особенно много, второй же прошелъ почти при полномъ сборѣ и привѣтствованъ былъ публикой съ большимъ одушевленіемъ.

Исторія зарожденія хора, личность его организатора и манера пѣнья настолько любопытны, что слѣдуетъ сказать по этому поводу нѣсколько словъ. Докторъ Порфирій Даниловичъ Демуцкій, помѣщикъ

Таращанскаго уѣзда, Кіевской губ., лѣтъ 15—20 назадъ принимавшій дѣятельное участіе въ любительскомъ хорѣ Н. В. Лисенка, организовалъ въ с. Охматовѣ того же уѣзда нѣсколько лѣтъ тому назадъ хоръ изъ мѣстныхъ крестьянъ численностью до 180 человѣкъ, состоящій изъ дѣтей, дѣвушекъ и хлопцевъ. Обученіе идетъ не по нотамъ, а съ голоса. Репертуаръ состоитъ изъ пѣсенъ религіознаго, историческаго и бытового содержанія. Въ виду того, что хористы по національности украинцы, пѣсни преимущественно украинскія. Н. Д. Демуцкій смотритъ на дѣло организаціи народнаго хора исключительно съ идейной точки зрѣнія. Онъ желаетъ поддержать и укрѣпить въ народномъ обиходѣ прекрасныя народныя пѣсни, вытѣсняемыя солдатскими, фабричными и просто кабацкими.

Книгоиздательство „Викъ“. Какъ видно изъ каталога изданій, вышедшаго недавно въ Кіевѣ подъ заглавіемъ «Викъ», дѣло это находится въ хорошихъ рукахъ.

Вниманію публики предлагается пока 22 тома произведеній украинскихъ писателей и 35 названій народныхъ книгъ. Какъ видно изъ первой, изданной въ 1894 г., брошюры «У тесной бабы» Ол. Кониськаго, работа издательства идетъ уже 10 лѣтъ. Первые годы дѣятельности были мало интенсивны и ограничивались исключительно изданіемъ народныхъ листовокъ. Въ 1899 году появилась первая книга для интеллигентныхъ читателей. Иванъ Левицькый т. I, а въ слѣдующемъ году—«Викъ», т. I, послѣ чего книгоиздательство быстро выросло и уже въ прошломъ году выпустило 8 томовъ для интеллигенціи и 11 брошюръ для народа. Принявъ во вниманіе трудность изданія украинскихъ книгъ и то обстоятельство, что всѣ рукописи посылаются въ Петербургъ, въ главное управленіе по дѣламъ печати, нужно отдать должное энергіи и работоспособности книгоиздательства «Викъ». Судя по качеству изданныхъ первыхъ томовъ многихъ авторовъ, надо предположить, что фирма «Викъ» широко разовьетъ свою дѣятельность и дастъ украинской интеллигенціи и народу лучшія произведенія украинскаго слова, въ чемъ ощущается у насъ насущная потребность. До сихъ поръ всѣ вышедшія книги изданы прекрасно, и цѣны на нихъ ниже среднихъ рыночныхъ цѣнъ, даже сравнительно съ русскими изданіями. Это много говоритъ въ пользу книгоиздательства, такъ какъ

обыкновенно однимъ изъ препятствій на пути къ распространенію украинскихъ книгъ стояла ихъ дороговизна.

Школа имени И. П. Котляревскаго въ Полтавѣ. Школу эту предположено было выстроить на склонѣ Николаевской горы, фасадомъ по Николаевской улицѣ, ниже того мѣста, гдѣ стоитъ домъ, нѣкогда принадлежавшій «батькови украинськои литератури», т. е. тамъ, гдѣ проектировался «Ивановъ Гай». Не будучи вполнѣ увѣрено въ надежности этого мѣста съ технической стороны, гор. управленіе командировало для изслѣдованія его своихъ спеціалистовъ—инженера и архитектора, которые при поверхностномъ ознакомленіи вынесли также впечатлѣніе, что строить тамъ капитальное двухэтажное зданіе рисковано. Съ окончательнымъ выводомъ они предпочли воздержаться до болѣе тщательнаго изслѣдованія почвенныхъ условій путемъ буренія, до окончанія котораго остается открытымъ вопросъ о постройкѣ школы имени Котляревскаго, а слѣдовательно и другой вопросъ объ отводѣ въ этомъ мѣстѣ участка земли для постройки зданія подъ пріютъ-ясли, проектируемый Подольскимъ участковымъ попечительствомъ. Между прочимъ, мы слышали, что городская управа разсчитываетъ при постройкѣ школы имени Котляревскаго на отпускъ губернской земской управой въ кредитъ всего необходимаго строительнаго матеріала.

Къ съѣзду славянскихъ филологовъ и историковъ. Лица, намѣченныя къ приглашенію участвовать въ съѣздѣ славянскихъ филологовъ и историковъ, получили недавно слѣдующее оффиціальное извѣщеніе.

«Отдѣленіе русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ имѣетъ честь сообщить Вамъ, что осуществленіе Съѣзда славянскихъ филологовъ и историковъ въ предположенный ранѣе срокъ (съ 31 августа [13 сент.] по 10 сент. [23 сент.] 1904 г.), въ виду войны найдено неудобнымъ. О времени созыва Съѣзда въ будущемъ Отдѣленіе русскаго языка и словесности извѣститъ Васъ въ свое время.

Доклады, которые могли бы быть Вами предложены Съѣзду, Отдѣленіе проситъ Васъ прислать по его адресу для напечатанія. Предсѣдательствующій въ Отдѣленіи русскаго языка и словесности *А. Веселовскій*. Предсѣдатель Организаціонной Коммиссіи *А. Пыпинъ*.

Предполагаемый съѣздъ украинскихъ актеровъ. Въ виду того, что дѣло украинской сцены развивается съ каждымъ годомъ все шире и шире, способствуя организаціи многихъ мелкихъ труппъ, разъѣзжающихъ по разнымъ городамъ, особенно въ лѣтнее время, положеніе артистовъ этихъ труппъ требуетъ большаго урегулированія ихъ правъ и взаимныхъ отношеній съ антрепренерами. Какъ слышно, въ 1905 году великимъ постомъ предположено созвать въ Харьковѣ съѣздъ украинскихъ актеровъ для выясненія ихъ нуждъ и установленія извѣстныхъ нормъ въ ихъ правовомъ положеніи.

Юбилейная выставка Харьковскаго Университета. Недавно отпечатана программа юбилейной выставки, устраиваемой въ 1905 г. при Харьковскомъ университетѣ, по случаю его столѣтія. Программа разослана профессорамъ Харьковскаго университета и разнымъ лицамъ, могущимъ оказать содѣйствіе для устройства выставки. Въ настоящее время отъ нѣкоторыхъ лицъ и учрежденій поступаютъ разные предметы для выставки, а кромѣ того, устроители выставки получили отъ многихъ лицъ обѣщаніе доставить портреты, рукописи и вещи. Такъ, извѣстный собиратель эстамповъ, гравюръ и рукописей П. Я. Дашковъ обѣщалъ прислать для выставки разные рисунки и рукописи, относящіеся къ г. Харькову, Харьковскому университету, его профессорамъ и питомцамъ. Всѣ, кому извѣстны рѣдкая полнота и цѣнность коллекцій П. Я. Дашкова, легко поймутъ, что его содѣйствіе имѣетъ громадное значеніе для удачнаго выполненія выставочной коммиссіей ея задачи.

Музей Харьковскаго университета. Какъ извѣстно читателямъ «Кіевской Старины», Харьковскій Университетъ возбудилъ ходатайство передъ Министромъ Народнаго Просвѣщенія объ ассигнованіи суммы въ 200 т. руб. на постройку зданія для музеевъ историко-филологическаго факультета. По слухамъ, этотъ проектъ былъ встрѣченъ весьма сочувственно Министерствомъ, и вопросъ о просимой суммѣ долженъ былъ разрѣшиться вполнѣ удовлетворительно въ мартѣ. Но началась русско-японская война, вслѣдствіе чего, какъ извѣстно, были сокращены расходы всѣхъ вѣдомствъ, а это отразилось на судьбѣ будущаго музейскаго зданія. Въ настоящее время въ Харь

ковскомъ Университетѣ получено уже извѣщеніе, что предположенная постройка музея не можетъ состояться, такъ какъ г. Министръ Финансовъ затрудняется ассигновать необходимую для этого сумму вслѣдствіе большихъ расходовъ казны на военныя нужды. Поэтому г.г. Министръ Финансовъ и управляющій Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія, не касаясь ни размѣровъ испрашиваемой университетомъ суммы, ни сопряженныхъ съ устройствомъ музеевъ постоянныхъ расходовъ, полагаютъ необходимымъ отложить постройку означеннаго зданія до болѣе удобнаго времени.

ВѢСТИ ИЗЪ ГАЛИЧИНЫ.

Общее собраніе „Наукового Товарыства имени Шевченка во Львовѣ“. 22-го марта состоялось общее собраніе (загальни сборы) „Наукового Товар. имени Шевченка“. На этотъ разъ общее собраніе представляло особенный интересъ, въ виду обсужденія проектовъ измѣненія существующаго устава. Такихъ проектовъ представлено было два, изъ которыхъ одинъ доложенъ былъ д-ромъ Днистрянскимъ, а другой д-ромъ Франкомъ. Первый касался измѣненія существующаго устава, главнымъ образомъ, въ смыслѣ созданія особаго „совѣта“ (рады) для завѣдыванія ходомъ научныхъ работъ „Товарыства“. Этотъ „совѣтъ“ долженъ состоять только изъ дѣйствительныхъ членовъ секцій и представлять собою особый органъ, единственно компетентный въ рѣшеніи вопросовъ научныхъ и въ распредѣленіи фондовъ «Товарыства», предназначаемыхъ на научныя цѣли. Въ настоящее же время всѣми этими дѣлами завѣдываетъ «выдилъ», въ составъ котораго могутъ входить и члены, не работающіе на полѣ науки, а потому, по мнѣнію проекта, не могущіе какъ слѣдуетъ дѣлать распредѣленія фондовъ на научныя предпріятія Общества; новый-же органъ „рада“, отъ котораго «выдилъ» долженъ находиться въ зависимости, будетъ вполнѣ отвѣчать этимъ условіямъ. Второй проектъ, доложенный, какъ сказано, д-ромъ Франкомъ, оставляетъ въ существѣ безъ измѣненій старый уставъ и только вводитъ нѣкоторыя мелкія дополненія. Единственно крупнымъ измѣненіемъ въ этомъ проектѣ является предложеніе, чтобы отдѣлы наукъ юридическихъ и медицинскихъ были совершенно исключены изъ дѣятельности «Наукового Товарыства». Дебаты по поводу внесенныхъ проектовъ тянулись очень долго и закончились побѣдой

второго проекта, въ которомъ только не было принято предложеніе объ исключеніи изъ области дѣятельности «Товарыства» наукъ юридическихъ и медицинскихъ.

Въ этомъ же общемъ собраніи избраны въ почетные члены Н. В. Лисенко—за его заслуги въ области разработки родной музыки, д-ръ И. Франко—за его научныя работы, и проф. Громницкій—за многолѣтніе труды въ администраціи Общества.

Русинскій національный театръ во Львовѣ. Какъ извѣстно, въ Галичинѣ въ текущемъ году идутъ усиленные сборы пожертвованій среди русиновъ на созданіе во Львовѣ своего національнаго театра. Планъ и фасадъ зданія разработанъ извѣстной вѣнской фирмой «Гельмеръ и К°». Судя по рисунку будущаго театра, который напечатанъ въ „Дили", зданіе будетъ очень величественное. Польская газета «Przegląd» отзывается о немъ такъ: «зданіе выдержано въ строгомъ бароковомъ стилѣ и стоитъ на возвышеніи нѣсколькихъ метровъ отъ улицы, вслѣдствіе чего не производитъ впечатлѣнія зданія тяжелаго и вросшаго въ землю, какъ это, къ сожалѣнію, случилось съ польскимъ театромъ во Львовѣ". Мы сообщили уже краткія свѣдѣнія объ этомъ національномъ предпріятіи русиновъ (см. № 1-ый); теперь добавимъ, что на пріобрѣтенномъ подъ театръ мѣстѣ уже начаты предварительныя работы, и, вѣроятно, не въ далекомъ будущемъ мы увидимъ во Львовѣ новый знакъ подъема и роста національнаго самосознанія русиновъ, которымъ, вслѣдъ за храмомъ искусства, придется добыть себѣ еще и самостоятельный храмъ науки, т. е. русинскій университетъ.

Львовскій университетскій споръ. Верховный имперскій судъ въ Вѣнѣ разбиралъ споръ львовскихъ русинскихъ студентовъ съ львовскимъ университетскимъ сенатомъ и министерствомъ просвѣщенія. Студенты хотѣли, чтобы имъ давались легитимаціи на родномъ языкѣ и чтобы позволено было при имматрикуляціи давать присягу по-русински. Университетскій сенатъ отвергъ ихъ просьбу, ссылаясь на министерское распоряженіе 1879 года, признающее оффиціальнымъ языкомъ львовскаго университета языкъ польскій. Когда студенты обратились съ жалобой въ министерство, то послѣднее стало на точку зрѣнія сената. Теперь дѣло было передано на разрѣшеніе верховнаго

суда. Представитель студентовъ, адвокатъ Крыжановскій, доказывалъ, что университетскій сенатъ нарушаетъ права студентовъ, признанныя § XIX основныхъ законовъ. Представитель министерства защищалъ практику университета указаніемъ на то, что легитимація и имматрикуляція—внутренніе, чисто университетскіе акты, и студенты въ нихъ являются по отношенію къ университетскимъ властямъ не „стороной", а подчиненными. Верховный судъ призналъ практику сената законной. Такимъ образомъ, процессъ проигранъ русинами.

БИБЛІОГРАФІЯ.

М. Комаровъ.—Т. Шевченко въ литературѣ и искусствѣ. Библіографическій указатель матеріаловъ для изученія жизни и произведеній Т. Шевченка. *Одесса, 1903, ст. 140+4 ненум.*

Въ одной изъ предыдущихъ книжекъ «Кіевской Старины» [1]) мы уже отмѣтили появленіе книжки М. Комарова и сообщили посильныя замѣчанія по поводу нея. Съ тѣхъ поръ въ русской періодической литературѣ появилось нѣсколько отзывовъ объ упомянутой книжкѣ, не дающихъ однако много новаго матеріала. За то во львовскомъ историческомъ журналѣ—«Записках Наукового Товариства ім. Шевченка», кн. LVII (стр. 31—42, отд. Библіогр.) появилась обширная, солидная рецензія извѣстнаго галицкаго ученаго Ивана Франка, содержащая много указаній на неточности и пропуски въ указателѣ г. Комарова. Въ виду того, что упомянутый галицкій журналъ мало распространенъ среди нашей публики, мы позволяемъ себѣ въ нижеслѣдующихъ строкахъ передать въ переводѣ рецензію г. Франка, исключивъ тѣ немногія замѣчанія, которыя были уже помѣщены нами въ «Кіевской Старинѣ».

Въ отношеніи метода собиранія матеріала г. Комаровъ, вѣроятно, не совсѣмъ уяснилъ себѣ, что собственно въ такомъ сборникѣ намъ нужно. Очевидно, въ библіографіи произведеній Шевченка должны всегда и вездѣ на первомъ мѣстѣ стоять произведенія Шевченка, а не что иное; поэтому, когда рѣчь идетъ о произведеніяхъ Шевченка, печатавшихся въ сборникахъ или періодическихъ изданіяхъ, то подъ

[1]) Февраль, текущаго года.

даннымъ № будетъ стоять произведеніе, одно или болѣе, помѣщенное въ данной книжкѣ, а затѣмъ, въ скобкахъ, обстоятельное заглавіе книжки или періодическаго изданія, съ обозначеніемъ номеровъ и страницъ, гдѣ напечатаны данныя произведенія Шевченка или статьи о немъ. Между тѣмъ у г. Комарова почти всюду такія указанія сдѣланы совершенно наоборотъ; напр. отд. IV, № 4: «*Народное Чтеніе* 1859, № 2, 3 и 4 и *Русская Бесѣда* 1859 г. № 3. Нѣсколько пьесъ Шевченка съ русскимъ переводомъ». Что же это такое? «Народное Чтеніе» и «Русская Бесѣда»—одна книжка? А если не одна, то почему они фигурируютъ подъ однимъ №? И какія произведенія Шевченка помѣщены въ нихъ? Кто сдѣлалъ переводъ на русскій языкъ? Такъ же точно необстоятельно и нераціонально составлены въ томъ самомъ отдѣлѣ №№ 6, 15, 19, 21, 22, 23, 26, 27, 29, 30, 34, 36, 37, 41 (опять 2 отдѣльныя изданія подъ однимъ №!), 44, 45 (два изданія подъ однимъ №!). Въ отд. VI, гдѣ говорится о письмахъ Шевченка, сейчасъ же подъ № 1 читаемъ «С.-Петербургскія Вѣдомости 1860, № 66». И только всего! Весь ли этотъ номеръ газеты посвященъ письмамъ Шевченка, или ихъ тамъ 10, 20, или только одно, кому и когда написаны—Богъ вѣсть! Вообще весь этотъ отдѣлъ составленъ нераціонально: вмѣсто того, чтобы дать намъ систематически и хронологически составленный указатель къ письмамъ Шевченка, авторъ далъ намъ указатель изданій, гдѣ были напечатаны письма. Нераціонально составленныхъ №№ найдется очень много и въ другихъ отдѣлахъ, и мы еще вернемся къ нимъ, пересматривая спеціально отдѣлъ за отдѣломъ.

Второй недостатокъ книжки г. Комарова—это ея неполнота. Правда, авторъ въ предисловіи оправдывается, что многія изданія, въ особенности галицкія, были ему недоступны. Но это слѣдуетъ сказать не только о галицкихъ, а также о варшавскихъ, пражскихъ, вѣнскихъ, нѣмецкихъ, французскихъ и т. п. Ниже мы дадимъ нѣкоторыя дополненія къ указателю г. Комарова, насколько позволяютъ доступные для насъ въ данный моментъ матеріалы, но напередъ заявляемъ, что такихъ дополненій можно и слѣдовало бы сдѣлать гораздо больше.

Третій недостатокъ—неточность въ передачѣ заглавій статей. Это, быть можетъ, наиболѣе тяжкая вина въ библіографіи, а такое явленіе, къ сожалѣнію, является весьма частымъ въ трудѣ г. Комарова. Авторъ заявляетъ въ предисловіи, что онъ большую часть наиме-

нованій книгъ описалъ, имѣя ихъ въ рукахъ,—и дѣйствительно, слѣдуетъ признать, что большая ихъ часть, не говоря о тѣхъ неточностяхъ, которыя являются слѣдствіемъ ошибочнаго метода автора, представлена довольно обстоятельно. Что же касается недоступныхъ ему изданій, то г. Комаровъ говоритъ, что онъ «долженъ былъ довольствоваться свѣдѣніями, помѣщенными въ библіографическихъ трудахъ В. Межова и другихъ, въ каталогахъ, рецензіяхъ, оглавленіяхъ, литературныхъ извѣстіяхъ въ различныхъ періодическихъ изданіяхъ и т. п. источникахъ». Дѣйствительно, можемъ пожалѣть, что г. Комарову пришлось работать надъ своей библіографіей среди такихъ неблагопріятныхъ условій, но фактъ фактомъ, что на точности ея это отразилось весьма сильно. Возьмемъ хотя бы всѣ изданія и статьи польскія, нѣмецкія или вообще напечатанныя латинскимъ шрифтомъ: получается впечатлѣніе, будто г. Комаровъ не имѣлъ ни одного изъ тѣхъ изданій въ рукахъ, такъ какъ почти всѣ заголовки переданы съ ошибками. Напр. III, 38 содержитъ двѣ ошибки: Ijsusowa вм. Isusowa i Schewchenka вм. Szewczenka; кромѣ того пропущено здѣсь, быть можетъ по нѣкоторымъ соображеніямъ, «z uwahamy M. Drahomanowa»; пропущенъ обязательный въ женевскихъ нефранцузскихъ изданіяхъ французскій заголовокъ вверху, наконецъ мѣсто печати обозначено «Ż» вм. Żenewa. Отд. IV, 16 «Sioło» названо неправильно «львовскій малорусскій журналъ» и не дается точнаго его заглавія. Отд. VIII, № 49. Studium przez L. Sowiński—вм. Sowińskiego; № 51—małorusskich вм. małoruskich; № 52 Z małorusskiego spolzyl вм. spolszczył; № 54,—z małorusskiego... Naemnica; № 55 не сообщено, что̀ и гдѣ переводилъ изъ Шевченка Грудзинскій; № 55—не говорится, что̀ и въ какихъ №№ Gazety Naddniestrzańskiej перевелъ Л. Солецкій; эта газета ошибочно названа «Доробицкая» вм. «Дрогобычская». Еще больше ошибокъ въ чешскихъ заголовкахъ: № 60 «Въ журналахъ Obàsech źivota и Kvetach за 1866 г. нѣсколько піесъ Т. Шевченка». Что это за «Obasech»? Вѣроятно Ohlasech? Да и эти Ohlasy života—не одно и то же, что Květy. И какія произведенія, кто переводилъ ихъ? № 61 - Ševcenky вм. Sevčenky, přeležil вм. přeložil; №№ 62, 64 chaljuna (?), ilustrovav (sic!). Въ нѣмецкихъ и французскихъ заглавіяхъ та же бѣда: № 76 Schaftshenko вм. Schafftschenko; № 77 Shewczenko вм. Schewtschenko; № 78 Leipziger Theater und intelligene blalt вм. Theater—und Intelligenz—Blatt; № 82 Gustav Karpelesa вм. Karpeles, Geschihte вм. Geschichte; № 84

Chevtshenko вм. Cheutchenko и т. п. Такія ошибки или недосмотры (сюда причислить надо VI, 2 р. 1870 вм. 1840) дѣлаютъ желательной основательную передѣлку и болѣе удовлетворительную корректуру. Переходимъ теперь къ спеціальнымъ замѣчаніямъ, дополненіямъ и поправкамъ въ различныхъ отдѣлахъ. Отдѣлъ III (отд. I—предисловіе, а II—біографія Ш—ка, также нумерація несоотвѣтствующая), № 1. Не дается ни формата, ни числа страницъ эпохальнаго перваго изданія «Кобзаря». № 6. О лейпцигскомъ изданіи Гебгарда г. Комаровъ говоритъ такъ, что ясно вполнѣ, что онъ никогда не видѣлъ его, и даже допускаетъ, по поводу этого изданія, весьма грубую ошибку, помѣщая въ отд. VIII, № 76 то же самое изданіе среди переводовъ изъ Шевченка на нѣмецкій языкъ,—свѣдѣніе совершенно фантастическое. Потому сообщаю здѣсь точное описаніе этой книжечки. На обложкѣ вверху нѣмецкій заголовокъ: Neue Gedichte von Puschkin und Schafftschenko, а далѣе русскій: Новыя стихотворенія Пушкина и Шавченки (а не: А. Пушкина и Т. Шевченка—какъ у г. Комарова). Внизу: Лейпцигъ. Вольфгангъ Гергардъ. Leipzig, Wolfgang Gerhard. 1859. На послѣдней нумерованной страницѣ: Наумбургъ, въ типографіи Г. Пеца. Naumburg, Druk von G. Pätz. Страницъ нумерованныхъ не 48, какъ говоритъ г. Комаровъ, а 43, но далѣе идутъ еще 2 ненумерованныхъ, гдѣ помѣщены два стихотворенія Пушкина, и послѣдняя, гдѣ обозначено мѣсто печати. Зачисливъ сюда и заглавную страницу, тоже ненумерованную, получимъ въ самомъ дѣлѣ 48 страницъ. Въ книжечкѣ на стр. 1—6 помѣщены стихотворенія Пушкина: «Молитва», «Цапли» и «Посланіе Аркадію Гавриловичу Родзянкѣ». Со стр. 7 начинаются произведенія Шевченка, вплоть до стр. 34: а именно: «Кавказъ», «Холодный яръ», «Думка» (Якъ умру, то поховайте), «Розрыта могыла», «Думка» (За думою дума), «И мертвымъ и живымъ и ненарожденнымъ землякамъ моимъ въ Украини и не въ Украини, мое дружное посланіе»,—какъ видимъ порядокъ не тотъ, что у г. Комарова. Подъ каждымъ заглавіемъ подпись: Шевченко. Къ заголовку «Кавказъ» додано интересное примѣчаніе: «Слѣдующія стихотворенія были намъ присланы на малороссійскомъ языкѣ, съ примѣчаніемъ, что стихи Шевченка—выраженіе всеобщихъ, накипѣвшихъ слезъ (: не) онъ плачетъ о Украйнѣ—она сама плачетъ его голосомъ. Примѣч. редактора».

Остальную часть книжечки заполняютъ снова стихотворенія Пушкина: «В. Л. Пушкину», «Цензору», «Льву Сергѣевичу Пушкину» и «На смерть тетушки Анны Львовны Пушкиной».

№ 16. Букварь Шевченка — не описанъ ни форматъ, ни число страницъ; № 20. Не дается ни описанія, ни обстоятельнаго заглавія литографированнаго факсимиле посланія Шевченка къ Шафарику; заглавіе г. Комарова «Еретикъ Иванъ Гусъ», совершенно фантастическое. Весьма необстоятельно также описаніе подъ № 34, первая часть маленькаго женевскаго «Кобзаря» 1878 г. Въ дѣйствительности на обложкѣ слѣдующее заглавіе: „Кобзарь Тараса Шевченка (.) Частина перша (.) Женева (.) Печатня „Громади". Видали Кузьма і „Сірко". На второй страницѣ посвященіе. Нашим земльакам на Україні на роковини Шевченка 26 льутого 1878 року Кузьма і Сірко". На стр. III—V напечатанъ указъ 16 мая 1876 года, а далѣе стр. VIII—XXI популярная библіографійка и характеристика Шевченка, подписанная „С— о. Льутого 26, 1878 року". Подъ этимъ криптонимомъ скрывается Хв. Вовкъ. Далѣе идутъ слѣдующія стихотворенія Шевченка: „Мені однаково" (начинается на стр. 23 и по 24), „Сон" (25—58), „Як би то ти Богдане пяний" (59), „Могила Богданова" (60—62), „Бували войни" (63—64), „І виріс я на чужині" (65—68), „Чигирин" (68—73), „Кавказ" (74—84), „Ляхам" (85—87), „Якось то йду я у ночі" (87—88), „Мій Боже Милий, знову лихо!" (89), „Світе ясний" (90), „У Вильні городі преславнім" (91—95), „Гимн черничий" (97—98), „Зацвіла в долині" (98—100), „Ликері" (101—102), „Як би ви знали паничі" (103—107), „До мертвих і живих і т. д." (108—124), „Заповіт" (125—126). Добавлена еще страница (I—II) „Заголовки". Подъ № 36 такъ же точно необстоятельно помѣщено г. Комаровымъ упоминаніе о второмъ томикѣ этого „Кобзаря": не указано, что онъ былъ изданъ въ такомъ же точно миніатюрномъ форматѣ, какъ и первый, не сообщается ни число страницъ, ни содержаніе. Къ сожалѣнію, этого томика не имѣю подъ руками.

Добавлю еще описаніе изданія „Марії", у г. Комарова № 38, такъ какъ въ его указателѣ находимъ кое-что фантастическое и вообще необстоятельное. Заглавіе изданія слѣдующее: Marija maty Isusowa, wirszy Tarasa Szewczenka z uwahamy M. Drahomanowa. Żenewa 1882. На стр. 3—7 находится предисловіе Wid Wydawcia съ подписью M. Drahomanow. Поэма Шевченка идетъ отъ стр. 1—39; на многихъ стр. внизу доданы языковыя и предметныя поясненія. Отъ стр. 41—66 идутъ Uwahy тоже подписанныя M. Drahomanow съ датой: Pysano w misti Żenewi w wilnij storoni Szwajcaryji. Слѣдовало-бы дать болѣе

обстоятельно и содержаніе стереотипнаго женевскаго изданія 1890 г. (у г. Ком. № 52).

Относительно отд. IV замѣтимъ вообще, что о журн. Sioło (№ 16 и 18 г. Комарова) болѣе обстоятельныя данныя имѣются въ библіографіи Левицкаго, и оттуда же слѣдуетъ пополнить свѣдѣнія о произведеніяхъ Шевченка, печатавшихся въ галицко-русскихъ читанкахъ (у Комарова №№ 19, 21, 22, 23, 26, 27, 29, 39), въ Антольогії (34), въ Календаряхъ (36, 37). Совсѣмъ неудовлетворительно описаніе подъ № 40 „Додатокъ до „Батьковщины"; не указанъ ни годъ, ни мѣсяцъ изданія, упомянуты лишь №№ 7 и 8, гдѣ были помѣщены псалмы, а не упомянуто № 9, гдѣ были другія произведенія Шевченка (Левицький, № 3159). Подъ № 41 некстати собраны во-едино „Батьківщина" 1889 г. и „Бібліотека для молодежи" 1889, хотя это не только два особыхъ изданія, но и выходили въ разныхъ городахъ, одно во Львовѣ, другое въ Черновцахъ.

Въ отд. V соединены подъ № 2 два изданія русской поэмы Шевченка „Тризна", которая напечатана была сначала въ журналѣ „Маякъ" подъ заглавіемъ „Безталанный", а затѣмъ, въ томъ же году вышла отдѣльной брошюрой подъ заглавіемъ „Тризна"; не дано описанія этой брошюры. Между №№ 9 и 10 приведенъ совершенно излишній заголовокъ „Неизданныя произведенія Т. Шевченка на русскомъ языкѣ".

Въ отд. VI подъ № 5 не говорится, къ какому времени относятся письма Щепкина къ Шевченку; такъ же точно необстоятельны №№ 6, 8, 9, 10, 11, 13, 14, 16, 17, 18, 19 и др. Подъ № 11 соединены двѣ разныхъ статьи, а именно: „Письма Т. Г. Шевченка къ Бр. Залескому (1853—1857). Сообщилъ М. Т—овъ" „Кіевс. Стар." 1883, январь, стр. 161—176; мартъ, стр. 611—622 и апрѣль, 853—866) и статья: „Восемь писемъ Тараса Григорьевича Шевченка къ разнымъ лицамъ, сообщилъ С. Пономаревъ (тамъ-же, февраль, 401—408). Слѣдовательно, все то, что сообщаетъ г. Комаровъ подъ этимъ № своего указателя—совершенно фантастично: статьи „Шестнадцать писемъ Т. Шевченка В. Г. и Я. Тарновскимъ и къ Брониславу Залѣскому" въ „Кіев. Старинѣ" *нѣтъ*. Въ томъ же отдѣлѣ № 15 совершенно излишній: это не письмо Шевченка, а „Замѣтка М. К. Чалаго по поводу одного письма Т. Ш. къ М. Щепкину", значитъ ему мѣсто въ отд. XIV. Съ перепечатками г. Комаровъ не выдерживаетъ системы. Разъ онъ ихъ считаетъ за отдѣльныя изданія и помѣщаетъ подъ отдѣль-

ными номерами, какъ и слѣдуетъ въ библіографич. указателѣ, то опять при aditio princeps отмѣчаетъ: это письмо было перепечатано тамъ-то и тамъ-то. Сравн. № 11-а, хотя указаніе невѣрное, такъ какъ письма, собранныя авторомъ подъ этимъ №, составляютъ довольно солидную книжку и не могли быть перепечатаны въ двухъ №№ „Зорі". Наоборотъ, если бы авторъ заглянулъ въ „Зорю" за упомянутый годъ, то убѣдился бы, что въ № 6 напечатано изъ статьи Пономарева лишь 5 писемъ, и то въ сокращенномъ видѣ (ст. 95—96), а въ № 8 приведено лишь нѣсколько выписокъ изъ писемъ Шевченка къ Залѣсскому подъ загл. „До біографіи Шевченка" (стр. 131—132); такимъ образомъ это статейка, которой скорѣй мѣсто въ отд. XIV, чѣмъ здѣсь. Зато подъ № 21 приводится „Лист Шевченка до редактора „Народ. Чтенія", напечатанный въ „Правді" 1899 г. безъ обозначенія, что это письмо было напечатано раньше много разъ. Собраны вмѣстѣ перепечатки писемъ Шевченка въ различныхъ періодическихъ изданіяхъ подъ №№ 23, 36, 38; при № 43 не отмѣчено, что записочка къ Герцену была впервые напечатана М. Драгомановымъ въ „Товариші" (у г. Комарова № 19), а оттуда перепечатана въ „Правді" 1899, т. II, стр. 381 (у г. Комарова пропущено).

Въ отд. VIII (переводы произведеній Шевченка) отмѣчу неточности въ № 4 (лирическія пьесы—какія?), 14 (переводы изъ Шевченка Изгоева и Икорскаго, Донъ, 1870—почему оба переводчика подъ однимъ №? Что переведено?), № 17 (и мелкія пьесы—какія?), № 22 (не дано ни описанія книжки, ни числа страницъ, гдѣ помѣщены переводы Шевченка), № 29, 31 (три лирическія пьесы—какія?), №№ 35, 37, 38, 40, 41. Совсѣмъ безполезенъ № 7: „Нѣсколько переводовъ изъ Т. Шевченка К. М. Станюковича—„Сѣверный цвѣтокъ", 1861 г.". Ну, кто будетъ знать, гдѣ выходилъ этотъ „Сѣверный цвѣтокъ" и что въ немъ передано изъ Шевченка? Такъ же точно не имѣетъ цѣны и № 8: „Стихотворенія М. М—ва. М. 1862 (помѣщены и переводы изъ „Кобзаря" Т. Ш.). Подъ № 15 не указано, какія стихотворенія Шевченка вошли въ „Поэзію Славянъ" Гербеля; подъ № 16 также не говорится, что перевелъ изъ Шевченка г. Мизко въ „Донъ" 1871 г. Подъ № 5 подъ общимъ заглавіемъ „Переводы изъ Т. Шевченка за 1860 г." (будто было когда-либо такое изданіе?) собрано 4 періодическихъ изданія, гдѣ были помѣщены переводы какихъ-то стихотвореній Шевченка, о которыхъ однако библіографъ не сообщаетъ никакихъ подробностей. Не знаю, на сколько подходитъ къ этому отдѣлу

№ 20 „Въ ночь на Рождество“. Передѣлка и переводъ съ малороссійскаго („Назаръ Стодоля“ Т. Шевченка), но уже ни въ какомъ случаѣ не мѣсто здѣсь № 32 „Галя и Назаръ“ или „Добромъ за зло“. Повѣсть заимствованная изъ соч. Т. Шевченка („Назаръ Стодоля“), такъ какъ это не переводъ. Такія вещи лучше было отнести къ отд. XII, давъ ему болѣе широкое заглавіе: „Передѣлки изъ сочиненій Шевченка“.

Библіографія переводовъ стихотвореній Шевченка на чешскій языкъ необстоятельна въ первыхъ 6 №№; о № 60 я уже упоминалъ. Подъ № 61 не упоминается, какія стихотворенія Шевченка перевелъ Дурдикъ, не сообщается № Poesie světova, сдѣлана ошибка въ названіи города: Praga, а по чешски Praha. Такъ же точно необстоятеленъ № 63. Не лучше обстоитъ съ библіографіей переводовъ на другіе славянскіе языки. № 72 въ „Вилѣ“ 1868 „переводъ нѣсколькихъ пьесъ“ — какихъ? № 73 совсѣмъ загадоченъ: „Свобода, болгарскій журналъ подъ редакціей Каравелова за 1870 годъ“, гдѣ выходилъ этотъ журналъ и какое отношеніе его къ библіографіи Шевченка—не вѣдомо. По всей вѣроятности тамъ были помѣщены переводы изъ Шевченка самого редактора Любена Каравелова. Не имѣя названнаго журнала подъ руками, не могу сказать о немъ ничего болѣе опредѣленнаго, замѣчу лишь, что въ первомъ томѣ собранія сочиненій Л. Каравелова (сачинения на Любена Каравеловъ томъ първый. Стихотворения. Подъ редакцията на З. Стояновъ. Руссе, 1886) помѣщены слѣд. переводы Л. Каравелова изъ Шевченка: 1869 г. „Учете се, брате мои“ (окончаніе Посланія, стр. 1—2), 1870 г. „Защо ми са черни вѣжди“ (стр. 16 и „Родила е мене мама“ (стр. 21), 1871 г. „Иванъ Хусъ“ (стр 22), „Тече вода въ синйо море“ (стр. 30).

Среди переводовъ на нѣмецкій языкъ также много ошибокъ. Прежде всего № 76 надо упразднить; вслѣдствіе непонятаго нѣмецкаго заглавія на обложкѣ изданія Гебгарда г. Комаровъ думаетъ, что тамъ имѣются также нѣмецкіе переводы стихотвореній Шевченка, чего на дѣлѣ нѣтъ. О переводѣ „Катерыны“ въ брюссельской La Societé Nouvelle проф. Енса см. М. Драгоманов, „Листочки до вінка на могилу Шевченка“. Цѣлый рядъ стихотвореній Шевченка напечатанъ въ переводѣ на нѣмецкій яз. въ вѣнскомъ изданіи— „Die Dioskuren, Jahrbuch des österreichischen Beamtenvereins“. Хорошій переводъ „Кавказа“ на нѣмецк. яз. помѣстилъ Waldemar Kawerau въ 1878 г. въ лейпцигскомъ Magazin für die Literatur des Auslandes; глухое из-

вѣстіе объ этомъ переводѣ приводитъ г. Комаровъ въ отд. XIV подъ № 187, не зная, что именно помѣстилъ тамъ Каверау.

Почему отд. IX носитъ заглавіе „Переводы прозаическихъ произведеній Т. Шевченка, писанныхъ имъ по русски, на языкъ малорусскій"—почему лишь на малорусскій? А вотъ, напр. автобіографія была переведена на польскій яз. (въ книгѣ Sam. Smiles, Prawdą i pracą (self help), изданной во Львовѣ 1871,—то это уже не относится къ библіографіи Шевченка? Такъ же точно безъ надобности сузилъ авторъ объемъ отд. XII „Драматическія передѣлки произведеній Т. Шевченка". Почему лишь драматическія? А если драма Шевченка передѣлана въ повѣсть, то куда отнести эту передѣлку? Или къ переводамъ, какъ это сдѣлалъ г. Комаровъ?

Не совсѣмъ хорошо сдѣлалъ г. Комаровъ, соединивши воедино въ отд. XIV, подъ загл. „Сводъ статей о Т. Шевченкѣ и его произведеніяхъ", кромѣ прозаическихъ работъ, также стихотворенія въ честь Шевченка; для нихъ можно было завести отдѣльную рубрику, или присоединить ихъ къ отд. XI, которому можно бы было дать болѣе общее заглавіе: Шевченко и его жизнь въ произведеніяхъ искусства (поэзіи, живописи, скульптуры).

Наиболѣе богатый содержаніемъ отд. XIV также не можетъ претендовать ни на полноту, ни на обстоятельность. Совершенно необстоятельны № 106 (Голосъ № 42—а что въ немъ?), 112 (Отечеств. Зап. 1869, № 3), 114 (Сынъ Отечества № 67), 120 (Донъ № 61—63), 143—Revue des deux mondes 1874, не обозначено ничто, ни въ какомъ № печаталось; рѣчь, очевидно, идетъ о статьѣ г-жи E. Durand; необстоятеленъ также № 198; статья Драгоманова въ „Громаді" имѣетъ заглавіе „Шевченко, украјінофіли і соціјалізм" и помѣщена въ „Громаді" т. IV. Безъ надобности повторено указаніе на мою статью въ „Сьвіті" (№ 240 и 265). И здѣсь, какъ и въ предыдущихъ отдѣлахъ, авторъ даетъ подъ однимъ № не одну, а по нѣсколько работъ. Такъ, подъ № 42 „Некрологи"—изъ пяти различныхъ изданій въ № 46 упомянуто „По поводу концертовъ въ память Т. Шевченка" о статьяхъ въ 7 различныхъ изданіяхъ; подъ № 28, кромѣ статьи Бѣлозерскаго, помѣщены стихотворенія пяти поэтовъ и рѣчи двухъ „и другихъ" особъ. Это матеріалъ для какого-либо изслѣдованія, но ничуть не научная библіографія.

Какъ уже сказано, этотъ отдѣлъ, хотя наиболѣе богатый, имѣетъ и наиболѣе пропусковъ. Понятно, что тутъ вина автора не велика:

Шевченко имѣетъ уже такую обширную литературу, что ее не понять одному человѣку... Здѣсь нуженъ трудъ многихъ рукъ, участія людей, которые имѣютъ доступъ въ обширныя библіотеки. Въ надеждѣ, что когда-либо все же будетъ собрана полная библіографія Шевченка, я предлагаю здѣсь нѣкоторыя дополненія къ труду г. Комарова. Итакъ: въ отд. III, подъ 1891 г. надо добавить: „Кобзар, книжочка для дітий, ціна 20 кр. Накладом Руського тов. педагогічного. З друкарні Наук. тов. ім. Шевченка, Львів, 1891, 16⁰ стор. 64". За заглавной страницей помѣщенъ портретъ Шевченка, затѣмъ на стр. 5—8 статья Тарасъ Шевченко, далѣе стр. 9—63—текстъ съ добавленіемъ поясненій внизу, а на послѣдней ненумерованной страницѣ содержаніе.

Далѣе, въ отд. IV надо добавить упоминаніе о томъ, что стихотв. Шевченка „Садокъ вышневый коло хаты" перепечаталъ латинск. литерами Богданъ Залѣскій въ примѣчаніи къ своему стихотворенію Mogiła Tarasowa (B. Zaleski, Pisma tom. IV. Lwów, 1877, стр. 104). Не безынтересны слова того же Залѣскаго, который говоритъ (loc. cit.), что „od Bronisława i od św. Edwarda Zeligowskiego dostałem kilka zeszytów poematów i pieśni Szewczenki nigdzie podobno nie drukowanych". Къ отд. VII г. Комарова о рисункахъ Шевченка отмѣчаю изъ того же мѣста у Залѣскаго еще слѣд.: Sp Konstanty Swidzinski na kilka dni przed skonem przysłał mi także miły upominek po Szewczence: originalną akwarellę Smierci Bohdana Chmielnickiego i szkic olówkiem godów kozackich". Къ отд. VIII добавить переводъ „Маріи" на русскій языкъ М. Драгоманова подъ заг. „Marie, poëme de Chevtchenko, traduction russe". Марія, поэма Т. Гр. Шевченка съ переднимъ словомъ и замѣчаніями М. Драгоманова. Переводъ съ украинскаго. Женева, типографія „Громады", 1885, мая 8-го, стр. VIII+47. Изданіе имѣетъ на 3-хъ стриницахъ обложки „Отъ издателя", зат. на стр. III—VIII. Предисловіе, затѣмъ текстъ (дословный переводъ), стр. 1—27, и наконецъ „Замѣчанія на поэму Шевченка Марія", на стр. 29—47. Къ отд. XI слѣдуетъ добавить портретъ Шевченка, гравюра съ котораго, довольно неважная, была напечатана вмѣстѣ съ краткой біографіей въ польскомъ журналѣ для дѣтей Dzwonek 1872 г., № 8, стр. 123. Тамъ же на стр. 123—124 и 139—141 помѣщенъ польскій переводъ „Катерыны"—польскаго поэта Н. Ленартовича. Наконецъ, къ отд. XIV, подъ 1859 г. добавить статью „Z Ukrainy", напечатанную въ „Wiadomościach Polskich" въ Парижѣ, гдѣ приведенъ извѣстный анекдотъ о Шевченкѣ съ зернами пшеницы. Подъ

1861 г. слѣдуетъ добавить рядъ статей, помѣщенныхъ въ польскихъ журналахъ, начиная съ „Biblioteki Warszawskiej“ и львовскаго „Dziennika Literackiego“ по поводу изданія изслѣдованія Л. Совиньскаго и перевода „Гайдамакивъ“. Со статьей „Dzienn. Liter“ связана полемика Будеволи 1862 г. (у Ком, № 58). Эта статья имѣла заглавіе: M. W. Ruch umysłowo-polityczny na Rusi. Szewczenko—Sulima (Dz. Liter. 1861, № 69). Сулима былъ полякъ родомъ изъ Украины, напечатавшій въ брюссельскомъ изданіи „Le Nord“, а затѣмъ и отдѣльной брошюрой статью Lettres d'un Oukrainien sur la Bosnie russe, Leipzig, 1861). Подъ тѣмъ же 1862 годомъ слѣдовало упомянуть о стихотвор. О. Федьковича „Спѣвацка добранôчь на скôнъ Тараса Шевченка“, напечатанномъ въ изданіи его стихотвор. (Львовъ, 1862), стр. 28—29 и перепечатанномъ въ новомъ полномъ изданіи его сочиненій (Львів, 1900, т. I). Подъ 1863 г. слѣдуетъ добавить статью Kwestya rusińska въ № 3 Tygodnika Poznańskiego, гдѣ упомянуто о похоронахъ Шевченка и впечатлѣніи ихъ на украинскій народъ. Что-то объ этомъ было и въ газетѣ Dziennik Poznański. Подъ 1862 г. слѣдуетъ упомянуть о брошюркѣ „М. В. Р. Сонное видѣнье або разговоръ духôвъ о польскôй и русскôй справѣ, оповѣдь въ стихахъ. Львовъ, типомъ Института Ставропигійскаго, 1862“, гдѣ въ добавленіи, на стр. 97—106 помѣщено „Гдещо про оукраинського спѣвака Тараса Григоровича Шевченка“, а на стр. 106—108 перепечатано стихотв. Кониссқаго на смерть Шевченка. Подъ 1863 г. надо добавить статейку „О поезіи Шевченка“, напечатанную въ календарѣ „Перемышлянинъ“. Подъ 1865 г. слѣдуетъ добавить, что статья Гвидона Батталіи „Taras Szewczenko, poeta ukraiński“ напечатана первоначально въ журн. Tygodnik naukowy, Lwów, 1865, № 22. Подъ 1866 г. слѣд. добавить важный трудъ: Bronisław Zaleski, Wignańcy polscy w Orenburgu (Rocznik Towarzystwa Historyczno-literackiego w Paryżu, rok 1866, стр. 75—107), гдѣ упомянутъ и Шевченко и приводится много свѣдѣній о его оренбургскихъ знакомыхъ. Подъ тѣмъ же годомъ къ № 88 у Ком. слѣдуетъ добавить, что стих. «Перебендї», помѣщ. въ № 9 «Русалки» не называется «В роковини смерти Т. Шевченка», а «Памяти великих», а заглавіе подъ № 89—«Пяті роковини Т. Шевченка у Відни». Наконецъ, замѣчу, что подъ 1884 г., № 299 у г. Комарова опять безъ надобности измѣнено имя автора статьи: не Sulim, a Sulima, и статья его „Szewczenko na wygnaniu

i Bronisław Zaleski" дѣйствительно была помѣщена въ т. IV „Przeglądu powszechnego" въ Краковѣ.

На этихъ деталяхъ я прекращаю свои замѣчанія на книжку г. Комарова. Во всякомъ случаѣ слѣдуетъ признать, что авторъ, особенно въ новѣйшее время, собиралъ матеріалъ обстоятельно. Его книжка, хотя и далека еще отъ того, чтобы быть полной и вездѣ обстоятельной библіографіей Шевченка, все же важна тѣмъ, что показала намъ впервые литературу, относящуюся къ нашему поэту, въ ея полномъ объемѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ дала возможность опредѣлить тѣ дезидераты, которые нужны для ея (литературы) полнаго собранія. Желательно было бы, чтобы и сама книжка и эта рецензія нашли отголосокъ у всѣхъ тѣхъ, кто можетъ такъ или иначе способствовать исправленію ошибокъ или заполненію ея пропусковъ».

На этомъ кончается рецензія г. Франка. Съ своей стороны укажемъ для лицъ, интересующихся книжкой г. Комарова, что отзывы о ней, кромѣ г. В. въ «Літерат.-Науковом Вістнику» 1903, кн. XI Хр. стр. 142—143 и нашего въ «Кіев. Стар.», февраль тек. года, стр. 77—80, даны были еще въ «Русской Мысли», 1903, кн. XII, стр. 420, въ «Южныхъ Запискахъ», 1904, № 2, стр. 33 (рецензентъ Р—ръ), въ «Журналѣ для всѣхъ», 1904, № 2 (реценз. А. Лотоцкій), и въ газетѣ «Вѣстникъ Юга» (№ намъ точно неизвѣстенъ, но не раньше № 559 въ концѣ минувшаго года).

В. Д.

Д. Кулида.—Збирныкъ творивъ, 1 кныга. *Стор. IV+123. Кременчикъ, 1903. Цина 40 коп.*

А. З.—Молоди порывання. *Стор. 32. Кыивъ, 1904.*

Ѳедь Подолякъ.—Осинни квиткы. *Стор. 32. Одесса, 1903. Цина 20 коп.*

Великій грѣхъ лежитъ на нашей съ вами душѣ, читатель: мы просмотрѣли колоссальной важности событіе въ украинской литературѣ. Въ августѣ мѣсяцѣ 1901 г. исполнилось десятилѣтіе литературной дѣятельности г. Кулиды... Но позвольте, скажете вы,—кто же такой г. Кулида? Каюсь, до выхода въ свѣтъ «Збирныка творивъ» я тоже не зналъ, кто такой г. Кулида, и только теперь узналъ, что это писатель, хотя раньше и не печатавшійся почти, но отпраздновавшій

уже десятилѣтіе своей литературной дѣятельности, и что это послѣднее обстоятельство собственно и заставило его предпринять изданіе своихъ произведеній. Эти и другія не менѣе интересныя свѣдѣнія о себѣ авторъ со скромностью истинно геніальнаго человѣка сообщаетъ въ предисловіи «до *першого* выдання Збирныка творивъ». Хорошенько же запомнимъ августъ мѣсяцъ 1891 г., послужившій начальнымъ пунктомъ литературной дѣятельности г. Кулиды, ибо въ другой разъ уже не будемъ имѣть права отговариваться незнаніемъ.

Но если мы съ вами, читатель, проявили весьма непохвальную забывчивость по отношенію къ г. Кулидѣ, то г. Кулида, напротивъ, о насъ хорошо помнитъ и даже преисполненъ сознаніемъ нѣкотораго долга. «Вже пора,—говоритъ онъ въ предисловіи,—пидвесты пидсумокъ и *прыставыты (sic) громади рахунокъ* въ моій десятолитній литературній діяльности, яка бъ вона не була» (предисловіе, стр. III). Въ этомъ убѣжденіи Кулида и приступилъ къ *первому* изданію своихъ произведеній, надѣясь, и не безъ основанія, что за нимъ не замедлятъ послѣдовать и дальнѣйшія.

Тернистый однако путь пришлось пройти г. Кулидѣ въ его десятилѣтней литературной дѣятельности, какъ узнаемъ изъ того же предисловія. Судьбѣ угодно было испытать нашего автора, наславъ на него рецензентовъ. Первая его книжка, «Вирши», изданная въ 1898 г. встрѣтила на страницахъ «Кіевской Старины» такую оцѣнку, что скромному автору «соромно й людямъ сказаты»; тоже самое повторилъ рецензентъ и одного неназваннаго авторомъ львовскаго изданія по поводу какъ этой, такъ и слѣдующей книжки г. Кулиды. Краснѣя за неблаговоспитанныхъ рецензентовъ, мы однако должны отмѣтить, въ видахъ безпристрастія, что и авторъ въ долгу не остается и отплачиваетъ рецензентамъ съ лихвой и въ стихахъ, и въ прозѣ. Напутствуя свои произведенія и вспоминая съ горечью о незаслуженныхъ нападкахъ со стороны рецензентовъ, г. Кулида между прочимъ говоритъ:

Та васъ стрилы *зліи люды,*
Сталы доприкаты,
Що вы, нибы, не пысьменни,
Сталы намовляты,
Що вы нибы-то безглузди,
Боси и не вмыти...

и заканчиваетъ затѣмъ надеждой, что правда все-таки восторжествуетъ.

И тимъ *заздрисныкамъ гыдкымъ*
Соромно всимъ стане,
Що *дурне ихъ доприкання*,
Якъ бурьянъ, завьяне (стр. 8—9).

И ковы «заздрисныкивъ гыдкыхъ», дѣйствительно ни мало не повредили автору, по крайней мѣрѣ, въ одномъ отношеніи: «але не глядюче (sic) на «надруковану крытыку»—съ достоинствомъ отмѣчаетъ г. Кулида,—мои кныжкы въ 1-мъ выданни довго не лежалы: «Вирши» булы роспродани за годъ, а «Козаче слово»—за тры мисяця» (предисл. стр. IV). Правда, разошедшееся за три мѣсяца «Козаче слово» на обложкѣ настоящей книги значится еще существующимъ въ продажѣ, но это, можетъ быть, недосмотръ, а можетъ быть, авторомъ выпущено уже и второе изданіе. Во всякомъ случаѣ на «дурне доприкання» рецензентовъ авторъ имѣетъ основаніе не обращать равно никакого вниманіе... Съ сожалѣніемъ отмѣтимъ еще, что «Збирныкъ творивъ» не заключаетъ въ себѣ полнаго «счета» предъявленнаго читателямъ г. Кулидой: нѣкоторыя произведенія авторъ счелъ за лучшее исключить—«не затымъ,—скромно заявляетъ онъ,—що воны не до ладу напысани,—не до ладу напысаныхъ писень и думъ найдеться (а въ кого тилькы не находыться?) и въ симъ збирныку мо не мало,—а затымъ, що воны мени не понаравылысь» (предисл. стр. IV). Весьма интересно было бы узнать, чѣмъ именно онѣ не «понаравылысь» автору, который, какъ показываетъ содержаніе настоящей книжки, относится къ своимъ думамъ въ общемъ весьма снисходительно, но боясь быть сопричисленнымъ къ «заздрисныкамъ гыдкымъ», удержимся отъ вопросовъ и удовольствуемся лаконическимъ объясненіемъ г. Кулиды.

Переходя къ обозрѣнію счета, представленнаго намъ г. Кулидой, мы съ сокрушеніемъ должны сознаться, что этотъ счетъ намъ рѣшительно «не понаравывся», хотя увѣряемъ при этомъ, что ни малѣйшей зависти къ скромному автору не чувствуемъ. Убогое содержаніе, большею частью позаимствованное, блѣдное изложеніе, шаблонные пріемы, неправильный языкъ—таковъ активъ г. Кулиды и, конечно, едва ли это бѣдное достояніе можетъ подавать кому-нибудь поводъ къ зависти. Авторъ намъ, конечно, въ правѣ не повѣрить и отпраздновать въ единственномъ числѣ еще и слѣдующее десятилѣтіе своей литера-

турной дѣятельности; не повѣритъ, можетъ быть, и читатель и на расхватъ раскупитъ лежащій предъ нами «Збирныкъ творивъ»; но хотя бы даже г. Кулидѣ при жизни и монументъ былъ воздвигнутъ, то и тогда мы бы ему не позавидовали....

Если г. Кулида имѣетъ позади себя цѣлое десятилѣтіе литературной дѣятельности, то авторъ «Молодыхъ порывань», скромно укрывшійся подъ иниціалами А. З.,—очевидно начинающій писатель, но несомнѣнно того же геніальнаго пошиба. Когда по истеченіи перваго десятилѣтія литературной дѣятельности, онъ предъявитъ обществу свой счетъ, то въ этомъ счетѣ будетъ записана одна крупная заслуга—открытіе, надъ которымъ до сихъ поръ напрасно ломало голову человѣчество. Г-нъ А. З. блистательно разрѣшилъ вопросъ о perpetuum mobile и, какъ всѣ геніальныя открытія, рѣшеніе это въ высшей степени просто: perpetuum mobile есть, ни болѣе ни менѣе, какъ дворникъ, подметающій улицу! .. Сомнѣвающихся и не вѣрящихъ просимъ прочитать стихотвореніе, находящееся на стр. 3—4 «Молодыхъ порывань». Къ сожалѣнію, авторъ, обезсмертившій себя геніальнымъ открытіемъ въ области механики, не успѣлъ усвоить правилъ версификаціи, и потому стихи его весьма хромаютъ по части размѣра, да и съ риѳмами онъ не въ дружественныхъ отношеніяхъ. Что же касается содержанія, то имъ книжка г-на А. З. напоминаетъ старосвѣтскіе альбомы, заполненные трогательными, но увы! безграмотными посвященіями и галантными мадригалами. Доминирующій мотивъ—любовь, и при томъ любовь особенная, выражающаяся въ томъ, что авторъ, по собственному признанію, умѣетъ лишь «не любыть, а давыть» (стр. 16, 15). Какъ бы то ни было, но за открытіе perpetuum mobile указанные маленькіе недочеты поэзіи г. А. З., конечно, ему простятся, и если авторъ когда-нибудь будетъ удостоенъ, какъ выражался Щедринъ, отъ начальства монументомъ, то къ послѣднему навѣрное не заростетъ народная тропа....

Г. Ѳедь Подолякъ также сдѣлалъ весьма важное открытіе—въ другой, правда, области: имъ найдено вѣрное средство поднятія народной нравственности. Вотъ это открытіе, скрывающееся подъ такимъ, казалось бы, несоотвѣтствующимъ важности предмета заголовкомъ, какъ «Баба».

Ото хытра вража баба—
Якъ вона фиглюе:
Чуе де чаркамы дзвонять.

А дзвонивъ не чуе!?
До церкви йде,—„най Богъ прыйме",—
Тилькы на Велыкдень,
А до коршмы—и частенько:
Скилькы разъ на тыждень.
До церквы йде—шкандыбае,
А до корчмы просто.
Ото бъ взяты гарапныка
Та всыпаты зб-сто!

Больше о г-нѣ Ѳедѣ Подолякѣ ничего не имѣемъ сказать, а всѣхъ трехъ поэтовъ еще разъ почтительнѣйше просимъ принять увѣреніе въ совершенномъ отсутствіи у насъ зависти къ ихъ заслугамъ.

С. Е—мовъ.

Обзоръ журналовъ текущаго года.

Для настоящей книжки разсмотрѣны слѣдующіе журналы: 1) Записки Наукового Товариства імени Шевченка, т. LVII, кн. I; 2) Chronik der Ukrainischen Ševčenko-Gesellschaft der Wissenschaften in Lemberg, 1903, Heft II und III, №№ 14—15; 3) Образованіе, №№ 1—3; 4) Наблюдатель, № 1; 5) Нива. Ежемѣс. литер. и популярно-научн. приложенія, №№ 1—3; 6) Извѣстія Отд. рус. яз. и слов. Имп. Ак. Н., 1903 г., т. VIII, кн. 1—4; 7) Сборникъ Отд. рус. яз. и слов. Имп. Ак. Н., т.т. 72—74; 8) Зап. Имп. Новор. Ун., 1903 г., т. 95; 9) Уч. Зап. Имп. Юр. Ун., 1904 г., № 1; 10) Варшав. Унив. Изв., 1904 г., № 1; 11) Зап. истор.-фил. факул. Спб. Ун., 1904 г., ч. 73; 12) Филол. Записки, 1904 г., вып. VI; 13) Archiv für Slavische Philologie, 1904, B. 26, H. 1; 14) Revue de linguistique et de philologie comparée, 1903, t. 36 u 1904, t. 37; 15) Mittheilnugen des Instituts für Oesterreichische Geschichte, 1904, B. XXV, H. 1; 16) Извѣстія русскаго археол. института въ Константинополѣ, 1903 г., т. VIII, в. 3; 17) Jahreshefte des Oesterreichischen Archäologischen Institutes in Wien, 1903, B. VI, H. 1; 18) Zeitschrift für Ethnologie, 1904, H. 1; 19) Zeitschrift des Vereins für Volkskunde, 1904, H. 1; 20) Revue des traditions populaires, 1904, t XIX.

Записки Наукового Товариства імени Шевченка, т. LVII, кн. 1, р. 1904.

Матеріали до історії Коліївщини. Подъ этимъ заглавіемъ опубликованы: вводная статья проф. М. Грушевського и записка кс. Кор-

нелія Срочинськаго «Ocrucieństwo w Umaniu na Ukraine». Эта записка извлечена о. Ар. Крижановськимъ изъ базиліанскаго архива въ Кристинополѣ; она даетъ нѣкоторыя интересныя данныя для исторiи разгрома Умани Гонтой.

I. Франко. „Король балагулів“. Антін Шашкевич і його українські вірші. Указавъ условія и особенности украинскаго поэтическаго творчества той эпохи, къ которой принадлежалъ А. Шашкевичъ, авторъ даетъ весьма интересную біографію послѣдняго и весьма ярко обрисовываетъ при этомъ его личность. Вмѣстѣ съ тѣмъ дѣятельность Шашкевича все время разсматривается авторомъ въ связи съ тѣми явленіями общественнаго быта Украины, которыя вліяли на творчество поэта. При чемъ особенно интересна характеристика «балагульства», приведшаго, какъ извѣстно, Шашкевича и др. лицъ къ аресту.

Miscellanea. Въ этомъ отдѣлѣ помѣщены: Русская сатира на польскую элекцію 1696 г. и Жалоба прихожанъ въ (Перемиськой епархіи) на отобраніе церковныхъ и приходскихъ имуществъ 1848 г.

Въ отдѣлѣ «Наукова хроніка» даны весьма обстоятельные отзывы о слѣдующихъ книгахъ: 1) *Н. Котляревскій.* Н. В. Гоголь. 1902; 1) Памяти Гоголя. Изд. Общ. Нестора лѣт. 1902.

Въ библіографическомъ отдѣлѣ даны отзывы о слѣдующихъ книгахъ, относящихся такъ или иначе къ Украинѣ: 1) *Н. Е. Бранденбургъ.* Объ аборигенахъ Кіевскаго края (Труды XI археологич. съѣзда, т. I); 2) *А. А. Спицынъ.* Курганы съ окрашенными костяками (Труды Отд. слав. и рус. арх. Имп. Рус. Арх. Об., т. VI); 3) *А. А. Спицынъ.* Обзоръ нѣкоторыхъ губерній и областей Россіи въ археологическомъ отношеніи (Тр. Отд. слав. и рус. арх. Имп. Рус. Арх. Об., т. I, II и VI и Зап. Имп. Рус. Арх. Об., т.т. VIII—XI); 4) *А. А. Спицынъ.* Разселеніе древне-русскихъ племенъ по археологическимъ даннымъ (Ж. М. Н. Пр., 1899 г., VIII); 5) *А. А. Шахматовъ.* Къ вопросу объ образованіи русскихъ нарѣчій и русскихъ народностей (тамъ же, IV); 6) *Е. Голубинскій.* Исторія русской церкви. Т. I. М. 1901; 7) *М. Г. Халанскій.* Экскурсы въ область древнихъ рукописей и старопечатныхъ изданій, XXIII и XXIV (Труды Харьк. Предв. Ком. по устр. XII археол. съѣзд., т. I); 8) *M. Sazdawa.* Obszar dawnego powiatu Kamionieckiego (Wisła, 1902); 9) *М. Ясинскій.* Счисленіе суточнаго времени въ зап. Россіи и въ Польшѣ въ XVI—XVII вв. (Чт. въ Ис. Общ. Нест., XVI, IV); Археологическій сборникъ документовъ, отно-

сящихся къ исторіи Сѣверо-Западной Руси. Вильна. Т. XII, 1900; 11) *Д. Савицкій.* Русскій гомилетъ начала XVIII в. Іоакимъ Богомолевскій. К. 1902 (изъ Труд. Кіевск. Дух. Акад.); 12) *Н. И. Петровъ.* Первый періодъ жизни и научно-философскаго развитія Григорія Савича Сковороды (Тр. К. Д. Ак., 1902 г., XII); 13) *І. Мандельштамъ.* О характерѣ Гоголевскаго стиля. Гельсингфорсъ. 1902; 14) *А. Н. Пыпинъ.* Значеніе Гоголя въ созданіи современнаго международнаго положенія русской литературы. Спб. 1902; 15) *М. Комаровъ.* Т. Шевченко въ литературѣ и искусствѣ. Одесса. 1903; 16) Swiatłomir. Львів, 1904; 17) *Ясевичъ-Бородаевская.* Сектанство въ Кіевской губерніи (Жив. Стар., 1903 ч., I); 18) Лубенскій музей Е. Н. Скаржинской. В. I. М. 1899; 19) *В. И. Срезневскій.* Свѣдѣнія о рукописяхъ, печатныхъ изданіяхъ и другихъ предметахъ, поступившихъ въ рукописное отдѣленіе въ 1900 и 1901 г.г. (Изв. Имп. Ак. Наукъ, 1902 г., XVI, 2); 20) Отчетъ Императорской Публичной Библіотеки за 1897 г. Спб. 1902.

Chronik der Ukrainischen Sevcenko—Gesellschaft der Wissenschaften in Lemberg, 1903, H II, № 14 u H. III, № 15.

Кромѣ обычныхъ протоколовъ Общества, его секцій и коммиссій въ настоящихъ книжкахъ находимъ сообщеніе о капиталѣ имени Антона Бонцевського (№ 14) и объявленіе о стипендіи изъ этого капитала для студентовъ въ размѣрѣ 153 кр. (№ 15).

Отчетъ объ этнографическихъ экспедиціяхъ (№ 15). Въ 1902 г. этнографическая коммиссія Общества получила отъ галицкаго сейма субсидію въ размѣрѣ 1000 кр. спеціально для собиранія матеріаловъ по украинской этнографіи. Эта сумма была распредѣлена между нѣсколькими лицами, которыя и совершили экскурсіи для собиранія этнографическихъ матеріаловъ. Прежде всего В. Гнатюкъ посѣтилъ украинскія поселенія въ Венгріи и собралъ весьма цѣнные матеріалы по народной словесности. Правда, ему пришлось работать при неблагопріятной обстановкѣ, такъ какъ мѣстная интеллигенція не оказывала никакой поддержки его трудамъ, а венгерскія власти чинили ему различныя притѣсненія. Затѣмъ Тарасевській записалъ въ окрестностяхъ г. Купянска, Харьковской губ., много сказокъ, но собранный матеріалъ отличается столь ярко выраженнымъ порнографическимъ характеромъ, что не можетъ быть напечатанъ въ изданіяхъ Общества.

Очень важное значенiе имѣетъ экскурсiя В. Шухевича въ Коссивськомъ повѣтѣ: онъ закрѣпилъ на пластинкахъ фонографа различныя народныя мелодiи и изучилъ обычаи, соблюдаемые на Святкахъ. Кромѣ этихъ лицъ, въ собиранiи этнографическихъ матерiаловъ приняли участiе также многiе любители изъ молодежи.

Образованiе, №№ 1—3.

I. Гессенъ. Юридическая помощь населенiю (№ 1, стр. 95—116). Авторъ въ сжатомъ очеркѣ даетъ свѣдѣнiя о состоянiи этого вопроса въ Россiи и излагаетъ тѣ мѣры, которыя намѣтили для разрѣшенiя его мѣстные комитеты о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности. Останавливаясь попутно на предшествующей дѣятельности земствъ и другихъ учрежденiй по оказанiю юридической помощи населенiю, авторъ касается также Южной Россiи.

А. С. То-ли нужно? (№ 1, стр. 117—134). Статья написана по поводу «Окружнаго посланiя преосв. Антонiя, еп. волынскаго, къ епархiальному духовенству». Это посланiе было написано преосвящ. Антонiемъ въ 1902 г. по поводу крестьянскихъ волненiй на югѣ Россiи, при чемъ онъ отмѣчаетъ, что влiянiе духовенства на населенiе сильно пало и указываетъ различные недостатки духовныхъ руководителей народа. Но преосв. Антонiй не указываетъ мѣръ къ исправленiю этого зла, хотя и отмѣчаетъ, между прочимъ, несовершенство школъ духовнаго вѣдомства. Недостатки послѣднихъ и возможныя мѣры къ устраненiю ихъ и составляютъ главную задачу данной статьи.

Л. Клейнбортъ. Новые отчеты фабричной инспекцiи (№ 1, стр. 14—32). Говоря о положенiи рабочихъ и состоянiя рабочаго вопроса въ Россiи, по поводу отчетовъ фабричной инспекцiи за 1901 г., авторъ при случаѣ касается также Южной Россiи.

Въ «*Хроникѣ мѣстной жизни*» помѣщены, между прочимъ, сообщенiя о земскихъ собранiяхъ въ Екатеринославѣ и Черниговѣ, о засѣданiяхъ городскихъ думъ въ Елисаветградѣ и Черниговѣ и о безпорядкахъ въ Кiевскихъ университетѣ и политехникумѣ (№ 1), а также о борьбѣ земской школы съ церковно-приходской въ Мелитополѣ (№ 2).

Въ отдѣлѣ «*Критика и библiографiя*» данъ отзывъ о Ruthenische Revue. Halbmonatschrift I Jahrgang» (№ 1, стр. 168—169).

Нива. Ежем. литер. и популярно-научн. приложенія, № 1—3.

I. А. Литинскій. Отчего мрутъ деревенскія дѣти (№ 1, стр. 109—103). Авторъ пользуется при изслѣдованіи причинъ большой смертности дѣтей въ деревняхъ также данными, относящимися къ губерніямъ Южной Россіи.

Вл. Чумицкій. Загадки у русскаго народа (№ 3, стр. 457—466). Говоря о характерѣ загадокъ, авторъ приводитъ также украинскія загадки.

Извѣстія Отд. рус. яз. и слов. Имп. Ак. Н., 1903 г., т. VIII, кн. 1—4.

В. Н. Перетцъ. Очерки старинной малорусской поэзіи (кн. 1, стр. 81—119). Въ настоящихъ очеркахъ авторъ поставилъ себѣ цѣлью собрать въ одно замѣчанія о судьбахъ нѣкоторыхъ малорусскихъ поэтовъ XVIII в. и начала XIX в. и видоизмѣненіяхъ, которыя перетерпѣли ихъ произведенія, вращаясь среди любителей поэзіи (стр. 82). Съ этой точки зрѣнія онъ и разсматриваетъ слѣдующія произведенія украинскихъ поэтовъ: 1) «Епиникіонъ» 1709, Ѳеофана Прокоповича; 2) вирши Климентія; 3) любовныя пѣсни въ припискахъ 1743—1761 г.; 4) пѣсню козака Климовскаго и 5) псальму Г. С. Сковороды.

И. И. Срезневскій. Чтенія о древнихъ русскихъ лѣтописяхъ IV—VII (кн. 1, стр. 120—173)—продолженіе извѣстныхъ чтеній И. И. Срезневскаго «Повѣсти временныхъ лѣтъ»; настоящія чтенія почти не извѣстны ученымъ и опубликованы раньше лишь въ небольшихъ отрывкахъ.

Н. К. Никольскій. Матеріалы для исторіи древне-русской духовной письменности (кн. I, стр. 212—232 и кн. II, стр. 52—75)—имѣются также матеріалы, относящіеся къ древней исторіи и къ исторіи древней словесности Южной Руси, а именно: про ложное сказаніе объ освященіи церкви Бориса и Глѣба, посланіе печер. архимандрита Досиѳея и слово похвальное Григорія, архіеп. Кіевскаго и всея Руси.

А. А. Шахматовъ. Къ исторіи звуковъ русскаго языка (кн. I, стр. 297—356 и кн. II, стр. 312—346)—окончаніе изслѣдованія, начатаго печатаніемъ въ 1 и 2 книжкахъ „Извѣстій“ за 1902 г.; авторъ разматриваетъ въ общей связи также звуки малорусскаго языка.

П. И. Житецкій. Къ исторіи литературной русской рѣчи въ XVIII ст. (кн. II, стр. 1—51)—говотся о малорусскомъ вліяніи на образованіе литературной русской рѣчи въ XVIII ст.

В. Н. Перетцъ. Къ характеристикѣ общественныхъ отношеній въ Малороссіи XVII в. (кн. II, стр. 159—168)—говорится о погребальной рѣчи о. Игнатія Старушича 1641 г., какъ доказательствѣ того, что малорусское духовенство измѣняло интересамъ народной массы и искажало литературный языкъ.

А. И. Соболевскій. Нѣсколько мыслей о древней русской литературѣ (кн. II, стр. 138—158)—II глава этой статьи написана по поводу брошюры Н. К. Никольскаго „Ближайшія задачи изученія древне-русской книжности, Сб. 1902", а III глава—по поводу рецензіи В. М. Истрина на книгу II. В. Владимірова" „Древняя русская литература кіевскаго періода".

М. Г. Халанскій. Матеріалы и замѣтки по исторіи древне-русскаго героическаго эпоса (кн. II, стр. 168—176)—въ I главѣ издано сказаніе о взятіи Царяграда вел. кн. Ольгой.

В. И. Срезневскій. Отчетъ Отдѣленію рус. языка и словесности Имп. Ак. Н. о поѣздкѣ въ олонецкую, вологодскую и пермскую губерніи (кн. II, стр. 222—245, кн. 3, стр. 127—189 и кн. IV, стр. 99—139)—среди описываемыхъ и пріобрѣтенныхъ авторомъ рукописей имѣются такія, которыя представляютъ интересъ для изслѣдователей исторіи и литературы Южной и Западной Руси: 1) сказаніе о рос. святыхъ (кн. 3, стр. 171—115), 2) сборникъ средины XVI вѣка, содержащій зап.-рус. лѣтопись въ отрывкахъ (кн. IV, стр. 100—107).

Ѳ. Е. Коржъ. Турецкіе элементы въ языкѣ слова о полку Игоревѣ (кн. IV, стр. 1—58)—статья написана по поводу изслѣдованія на ту-же тему II. М. Меліоранскаго (Изв., 1902 г., кн. II); авторъ полемизируетъ съ П. М. Меліоранскимъ по поводу слѣдовъ турецкаго вліянія въ языкѣ Слова о полку Игоревѣ.

Въ отдѣлѣ „*Библіографія*" даны отзывы о слѣдующихъ книгахъ и изданіяхъ: 1) Ежегодникъ Коллегіи Павла Галагана. Годы 6 и 7. К. 1901—1902 (кн. I, стр. 385—386, Е. В. Пѣтухова); 2) Статьи, рецензіи, замѣтки по вопросамъ рус. языка и словесности, помѣщенныя въ Ж. М. Н. Пр. за 1902 г. (кн. I, стр, 390—397, его-же); 3) Польскіе період. изданія по этнографіи за 1900—01 г.г. (кн. IV, стр. 383—400, 5) Улашина).

Сборникъ Отд. рус. и слов. Имп. Ак. Н., 1903 г., т. 72—74.

Отчетъ о первомъ по Отд. рус. яз. и слов. Имп. Ак. Н. присужденіи премій митр. Макарія (т. 73, стр. 1—102)—даны отзывы о слѣдующихъ книгахъ: 1) *М. И. Михельсонъ.* Русская мысль и рѣчь; 2) *В. Н. Перетцъ.* Историко-литературныя изслѣдованія и матеріалы, т. I, ч. 1 и 2; *Н. Шляковъ.* О поученіи Владиміра Мономаха.

Записки ист.-фил. факульт. Спб. Ун., 1904 г., ч. 73.

И. Г. Васенко. „Книга Степенная царскаго родословія“ и ея значеніе въ древне-русской исторической письменности, ч. I—весьма обстоятельное изслѣдованіе о „Степенной книгѣ“, первыя слова которой, какъ извѣстно, даютъ весьма своеобразное изложеніе древнѣйшей русской исторіи.

Извѣстія о новыхъ книгахъ и журнальныхъ статьяхъ.

Новый нѣмецкій переводъ Шевченка. Въ Черновцахъ появилась нѣмецкая брошюрка въ 36 страницъ подъ заглавіемъ «Schewtschenkos ausgewählte Gedichte». Это есть переводъ нѣсколькихъ стихотвореній Шевченка, сдѣланный проф. С. Шпойнаровскимъ. Изъ предисловія узнаемъ, что переводчикъ задумываетъ издать цѣлый рядъ такихъ брошюръ, чтобы познакомить европейскую публику съ выдающимися произведеніями Шевченка. Переводъ сдѣланъ очень удачно и близко къ подлиннику. Цѣна брошюрки 50 сот.

На дняхъ вышелъ во Львовѣ новѣйшій указатель всѣхъ населенныхъ мѣстностей Галичины и Буковины, при чемъ въ немъ приняты во вниманіе всѣ территоріальныя измѣненія послѣдняго времени. Указатель составленъ почтовымъ контролеромъ Яномъ Биго и стоитъ 5 кор.

Въ № 70 львовской газеты «Діло» напечатана коротенькая, но очень сильная и содержательная рѣчь профес. Львовскаго университета К. Студиньского, произнесенная имъ 15 марта въ концертѣ,

устроенномъ въ Станиславовѣ въ память 43-й годовщины смерти Шевченка. Рѣчь эта, озаглавленная «Кобзареви Украины», главнымъ содержаніемъ своимъ имѣетъ очень образное развитіе мысли, что Шевченко соединилъ въ одно духовное цѣлое раздѣленный украинскій народъ, заговоривъ чуднымъ, жывимъ словомъ. «Когда въ древности—говоритъ проф. К. Студиньскій—персидскій царь Дарій послалъ къ грекамъ пословъ и потребовалъ отъ нихъ, въ знакъ подчиненія, земли и воды,—то въ Аѳинахъ, по совѣту Ѳемистокла, рѣшили наказать смертью переводчика за то, что осмѣлился унизить греческій языкъ переводомъ этого варварскаго приказанія. Такъ высоко греки цѣнили свой языкъ. И мы будемъ-же уважать и любить народную рѣчь не потому, что Бандтке назвалъ ее лучшею изъ всѣхъ славянскихъ языковъ, а Мицкевичъ—лучшимъ среди русскихъ нарѣчій; не потому, что Бодянскій возвеличиваетъ ея поэтичность и музыкальность и ставитъ наравнѣ съ языкомъ греческимъ и итальянскимъ; не потому, что Коубекъ и Мацѣевскій признали ее лучшею, нежели чешскій языкъ; не потому, что великороссъ Даль (Луганскій) считалъ ее выше великорусской,—но потому, что она *наша, родная;* потому что народъ, не уважающій и не любящій своего языка, не заботящійся и его развитіи, не стоитъ того, чтобы быть народомъ.

Въ Краковѣ группа молодыхъ русинскихъ литераторовъ задалась цѣлью издать украинскій альманахъ въ честь извѣстной писательницы Ольги Кобыляньской, подъ названіемъ—„За красою“.

Сюда войдутъ новыя произведенія многихъ авторовъ, между которыми пока обращаютъ на себя вниманіе имена И. Франка, О. Маковея, В. Щурата, Б. Лепкого, П. Карманскаго, Н. Кибальчичъ.

Вступительная статья объ О. Кобылянськой принадлежитъ извѣстному поэту Б. Лепкому.

Рукописи высылаются (до 1 мая) по слѣдующему адресу: Австрія. Kraków, Univerzytet. Ostap Luckyj.

Историческое извѣстіе объ Украинской думѣ. Въ журналѣ «Pamiętnik literacki, czasopismo kwartalne poświęcone historyi i krytyce literatury polskiej, wydawane przez Towarystwo literackie imienia Adama Mickiewicza», выходящемъ во Львовѣ, начиная съ 1902 года, въ статьѣ. А. Брикнера «Z dzijów dawnego teatru polskiego» за тотъ

же 1902 годъ, на стр. 554 находимъ любопытное упоминаніе, что въ 1547 году киѳаристъ воеводы троцкаго Яндрухъ (Jędrek) получилъ золотой за пѣніе *руской* (украинской) *думы*».

Въ газетѣ «Die Zeit» съ № 527 начатъ печатаніемъ разсказъ Ивана Франка «Der Dorn im Fusse». Тема разсказа взята изъ жизни гуцуловъ.

Новая газета. Съ марта мѣсяця въ Черновцахъ (Буковина) начала выходить два раза въ мѣсяцъ газета «Хлібороб», издаваемая «Краевой Радой культури» подъ редакціей проф. др. Смаль-Стоцкаго. Годичная цѣна всего лишь 2 короны.

Новый журналъ. Съ апрѣля мѣсяца во Львовѣ началъ выходить двухнедѣльный богословскій журналъ „Нива", являющійся продолженіемъ „Богословскаго Вістника"; отличіе заключается въ томъ, что кромѣ церковныхъ вопросовъ обращено вниманіе и на вопросы общественные. Цѣна 6 коронъ.

Списокъ вновь вышедшихъ книгъ.

Графиня А. Д. Блудова и Острожское братство. Подъ ред. *И. П. Хрущова.* Спб. 1903. Ц. 30 к.

Карскій М. А. Зарубежная Русь. Историческая хроника. Спб. 1904. Ц. 1 р. 25 к.

Ключевскій В., проф. Курсъ русской исторіи. Ч. I. М. 1904. Ц. 2 р. 50 к.

Лонгиновъ А. В. Мирные договоры русскихъ съ греками, заключенные въ X вѣкѣ. Одесса. 1904.

Лядскій К. И. Крестьянское землевладѣніе и размѣры его обложенія въ Новомосковскомъ уѣздѣ, Екатеринославской губ., Новочеркасскъ 1903.

Пантюхвъ И. И. д-ръ. Куреневка. Медико-антропологическій очеркъ. К. 1904.

Палеографическіе снимки съ русскихъ грамотъ преимущественно XIV вѣка. *А. И. Соболевскаго и С. Л. Пташицкаго.* Спб. 1903. Ц. 12 р. 50 к.

Писаренко Н. Коринь. Народня драма въ V діяхъ. Харьковъ. Типогр. В. Романова, Рыбная, № 17. 1904, 8⁰, ст. 53. Ц. 35 коп.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Въ «Кіевской Старинѣ» печатаются: самостоятельныя изслѣдованія по исторіи южной Россіи и разнообразные матеріалы для нея, въ видѣ особо цѣнныхъ историческихъ документовъ, мемуаровъ, хроникъ, дневниковъ, записокъ, воспоминаній, разсказовъ, біографій, некрологовъ и характеристикъ, описаній вещественныхъ памятниковъ южнорусской древностй и замѣтокъ обо всемъ вообще, что составляетъ принадлежность и характерную особенность исторически сложившагося народнаго быта или служитъ проявленіемъ народнаго творчества и міровоззрѣнія, каковы неизслѣдованные обычаи религіозные, правовые и т. д., исчезающіе древніе напѣвы, незаписанныя думы, сказки, легенды, пѣсни и проч.

Библіографическія свѣдѣнія о вновь выходящихъ у насъ и за границею изданіяхъ, книгахъ и статьяхъ по исторіи южной Россіи, сопровождаемыя критическими замѣчаніями.

При журналѣ, по мѣрѣ надобности, будутъ помѣщаться портреты замѣчательныхъ дѣятелей въ исторіи южнорусскаго народа, виды древнѣйшихъ монастырей, церквей и другихъ зданій, имѣющихъ значеніе для мѣстной исторіи, снимки съ древнѣйшихъ гравюръ и произведеній живописи, рисунки и изображенія всякаго рода украшеній, одеждъ, оружія, предметовъ домашняго обихода и проч.

Рукописи, доставленныя въ редакцію для напечатанія, подлежатъ, въ случаѣ надобности, сокращеніямъ и измѣненіямъ. Рукописи, признанныя для печатанія неудобными, хранятся въ редакціи въ теченіи шести мѣсяцевъ; обратной высылки ихъ авторамъ редакція на свой счетъ не принимаетъ.

Редакція проситъ авторовъ доставлять книги и брошюры для рецензій.

КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ТРЕТІЙ.

ТОМЪ LXXXV.

1904 г.

ІЮНЬ.

КІЕВЪ.
Типографія Императорскаго Университета Св. Владиміра
Акц. Общ. Н. Т. Корчакъ-Новицкаго, Меринговская ул. № 6.
1904.